В. СКОРОБОГАТОВ

СЕКРЕТ СТАЛИНГРАДА

В. СКОРОБОГАТОВ

СЕКРЕТ СТАЛИНГРАДА

В. СКОРОБОГАТОВ

СЕКРЕТ СТАЛИНГРАДА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РОМАН

Издание второе,
исправленное и дополненное

АЛМА-АТА
«ЖАЗУШЫ»
1986

84Р7—44
С 44

Рецензенты:
доктор военных наук, генерал-майор
С. П. Соловьев,
кандидат исторических наук
Ф. И. Самарин

$С\frac{4702010200—073}{402(05)—86}$ 156—86 84Р7—44—63.3(2)722.72

К ЧИТАТЕЛЯМ

Тема Великой Отечественной войны в нашей литературе является поистине неисчерпаемой. Эта тема вдохновляет писателей на создание художественных произведений, показывающих беспримерный подвиг советских Вооруженных Сил, разгромивших на полях сражений полчища немецко-фашистских захватчиков. Одно из таких произведений, опубликованных в последнее время,— роман Василия Скоробогатова «Секрет Сталинграда», посвящено исторической битве на Дону и Волге.

Аспекты великого сражения — многообразны, каждый автор может раскрыть что-то новое, характерное. Примером тому служит роман «Секрет Сталинграда». Автор является ветераном войны, сражался на Дону в составе четвертой танковой армии.

Подчеркиваю это потому, что лично был непосредственным участником Сталинградской битвы; свой собственный опыт могу сопоставить с панорамой повествования. Автор достоверно показывает, сколь критической была обстановка в конце июля тысяча девятьсот сорок второго года, ожесточенность боев (сентябрь — октябрь), утверждая, что в этих боях и сражениях был сломан хребет фашистского зверя. После разгрома немецко-фашистских войск на Дону и Волге вал войны покатился на запад.

Приветствуя победоносные боевые операции советских войск, в те дни Генеральный секретарь Французской коммунистической партии Морис Торез говорил:

«Славная сталинградская эпопея знаменует решительный поворот в справедливой войне цивилизованного мира против гитлеровской Германии. Под Сталинградом германская армия потерпела самый большой разгром, какой когда-либо отмечен в летописи войн... С каким восхищением и с какой страстью французы, по которым в мае 1940 года со страшной силой ударила волна гитлеровского нашествия, следят сегодня за наступлением Красной Армии!»

Весть о победе на Волге вдохновила на новый подъем борьбы с фашизмом всех патриотов стран, попавших под иго гитлеровской Германии.

В романе дается предыстория вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, а также битвы на Волге, освещается деятельность советского Верховного командования и верхушки гитлеровской армии. В ткань повествования включены большой значимости документы, высказывания политических и военных деятелей, литературные источники, в том числе воспоминания, дневники, письма. Это не нарушает, а, наоборот, подчеркивает его общественное звучание.

Выдающимися полководцами охарактеризованы в романе Г. К. Жуков и А. М. Василевский. Они были плоть от плоти народа,

людьми глубоко партийными, большой силы воли, непреклонной уверенности в успехе проводимых ими боевых операций. Особенно подробно рассказывается об А. М. Василевском. Работая над книгой, автор вел с ним переписку, накопил и использовал значительный, в том числе и ранее неизвестный массовому читателю материал.

Основываясь на фактах, документах, автор создает и портрет Фридриха Паулюса — бывшего заместителя начальника генерального штаба сухопутных войск, а затем командующего 6-й полевой армией, погибшей под стенами Сталинграда. Ф. Паулюс был незаурядным немецким военачальником, высоко котировался как стратег агрессии. Именно он активно участвовал в разработке, а затем и в осуществлении плана вероломного нападения на СССР, «плана Барбаросса», который недооценил силы Советского Союза. Последствия просчета вполне ощутила армия Паулюса под Сталинградом, ей было нанесено сокрушительное поражение.

История Сталинградского сражения, ее итоги и уроки продолжают вызывать острый интерес во всем мире. Наши идеологические противники на Западе по поводу причин поражения вермахта в битве на Волге распространяют всевозможные домыслы. Их усилия направлены на то, чтобы принизить значение Сталинградской битвы. Приемы бесчестного поведения, разнузданной клеветы на нашу страну и армию, автор романа показал на примере эволюции взглядов американского публициста и историка Уолтера Керра, автора изданной в США и ФРГ фальсификаторской, антисоветской книги, имеющей также название «Секрет Сталинграда». Книга У. Керра повторяет то, о чем пишут нацистские генералы-мемуаристы.

Документы и факты, которые найдет читатель в книге В. Скоробогатова, показывают, что победу одержали советский народ, его Вооруженные Силы, советский воин, человек мужественный и смелый, настоящий патриот своей Родины. Коммунистическая партия — руководящая сила нового общества, успешно используя преимущества социалистического государства, сумела создать мощное военное хозяйство, сплотить народы Советской Отчизны на разгром фашистской Германии. В этом и состоит «секрет» непобедимости наших войск.

Книга В. Скоробогатова «Секрет Сталинграда» читается с интересом. Всем своим содержанием она помогает глубоко понять силу духа воинов-сталинградцев, вписавших героические страницы в историю победы над фашистским агрессором.

А. С. ЖЕЛТОВ,
Герой Советского Союза,
генерал-полковник.

Глава первая

О ВОЛГЕ

Река народных судеб

«Волга (древнее — РА, в средние века — Итиль) — река в европейской части СССР, крупнейшая в Европе, 3530 км, площадь бассейна 1360 тыс. кв. км. Начало на Валдайской возвышенности, впадает в Каспийское море...

На Волге крупные города — Калинин, Ярославль, Горький, Казань, Ульяновск, Куйбышев, Саратов, Волгоград, Астрахань» (Советский энциклопедический словарь. М., 1980).

Отчизну милую любя...

Касаясь трех великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.
Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке,
И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке.
(Из стихотворения *К. Симонова «Родина»*).

«За Волгой для нас земли нет...»

«Двадцать пять лет тому назад народы Советского Союза под руководством великой большевистской партии свергли власть помещиков и капиталистов и создали свое социалистическое государство рабочих и крестьян.

С тех пор не раз нашему народу приходилось с оружием в руках отстаивать свободу и независимость Советского государства. Славную годовщину 25-летия Советской власти мы снова встречаем с оружием в руках, в борьбе против немецких захватчиков, пробравшихся на нашу землю.

Мы пишем Вам в разгар великого сражения, под гром несмолкаемой канонады, вой самолетов, в зареве пожарищ на крутом берегу великой русской реки Волги, пишем, чтобы сказать Вам и через Вас всему советскому народу, что дух наш бодр, как никогда, воля тверда, руки наши не устали разить врага. Решение наше — стоять насмерть у стен Сталинграда!

Более двух месяцев минуло, как проклятый изверг Гитлер со всей Европы стянул сюда, в приволжские степи, десятки своих лучших дивизий, тысячи танков и самолетов, чтобы захватить Сталинград и присосаться к Волге.

Мы хорошо понимаем замысел врага. Захватом Сталинграда Гитлер пытается перерезать наш волжский путь, а затем, продвигаясь по Волге на юг, выйти к Каспийскому морю, тем самым отрезать нашу страну от главных источников нефти и захватить экономически и стратегически важные районы Советского государства. Таковы его коварные планы.

Мы понимаем, что, если врагу удастся осуществить эти планы, тогда он немедленно бросит освободившиеся силы на Кавказ, против Ленинграда и предпримет ши-

рокое наступление против Москвы — сердца нашей Родины.

Сражаясь сегодня под Сталинградом, мы понимаем, что деремся не только за город Сталинград. Под Сталинградом мы защищаем нашу Родину, защищаем все то, что нам дорого, без чего мы не можем жить.

Вот почему мы напрягаем все силы, вот почему мы сражаемся до последнего, ибо каждый из нас понимает, что дальше отступать нельзя.

Проходя по фронтовым селам и деревням, мы видели, с какой любовью и надеждой смотрели на нас колхозники. Они верят в то, что мы не пустим немца дальше, что им не придется уходить дальше из своих мест, в которых они провели всю свою жизнь. Они верят в то, что немецкий грязный сапог не будет топтать поля, обработанные их руками.

Остановить врага под Сталинградом во что бы то ни стало — таков сейчас наш главный лозунг. Для этого требуется только одно — стойкость и дисциплина. Мы на своем опыте убеждаемся ежедневно, что враг не так силен, как его изображают трусы и паникеры, не так страшен черт, как его малюют.

Мы пришли сюда, в приволжские степи, со всех концов великой Родины нашей: с неоглядных русских равнин, с украинских степей, из лесов Белоруссии, с гор Кавказа, из далекой Сибири.

Сыны всех народов нашего многонационального государства в тесной военной семье с одинаковой храбростью, с величайшей ненавистью защищают Сталинград от врага, город, которым гордится весь советский народ. Мы защищаем его потому, что знаем, какое огромное значение имеет этот город для нашей Родины, для нашей Красной Армии.

Посылая это письмо из окопов, мы клянемся, что до последней капли крови, до последнего дыхания, до последнего удара сердца будем отстаивать Сталинград и не допустим врага к Волге.

Перед лицом наших отцов, поседевших героев царицынской обороны, перед полками товарищей других фронтов, перед нашими боевыми знаменами, перед всей Советской страной клянемся, что не посрамим славы русского оружия, будем биться до последней возможности». (Из письма бойцов, командиров и политработников Сталинградского фронта в Ставку Верховного главнокомандования. 7 ноября 1942 года).

И многие это понимали...

«В результате выполнения пятилетних планов в СССР имеется много фабрик, заводов, много оружия, провизии, нефти.

В этой стране руководители правительства и партии все время занимались воспитанием народа, и сейчас советское общество состоит из людей, которые в течение 24 лет получили замечательное воспитание. Все они считают Россию единой родиной великой семьи трудящихся. Русский народ имеет твердые убеждения, и поэтому он не боится ни снега, ни горячей пыли. Русские, не боясь смерти, идут вперед, лишь бы дойти до вражеских окопов. Вот эта-то моральная сила и не была принята в расчет немецким командованием». (Из статьи «Скрытая сила СССР». Газета «Иран». 11 февраля 1942 года).

Каждому по куску

«В западных областях Советской Украины немцы восстановили 570 крупных имений. Большая часть владений передана немецким помещикам». (Из шведской газеты «Кракауэр цейтунг». 12 февраля 1942 года).

Земля Джамбула дает наказ

«Сталинград — это ключ к Востоку. Воин-казах под Сталинградом — равно, как воин русский, украинец, белорус, узбек, таджик, туркмен, азербайджанец, грузин — обороняет свой очаг, свою семью, родную советскую землю... Деритесь так, как дрались под Москвой ваши земляки, бойцы восьмой гвардейской дивизии. Деритесь так, как дрались 28 гвардейцев-панфиловцев». (Из Обращения ЦК Компартии Казахстана, Президиума Верховного Совета Казахской ССР, Совнаркома Казахской ССР к воинам-казахстанцам. 9 октября 1942 года).

Вспоминая цветение эдельвейсов

«Нам дорога Волга, как родные горы Алатау, нам дороги степи Дона и Украины, как и степи Казахстана. Наш путь один — вперед на врага!» (Из ответа фронтовиков-казахстанцев своим землякам, труженикам тыла. Октябрь 1942 года).

Движение на край ночи

«На долю группы армий «Б», как приказывалось ранее, выпадает задача — наряду с оборудованием оборонительных позиций на р. Дон нанести удар по Сталинграду и разгромить сосредоточившуюся там группировку противника, захватить город, а также перерезать перешеек между Доном и Волгой и нарушить движение по реке транспортных средств.

Вслед за этим танковые и моторизованные войска должны нанести удар вдоль Волги с задачей выйти к Астрахани и там также парализовать движение по главному руслу Волги.

Эти операции группы армий «Б» получают кодированное название «Фишрейтер». Степень секретности: «Совершенно секретно». Только для командования». (Директива ОКВ № 45.23.7. 1942).

Медленно — в пропасть

«6-я армия. В Сталинграде, восточнее вокзала, в тяжелых уличных боях, наступая тремя ударными группами, каждая на узком фронте, 51-й армейский корпус вышел к Волге, отразив при этом многочисленные атаки противника в северной части города...» (Дневное донесение штаба немецкой группы армий «А». 22.9. 1942).

Размышления берлинского стратега

«До каких пор можно придерживаться в век операций с участием моторизованных войск идей «управления посредством директив» в том смысле, в каком его понимал Мольтке?». (Из «Военного дневника» начальника генерального штаба германских сухопутных сил Ф. Гальдера).

Несомненно, правильная оценка

«Голые равнины в России превращены в громадные промышленные районы, заводы располагают первоклассным оборудованием». (Из книги американского посла в Москве Джозефа Дэвиса «Моя миссия в Москве»).

Необходимое добавление к мысли американца

«Мы видели в России командиров высокого ранга и младших командиров, видели солдат и руководителей народа, и повсюду мы встречали одинаковую уверенность и решимость. Можно найти мало примеров в анналах истории, чтобы армия, которая провела такое долгое тяжелое отступление, как Красная Армия в течение лета, все же сохраняла боевой дух и смогла обрушиться на врага с триумфальным успехом на широком фронте». (Из выступления Антони Идена в английском парламенте. Агентство Рейтер, 9 января 1942 года).

Город-крепость без крепостных стен и бастионов...

«Сталинград был на южном краю линии обороны. Он окружен степями, раскинувшимися от Волги до гор Кавказа. Вдоль реки в Сталинграде на тридцать миль протянулись заводы и фабрики. Город лежит на равнине без какой-либо естественной защиты. Взяв Сталинград, Гитлер мог бы окружить Москву с юга, ему бы также открылась дорога к бакинской нефти и на Иран, в Индию. «Взять Сталинград любой ценой!» — таков был приказ Гитлера. Немецкие самолеты сбросили на город листовки, в которых население извещалось, что 25 августа город будет занят немцами. День за днем тысячи самолетов и тысячи танков наносили удары по городу. Они разрезали город на две части, затем на несколько островков. Не раз Гитлер объявлял, что Сталинград взят. «Не осталось ни одного целого здания»,— писал один немецкий журналист.

Сталинградцы сражались за каждый дом, за каждую комнату. Они использовали винтовки, гранаты, ножи. Когда здание занимали немцы, защитники продолжали сражаться в подвалах. «Каждая груда кирпичей может стать крепостью, если будет достаточно мужества,— говорили защитники Сталинграда.— Каждый отбитый дом помогает выиграть время. Каждый выигранный день может решить конечный итог Сталинградской битвы.

Пока сталинградцы сражались, свежие силы Красной Армии взяли врага в огромные клещи...» (Из книги Анны Луизы Стронг «Народы Советского Союза» Нью-Йорк, 1945).

Тыла нет — повсюду фронт

«Дорогие товарищи!

Родные сталинградцы!

Остервенелые банды врага подкатились к стенам нашего родного города.

Снова, как и 24 года тому назад, наш город переживает тяжелые дни.

Кровавые гитлеровцы рвутся в солнечный Сталинград, к великой русской реке — Волге.

Воины Красной Армии самоотверженно защищают Сталинград. Все подступы к городу усеяны трупами немецко-фашистских захватчиков.

Обер-бандит Гитлер бросает в бой все новые и новые банды своих головорезов, стремясь любой ценой захватить Сталинград.

Защитники Сталинграда! В грозный 1918 год наши отцы отстояли Красный Царицын от банд немецких наемников. Отстоим и мы в 1942 году Краснознаменный Сталинград. Отстоим, чтобы отбросить, а затем разгромить кровавую банду немецких захватчиков.

Все на строительство баррикад!

Все, кто способен носить оружие,— на баррикады, на защиту родного города, родного дома!» (Из обращения Сталинградского городского комитета обороны к жителям Сталинграда. 26 августа 1942 года.)

У волка одна песнь

Я не оставлю Волгу! Я не уйду с Волги! Stalingrad muss um jeden Preis erobert werden!»[1]. (Из речи Гитлера на совещании генералов вермахта в ноябре 1942 года).

Наша кровь, наша жизнь

Мы сами во всем — в роще, в речке,
Ударит мороз — стоим камня крепче.
Мы те берега, что крепки в мысли
Не о малом — большом, лишь в жизни.
Нас надежда свела, в ней пребудем,
Мы были вчера и завтра будем.
...А Волга течет — стрежень обнажила,
Как кровь бежит, как жизнь в жилах!
(*Янис Петерс.* Воспоминания о Волге.
«Литературная газета», 16 июля 1980 года).

---

[1] Сталинград должен быть взят любой ценой! (*нем.*).

Мир помнит, мир благодарит

«Героический советский народ, доблестная Красная Армия спасли человечество от угрозы нацистского порабощения. Миллионы американцев должны отдать дань глубокого уважения их бессмертному подвигу. Мы, ветераны второй мировой войны, хорошо помним, что исход войны решался на Восточном фронте. Москва, Сталинград, Ленинград стали символами несгибаемого мужества советского народа и грядущей победы. Никому и никогда не удастся переписать историю, предать забвению уроки прошлого. В минувшей войне, невзирая на принадлежность к различным общественно-политическим системам, наши страны воевали в одном строю против нацизма. Сегодня Соединенные Штаты должны объединить свои усилия с Советским Союзом, чтобы спасти человечество от угрозы ядерной катастрофы». (Председатель чикагского отделения Национального совета американо-советской дружбы Лэрри Макгэрти «Приветствие советским ветеранам войны в связи с 40-летием Победы над фашизмом»).

Так было — так будет всегда

«Советский солдат умел смело смотреть в глаза смертельной опасности, проявив при этом боевую доблесть и героизм. Нет границ величию его подвига во имя Родины.

...Наука побеждать —не простая наука. Но тот, кто учится, кто стремится к победе, кто борется за дело, в правоту которого верит, всегда победит». (*Г. К. Жуков.* Воспоминания и размышления).

Глава вторая

НАСЛЕДНИКИ МОЛЬТКЕ

I

Сколько Паулюс себя помнит — помнит он и этот портрет очень старого человека. Лицо у него гладко выбритое, морщинистое, взгляд — суровый, твердый. Поредевшие волосы над выпуклым лбом прикрывают глубокие залысины. На его военном мундире с двумя рядами пуговиц лежат витые погоны, а невысокий стоячий воротник скрепляет имперская награда — крест с широкими белыми поля-

ми. Таким позировал перед живописцем фельдмаршал Хельмут-Карл-Бернгард Мольтке, и таким его образ лег на полотно.

Этот портрет на холсте в раме темного колера, портрет германского полководца, очень простой, украшал сначала стену в кабинете отца — почтенного советника в правительстве земли Гессен, а затем сопровождал в годы учения и службы в императорской армии и позже в рейхсвере его самого — Фридриха Паулюса. Портретом он дорожил, это оставалась чуть ли не единственная реликвия, напоминающая о Касселе, старинном городе средней руки, милом сердцу городке, где он родился и провел детство. Вещь, которую теперь, при отъезде на Восточный фронт, оставил он дома. В походном багаже генерала, в его шести чемоданах, для портрета, пожалуй, нашлось бы место. Однако везти его с собой на поля битв, в Россию, он счел ненужной сентиментальностью. Неподходящая там обстановка. Потом, после победы над русскими, наступит время для всех видов искусств и главным образом монументов — чугунных, бронзовых и мраморных; на отвоеванных землях графу Мольтке тоже будут воздвигнуты статуи, может быть, даже на самом высоком холме в Сталинграде или на берегу Оки — в Рязани. А сейчас не до этого.

Паулюс чувствует себя скверно. Перед его глазами порой возникают и исчезают световые круги, какие-то тени, и даже смутные черты фельдмаршала Мольтке. Это от непривычного климата. И от настроения. Усилием воли Паулюс вернул себе внешнее спокойствие. Никто рядом не должен замечать настроения; при подчиненных ничего не менялось на сухом лице командующего полевой армией, немолодого генерала с надменным и спокойным взглядом.

Генерал ушел в себя. Война в России полыхает уже около года, вот уже прошел и мартовский праздник Heldengedentag — день поминовения героев, скоро земля начнет зеленеть, покрываясь новой травой, но желаемого окончания кампании не предвидится. И кончится ли она в этом году вообще? Неблагоприятный исход зимних операций, особенно Московской битвы, безусловно, тревожит всех на Бендлерштрассе[1]. Должен тревожить и обитателей рейхсканцелярии. Паулюс еще не

[1] Улица в Берлине, где располагался генеральный штаб вермахта.

пережил своего боя в России. Где-то его ждет первый бой. И он не в силах отогнать слова генерал-фельдмаршала графа Мольтке относительно подобной ситуации, слова полководца и ученого, последователя гениального Клаузевица.

«Первый бой — есть экзамен всех соображений и расчетов,— учил Мольтке.— Не выдержать этот экзамен — значит, провалить все прежние соображения относительно кампании».

Провалов на экзамене Паулюс никогда не знал. И в университете, и в военном училище, и в академии генштаба.

Взглянул бы Мольтке на нынешнюю «диспозицию». Что бы он сказал? Престарелый фельдмаршал лишних слов не любил; современники при жизни называли его «великим молчальником», ему претили разглагольствования, дискуссии, беседы. Пустоты у него не сыщешь. Его высказывания — а они закреплялись обязательно на бумаге — взвешены, продуманы. Все тщательно учтено и оценено. Паулюс стал вспоминать детали непревзойденных по своей глубине и ясности планов Мольтке. Какое изобилие вариантов! Мольтке разработал планы нападения на Францию, Австрию и Россию, затем на Францию и Россию вместе — одной Германией и — в союзе с Австрией и Италией. Эти планы, логичные и ясные, рожденные в ходе обстоятельных размышлений в кабинетной тиши, в своей основе оказались пригодными и для первой половины двадцатого века. Без трудов Мольтке «Стратегия», «Письма с Востока», «Письма о России» убогой в Германии была бы военная наука. Из этого «бесценного» наследия, из этой «сокровищницы» мудрости немецким генералам и политикам есть что черпать! Теории, научные труды «великого молчальника» не могут не окрылять каждого немца.

Человек, нареченный Фридрихом, родился в дни больших торжеств — отмечалось девяностолетие со дня рождения Мольтке. Юбиляр мог бы порадоваться — такие дети, как Фридрих, чуть ли не прямо с пеленок, подобно губке, впитывали в себя то, что породил ум Мольтке, наделенный способностью оригинально разрешать всевозможные стратегические и организационные проблемы.

Все гимназические годы на Паулюса-сына строго смотрели со стены глаза фельдмаршала Мольтке. Его

взор как бы поощрял к чтению военных сочинений. Было ясно: после гимназии, не мешкая, направить стопы в военное училище. А там уж все образуется само собой. И кто бы мог подумать, что подведут нервы!

«Чем болели в младенчестве?»— не глядя на будущего юнкера, задал лениво свой обычный вопрос военный лекарь. Фридрих вспомнил давние домашние разговоры о том, какие недуги когда-то терзали его хрупкое тельце.

— Скарлатиной, господин доктор!—ответил Фридрих.

— Скарлатиной?— переспросил лекарь, оживившись. Поднялся и начал рывками поворачивать тщедушную фигуру молодого человека то вправо, то влево. И от этого сердце Фридриха, сдавленное и напуганное, вдруг стало биться медленно, сильно и неравномерно. Все. Конец. Выбросят на свалку.

Так и получилось.

— Так, так,— с нотками безнадежности произнес доктор, постукивая спину пациента.— Шумы в сердце, безусловно. Ничего не поделаешь, миокардит.

«Дурак, этот лекарь, больше ничего»,— потирая грудь, думал Фридрих по пути домой. И все же ему казалось, что все, ради чего он жил, разом рухнуло. Отец сидел в гостиной за чтением какого-то отчета. Посмотрел в глаза сыну, сказал:

— Успокойся, друг мой. Согласен, что это весьма и весьма неприятное происшествие, но это не катастрофа. И в самом деле, военным тебе не быть. Но ты усидчив, у тебя каллиграфический почерк. Мне кажется, что тебе вполне подойдет карьера... доктора права. Разве плохо?

Такое решение, с которым согласился Фридрих, уронило его в глазах сверстников. Подтрунивали: «Эй ты, адвокат-нотариус! Именем закона!»

Фридрих пропускал насмешки мимо ушей. И даже не сердился. Шли дни, и он замечал, что состояние нездоровья, возбужденности, стесненности сердца исчезли и больше не появлялись. Уехал в Марбург, записался в университет, на факультет правоведения. Хуже оказалось то, что он не любил своих профессоров. Тусклые начетчики. Один говорил слишком монотонно, возвышаясь над кафедрой, словно жердь, другой отчеканивал статьи закона отрывисто, лающе, поминутно поправляя толстые седые усы. И никто не интересовался, слушают ли его студиозиусы.

Фридриху вначале думалось, что интерес к учебе появится, когда очередь дойдет до изучения тонких научных методов криминалистики. Может, в ней его судьба? Но и уголовное право не привлекло.

Как-то Фридрих сидел в университетской библиотеке и штудировал «Кодекс Наполеона» на французском языке. Рядом сел, распространяя запах пива, парень с боксерской челюстью. Фридрих его хорошо знал, хотя и не дружил с ним,— земляк, тоже из Касселя. Сын тамошнего маклера.

— Не мешай,— попросил Фридрих его.

— Да забрось ты этот «Кодекс», знаешь, куда? Я, брат, застрял на античности... Римское право! Пакость. Из курса римского права я запомнил одно, и сказал об этом профессору юриспруденции. «Римляне, господин профессор, использовали на судейских должностях евнухов. Представляю визг, когда они произносили: «справедливость», «истина», «невиновность». Слова эти прогнили. Но уже в Римской империи за их счет кормились так много людей! Не правда ли?

Продолжал:

— Мало будет пользы от того, что мы, уподобившись древнеримским евнухам, всю жизнь будем рыться в юридических справочниках. Время требует, чтобы существующий юридический порядок был разрушен. Его заменит закон, где сильный всегда прав. Итак, господин студиозиус, наше правосудие фальшиво. Ты согласен? Согласен. А где нет фальши? В солдатской казарме. Где нет судейского многословия? Опять же, в казарме. Ты видишь, что их казарм, стало открываться все больше. Слышишь?

С улицы доносились полицейские свистки, топот сапог и слова песни: «Дойчланд, Дойчланд, юбер аллес!» Это орали люмпены, которым выдавалась почасовая оплата за участие в уличных беспорядках.

Фридрих отложил в сторону «Кодекс Наполеона». Ответил:

— Понял тебя, приятель. Вопрос стоит так: наука или барабан. Каждый из нас ошибся, поступив в университет. Но не осудят ли нас отцы наши за то, что мы оставляем право во имя произвола? Что карьере добродетельного законника мы предпочли мундир?

— Не думай об этом! Выбрось из головы! Чего нам пропадать здесь?

— Если бы я в младенчестве...

— Никому об этом ни слова! Итак, университет — в отставку!

В военном училище и на фронтах первой мировой войны Паулюсу все пригодилось: и усидчивость, и каллиграфический почерк. Воевал на западе, на Балканах. Закончил войну в чине капитана. В 1929 году Паулюс уже подполковник, преподает военную историю и тактику в Академии генштаба. Настала пора готовить новое поколение немцев к походам. Очевидно, к походам на Восток.

После первой мировой войны, когда репутация славной фамилии была подмочена бездарностью Мольтке-младшего, теоретическое наследие Мольтке-старшего кое-кто пытался ревизовать. Был поставлен вопрос: так ли уж фатально необходима для немцев война с Россией?

Мольтке-старший утверждал: да! Но во Всеобщем военном бюро (такую вывеску носило учреждение, заменившее в рейхсвере[1] генштаб) появились инакомыслящие. Среди них оказался сам начальник бюро — Ганс фон Сект. Он был в числе первых, кто выразил несогласие с этим тезисом Мольтке.

Сект сконструировал собственную модель. В книгах «Германский рейхсвер», «Мысли солдата» он изложил свои взгляды на Европу. Ее он охарактеризовал так: «Это — будущее грандиозное поле боя». По Секту каждому европейскому государству отведена своя роль: Франция представляет собой левый фланг, Россия — правый фланг, Запад — фронт, Восток — стратегический тыл. Размышляя над созданной своим воображением диспозицией, фон Сект пришел к выводу, что весьма опасно одновременно воевать на правом и левом флангах. Нужен спокойный тыл. Таким тылом для Германии должна быть Россия. С нею воевать нежелательно, с ее существованием немцам лучше всего примириться.

Утвердившись в этом мнении, Сект, как и в свое время Бисмарк, выступал за добрососедские отношения с Россией, за возрождение «Договора перестраховки».

Но группа единомышленников фон Секта была немногочисленной. У него нашлось немало противников. Прежде всего зарычали промышленные магнаты, торговцы оружием, связанные с ними и их обслуживающие

---

[1] Так называлась армия, которую разрешено было иметь Германии по Версальскому договору.

политиканы. Как это так: «Не трогать Россию!», «Воевать только в Западной Европе!» Из Западной Европы шубу не сошьешь. Россия с ее ресурсами — это другое дело. Верх взяли сторонники войны против России и всех соседних государств. Притом — войны одновременной, молниеносной и сокрушительной. В первую очередь надо разделаться с СССР, где наблюдается изобилие пшеницы, руд, угля, необходимых Германии. Для запугивания обывателя и привлечения на свою сторону простаков выдумано было пугало «красной угрозы». Идейку эту подхватили Рем и Гитлер и их друзья-приятели. Они-то и взялись довести состряпанный хозяевами-толстосумами сценарий до успешного конца.

Паулюс был воспитанником суровой школы фон Секта, он находил в его идеях разумное начало и, будучи преподавателем в академии, развивал их в своих лекциях по военной истории и стратегии. Но Сект, громогласно называвший Гитлера проходимцем и шарлатаном, был смещен, уехал в Китай. И вскоре умер. Рейхсвер, его офицеры и генералы остались, они пошли за Гитлером. Долг человека, обутого в рейхсверовские сапоги, долг солдата, как Паулюс его понимал, обязывал его, Фридриха Паулюса, верой и правдой служить тому, кто оказался во главе государства, служить безоглядно, подчиняться беспрекословно. Он без особых колебаний принял новую присягу.

Рейхсканцлером стал тот, кто взялся стереть кое-какие государства с географической карты! Он не только произносил слова. Он стал делать войну. Он нашел солдат — кругом было столько безработных и нищих. Фюрер ликовал: «Эти лодыри отлынивали от дела, теперь они одеты в форму, маршируют». Гитлер не способен на альтруизм, но для этих людей сотворил благо. Нацистская Германия, начавшая войну, нуждалась в полководцах, стратегах, хотя бы отдаленно напоминающих Мольтке и способных с его прозорливостью планировать войну. Их единицы — кругом оказывались люди ординарные, без блеска. А война разгорелась во всю мощь. Армия несла потери, и многие планы операций провалились. Паулюсу это портило настроение. Не будет ли еще хуже? Что предпринимают те, кто верховодит в тылу?

Задав себе эти вопросы, Паулюс вспомнил почему-то не Гальдера или Кейтеля. Не имена этих или других

видных особ из генералитета пришли на ум Паулюсу: Даже не имя Гитлера. Он вспомнил генерала Карла Генриха фон Штюльпнагеля. Судьба иногда сводила их вместе, последний раз свела летом сорок первого в Париже. Первое впечатление от Штюльпнагеля — вульгарный рядовой бюргер. Только манера говорить — необычная. Откуда-то приобрел акцент — не то английский, не то французский. Плохо запоминалось лицо генерала — разве только что в нем проскальзывало нечто монашеское. Окружающих шокировало иногда то, что генерал проходит мимо них с отрешенным взглядом, при этом молча шевелит губами, словно разговаривая сам с собою.

И кто бы знал, что все началось с Ницше, с того дня, когда розовощеким гимназистом он зазубрил ницшеанскую «Волю к власти!» И получалось странно: воля у него при этом расслаблялась, а меланхолия усиливалась. Чем бы это кончилось — неизвестно, если бы для таких вот умников, как Карл Генрих, не нашлось средства притормозить развитие пагубного комплекса. В юнкерской школе, куда его пристроили, рассеянность и меланхолия решительно пресекались. За малейшую оплошность фельдфебель гонял чистить уборную или, поставив перед собою, заставлял по двадцать пять раз приседать с винтовкой на вытянутых руках. При этом спина должна быть прямой, как доска. Штюльпнагель при таких обстоятельствах на некоторое время постарался забыть про «Волю к власти».

Однако, произведенный в лейтенанты, Штюльпнагель аккуратно продвигался от чина к чину. Ницшеанские теории снова его захватили уже при свете генеральских звезд — он к тому времени стал командующим войсками вермахта во Франции. Для него возникла возможность совмещать обязанности по управлению французами с философскими раздумьями.

Штюльпнагель понимал, что его философия не для каждой пары ушей. Желательны те, которым можно довериться. Он встречает немногословного, замкнутого генерала, первого генерал-квартирмейстера Фридриха Паулюса, приглашает его к себе в резиденцию, в охотничий замок, и там, в обширном кабинете, за двойной обитой дверью, необычно торжественный, знакомит гостя со своими идеями.

Начал деликатно:

— Извините, генерал, хочу позволить себе большую вольность. Но начну с вопроса: вы читали когда-нибудь Фридриха Ницше?

Паулюс ответил, что он, конечно, ценит господ стихотворцев. Он бы слушал их с удовольствием. Но нет времени для этого.

Паулюс не сознался, что он к стихам чувствует отвращение. Это возникло давно, в Касселе, когда он учился еще в первом классе гимназии. На пути в гимназию и обратно, в переулке шириною в десяток саженей, он частенько сталкивался с отставным тюремным надзирателем, прогуливающим собаку. Остановив однажды Фридриха, этот старичок вынул из кармана бумажный сверток. «Это я сам сочинил»,— сквозь свист астматического дыхания похвастался бывший тюремщик. Фридрих развернул свиток и с трудом прочел строчки, состоящие из каракулей. В корявых ямбах описывалась экзекуция, наказание заключенного палками: «Раз, два, три, четыре». Фридрих поспешил вернуть старику листы, недочитав до конца, и убежал — его испугали стихи и бой часов на ратуше. Он опоздал на урок. И с того дня стал обходить стороной квартал, облюбованный тюремщиком, избегал новой с ним встречи.

История повторяется. Паулюс видел генерала Штюльпнагеля, но перед его глазами всплывал кассельский старичок в очках, в потертой форменной фуражке тюремного надзирателя, со своим манускриптом. Не наваждение ли?

— Ницше не читал,— сказал Паулюс.— Правда, будучи студентом, знал кое-что из Ницше. Например: «Ты идешь к женщинам? Не забудь плеть». Слышал его рассуждения о сверхчеловеке, о добре и зле... Но вряд ли они полезны солдату.

— Нет, нет, дорогой генерал,— возразил Штюльпнагель.— Я не могу с вами согласиться. Хотя бы относительно плети... Это идеи долговечные и возвышенные. Здесь, во Франции, как раз можно жить по ту сторону добра и зла, обожествляя плеть. Когда читаешь в донесениях о работе стражей правопорядка — СС и гестапо, о работе комендатур и полицаев, создается впечатление, что живешь не на земле...

— В аду?

— Что-то в этом роде. Но это как раз и рождает глобальные идеи! Я время от времени отвлекаюсь от

рутины. Пишу трактат... Хотел бы услышать мнение. Здесь...

Штюльпнагель извлек из походного сейфа папку, положил на стол.

Генерал Паулюс, увидев титул сочинения, поднял брови, выразив удивление, озадаченность. Свой труд Штюльпнагель назвал так: «Какое может иметь для нас значение временное поражение?» Странная тема! Всюду бесспорные и молниеносные победы вермахта, а этот, оторвавшийся от настоящего боевого дела генерал, сочиняет мистический прогноз о возможном поражении. Мозговая эрозия? В вермахте развелось так много людей со странностями! Может быть, и на генерала пагубно подействовал этот поход? Запамятовал, что такое вермахт.

Говорят же, что «нигде иностранец так легко не забывает свою родину, как в Париже».

Почему этот генерал, искушенный знаток Ницше, пригласил именно его, Паулюса? Не было никаких поводов для коротких, доверительных отношений между ними,— тем не менее вот такая встреча и беседа! Паулюс, чтобы справиться с растерянностью, стал медленно читать рукопись. Не очень объемную — на два часа чтения. Она была именно рукописью, генерал-философ не счел возможным доверить ее пишущей машинке. Паулюс обратил внимание на то, что автор, подобно Ницше и фюреру нации, с большой смелостью и размахом употребляет в своем трактате географические, геополитические и сверхчеловеческие понятия. С печальной легкостью, по собственному разумению, решает проблемы устройства мира.

Во вводной части трактата провозглашалось:

«На наше поколение германской нации выпала историческая миссия — в известной мере возродить великие идеалы священной Римской империи, продолжать дело Германской империи, начатое в 1871 году. Мы развернули тотальную битву за жизненное пространство, за возрождение немецкого народа. В этой битве мы не одиноки, с нами находятся в коалиции и древнейшие народы — итальянцы и испанцы.

Поэтому для каждого истинного германца чрезвычайно необходим на современном этапе союз этих народов. Союз народов Западной Европы, а также тесный союз с Японией и Китаем и с другими признающими главенство Германии народами с целью овладения про-

довольственными территориями и минеральными ресурсами Восточной Европы, Сибири, включая Персидское государство и Кавказ. Могу прямо сказать, что от Финского залива и Днестра до Тянь-Шаня и Камчатки простираются обширные районы, крайне необходимые Германии. Без преувеличения можно назвать земли Волги, Урала, Енисея, Амура землями хлеба и ископаемых, где место, занимаемое ныне Россией, принадлежит третьему рейху, Великой Германии».

Что же, изложено все с размахом! Но идеи не совсем самостоятельные, об этом убедительно написано уже многими другими выдающимися теоретиками. Что же далее хочет провозгласить Штюльпнагель?

— Как быть с Центральной Азией?

— Очень просто. Можно создать рейхскомиссариат «Туркестан». Кое-кто считает более подходящими «Пантуркестан», «Большой Туркестан». Я бы создал, например, «Империю Магомета».

Далее трактат, содержавший крутые зигзаги, показался Паулюсу довольно любопытным. Вместе с тем и насторожил его. В умопомрачительных этих зигзагах обнаруживалась явно пораженческая окраска. Как понимать, к примеру, такие перлы:

«Наши сражения на Востоке,— подчеркивал автор,— против большевистской России, против славянства, и наши битвы на Западе, против англо-американских плутократов, разгром Польши и Франции, являясь поистине историческими, относятся к первой стадии борьбы.

Кампания охватит другие государства и продлится несколько лет...

На заключительной стадии борьбы в общий альянс будут включены англо-американцы, японцы и китайцы,— миллионы войск, осененных свастикой, подобно гуннам, пойдут в поход против славян, монголов и татар, против России и опрокинут все на своем пути. Мир окажется завоеванным, великогерманцы будут осенены наконец лаврами победителей».

Многие страницы занимали формулы и диаграммы, уточняющие изложенное.

Штюльпнагель, зажав в желтоватых зубах погасшую трубку, выжидательно молчал. Паулюс с комплиментами не спешил. Его стало это немного забавлять.

— Это трудно воспринимается, господин генерал. Великогерманцы победят. Куда же потом девать японцев и китайцев?— спросил Паулюс.— Их так много.

— Как только мы победим, в них, присоединившихся к нашей стратегии, полностью отпадает надобность. От них придется как-то избавляться. Будут построены гигантские гетто с крематориями, газовыми камерами. Переработку китайского человеческого материала можно вначале поручить японцам. На японцев тоже найдутся добровольцы. Может быть, малайцы или индонезийцы.

Паулюс был наслышан ранее о странностях Штюльпнагеля. И вот сейчас убедился, что этот генерал, видимо, от умственного перенапряжения, перехватил. То, что он провозглашает, отдает экстравагантностью, хотя, конечно, связано с нынешней нацистской идеологией. Но только косвенно. В его изысканиях виден налет чего-то растрепанного, неупорядоченного.

Паулюс остро заметил:

— Ваши воззрения, господин генерал, как мне кажется, несколько отличаются от идей, бытующих в нашем государстве. Я уже не говорю о том, что они им противоречат. В них что-то от «Апокалипсиса». Но нет...

— Безусловно! Я же не попугай, чтобы вещать с чужого голоса.— Штюльпнагель задумался, а затем с презрением отозвался о Геббельсе.

— Да, мой друг, берлинские партайгеноссе измельчали, в том числе и доктор Геббельс. Все они недалекие люди, если не сказать глупцы. Раскройте страницы газет «Дас рейх», «Фелькишер беобахтер»! Геббельсовское ведомство, создавая свою картину мира, мыслит скудно, убого. Вы со мной согласны? Нет! Поймите, они не видят дальше своего носа. Возьмите Розенберга с его мифами. Вы только прочтите его убаюкивающий «миф XX века». Впрочем, читать не стоит. Бред. Твердит о расах. Расы —не главное. Мы — солдаты. У нас свое понимание вещей. От прочих смертных, подданных Германии, нас отличает пристрастие к оружию — и мы обязаны в необходимых случаях контактироваться с любой расой, с каждым, кто привык к винтовке, пистолету, ножу. Розенберг боится поражений, а их бояться не следует. Даже гибели. Солдат хорош тогда, когда над ним нависла смерть. У него не должно быть надежд. Солдат пойдет в огонь во имя торжества грядущих стадий завоевания мирового господства.

«Можно принять его за оракула,— подумал Паулюс.— Нет, он маньяк, больной человек, определенно

больной. Что его заставляет копаться в философии Геббельса и Розенберга, в разного рода теоретических отбросах? Ведь у него на плечах генеральские погоны?»

Паулюс пытался представить себе реакцию нацистских верхов в тот момент, когда до них дойдут теории Штюльпнагеля. «Его попросту обвинят в пораженческой пропаганде,— после некоторого раздумья сделал вывод Паулюс.— Ему несдобровать. Он созрел и перезрел для концлагеря».

Смеркалось. Кабинет Штюльпнагеля выглядел мрачно, словно склеп.

Паулюс спросил:

— Какой же смысл в войне, которую мы ведем сейчас? По-вашему выходит, что мы придем к нулевому результату. Что явится причиной?

Штюльпнагель поднялся. Раздался скрип отодвигаемого кресла.

Ответил, снизив голос до шепота:

— Несчастье наше в том, что мы служим «делу» и «злодеям». Вы хотите спросить о причине будущего поражения? Ее искать бесполезно, так же, как выявлять причину рака. Болезнь эта уже сейчас простирается тончайшими нитями в организме вермахта. Эти разветвления дальше будут разбухать и разрастаться, особенно, если начнутся операции в глубине российских просторов.

Штюльпнагель заключил:

— Мой трактат отнюдь не закончен. Думаю, вы не откажете в любезности ознакомиться с ним полностью.

— Благодарю.

— Мы встретимся?

— Пожалуй, если позволит рок.

II

Паулюс чувствует себя бодрее. Но его все еще знобит. А ведь уже календарное лето. И снова давят воспоминания. Всплывают в сознании встречи в рейхсканцелярии, обрывки докладов, директив, частных разговоров.

«Говорите, что хотите, но во Франции все же было по-иному. Как-то спокойнее. Скажу больше: приятное было времечко во всех отношениях! Не правда ли?»

Где это он слышал? Сразу-то и не вспомнишь. Генерал Паулюс, напрягая память, на минуту теряет нить мысли. Ах, да! Слышал он эти горячие и сильные голо-

са где-то на Осколе, в бараке, обращенном в офицерское казино. Верно: это было 14 марта — на панихиде по умершим героям. Собралось тогда человек тридцать штабных офицеров.

— Мир усопшим!— раздавались выкрики.

В тот день чествовали героев, павших на полях славы, пытаясь внушить себе и другим, что герои погибли не напрасно. Старый знакомый генерала, начальник офицерского казино капитан Дормейер, расстегнув мундир и пересыпая речь словечками вроде французского междометия «О-ля-ля» и «Пардон, месье», произнес поистине великолепную поминальную речь. Его речь перекрывалась шумными голосами, слышались названия памятных мест — один что-то рассказывал о казармах принца Евгения, другой о госпитале св. Анны, третий хвалил Гранд Опера, плас Пигаль.

Поминальный обед превратился в пирушку. Трещали стулья, звенело стекло. Фигуры двигались, блестя металлом.

Те, кто повоинственней, взывали:

— Сотрем в порошок!

Залы «казино», этого длинного сарая, сверкали. Столы с белоснежными скатертями. Польские салфетки. Посуда, понятно, немецкая, лучше ее не бывает. Разве что чехословацкая. Но в казино предпочитали посуду немецкую. В обширной географии блюд чувствовалась рука первоклассного повара. Подавали норвежские консервы, голландский сыр, греческие и хорватские сигареты, французские вина.

Паулюс отметил про себя естественность и прямоту Дормейера еще в Мурмелоне. Безусловно, нельзя было не посочувствовать этому человеку — гессенцу, который с таким жаром говорил о покинутых местах, собственно, это была тоска по родному небу, по родному воздуху.

Стоило заикнуться о Гессене, Саксонии, Померании или Богемии — все заглушал истошный вопль, потрясавший тонкие стены барака.

— Зиг хайль!

— Зиг хайль!

Появились консервированные устрицы и лангусты, петух в вине, утка с апельсинами.

Дормейер старается. Хочет повернуть мысли на Эй-

фелеву башню, где полощется флаг со свастикой, на Францию. Там последний рядовой шестой армии мог есть не только устриц и лангустов, но и улиток, и лягушек. Все это — свидетельство того, что фюрер мудро правил и правит судьбами вермахта.

Чего теперь не было на столах? Не было икры и осетрины. Заливная осетрина — ее ели в Киеве, она очень вкусна. Во Франции и Германии перевелась эта рыба, она есть только в России и Иране. В России она имеется, есть и икра — сколько угодно.

В офицерском казино дым коромыслом, гвалт — послышались жаркие речи о волжских осетрах. Кровь героев пролита недаром. Скоро у каждого немца будут на столе и волжские осетры.

— Во Франции осетрины не было, но были...— вздохнул толстый интендант с узкими губами и квадратной челюстью.— Помнишь, Ганс, того француза, которого ты подстрелил на Монмартре из-за красотки?

— Были... были красотки!— прорычал Дормейер.— Там мы дули «Мартель», как воду!

Выше красоток и «Мартеля» фантазия Дормейера не поднималась, да это и не нужно. Главное — боевое настроение. А настроение — в хоре голосов: «Сотрем в порошок!» Кого? Ясно кого — русских! В самый короткий срок.

Выпит кофе. Дормейер сунул сигарету в зубы, закурил, сытно вздыхая. Гвалт заглушило дружное пение. Положив друг другу руки на плечи, Дормейер и его друзья запели:

Пусть белеют вражьи кости
По полям у всех дорог!
В воду хищным рыбам бросьте
Все, чем ворон пренебрег!

И припев:

Первого августа будем на Волге,
Первого августа будем на Волге!

Рискованно устанавливать даты. Нетрудно ошибиться. Ведь ошибся же в прошлом году сам радиопророк — начальник прессы генерал Дитрих. Он заявил тогда: «Даю слово немца, что Москва будет взята первого ноября».

Москва так и осталась в руках Сталина.

После смерти фельдмаршала Рейхенау[1], этого честолюбивого гусака, генералу Паулюсу предстояло ехать на театр военных действий, чтобы его заменить. Наиболее выдающиеся генералы, генералы «вперед» были давно уже на фронте. Например, Гудериан, Клейст, Гот, Клюге и Эрвин Роммель. Он представил себе мысленно арабскую мечеть, Роммеля у палатки, стоящего со сложенными на груди руками под африканскими смоковницами и пальмами. Впрочем, там пальмы и смоковницы растут только в оазисах, а боевые операции ведутся в песках. Там нет тени, и не к чему прислониться. С двумя танковыми дивизиями, да какими-то второстепенными соединениями он обрел экзотическую славу. Роммеля уже именуют «Лисицей пустыни». Гигантское имя. Гоняет англичан, как крыс! А кем станет он, Паулюс? «Лисицей степи», что ли? С делом бы справиться, не до славы...

Паулюс с сердечной теплотой подумал о Роммеле. Он приезжал осенью сорокового в Мурмелон. Они там встретились, много часов провели в дружеских беседах. Роммель — это не Штюльпнагель. Настоящий боевой генерал.

Мурмелон...

Мурмелон для военного — это все равно что Мекка для мусульманина или Бенарес — для буддиста.

Мурмелон — это первоклассный французский военный лагерь, хозяевами которого стали немцы. Спустя пару суток, прибыв туда, Паулюс прежде всего, вместе с командующим, осмотрел обширную территорию лагеря. Казармы, цейхгаузы, ангары, аэродром. Вышки, наблюдательные пункты, отдельные строения — посты. Рядом обширные поля, продуманно оборудованные, по ним — вдоль и поперек — колеи; в узорах на земле угадываются следы колес артиллерийских установок и тягачей, бронетранспортеров, танковых гусениц...

Паулюс неустанно работал, добиваясь, чтобы душа и плоть солдата пропитались всей программой воинского обучения. Проводил суровые проверки, смотры.

Обучение завершилось крупными маневрами войск, входящих в состав шестой армии. В маневрах участвовал

[1] Вальтер фон Рейхенау был начальником личного штаба Гитлера. Сочинил текст присяги Гитлеру. Слова этой клятвы звучали так: «Я клянусь в нерушимой верности Адольфу Гитлеру, клянусь беспрекословно подчиняться ему и тем руководителям, которых он изберет для меня».

весь Мурмелон. Среди наблюдавших за учениями был Роммель. Целую неделю гремела канонада, оповещая французов о репетициях вермахта. Снарядов и бомб не жалели. Бомбардировщики и штурмовики молотили по наземным целям, с самолетов Ю-52 сбрасывались десанты. Они взаимодействовали со штурмовыми группами, бравшими с ходу стратегические объекты. Все это называлось получением боевых навыков в условиях местности и климата, максимально приближенных к условиям центра России.

Роммель сказал Паулюсу:

— Поздравляю, генерал. Шестая армия стала сколоченной, мобильной. Словом, такой, какой мог бы гордиться любой полководец, даже сам Мольтке.

Паулюс тогда вскоре покинул свою шестую. Уехал, чтобы работать в генеральном штабе. Работал довольно долго, почти два года. Рейхенау умер в разгар боев на Украине. Паулюс снова увидел свою родную, шестую полевую...

О покойниках плохо не говорят, но ничем хорошим не вспомнишь Рейхенау. Он прискорбно мало сделал для укрепления боеспособности шестой армии на полях России. Теперь все это сделает Фридрих Паулюс. Он приехал туда, где сражаются солдаты.

— Ты опять попадаешь на периферию вермахта,— прощаясь, в слезах заметила жена. Жена... Увядшая женщина, носатая, похожая на галку. А когда-то он, носитель казенного палаша, шпор и обер-лейтенантских погон, видел ее другой. Ее, девушку-румынку, со сверкающими южными глазами, черными локонами. Полюбил ее, родовитую аристократку, потому, что она взглянула на него особенно приветливо. Привез на север с Балкан. Она открыла ему путь в высшее общество. Во время óно, в ней чувствовалась боярская порода. Сейчас «породы» не чувствовалось. Галка и есть галка.

Она, да и другие не поняли, по-видимому, что назначение в шестую армию явилось чудесной волей провидения, которым наградила его судьба. Война призывала именно его.

После Харькова снова вспомнился Штюльпнагель и его chef d'oeuvre[1]. Вспомнился после встреч Паулюса с офицерами из комендатур, людьми с ожесточенными

[1] Образцовое произведение *(франц.)*.

лицами. Они с остервенением умножают число тюрем и виселиц, раздувают охранные команды. Но идут туда в основном уголовники, готовые за убогую подачку зарезать своих родителей. Паулюсу казалось, что ради улучшения репутации немцев можно обойтись без них. Но как?

Адъютант штаба армии полковник Адам как-то положил Паулюсу комплект фотографий — были сняты казни. Пожилой немецкий ефрейтор и офицер в чине обер-лейтенанта с выражением отваги на лице держали на подмостках под петлей русскую девушку с ушедшими под веки зрачками, возможно, комсомолку или партизанку. Площадь у эшафота была оцеплена вооруженными до зубов отрядами солдат и полицаев.

Паулюс с сожалением подумал о будущем обер-лейтенанта и солдата. Что с ними произойдет, если при отступлении они попадут в руки красноармейцев? Ведь у русских есть инструкция, первый параграф которой содержит призыв: «Смерть немецким комендантам и подкомендантам!..»

В этой инструкции, гневно осуждавшей фашистских извергов, сказано было: «Отомстим врагу!» Почему «месть»— непонятно. Офицеры и солдаты выполняют приказ о наказании подрывных элементов. Освободи эту арестованную комсомолку в нелепой кургузой куртке, она снова возьмется за старое, подожжет казарму или пустит эшелон под откос. Погибнут солдаты. Значит, без строгостей обойтись нельзя.

«Может быть, это наш просчет?— подумал Паулюс.— Мы не учитывали сопротивления населения на захваченных землях».

Спору нет, Россию нужно завоевать. Но надо также сделать немецкую власть над ней прочной.

А к чему привела вся эта анархия? У русских появился лозунг: «Смерть немецким оккупантам!». Как-то Паулюс, оставшись наедине с Вильгельмом Адамом, зная, что в нем есть изощренная способность наблюдать, и нет презрительного отношения ко всему русскому, характерного для других офицеров, попросил его поделиться известными ему сведениями о морали, этике, нравственности русских, пояснить, почему они называют войну с их стороны священной.

Адам, обладая живым даром речи, был рад поговорить с генералом. На гладко выбритой физиономии полковника поблескивали умные глаза.

— Черт их возьми, русских,— начал он издалека.— Их и правда трудно понять, все бессвязно и запутано. Знаю, что у русских попы носили длинные фамилии. Сейчас их сыновья — генералы, адмиралы, э цетера[1]... Они атеисты, они не верят в бытие бога. Библия и Евангелие для них— обычные книги античных авторов, они не верят в загробную жизнь. Не надо забывать, что большевики учат население и солдат придерживаться научных истин. В Советской России, атеистической стране, стало возможным, что Сталин, грузин по национальности, ортодоксальный христианин, он даже учился в духовной семинарии, стал вождем народа. Это он и его генералы ввели в оборот слова «священная война», но смысл их совсем не теологический. Они хотят внушить всем, и уже внушили, что чужестранцы, вермахт, являются разбойниками, не имеющими человеческого лица, оскверняющими землю. От чужеземной скверны здесь стали очищаться, расстреляв в 1918 году, где-то за Уральскими горами, императора Николая Второго с супругой, Александрой Федоровной. А она, между прочим, приходилась внучкой английскому королю, в девичестве — принцесса Гессен-Дормштадская.

— Не повезло этой даме. А скажите, наш поход можно объявить священным?— спросил Паулюс.— Насчет этого что-то есть у фюрера. В одной из речей он говорил: «В Ватикане нам сказали: идите и уничтожьте большевиков, а мы придем туда как миссионеры и вновь обратим русский народ в христианство». Что можно сказать об обращении в христианство?

— Сомнительная затея. Но рейхсминистр пропаганды, подчиненные ему старшие и младшие фюреры, на всех перекрестках вопят о крестовом походе против большевиков. Крестовый поход — значит «священный». Этому служит «Антикоминтерновский пакт». Газеты часто пользуются словами о крестовом походе, о кознях «Коминтерна».

Паулюс поморщился. Адам продолжал развертывать свою мудрость:

— Наши солдаты носят ремни, на пряжках которых выбиты слова: «С нами бог!» Слово «бог», конечно, лучше бы заменить словом «победа». Христиане молятся одному богу — вера одинаковая. Слова «С нами бог» внимание солдат не привлекают. У русских все иначе.

---

[1] ...И тому подобное (*лат.*).

Они сочинили песню «Священная война». Она у них звучит, как клятва, как молитва. Плохо работают проповедники там, в Берлине. Они надеются натравить здешних мусульман на христиан, буддистов на христиан. Но выйдет ли? Чужая страна, непонятный народ.

Паулюс утомленно вздохнул. Он вспомнил виселицы в Харькове. В России ненавидят немцев, и они, видимо, это заслужили. Заслужили, или это расовая неприязнь? Географически и интеллектуально Франция, например, оказалась ближе. Особенно французы из Виши, люди компромисса. Там произошло нечто полезное и исторически необходимое для Германии. А здесь, в недрах лесов, в каждой промоине, в каждом овраге затаилась для немцев смерть. Впрочем, доходят вести, что Елисейские поля, Булонский лес тоже неспокойны. Неужели и тех немцы тоже стали раздражать?

Нить размышлений прервал начальник тыла, побывавший в Курляндии. Глядя перед собой широко расставленными глазами, доложил о доставке новых грузовиков. Доволен. Это видно по лицу, кирпично-красному от усиленного употребления шнапса.

«Плут,— подумал Паулюс.— Но старается, чтобы на Волге все кончилось».

Он думает, что на Волге все и кончится. Что ж, пусть к этому и стремится. Он, Паулюс, тоже так думает. Но что будет, если на Волге ничего не кончится? Нет, нет. Именно там все и должно завершиться. Во всяком случае, надо постараться, чтобы к такому исходу пришла кампания.

Строгое лицо Паулюса, как и лица всех профессиональных военных, не было приспособлено к улыбкам. Улыбался только Рейхенау. Но он был связан с дипломатией.

III

Потом он как-то увидел — уже не на фотоснимке, а наяву — в убогом русском селении следы неутомимой деятельности комендатуры. Увидел небольшую сельскую пришкольную площадь, и на этой площади возвышались столбы с перекладиной, с нее свисали веревки... Трупы с веревок уже были сняты. Здесь хозяйничал 51-й армейский корпус[1].

[1] Командир корпуса Зейдлиц.

Такова была реальность. О ней говорил генерал Карл Генрих фон Штюльпнагель, называвший немецкие комендатуры образцовыми центрами цивилизации, учебно-воспитательными заведениями, считая их существование необходимостью для жизни будущих поколений.

— Изуверство,— подумал Паулюс.— Виселицы нам не помогут. Надо чем-то привлечь крестьян. Наделить какой-то собственностью, что ли?

Генерал отвел взгляд от неприглядного зрелища, сдерживая легкое подергивание лица, и тут увидел другое... Увидел, как немецкие военнослужащие легко и просто могут попирать смысл и букву Германского воинского устава. В этом уставе содержатся параграфы 129 и 135, касающиеся преступных деяний под названием «мародерство» и «грабеж». Но о каком уважении к Германскому воинскому уставу и о его соблюдении можно нынче рассуждать, если с тридцать третьего года бездействует рейхстаг и забыта даже конституция государства! Забыта и пылится в архивах сама достославная Веймарская конституция!

По сельской улице шагал немецкий унтер-офицер, неся под мышкой обезглавленного петуха. Генерал тронул плечо шофера, и тот сбросил газ. Машина остановилась. Смутившийся унтер встал навытяжку перед генеральской машиной, уронив в пыль мертвую птицу. На голове унтера была нахлобучена стальная каска. Каска, показывающая, что он понимает дисциплину.

Воловьи глаза унтера застыли в оцепенении. К лицу его прихлынула жаркая волна.

Полковник Адам, ехавший на заднем сиденье рядом с Паулюсом, подозвал унтера. Спросил имя. Тот ответил хрипло, растягивая слова:

— Унтер-офицер Нивег, командир расчета зенитно-артиллерийского полка.

От него несло тяжелым запахом глины. Он, видимо, долгое время просидел в блиндаже. На руках цвета глины проступали следы крови.

Полковник Адам пояснил генералу, что это уголовно наказуемое воинское преступление в соответствующих параграфах Германского воинского устава квалифицируется так: «Самовольные реквизиции и поборы, совершенные в корыстных целях». А обозначено оно словом «грабеж». Деяние это в первую мировую войну строго наказывалось — виновный подвергался лишению всех прав и состояний. И все же... На территории Рос-

сии с уставом можно не считаться. Унтер·офицер, оче-
сии с уставом можно не считаться. Унтер-офицер- оче-
видно, его и не знает. Действует приказ, по которому немецким частям повелевается «добывать пропитание на месте». Приказ появился еще в начале января и предписывал нижним чинам сочетать обеды из полковой кухни с блюдами собственного приготовления из добытой провизии.

Приказ издал фельдмаршал Рейхенау, генерал Паулюс никогда не подписал бы такой документ. Чем руководствовался Рейхенау? Моралью Валленштейна?[1] Но то был семнадцатый век! И тридцатилетняя война. Тогда оправдано было правило: армия живет исключительно военной добычей. Культивировались жестокость, жадность... Но... эти, обыскивающие кладовые и скотные дворы, занимающиеся мародерством — что их толкает на это? Ненасытность? Они опасны, портят облик настоящего немецкого солдата. Валленштейна-то и разбили какие-то шведы!

Мольтке перевернулся бы в гробу, если бы ему почудилась армия, не исполняющая Германский воинский устав, добывающая у жителей на пропитание кур и поросят. Раньше, на территории Франции, в шестой армии командующий такого не наблюдал.

Фюрер, наверное, позаботится, чтобы население получило право на компенсацию. Надо, чтобы оно ее получило потом, когда немцы покончат с большевиками.

— Ну, Адам, решай, как наказать преступника! — бросил Паулюс.

Лоб полковника прорезали крупные складки. Наказание должно быть назначено строго по уставу, действовавшему во время первой мировой войны. Параграфы 129 и 135. Прозвучало несколько резких слов.

— Генерал лишает вас чина, — услышал унтер-офицер.

О лишении состояния, то бишь имущества, Нивег ничего не услышал. Каким состоянием владеет унтер? Нельзя же отобрать у него каску или сапоги. Он не владеет недвижимостью.

Генеральская машина двинулась дальше, а облегченно вздохнувший унтер со своим трофеем, высоко подбрасывая ноги, зашагал в свой дивизион, несколько подавленный, но гордый тем, что повстречал и разгова-

---

[1] В тридцатилетней войне (1618—1648) Валленштейн Альбрехт Евсевий Венцель был главнокомандующим войсками «Священной Римской империи». Убит своими офицерами.

ривал с самим командующим армией. Пережив испуг, он вместе с тем был доволен, что все обошлось,— унтер-офицерский чин — это не «999»[1]. И не только это радовало. Генерал, проявляющий беспокойство о юридическом статусе своих солдат, как показалось Нивегу, и не подумал о возвращении населению награбленного. Значит, тот, кто ведет их в поход, ничего не имеет против такой системы солдатского поведения.

Через четверть часа, когда Нивег уже приближался к своей батарее, настроение у него ухудшилось, он несколько приуныл. Его испугали шныряющие под ногами мыши. Множество мышей. Половина солдат на батарее болеют — туляремия, почечная болезнь, ее распространяют вот такие полевые мыши. Вот почему солдатам не рекомендуется без нужды выходить из блиндажей, их пропитал запах земли.

О наказании, которое определил ему генерал, унтер решил помолчать.

Кому польза от того, что с его мундира сдерут унтер-офицерские погоны? К тому же генерал был далеко. Генералу было не до какого-то унтера, ему надо управлять войсками.

Путешествие к Волге не приносит никому радости, даже генералам. Когда пришла армия в эти степи, вдруг стала вянуть трава. Стали прятаться птицы и насекомые. Живут только больные мыши. Со стороны меловых холмов Обдонья ветер несет запах разложения — пули и осколки убивают все, что можно убить. Все окрест источает запах тления. Этот запах действует удручающе.

На картах, как важный рубеж, обозначен Чир, приток Дона. Мелководная речонка с озерами, болотами и зарослями камыша. Она обозначена на карте Паулюса, с его карандашными пометками, а значит, входит в анналы войны.

Летней ночью, 17 июля, авангарды шестой армии достигли чирского рубежа. Чернота ночи на реке Чир наполнилась непрерывным рокотом моторов, трескотней пулеметов, автоматов и винтовок. Криками и проклятиями раненых.

Сначала командующий шестой армией подумал, что это совершенно случайная стычка с красноармейцами, понукаемыми фанатиками-комиссарами. Но стычки переросли в кровопролитные схватки, вплоть до рукопаш-

[1] Номером «999» обозначались штрафные роты.

ных. Советские части сопротивлялись ожесточенно, потом под прикрытием своего огня отошли. Километров на пятнадцать — двадцать. Значит, там и есть основной рубеж. Ясно стало, что на Чире только часть русской стратегической обороны. Паулюс бросил вперед разведку.

Тупорылый бронетранспортер с коричневыми пятнами на броне вышел на косогор. Сизый дымок окутал траву. Вроде бы нет нигде ни одной живой души. И вдруг снизу, из-за ручья, со свистом и цоканьем метнулись пули. Значит, там, в одиночных окопах под бугорками,— русские, пехота.

Туда — огонь артиллерии и тяжелых минометов! Мощь броневых сил танков!

Русские, израсходовав патроны, перебегают по каменистому полю, покрытому редким кустарником, отходят к следующей линии обороны. Еще одна линия, еще одна...

Степь на огромном пространстве покрывается черными султанами дыма. Отчаянная и бесполезная перестрелка. По вине этих... большевиков-комиссаров. Что они могут изменить?

Разъяренные немецкие артиллеристы и минометчики, не жалея снарядов и мин, бьют и бьют по далеким движущимся целям. Те исчезают. Но через короткое время появляются снова и снова.

Трое суток идут непрерывные бои, пока четко не обозначается прорыв. Кипение боя на какое-то время стихает. Русские оттеснены еще на двадцать — тридцать километров. На столько же выдвигаются вперед наблюдательные пункты Паулюса.

Сразу же после прорыва 20 июля танкисты панцирного полка доставили к Паулюсу двух русских, взятых в плен. Офицера и рядового. Рядовой, ярко выраженной монгольской наружности, был ранен в живот; вскоре умер, не дав никаких показаний.

Ясное, открытое лицо пленного русоголового офицера искажала страдальческая гримаса — он был контужен. Форма — в окровавленных клочьях, но держался на допросе гордо, даже дерзко. Вообще, русские слишком независимы. Даже в плену. В бою командовал ротой. Родился в Рязани. Рязань... Рязань... Слово знакомое. В памяти генерала всплыло: «Мольтке в 1872 году был шефом 69-го пехотного Рязанского полка». Русский царь

Александр II в знак признания заслуг Мольтке прислал ему в подарок мундир русского полковника. Наградил каким-то орденом. Полк укрощал бунтующих мужиков, Вот где истоки храбрости и стойкости!

Паулюс обратился к офицеру через переводчика:

— Рязань? Это крепость?

— Обыкновенный город. Расположен на Оке.

— Ваша шестьдесят вторая армия формировалась в Рязани?

— История шестьдесят второй мне не известна.

— Где Рязанский 69-й пехотный полк?

— Какой?

— Шестьдесят девятый. Нам все известно! Говорите, говорите!

Офицер никогда раньше не слышал о Рязанском 69-м полке[1], он прибыл с маршевой ротой из запасного стрелкового полка, скрытого в бывших пионерских лагерях на Хопре. Но он решил не разубеждать гитлеровцев. Ответил утвердительно:

— Полк этот самый, Рязанский полк, был в резерве главного командования, недавно он занял позиции на Волге. Это самый лучший советский полк. Гвардейский. Люди дали клятву или победить или погибнуть в бою, но за Волгу не отступать. Каждый завещал: «Не хороните меня в Рязани». Это слова нашего Есенина.

— Что он говорит?— спросил Паулюс.— Есенин — командир полка? Где полк? Пусть покажет на карте.

— Вот здесь его батальоны, занимают этот район,— стал объяснять офицер.— Первая позиция, вторая позиция. Противотанковые рвы, роты и дзоты.

В штабе Паулюса знали о существовании оборонительных сооружений в Междуречье. Знали это и без «показаний» пленного. Снимки, сделанные самолетами-разведчиками, отчетливо показывали инженерные линии. Но уточнение, полученное в ходе допроса, поразило. Полк, над которым шефствовал еще Мольтке! Паулюс с горечью подумал, что со времени Петра Великого российские цари приглашали в страну иностранцев, немцы всему учили русских и тем самым нанесли вред самим себе. Теперь против немцев воюет полк, душой

---

[1] Рязанский 69-й полк, над которым шефствовал Мольтке, едва дожил до сорокалетнего юбилея. Ведь если переименовали «Петербург» в «Петроград», то тем более вычеркнута была память о шефстве какого-то милитариста-немца над русским полком.

которого стали заветы немецкого полководца. Поразила догадка о том, что в Рязани формируются резервы.

Об этом должны знать в Берлине.

Паулюс приказал отправить пленного советского офицера в ставку фельдмаршала фон Бока, а сам, вызвав машину, отправился в войска первого эшелона.

Река Чир была уже преодолена и осталась позади. Но быстрому движению войск мешало бездорожье, овраги, косогоры. Кое-где овраги похожи на пропасти. То там, то здесь возникают танко-обозные пробки. Тогда солдаты сбрасывают свои автоматы и каски прямо на траву. Засучив рукава, помогают саперам. И вот в этой дикой степи возникает свеженький и прочный немецкий мост. И теперь по нему на пригорок по сухой каменистой грунтовой дороге вытягиваются колонны танков, грузовиков, мотоциклистов. Моторный транспорт с солдатами обгоняет пехоту.

Паулюс на своем «штайнере» теснит колонну. Не останавливая машину, генерал успевает ответить на приветствие капитана Дормейера и солдат с длинных фургонов. В фургонах походного казино— паровые кастрюли, электрические печи, кипятильники, посуда. Капитан с удовольствием возил кухонную утварь с собой. Теперь он уже, пожалуй, не вспоминает о парижских красотках, лангустах и устрицах.

Дормейер, увидев генерала, вспомнил приказ начальника штаба армии Шмидта: как зеницу ока беречь коньяк и французские духи! Дормейер знает натуру Шмидта. Ждет победы, когда понадобятся и духи, и кое-что другое. Шмидт, по натуре нервный и чувствительный, твердо верит, что скоро над азиатами будут одержаны решающие победы, перед немецким оружием им не устоять.

Для Шмидта, признанного любителя и знатока книг, живописи, парфюмерии, кухни, для Дормейера и других все просто и ясно. Все будет так, как говорят геббельсовские проповедники. Территория России навсегда перейдет под власть немцев. Здесь господами навеки будут они.

Но Паулюс считал себя всего лишь стратегом, «чистым» военным теоретиком — для него война была работой, трудом, и тут нельзя предаваться прожектерству, надо о многом хорошо поразмыслить. Насчет тысячелетия рейха ему думать не хотелось, и были бы смешными фантазии в голове командующего армией.

Паулюс считал себя величайшим знатаком и ценителем штабного и любого государственного документа и иногда, знакомясь с какой-либо новой директивой, развлекался, думая: а кто в ОКВ[1], кроме него самого, с должным вниманием читал эту бумагу и столь же досконально разобрался в формулировках и расчетах? Это несколько отличало Паулюса от других генералов вермахта. Многие проекты, умиравшие в день их появления, меморандумы и приказы, посвященные планам на текущий день и на сотни лет вперед, в его стальном сейфе соседствовали с официальной текущей статистикой, а подарок отца — книга «Мольтке «Veber Strategie» не терялась среди серых, зеленых и синих папок-скоросшивателей с предостерегающими штемпелями: «Секретно». «Совершенно секретно». «Только для командования». «Конфиденциально».

Прибыв на фронт, Паулюс скрупулезно изучал обстановку в районах действия войск. Рассматривал все в мельчайших подробностях. Он требовал от штабов представления особых таблиц и схем, из которых отчетливо бы проступало противоборство живой силы и техники. Тому, кто общался с Паулюсом, было ясно, что он все заблаговременно проанализировал и учел глубоко и тщательно, вплоть до дивизий и полков. Так одаренный архитектор, создавая дворец или другое сооружение, стремится заранее увидеть материал, и все-все необходимое для завершения строительства. А начальник оперативного отдела Эльхлепп в оценке действий командующего шел дальше. «Нет, он не архитектор, а художник, истинный Рембрандт — король светотени. Сочиненные им бумажки вполне готовы для включения во все учебники».

Такая систематичность и целеустремленность в действиях Паулюса не оставалась незамеченной. Кое-кто из подчиненных ему подражал.

В шестой армии подвизался другой видный военачальник — генерал фон Зейдлиц. Это была прямая противоположность Паулюсу. Фон Зейдлиц-Курцбах командовал армейским корпусом. В подготовленных им операциях совсем не чувствовалось предварительной работы и продуманных деталей. В свои действия он вносил изрядную долю стихийности и неравномерности.

[1] Oberkommanda der Wehrmacht — главное командование германской армии.

Это — человек порыва. Отдавшись какой-то внезапно возникшей мысли или идее, он не особенно изучал подробности, а иногда вовсе не интересовался ими. Тот или иной маневр по большей части возникал неожиданно и для самого Зейдлица. Он был похож на композитора, который импровизирует, интуитивно передавая свое настроение.

Зейдлиц в докладах командующему нередко путал батальоны и полки, не знал позиций и рельефа. Эта распущенность раздражала Паулюса, но он вынужден был терпеть Зейдлица из уважения к старинной фамилии, известной в немецкой кавалерии с XVII века. От славы его предков остались памятники, склепы, щиты, гербы и еще бог знает что. Этим род Паулюса похвалиться не мог.

Потом, после двух месяцев боев в окружении, оба генерала, опозоренные и постаревшие, горестно искали ошибки в своих действиях и не всегда находили их.

Но это было после...

А пока Паулюс размышлял о берлинских директивах. О тех, в чьем подчинении он оказался.

Много путей вели в рейхсканцелярию. Многими путями добирались до генеральских погон вчерашние лейтенанты, капитаны и майоры. Не храбростью и прилежанием, а подхалимством и бессовестным угодничеством. Жадные до почестей, власти и денег, они стремились половчее обойти во всем других, любой ценой достигнуть высших ступенек служебной лестницы, добраться туда хотя бы на животе и оставаться там; они все устремились к фюреру нации — вчера еще малозаметному провинциальному политикану, о котором сами же недавно рассказывали грязные анекдоты.

Они ненавидели ротфронтовцев, упорно призывавших к благоразумию, утверждавших, что будущая война, захваты приведут Германию к поражению. С коммунистами, да и не только с ними, наци расправлялись безжалостно. Особенно после геринговской акции с поджогом рейхстага. Ловко провернул эту аферу Геринг.

Герострат! Но тот грек сжег храм, чтобы прославиться. А этот боров? Чего он добивался? Собственно, Лейпцигский процесс показал его грязную цель... Хорошо ее подсветил болгарин Димитров!

Паулюсу хочется думать, что с Герингом и другими типами из нацистского свинарника у него нет ничего общего. Они ему чужды, хорошо бы от них держаться

дальше, сепарироваться, это возможно — он человек военный.

Генерал останавливает взгляд на стриженом затылке фельдфебеля, сидящего за рулем машины. Он прямо по пашне искусно ведет «штайнер», положив на руль крепкие с узловатыми пальцами руки, его большое в морщинах лицо чисто выскоблено бритвой, от напряжения белесые брови сдвинуты, плотно прилегла натянутая до ушей пилотка. Типичный солдат. Мысли его сосредоточены только на деле. Вот он, образец! Парень приходился ему племянником, в детстве осиротевший, слова из него и щипцами не вытянешь, будто немой. Камень! Чаще, чем к словам, прибегает к мимике, жестам. Надежный парень.

Штаб Паулюса разместился на окраине города Серафимовича, а сам он занял маленький русский домик. Саперы починили разбитые ступеньки избы, засыпали щебнем ямы и выбоины перед нею. Соорудили нечто вроде тротуара.

Паулюс попросил сварить кофе, а потом принялся за работу. Перед ним изрядная гора документов. Донесения о потерях. В первый раз — пятизначные числа. Бумаги на подпись.

Очень уж скверно выглядит оперативная карта! Черт побери! Тут, за Доном, от Серафимовича по Чиру, среди разноцветных стрел есть места, обведенные дугами и какими-то нелепыми закруглениями, где происходят неприятные, отвратительные вещи. Порядочная территория, больше иного французского департамента, все еще не очищенная от войск противника, осталась в тылу. Обозначена площадь номерами бывших советских армий, остатков армейских групп и соединений. Номера «6», «57», «9»— это остатки фронта Тимошенко, а вот соединения, связанные с русской фамилией «Бобкин». Вначале Шмидт при докладе произнес «Габке». Что за чушь! Старик Габке был бы смущен, услышав, что у него, генерал-лейтенанта, командира дивизии, есть среди русских однофамилец.

Шмидт доложил:

— Бобкин? Поясняю. Это — генерал, командовавший советской армейской группировкой. Его части оказались в котле и каким-то чудом держатся. Без продовольствия и огнеприпасов. А тут еще появился советский генерал Чуйков. Какие соединения ему подчинены, пока не установлено.

— Чуйков и Жуков — это разные фамилии?[1]

Анализируя свои поступки, Паулюс заметил, что стал ворчливым. У Шмидта вздрогнули брови:

— Да, разные. Но оба они опытные и обстрелянные генералы. Чуйков, как мне помнится, командовал каким-то флангом в Финляндии, против маршала Маннергейма, а Жуков занимался с японцами на монгольском фронте, на реке Халхин-гол, возглавлял контрнаступление советских войск под Москвой. Попросту говоря — опасны. Эти фамилии надо как следует запомнить и различать.

Паулюс разрешил выделить части для выполнения задачи, предложенной начальником штаба.

После атаки с севера Паулюс утвердился во мнении, что советский центр охранения рассыпался. И все же Бобкин не сдается, на что-то надеется.

Паулюс никогда не видел и не разговаривал с советскими генералами, да и желания у него не было. Вон тянется колонна военнопленных, может, в колонне есть красные генералы? Если сейчас нет, то будут. Паулюс решил, что надо побеседовать с каким-нибудь советским военачальником. Хотелось выяснить, какой смысл они видят в безнадежном сопротивлении.

В первый раз Паулюса заинтересовало имя одного русского высшего офицера, не так уж и давно, осенью сорокового года. Паулюс тогда редко бывал в Берлине, он работал в штабе сухопутных сил в Цоссене. Там ему попалась газета, в которой сообщалось о визите в Берлин советского премьер-министра с делегацией. Паулюс обратил внимание на то, что в числе сопровождающих Молотова был один русский из военного ведомства.

Русский военный, видимо, был при главе правительства экспертом или советником. Фамилия его — Василевский.

Советскую делегацию никто из генерального штаба не встречал, вермахт представлял один только начальник штаба верховного командования Кейтель.

Пухлая «Дас рейх» напечатала фотоснимки. На одном были видны русские: премьер Молотов и тот самый военный — лица их выражали вдумчивость. По справке — Василевскому 46 лет, но выглядел он старше. В будущем, подумал тогда Паулюс, на театре военных

[1] По-немецки, в диалектном произношении, «Чуйков» и «Жуков» могут звучать похоже.

действий, придется иметь дело вот с такими. Простоват, типичный славянин. Впрочем, может быть, этот русский не так уж прост? Так ли уж оправдано скептическое отношение к советским офицерам? Есть совершенно точные, проверенные данные, что у большевиков служит много офицеров старой русской армии, а они умели воевать. Был генерал Брусилов, наступление его войск в 1916 году на Юго-Западном фронте было смелым и энергичным. Или взять Галицийскую битву в четырнадцатом. Она поучительна.

Потом он прочитал донесение из Москвы германского военного атташе полковника Кребса. Полковник писал: «Русский офицерский корпус исключительно плох... России потребуется 20 лет, чтобы офицерский корпус достиг прежнего уровня». Кребс все тогда постиг. Но не ошибся ли Кребс?

Паулюс трудился в штабе сухопутных войск, в Цоссене, а тем временем разгоралась дипломатическая борьба. Политики искали союзников. Дошло даже до поездки германской делегации в Чунции, к Чан Кайши. Так называемая поездка фельдмаршала Рейхенау с особой миссией. Китайцы воспрянули духом. Военный министр Китайской республики Хо Инцин обрадованно заявил немцам: «В следующий раз наша встреча состоится уже в Алма-Ате».

Китайцам тоже нужны территории. Но сами-то они будут ли проливать кровь? Китайская армия в середине тридцатых годов оснащалась немецким оружием. Это так. Когда немцы переправятся через Волгу, займут Закавказье, смогут ли китайцы разбить остальных противостоящих им русских? Вряд ли.

Фюрер с подозрительностью отнесся тогда к китайцам... И был прав, не доверяя Чан Кайши.

Шестая армия продвигалась. Паулюс был в авангардных частях.

Паулюс дал шоферу знак остановить машину на холмике, в сотне метров от проселка, у тригонометрического пункта. К нему устремились машины с офицерами оперативного управления. Он выслушал донесения, полученные от штабов авангардных соединений. Донесения обнадеживающие. Преодолевая сопротивление, войска продвигаются к Дону.

«Бобкин! Гордов! Москаленко!» Пусть эти имена превратятся в пустые звуки, заглушенные, как сейчас,

четко различимыми залпами батарей зенитных орудий калибра 88.

Надо нацеливать удары, как обычно, на стыки советских войсковых соединений — такие места в оперативном отношении являются наиболее уязвимыми. А дальше? Дальше действовать, как и прежде: в прорывы перебрасывать танки, прикрытые люфтваффе. Воздушные силы обеспечат энергичные действия мотопехоте. Паулюс требовал, чтобы все соединения имели тщательные расчеты по ходу операций, полевые штабы должны уточнять их и в деталях знать все, что делается в полках, и даже в батальонах.

Командный пункт к ночи обосновался в хуторке, и ночью управление наступающими частями оставалось устойчивым. Но Паулюсу не спалось. Он ходил возле приземистой хатенки по двору, не замечая черных теней часовых. Двор был засажен подсолнухами и мальвами. Справа и слева неверным зеленоватым светом вспыхивали ракеты, они вырывали из темноты грузовики с зенитными установками, покрытыми брезентом, бронированные коробки «фольксвагенов».

Отсюда рукой подать до междуречья Дон — Волга. Генералу кажется, что повсюду уже распространился запах ила, запах старой и неочищенной реки. Но потом он понял, что этот смрад источала горелая земля, а может быть, это был запах тротила.

Если русские с такой ожесточенностью обороняли Чир, то ясно, что на Дону они будут драться с неменьшим упорством. Значит, тех четырнадцати дивизий, которые находились в шестой полевой армии, недостаточно для генерального наступления. Паулюс решается запросить подкреплений и усиления.

Верховное командование вермахта, внимая его просьбе, сняло с других участков фронта, главным образом из-под Воронежа, четыре дивизии. Кроме пехотных частей, Паулюсу передавались легкопехотные, танковые, моторизованные, охранные соединения. Общая численность немецкой группировки достигла четверти миллиона, наступление прикрывалось 1200 самолетами.

20 июля шестая армия, имея четвертую армию справа, переправилась через реку Чир возле Боковской. Станица располагалась при впадении в Чир речки Кривая. В тесной балке, окруженной холмами, среди развалин Паулюс провел ночь в машине. Здесь был подготовлен приказ о перегруппировке сил — для дальнейшего прод-

вижения в излучину Дона создавались две ударные группы: северная и южная.

Ударным авангардом стал четырнадцатый танковый корпус. Его части действовали с отменной храбростью в районе Чира, сражаясь с разведывательными отрядами советских войск. Были тяжелые потери. В людях и боевой технике. Жалкая речонка. А в итоге?

Какие все же есть резервы у противника? Чем он располагает?

Паулюса обрадовало, даже несколько изумило, когда он узнал, что советское командование, как видно, дополнительно ничем существенным не располагает. Значит, он был прав в Цоссене, считая, что на Волге у русских резервов не будет. Рассказывают, что где-то близ фронта сколачиваются из потерпевших поражение на полях Восточной Украины и Придонья остатков войск 38-й и 28-й общевойсковых армий, потерявших материальную часть,. новые армейские формирования.

Самым странным и удивительным ему и всем штабным офицерам показалось, что на базе этих обескровленных и истрепанных армий в рамках нового Сталинградского фронта создаются армии под номерами «1-я» и «4-я», названные танковыми. Ирония, что ли? Ведь им противостоит вдесятеро более мощная 4-я немецкая танковая армия, в ней 740 танков с экипажами, накопившими богатый опыт. Чем они, большевики, будут укомплектовывать свои армии — неизвестно! Раньше такое уже наблюдалось. Появляется номер армии, потом этот номер испаряется. Фокус какой-то[1]. Бред. Но теперь Паулюса уже ничего не удивляет. Здесь, в степи, все возможно.

Отдается приказ: возобновить наступление.

С полной готовностью немецкие части поспешно двинулись через Перелазовский и Свечниковский, чтобы атаковать фланг шестьдесят второй армии. Подвижные части немцев, совершив прорыв, вышли к Дону у хутора Каменского. Левый фланг русских, в его северной части, оказался в катастрофическом положении.

Против второй немецкой пехотной дивизии оказались дамба и взорванный мост. Паулюс ожидал там сопротивление, предположил также, что участок совет-

---

[1] Когда армия терпит поражения, отступает, часто остаются от соединений и частей лишь одни номера. Этой участи не избежали и войска Паулюса.

ских позиций, ближайший к железной дороге близ Обливской, неминуемо должен быть укреплен. Для атаки он назначил вторую и первую пехотные дивизии, поместив за ними 44-ю дивизию. Остальные части должны были атаковать русских севернее, их более слабые, по мнению Паулюса, оборонительные участки, хотя из-за быстрого продвижения никаких сведений о позициях советских войск он не имел, как не имел их в тот день вообще — беглый опрос пленных мало что давал. Как бы то ни было, операция удалась. Паулюс окружил в районе Евстратовского, Майоровского, Калмыкова 192, 184 стрелковые дивизии, сороковую танковую бригаду и захватил Верхне-Бузиновку, Осиновку, Сухановский. Он расценил это как хорошее начало, ведь перед ним уже простирался Дон!

Дон!

Штайнер Паулюса проследовал через Голубиновский и оказался на берегу. Паулюс вглядывался в даль. Там уже саперы наводили переправу. Солдаты облепили паром, который, подвалив к причалу, застыл...

Паулюсу оборудовали командный пункт в Голубиновском. Стояла летняя жара, все вокруг было накалено. Мыслимо ли — днем почти сорок градусов тепла. В оперативных сводках показано изрядное число отставших и больных. Генерал вспомнил, что Мольтке-старший собирался в 1887—1888 годах совершить на русских превентивное нападение зимой, поскольку, по его мнению, на мерзлой земле их было бы легче окружить. Но Паулюс вышел летом на донские степные просторы. Естественно, у немцев стала техника совершеннее. Мольтке не проиграл ни одной войны, но ему мешали сомнения. Они-то и породили «зимние грезы». В его формуле: «Войны всегда опасны»— сквозил страх перед поражением.

Интересно, что подумал бы Мольтке, когда б увидел карты нынешних летних операций... И темпы продвижения. Прекрасные темпы!

Глава третья

«А ЗАДЕРЖАТЬ ШЕСТУЮ ПО ЛЕВУЮ МОЖНО...»

I

Революционные генералы отличаются от всех других генералов, между прочим, тем, что они, будучи военными специалистами, являются также и политиками. Война Отечественная, война против иноземных захватчиков была продолжением нашей революции, начатой в октябре семнадцатого года, этапом в жестокой классовой битве, и она требовала от советских военачальников отточен-

ного военного мастерства, острого политического чутья. В ряду таких генералов был Александр Михайлович Василевский, впоследствии маршал. Генералы того ряда, к которому он принадлежал, способны были предвидеть ход событий, принимать решения, обеспечивающие победоносные действия войск.

В этой главе будет рассказано об одном таком решении генерал-полковника Василевского, одного из творцов победы на Волге. Будет рассказано о том, что происходило в малой излучине Дона, когда в Ставке Верховного командования советских войск созрел и был принят его летний план контрудара по наступающим шестой и четвертой армиям вермахта.

Какой же тогда силой воли должен был обладать полководец, чтобы предложить в то время идею контрудара. Что там предложить! Надо было доказать его необходимость вескими аргументами, логикой. Да, мужество воину необходимо не только в атаке. На войне не обойтись и без мужества решений.

Основное в работе генштабиста — планирование стратегических операций. Военные действия, контрнаступления, сражения могут быть, как ничто другое,— результатом замысла, плана. Это действительно так. А что спланируешь без досконального знания истинного положения дел, без точной и всесторонней информации? Знать, знать! Знать все — силы, ресурсы, возможности, замыслы противостоящей стороны, соотношение сил. На этом всестороннем знании базируются успехи в военной работе, принципы этого искусства. Непредвиденное в бою — значит, неучтенное командиром до боя. Знать! Не только знать, но и многое предугадывать, предвидеть, спрогнозировать.

Александру Михайловичу накануне в течение суток уснуть не удалось. Шли переговоры с фронтами, одновременно готовились справки Верховному. Накапливались сведения. Аналитическое исследование, детальное изучение и соединение разрозненной информации в единое целое — основа основ в работе военачальника, отвечающего за планирование. Надо подчинить разработке плана все другое. Когда план принят — он становится законом, в ходе операции его лишь могут уточнять. Другое дело — до операции, в предвидении боя. Тут стихия иная — стихия вариантов, расчетов, проработок, проб, черновых набросков.

Вот сейчас, через какое-то время, от Василевского потребуют предложений. От него и от других. Много предложений для одного единственно верного решения. Для этого он должен знать, где противник находится сегодня, его силы, средства, на какие резервы рассчитывает, какие его возможности, ближайшие и дальнейшие замыслы и планы. Вопросов сотни и на каждый нужно убедительно ответить. Ответить так, чтобы убедить других.

Да, теперь не лето сорок первого, многое пережито, многое изменилось. Он никогда не забудет прошлогодний август и сентябрь, тогдашнюю обстановку на Юго-Западном фронте. Крупным силам фельдмаршала Рундштедта удалось выйти на левый берег Днепра и вместе с армиями фон Бока с севера взять в кольцо Киев. Но в нашей Ставке надеялись, что 6-я и 12-я советские армии сумеют сдержать натиск немецких танковых армий на юге. Учитывая угрозу окружения, нависшую над советскими войсками в районе Умани, возможность выхода противника на левый берег Днепра, Шапошников и Василевский предлагали отвести их на новую оборонительную линию. Сталина это предложение не устраивало, он требовал наступательных действий.

Почему-то не принималось в расчет отчаянное положение войск, которые могли бы сохранить силы и боеспособность, отойдя за Днепр. Только когда уже прекратилась связь с обороняющимися, нашим войскам было разрешено оставить позиции, организовать новый рубеж обороны.

Успех на юге позволил фашистам усилить нажим на Москву.

Над столицей вновь нависла серьезная опасность.

В направлении Сталинграда обстановка складывается по-иному. Теперь нет необходимости отводить войска за Дон, в Междуречье. Он поделился своими соображениями с Шапошниковым. Он видел в Шапошникове непревзойденного стратега, принадлежащего к тому же к редкому числу полководцев, которые обладают подлинной научной культурой. Тот одобрил стратегический и оперативный замысел Василевского, назвав его «оригинальным и заманчивым». «Вы верите?»— спросил Василевский. «Почему же! Верю, что вы докажете на аудиенции в Ставке, что он... реален».

С той минуты уверенность в своей правоте не покидала Василевского. Он верил, что по-другому сейчас

нельзя, никакого другого варианта более или менее подходящего в своей папке он не имел. Да они и не нужны были. Он верил в свою правоту. Но в предложении были уязвимые места. Его расчет строился на том, что 62-я армия удержит позиции. Она измотана и вот-вот будет полностью окружена. Вправе ли он рассчитывать на то, что она устоит?

Василевский еще раз убедился в сложности задачи, анализируя данные о противнике. Что происходит с немецкой 4-й танковой армией? Где она будет действовать? Они ее, очевидно, повернут в излучину Дона, как только обозначится контрудар. Мысль эта не давала ему покоя.

Генерал не раз смело и спокойно глядел в глаза смерти. Смело и спокойно вел он себя в моменты выполнения им наиболее ответственных военных директив.

Мужество Александр Михайлович должен был проявить и теперь. Взять на себя ответственность за одну из труднейших операций, поставить на карту тысячи солдатских жизней, дать приказ выступить против вражеских танково-механизированных лавин — это и есть то особое мужество, которое присуще наиболее выдающимся военачальникам.

Донесения с фронтов придали Василевскому силу и твердость. Генерал рассуждал: «Сюжет контрудара можно выстраивать, зная только полную картину о состоянии своих и чужих сил. Все это у нас есть».

Генштабу было известно, что у врага на флангах нет достаточных резервов. После Московской битвы было разгромлено еще по меньшей мере сорок вражеских дивизий из так называемого «весеннего резерва» вермахта. Да и в 6-й армии, по-видимому, не все части укомплектованы как следует. Но тем не менее враг рвался вперед.

Василевский, готовя предложение: нанести контрудар, предвидел серьезные возражения. Это означало бросить войска в наступление, в то время как идут кровопролитные оборонительные бои. Переход от обороны к наступлению — одно из самых затруднительных действий на войне.

И вот — разговор в Ставке. Верховный слушал Василевского не один. С ним были и другие члены ГКО. Василевский подошел к карте.

И все стали внимательно слушать.

В степи против Сталинграда Дон делает извилину, образуя так называемую большую излучину. Приток Дона — степная речка Чир, встает на пути при движении в излучину. На злополучной реке Чир двадцатого июля фашисты смяли оборонявшихся, взяли рубеж.

Немецкие войска прорвались в излучину Дона. На карте — это пружинящаяся дуга — лук, тетивою служит Чир, а Дон, не делая петли, нес воду прямо на юг. Чир — древняя старица Дона.

Василевский указал места, где идут бои.

— Противнику удалось здесь прорвать фронт и развить наступление. Наши войска удерживают рубеж от Богучара до Калача. Из шести дивизий 62-й армии пять обескровлены, бои ведет фактически только одна, далее обороняются две стрелковые дивизии и одна танковая бригада.

На этом фронте у врага 14 дивизий. Своими подвижными войсками фашисты вышли к Дону у Каменского, глубоко охватив с севера левый фланг нашей обороны. Возле Майоровского фашисты окружили около трех советских дивизий и танковую бригаду. Враг вышел к Верхне-Бузиновке и Сухановскому. Создалась непосредственная угроза переправам через Дон.

Василевский на минуту умолк.

— Только контрударом можно задержать 6-ю полевую армию,— подвел итог сказанному Василевский.

— Поясните.

Василевский на три-четыре секунды умолк, выдерживая паузу и собираясь с мыслями.

Верховный вытащил курительную трубку, и она каким-то образом выскользнула из руки и упала на паркет. Но он даже не взглянул вниз, оперся на ручку кресла и застыл. В этот момент он казался изваянием. Его узловатые пальцы постукивали по столу.

Тишина длилась еще несколько секунд.

Личность Верховного, даже для его ближайших соратников, оставалась большой загадкой. В нем как бы уживались два человека: один человек внимательный, всегда готовый прислушаться к мнению других. Другой — импульсивный, подверженный быстрой смене настроения, нередко принимавший желаемое за действительное.

Как и другие профессиональные революционеры-подпольщики, он прожил молодость трудную, полную риска и смертельных опасностей. Физические и нравст-

венные муки, перенесенные им в казематах царских тюрем и в ссылках, отчаянные попытки спастись и продолжать борьбу вынуждали его на неоднократные, часто довольно удачные побеги из-под неусыпной жандармской стражи. Французскому писателю Анри Барбюсу он сам поведал об одном таком случае из своей биографии. Находясь в ссылке, он заболел и оказался в палате чахоточных больных — оттуда он бежал, затем сотни километров бродил по сибирской тайге.

Ему довелось месяцами и годами скрываться в среде, где его на каждом шагу подстерегали предательство и вероломство. Все это не могло не оставить отпечатка на его характере и поступках.

И тем не менее постепенно, день за днем, он упорно выковывал в себе качества, необходимые революционеру: железную стойкость, несгибаемую волю в движении к намеченной цели, колоссальную работоспособность. И еще обладал он весьма редким качеством: помнил множество цифр из справок и докладов, помнил в лицо тысячи людей, имел о каждом собственное мнение. Бывало, что после одной-единственной встречи сразу узнавал человека через много лет. Помнил он не только лицо и имя, но также различные детали, связанные с личностью.

Он проявил себя в борьбе с оппозиционерами всех мастей. С такой репутацией он встретил испытания войны. Командиров, владевших современным военным искусством, тогда недоставало. Но первый учитель на войне — сама война. Она явилась суровым учителем, не прощавшим ошибок!

Верховный гордился участием в боях за Царицын (он бережно хранил у себя красноармейский суконный шлем, подаренный ему бойцами Первой Конной), в первые же месяцы гитлеровского нашествия освоил все, что требовалось в его положении руководителя Вооруженных Сил государства. Он отдал себя отечественной освободительной войне безбоязненно и безраздельно. И потому с ним могли работать, понимая друг друга, Шапошников, Жуков, Василевский. При нем раскрыла свои таланты плеяда молодых советских полководцев, командовавших фронтами, армиями, корпусами.

— В основу операции должна быть положена какая-то новая идея,— заметил Верховный. Все видели, что сегодня он выглядел человеком черствым, не расположенным к разговору.

— Безусловно.

Василевский повторил, что целесообразно предпринять следующее: нанести контрудар.

Главным мероприятием в подготовке к контрудару являлась ускоренная переброска войск, стрелковых дивизий для смешанных 1-й и 4-й танковых армий. Требовалось срочно доукомплектовать танками соединения.

Прищуренные глаза Верховного явно сомневались. Собравшиеся в зале тоже молчали. Он проговорил:

— Успеем ли?

— Почему? Очень успеем!— таким же тоном ответил Василевский.

— Так что вы предлагаете?

План Василевского был прост: концентрическими ударами с севера на юг и с юга на северо-запад силами 1-й и 4-й танковых армий и частью сил 21-й и 62-й армий отрезать прорвавшегося противника, уничтожить его и восстановить положение.

Василевский вытер влажные ладони носовым платком, хотя в помещении, оборудованном в подземном зале метро, не было жарко — плюс 18.

Сталин стал внимательнее, выпрямился в кресле, вынул из кармана и положил на стол толстый красный карандаш. Он неплохо знал характер Василевского. Если тот настаивает — видно: убежден, изучил обстановку. Кроме того, в высказанной Василевским мысли чувствовалось что-то новое.

Все внимательно слушали А. М. Василевского. Он рассказал об отходе потерпевших поражение разрозненных войск 38-й и 28-й армий. Уже выполняется директива о создании на базе этих армий в рамках Сталинградского фронта 1-й и 4-й танковых армий смешанного состава.

— Так какие же у нас резервы?

— Резервы скромные: 1-я и 4-я танковые армии к боевым действиям сегодня не готовы. 1-я армия имеет 160 танков, 4-я—80 танков.

— Это сегодня. А завтра?

— Завтра положение будет иным.

— Лучше или хуже?

— С одной стороны — лучше, а с другой — хуже...

— Это уже диалектика!— улыбнулся Сталин.

Василевский высказал несколько своих соображений в пользу задуманной операции и осмотрелся. Он, по-видимому, увлекся, сочтя свои доводы неотразимыми; ему

казалось странным, что его мысли доходят не до всех присутствующих.

И тем не менее он продолжил глубоким и спокойным голосом:

— Да, все мы знаем, что в данный момент резервов у нас для данной операции, за исключением первой и четвертой армий, нет, но и эти армии далеко не готовы к действиям. Генерал Москаленко, назначенный командующим первой танковой армией, получил лишь управления двух танковых корпусов и с ними матчасть и одну стрелковую дивизию. Ну, а четвертая — совсем слабая — она имеет один танковый корпус и одну стрелковую дивизию. Единственная возможность ликвидировать угрозу окружения 62-й армии и захвата противником переправ через Дон в районе Калача и к северу от него заключается в безотлагательном нанесении по врагу контрударов наличными силами 1-й и 4-й танковых армий. 4-я танковая может сделать это только через двое суток, но ждать нет возможности, иначе мы потеряем переправы, и фашистские войска выйдут в тыл 62-й и 64-й армиям. Придется пойти на немедленный удар первой танковой армии, а затем уже и четвертой.

— О пятьдесят восьмой армии...

— Она с низкой боеспособностью и находится во фронтовом резерве, ей направляются пополнения.

— Дислокация?

— В районе Дубовки.

Накануне, 22 июля, командующим войсками Сталинградского фронта был назначен генерал В. Н. Гордов, а начальником штаба — генерал Д. Н. Никишев. Гордов до этого командовал 64-й армией. Фронт был образован 12 июля. Сталин его не знал, но надо было срочно заменить командующего Тимошенко,— с его именем связывались неудачные бои под Харьковом. Ставка учитывала, что на решающих рубежах войны нужны новые имена, вселяющие уверенность в солдат, придающие им моральную силу.

Правда, Сталин, наводя справки о Гордове, спрашивал о нем у Жукова. Тот ответил, что генерал Гордов в оперативном отношении подготовленный генерал, но как-то не может поладить со штабом и командным составом. «Значит, с характером»,— оценил Сталин. Он нередко поддерживал людей с характером, надеясь, что самостоятельные решения, часто вопреки мнению многих, способны быть полезными.

— Где Гордов?

— В Калаче.

Сталин был хмур. Однако то, что он интересуется деталями, показывало, что сомнения его кончаются. Надо еще выдержать несколько вопросов, и решение будет принято.

У Василевского возникло ощущение, что он что-то упустил. И он попытался восполнить пробел, начав говорить о танках... Потом добавил:

— При этом плане много места должно быть отведено инициативе. Без нее в этой операции не обойтись.

У всех повеселели лица. Только Ворошилов оставался грустно-сосредоточенным. Он с волнением слушал доводы генерала Василевского, понимал ту ответственность, которую тот берет на себя, настаивая на своем. Теперь он был спокоен. Он знал, что у Василевского было непреложным правилом: до того, как говорить, особенно докладывать, все тщательно обдумать и рассчитать. Все продумать, взвесить.

— Сколько потребуется времени для подготовки контрудара?

— Двое суток. Разумеется, безо всякого предварительного сосредоточения.

Сталин спросил:

— Значит, нет другого варианта?

— Нет. При любом другом варианте положение ухудшится,— ответил Василевский.— Мы, безусловно, потеряем переправы на Дону, противник прорвется в Междуречье. Тогда отражать удары немецких танков будет еще труднее.

После высказывания «за» и «против», учитывая серьезность ситуации, в которой оказалась Волга, решили рискнуть и дать согласие на предложение Василевского. Имелось в виду, что авангарды 6-й армии противника, находясь в соприкосновении с разведотрядами войск Сталинградского фронта, будут разбиты. А контрудар будет нанесен по главным силам Паулюса — в основание клина.

Ударить, не считаясь ни с какими факторами. Нанести врагу урон, и... задержать со всей возможной быстротой.

— Кто такой Паулюс?

— Известен как стратег агрессии. Заместитель начальника генерального штаба сухопутных сил. В янва-

ре сменил Рейхенау, который не то разбился на самолете, не то покончил с собой.

— Повторите, что известно о противнике?

— Шестая армия опытна, подготовлена для выполнения боевых задач в разнообразных условиях обстановки на советско-германском фронте. Важным итогом совершенствования армии у них считается повышение ее приспособленности к более глубокому маневру в стратегическом и оперативно-тактическом масштабах, к быстрой доставке на штатном транспорте сил к району боевых действий и непосредственно на поле боя.

6-я армия находилась со штатным вооружением и боевой техникой на Западном фронте. После переброски ее из Парижа, она наступала на главном направлении на Киев в 1941 году и участвовала в операциях на наиболее угрожаемых участках.

Верховный поднялся.

— Красный Царицын,— тихо произнес он.— Кого можно туда послать? В Красный Царицын!

— Наиболее подходит Василевский,— сказал Молотов.

Лицо Верховного было сосредоточенным. Но тут что-то в нем изменилось. Он сказал спокойно:

— Правильно! Товарищ Василевский, вам надо выехать на фронт, выбрать место для координации и руководства операциями и оставаться там до конца контрнаступления.

II

Василевский собирался уходить, но в коридоре его остановил сотрудник секретариата. Он был несколько по-канцелярски озабочен, торопливо спросил:

— Так что, Александр Михайлович, перевели на русский это немецкое письмо или нет? Почти месяц валандаются. Когда доложат? Так нельзя, поймите!

Собрав всю свою выдержку, попытался объясниться. При чем здесь он, Василевский? Ну неразборчив почерк, никто не может расшифровать это проклятое письмо. Так что же теперь, плакать и рвать на голове волосы? Откуда взяли, что «кедр Левантский»— это Роммель?

Василевский ответил:

— Валентин Михайлович ломал голову. Женя просто с ума сходит. Наши лучшие, самые изощренные де-

шифровальщики и переводчики. Почерк безумный, бьются, а понять ничего не в состоянии. Но убеждены, что это не шифровка. Рейхель и Гроскурт заговорщики? Не верится.

— Смотрите сами,— услышал он неопределенное.— В случае чего, доложите сами.

Вот так. Большой успех наших армейских разведчиков, безусловно, должен был радовать всех. Но тут же подвернулась пакость. И настроение отравлено.

Это большая удача, что незадолго перед этим удалось захватить портфель с немецкими штабными документами. Правда, они касались действий всего лишь на участке корпуса. Но интерес представляли немалый. Маршал Тимошенко прислал документы с ЮЗФ[1], прямо с трофейным портфелем из желтой буйволиной кожи, обшитым двумя ремнями с тяжелыми замками. На портфеле красовалась золоченая монограмма: «ОКХ»[2].

Фамилия немецкого офицера была Рейхель. Майор Рейхель, а тип самолета, на котором он летел, обычно использовался у них для связи и разведки — небольшой моноплан «Хеншель-126». «Костыль», как его называли красноармейцы. Сбивали его редко. Появлялся он на передовой внезапно, из-за какого-нибудь пригорка или из небесных глубин; замедлив полет, обстреливал окопы, иногда бросал небольшие бомбочки, давал одну-другую пулеметную очередь, загоняя в траншеи зазевавшихся. После этого фотографировал позиции и быстро исчезал. Не успеешь глазом моргнуть, а его уже нет.

Майор Рейхель не относился к числу заурядных офицеров вермахта. Будучи начальником оперативного отдела 23-й механизированной дивизии, он имел право носить на бриджах, как генералы, красные лампасы, означавшие принадлежность к генеральному штабу. Поэтому, когда красноармейцы увидели такую форму, сочли, что это генерал.

Как самолет попал в зону огня нашей артиллерии? Не ясно. Приборы, что ли, подвели фашистов? Или они заблудились? Так или иначе, но фактом остается то, что наши зенитчики изловчились и ударили по «костылю» снарядом. Машина с пробитым бензобаком, густо дымя, ткнулась вместе с майором в нейтральную полосу. Но

---

[1] Юго-Западный фронт.
[2] Генеральный штаб сухопутных сил.

это — полдела. Не так-то просто нашим бойцам оказалось утихомирить уцелевшего майора, который, отстреливаясь, пытался удрать. Самолет жарко горел. Сержант — командир орудия, оказавшийся поблизости, бросился в огонь и вытащил мертвого пилота и портфель. Бойцы, гася загоревшееся обмундирование, набросили на сержанта плащ-палатку. Они его спасли, спасли и портфель.

Да, наши бойцы постарались, огорчив немало в тот пасмурный день, 19 июня, фашистских генералов и самого нацистского фюрера. Еще некоторые тайны врага стали явными. Содержание рейхелевского портфеля кое-что добавило к тому, что из секретного и сверхсекретного знали наши штабы.

Но одна из тайн портфеля Рейхеля так и оставалась нераскрытой. Вот уже месяц к ней не могли найти ключика. В портфеле обнаружили неотправленное письмо Рейхеля с адресом, написанным от руки на конверте: «Гельмуту Гроскурту. Берлин, церковь святой Гедвиги...»

Письмо начиналось высокопарно: «Да благословит вас бог, да пребудете вы в добром здравии и благополучии».

А дальше все было написано таким почерком, что невозможно было понять, о чем идет речь. Сплошные штрихи, крючки, черточки и знаки препинания. Среди этого хаоса различались цифра «40», слова «кедр Левантский»... «лейб»[1]... и помечена дата «Воскресенье. 14.06.42». Только и всего!

Это трофейное письмо, наверное, не заслуживало бы того, чтобы им столь пристально заниматься, если бы не одно обстоятельство. После разбора документов из портфеля Рейхеля Верховный разрешил всем удалиться и оставил у себя одного Василевского. Попросил сесть. Разглядывая его в упор, внезапно спросил:

— Не вы ли называли эту фамилию? Фамилию офицера, которого они вам подставили? Меньше двух лет тому назад? Вспомните: Гроскурт.

Услышанное удивило Василевского. Такая память! Такая память! Мгновенно четко в сознании всплыл тот далекий вечер, когда он на партийном собрании отчитывался о миссии в Берлин в составе правительствен-

---

[1] L e v a n t *(франц.)* — общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземноморья; л е й б — особа при правителе.

ной делегации. Был конец ноября сорокового года, может быть, числа двадцать пятого. Да, ошибки не было — Гельмут Гроскурт, майор вермахта, прикомандированный к делегации. Он называл это имя на собрании! Василевский выдержал пристальный взгляд сталинских глаз и тут же подтвердил. Да, ему знакома такая фамилия! Вот только он не сможет сказать, какое отношение имеет тот Гроскурт к церкви святой Гедвиги.

Был Гельмут Гроскурт, было оно, было путешествие в составе делегации в Берлин и обратно. Еще не прошло и двух лет с той поры, а кажется, минула вечность! Может быть, Сталину не понравился тогда его доклад? Но комиссар генштаба похвалил: «Доклад составлен прекрасно». Или он в чем-то поступил неправильно? Полминуты длилось тягостное молчание. Тихими, но твердыми шагами Сталин подошел к нему и остановился.

— Полагаете, что тогда к вам Гроскурт был приставлен случайно? И вел игру индивидуально? Вы — наивный человек, дорогой мой. Рассудите, прикиньте мозгами. Стал бы офицер генерального штаба зря посылать писульку пастору! Знайте, подобными письмами обмениваются только оппозиционеры. Для нас важна оппозиция и даже фронда. Вы так не думаете? Напрасно. Побеседовать с вами на этот счет... следовало бы! Ну, ничего, идите,— расслышал он хриплый голос.— Ступайте, Александр Михайлович!

В ту бессонную ночь у Василевского появилась седина в висках. Он вспоминал тихие, решительные шаги Сталина, вспоминал Берлин.

Интересно, почему кто-то думает, что офицер не мог послать письмо пастору? Может быть, это его отец. Или брат. Например, у него самого, у Василевского, отец священник, Михаил Александрович. Они, правда, не переписываются. Но здесь иная причина. Чтобы остаться в армии, в двадцатых годах надо было дать подписку о разрыве «с социально-чуждым элементом». Этого требовало суровое время. Условия классовой борьбы.

И снова в памяти Берлин.

Берлин, Ангальтский вокзал, рейхсканцелярия, забитая мундирами, вооруженное до зубов зловещее тупоумие гитлеровской столицы.

III

Холодный ноябрь 1940 года. Остался всего лишь месяц до того, как Гитлер поставит свою подпись на «плане Барбаросса»— плане нападения на СССР.

Сумрачный вечер 9 ноября. Днем деревья и крыши домов забелил снегопад, и люди на площади у Белорусского вокзала — водители и милиционеры — топтались у машин в рядах оцепления; старшие по чину курили, поеживаясь, ругали погоду. Небо цвета солдатского шинельного сукна нависало низко, обещая снег.

С путей должен был уйти на запад правительственный поезд. Уйти вне расписания, как уходят так называемые «литерные» поезда. Такой поезд стоял сейчас на путях — натертый до блеска паровоз «ФД» и несколько классных вагонов. А там, на перроне, очищенном от всякого постороннего люда, прогуливались иностранцы и наши — подтянутые, настороженные. И только немногие с деланной беззаботностью беседовали, ожидая удара станционного колокола.

Замерло крыло семафора.

Происходило здесь вот что. Как писали газеты, в Берлин, по приглашению германского правительства, отправлялся со своими спутниками глава Советского правительства и руководитель внешнеполитического ведомства Вячеслав Михайлович Молотов. В том же коммюнике указывалось, что целью поездки является продолжение и углубление текущего обмена мнениями.

Делегация — большая. В ее состав, кроме дипломатов, входили специалисты разных отраслей экономики, торговых учреждений, хозяйственники. Наркомат обороны представляли генералы Василевский и Злобин. Они держались вместе.

Накануне их двоих вызвал к себе Молотов. Усадив молодых офицеров в кресла, Молотов сказал, что помнит Василевского, который хорошо поработал, возглавляя после советско-финского конфликта комиссию по демаркации границы. Василевский сказал, что и теперь они со Злобиным сделают все, что должны сделать.

— И еще немного больше!— улыбнувшись, добавил Молотов тихим, с легким заиканием, голосом.— Вы знаете их полководцев?

Василевский утвердительно кивнул. Не раз до этого ему приходилось работать над документами, в которых

давались оценки и характеристики войскам, сосредоточенным на западной советской границе. В документах формулировались выводы о том, что интерес фашистских генералов к этим районам превосходит обычные рамки. Какие уж там рамки! Над Западным Бугом такой тучи никогда не наблюдалось. Прибрежные районы до отказа забиты пехотой, танками. Сюда подтаскивались все новые и новые массы артиллерии. Все подготовлено к наступательным действиям.

Нарком обороны всегда разглядывал обстановку на генштабовских картах, чертыхаясь. По картам можно догадываться, что таят в себе сейфы на Бендлерштрассе в Берлине. Советские командиры, до наркома включительно, уточняли пока что предположительно задачи своих формирований. И всех тревожила одна мысль: неужели так скоро?

Василевский ответил Молотову:

— Элита солидная. Браухич, Гальдер, Рундштадт, Кейтель, Лееб, Гудериан, Бок, Паулюс. По отзывам английской печати —«незаурядных способностей стратеги».

— На островах нацисты имеют немало своих пылких поклонников. Похвала в адрес этих цезарей и ганнибалов какой-нибудь, даже респектабельной лондонской «Гардиан», вполне естественна. Однако комплимент этот не будем сбрасывать со счетов. Лучше переоценить, чем недооценить.

— Безусловно,— подтвердил Василевский.— Нас со Злобиным в академии еще учили, правильней предполагать, что в штабах противника обстоятельные планы. И в практике исходить из такой предпосылки. А планы разрабатывают все эти кейтели и гальдеры.

— Кое-кого из этой компании вы увидите самолично. И даже пожмете им руки.

— Удовольствия мало, несимпатичная братия. Но вреда от этого знакомства не будет,— ответили генералы.

— Они сами напрашиваются на встречу.

— Мы со Злобиным Германию никогда не посещали.

— Тем более вам надо ехать с нами. Теперь слушайте. Нашу поездку не назовешь сентиментальным путешествием, она преследует исключительно политические цели. Но, наверное, вы догадываетесь, что речь поведем и о недопустимом, «непонятном» поведении гитлеровских эмиссаров в Румынии, Болгарии, Финлян-

дии. Посольства Германии в этих странах превратились в военные штабы. Штабы по соседству с нашей границей. Попытаемся противодействовать,— заканчивая беседу, сказал Молотов.— А сейчас мы должны проститься. До свидания!

И вот проводы на Белорусском вокзале. Среди провожающих — немцы. Советники, эксперты, военный и военно-морской атташе, другой персонал. Василевский увидел и самого посла — графа фон Шуленберга. В его сером, продолговатом, изрезанном морщинами лице виделось что-то застывшее, безжалостное. Остальные — оживленны. Улыбки играют на губах и глазах. А почему бы им грустить? Германия от захватов территорий порядочно разбухла.

Позже всех к отъезжающим присоединился авиаконструктор Александр Яковлев, с небольшим, в пестрых наклейках с экзотическими названиями отелей фибровым чемоданчиком в руках и с «Вечерней Москвой» в кармане. Среди других Василевский узнал Ивана Федоровича Тевосяна, наркома черной металлургии.

После короткого прощания с провожающими Иван Федорович тронул руку Василевского:

— Едем, что ли?

— Да, Иван Федорович, погостим в Берлине.

— Стоит, конечно, погостить. Особенно в наши дни. Совсем не тот стал город, о котором писал Карамзин в своих «Письмах русского путешественника...»

IV

Разговор прервался. Объявили посадку, прозвучал сигнал отправления, и поезд тихо тронулся, без обычного в таких случаях громыхания буферными тарелками. Поплыли станционные строения, заборы. Но не успели миновать выходную стрелку, как буферные тарелки все же грохнули. Кто-то сорвал стоп-кран. Василевский вышел в тамбур вагона и оказался вместе с проводником.

— В соседнем вагоне... эти господа остановили,— сердито заметил проводник.

— Кто?

— Немцы. Кто-то из них забыл в своем посольстве праздничный фрак.

Фрак забыл сам посол — фон Шуленберг. Кое-как уладили дело, пообещав доставить ему парадную одеж-

ду на автомашине к следующей станции. Каких переживаний натерпится старик, пока не получит фрак! Под вопрос поставлена его карьера!

— А я забыл воблу для нашего военного атташе. Он звонил мне из Берлина. У них бывают «вечера с пивом». По-немецки: «Бир абенд». На этих вечерах хороша вобла. Может, мне махнуть к себе на Чистопрудный бульвар, пока стоит поезд. За воблой,— пошутил Злобин.

— Вобла не проблема. Купим где-нибудь на станции.

— Так что же вы читали, Иван Федорович, у Карамзина о Берлине?— желая продолжить разговор, спросил Василевский.

— Там много любопытного. Когда-то я учился в Германии, к отъезду тщательно готовился, штудировал книги об этой стране. Ну и, конечно, прочел кое-что из беллетристики. Гоголя, Карамзина. Так вот Карамзин остроумно описывает свой въезд в Берлин.

«В некотором расстоянии,— стал декламировать Иван Федорович,— от Берлина начинается прекрасная аллея из каштановых деревьев, и дорога становится лучше и веселее. О виде Берлина нельзя мне было судить потому, что беспрестанный дождь мешал видеть далеко вперед. У ворот мы остановились. Сержант вышел из караульни и стал нас допрашивать: «Кто вы? Откуда едете? Зачем приехали в Берлин? Где будете жить? Долго ли здесь пробудете? Куда поедете из Берлина? Судите о любопытстве здешнего правительства».

Присутствующих это развеселило:

— Дальше, дальше, Иван Федорович!

— Карамзин ездил в Берлин на телеге, а через Шпрее, может, и моста не было. Город не освещался, кварталы в темноте обходил ночной сторож и трубил в рог каждые четверть часа. Берлин возник на месте военного лагеря римлян, которые поклонялись Беролине — деве-воительнице. Карамзин дальше рассказывает, как допрашивал его трактирщик. «Вы из России приехали?»—«Из России. Так...»—«В какие вороты вы въехали?»—«У вас все войною занимаются?» Вот так-то друзья. А теперь мы их можем спросить: «У вас все войною занимаются?».

Он замолк. Снял с полки саквояж, дернул застежку-молнию, достал синий путеводитель и книжечку кар-

манного формата — немецкий разговорник. Раскрыл путеводитель и продолжал:

— Берлин сейчас — самый серьезный город. Вот посмотрите справку. Берлин расположен на 52°31′ северной широты и 13°25′ восточной долготы. В городе 20 вокзалов для поездов дальнего следования, 121 вокзал пригородного сообщения, 27 станций окружной железной дороги, 7 сортировочных станций. Городской транспорт представлен трамваем, автобусами, надземной железной дорогой и метрополитеном. Это уже совсем не Берлин карамзинских времен...

— Берлин для Европы теперь все. Европа стала германской частью света. Во всяком случае, нацисты уверены в этом,— заметил кто-то из соседей по купе. Ивана Федоровича попросили побольше рассказать об этой стране. Иван Федорович учился в Германии и в последнее время часто выезжал туда для разрешения различных вопросов, возникавших по заключенным торговым соглашениям и контрактам. Живой рассказ Тевосяна заинтересовал его спутников.

— Начал я с языка,— сказал он.— Чтобы быстрее освоить немецкий, стал брать частные уроки. Их по четыре марки за час давал мне русский эмигрант, ассимилировавшийся инженер. Дело продвигалось быстро, тем более, что с деньгами у меня было не густо. Уже спустя месяц мы перешли к разбору фраз из газетных колонок. Так что уроки политики мне доставались бесплатно. Какой можно было видеть Германию? Страна богатой культуры и мощных производительных сил. Здесь налицо мастерство в самых разнообразных областях, умение работать. В народе живет неугасимая воля к преодолению препятствий. Имеются талантливые люди в науке, в технике, в литературе, в рабочем движении, наконец, высокие традиции прошлых культур. Но нередко все покрывала волна непроходимого мещанства, мелкой жадности, наивного высокомерия. Поражение в войне привело к вырождению общественной морали, раздробленности мировоззрений, унылым конфликтам жестоких будней. Какую-то прослойку людей охватила полувыдохшаяся государственная и религиозная романтика. Среди этих противоречий послевоенной Германии стала быстро размножаться нацистская бацилла.

В Минске поезд стоял недолго. Никто даже не вышел из вагонов. Только из третьего вагона, фотокор

«Правды» Михаил Калашников обнаружил что-то интересное для себя и, выскочив на перрон, торопливо щелкнул несколько раз затвором «лейки». Отсюда состав повернул на Вильнюс — польская территория была закрыта, немцы держали ее на осадном положении. И вот уже из окон вагона видно, как по склонам литовских холмов взбегают багряные перелески. Река Нярис в тумане, серая вата окутывала фигуры часовых на мосту, работающих в поле крестьян.

На стене сторожевой будки различалась польская полустершаяся надпись: «Не дадим немцу ни пуговицы!» Лозунг радикальный. Только гитлеровцы вместе с пуговицей вырвали у пилсудчиков и кишки.

Остался позади Каунас, а затем и Кибартай. Паровоз резко снизил скорость и пошел все тише и тише. На каждой вагонной подножке оказались солдаты. Прогремел внизу мостик через неширокую речку. Наконец появились контуры кирпичных, острокрыших, крытых черепицей, домов. Мимо вагона проплыло выведенное на боковой стенке вокзала крупными буквами название станции: «Эйдткунен». Зашипели тормоза. Начальник поезда вышел из вагона и, прошагав мимо вытянувшихся в струнку часовых, направился к немецкому коменданту. Истекло десять минут, четверть часа. Начальник не возвращался. Вокруг царило безмолвие. Тевосян снова начал вспоминать Карамзина: «Кто вы? Откуда едете? Зачем приезжали в Эйдткунен? Где будете жить? В какие ворота въехали?»

Спрятав в саквояж путеводитель и разговорник, Иван Федорович отправился в салон Молотова. Возвратившись, рассказал, что немецкие железнодорожные власти не только, уподобляясь сержанту из караульни, кое о чем расспрашивают, но и пытаются доказать, что советской делегации будет удобнее следовать далее в заботливо подготовленном немцами специальном составе.

— Что за новость?

— Немецкие железнодорожные пути более узкие, на двенадцать сантиметров разница...

Вячеслава Михайловича возмутила такая наглость. Он, как глава делегации, решительно разъяснил, что все предусмотрено заранее, и поезд переведен на новые колесные пары, о чем в свое время сообщено и немецким господам...

Комендант смутился:

— Entschuldigung, aber da bin ich Meinung...[1]

— С Берлином была договоренность, что мы прибудем своим поездом. Поэтому ваши мысли, господин комендант, должны совпадать с официальной договоренностью.

Попытка немцев пересадить советскую делегацию в «вагоны, где есть уши», потерпела фиаско. Их «игру» раскрыли.

Стоянка пошла на пользу. Тевосян раздобыл газету «Дас рейх». В купе Василевского она пошла по рукам. В ней оказалась колонка текста за подписью самого Геббельса и обзор. Комментатор подводил итог первого года войны. Успехи оценивались как «исключительные»: «Если взять первый год прошлой мировой войны,— вспоминал комментатор,— то тогда, несмотря на проявленную храбрость, несмотря на неслыханные жертвы, были достигнуты лишь частичные успехи. Тогда Германия не добилась ни на одном направлении решающего успеха».

Хвастаясь огромными территориальными захватами германской армии, обозреватель отмечал, что эти успехи возрастают и в силу того, что Италия захватила в свои руки инициативу в Восточной Африке.

Тут же критиковалась английская военная пропаганда, которая каждое поражение Англии и ее союзников пытается изобразить как величайшую победу. Так, бегство из Дюнкерка, которое англичане изображали как величайшую победу, с немецкой точки зрения являлось позорнейшим поражением. То же самое, отмечалось далее, английская пропаганда говорила и в то время, когда «вермахт выполнял свою миссию в Польше, Норвегии и, наконец, во Франции».

Далее приводились слова самого фюрера:

«В Англии заявили, что война будет продолжаться три года, что Англия уже сейчас делает ставку на трехлетнюю войну. Я сказал тогда рейхсмаршалу: «Геринг! Готовь все на 5 лет!» Мы действовали таким образом вовсе не потому, что я думаю, что война продолжится 5 лет. Однако, что бы ни случилось, Англия будет разгромлена».

Газета напоминала о неоднократных мирных предложениях, якобы выдвигавшихся Германией. Теперь немецкие войска продолжат борьбу до тех пор, пока

---

[1] Извините, но я думаю иначе (*нем.*).

наконец не будет вынесено окончательное и ясное решение. И этим ясным решением может стать только одно: режим поджигателей войны будет устранен!

Гитлеровцы создали свой жаргон, включая «социалистическую» терминологию. В статьях часто мелькали слова «плутократия», «империализм», «олигархия»... Повод для кичливости — в их руках. Действительно, ими одержаны немалые победы. Летом, обойдя линию Мажино, немецко-фашистские войска ворвались во Францию. Что же французское командование? Оно надеялось воевать по образцу первой мировой войны, задержав вермахт на укрепленных рубежах. Оно упустило из виду, что, как показала польская кампания, немцы внесли в свои действия новые элементы: оперативное использование подвижных соединений с применением воздушного прикрытия, а подготовка удара проходила под плотной завесой политической, военной и дипломатической дезинформации.

Прорыв французской обороны последовал на реке Маас между Седаном и Намюром. Но именно здесь французы наступления не ожидали! И, поддавшись обману немцев, перебросили свои главные силы в сторону Бельгии и Голландии. На Францию упал позор поражения. Ухмылявшийся Гитлер принимал в Компьенском лесу доставленную сюда делегацию французского правительства. В том же самом историческом вагоне, где некогда в качестве побежденных находились немецкие представители, фашистский фюрер подписал условия французской капитуляции. С тех пор гитлеровская челка, почти как у Наполеона, замелькала на страницах мировой прессы.

Василевский и Злобин до полуночи разговаривали. Василевского мучил кашель, он достал из портфеля таблетки.

— Я перенес грипп с температурой. Голова трещит от боли. Надо же! В комфорте болею. А на фронте было ничего — спал на сырой земле, завернувшись в шинель. Как у них с погодой? — запив лекарство водой, спросил он.

Злобин ответил:

— А вот, пожалуйста, «Дас рейх» дает прогноз: «Антициклон, идущий с севера, постепенно распространился на Центральную Германию, что привело к повсеместному улучшению погоды. Однако атмосферное давление в южных районах постепенно понижается.

Погода, следовательно, скоро испортится. В субботу благодаря антициклону еще удержится ясная солнечная погода. Но циклон, надвигающийся из Испании, вызовет резкое понижение температуры».

— Понял. Либо дождик, либо снег. Либо будет, либо нет.

— Где нас разместят?

— Пока неизвестно. В Берлине множество дворцов и старой и новой постройки. Нам отведут, должно быть, Бельвю. Это в Тиргартене. Там два дворца — Шарлотенберг и Бельвю. Оба на берегу Шпрее.

А рядом слышались обрывки разговора на другие темы:

«Резиденция Круппа в Эссене. Ему что? Получал и получает дивиденты за счет нацистских авантюр, за счет тех, кто гнет спину у плавильных печей».

«Гитлер следует советам высококвалифицированной касты прусских милитаристов, этих, как они себя величают, «аристократов духа», и выбирает наиболее удачные из предлагаемых ими вариантов ведения войны. Он дает им то, что они больше всего хотят...»

«Гитлер — темная лошадка. Буржуазия, поставив на него, до поры до времени видела лишь ее хвост».

«Они стремятся занять плацдарм на Балканах. Фон Макензен говорил: «У кого Болгария — у того и Балканы»[1].

Одиннадцатого ноября поезд проследовал через пограничную станцию Малькиня. Перед членами нашей делегации предстали первые немецкие любезные дипломаты:

— Начальник отдела министерства иностранных дел Дернберг...

— Начальник штаба связи Штернгер...

— Капитан флота Штофазиус...

Официальные лица. А для чего эти два штурмовика? Стоят, расставив длинные ноги. Оба — средних лет, в бежевых костюмах. Похожи друг на друга так, что их можно было спутать, только у одного проседь в висках.

«Очевидно, для декорации»,— подумал Василевский.

На другой день оказались у цели. Миновав берлинские пригороды, поезд вошел под железные ребристые

[1] Макензен Август (1849—1945), германский генерал-фельдмаршал. В 1915 году командовал группой армий при разгроме Сербии и Румынии.

своды Ангальтского вокзала. Перед взором встала вокзальная башня с часами,— стрелки показывали 11 часов по берлинскому времени.

V

Выйдя из вагона, Василевский огляделся вокруг. К вагонам небольшими группами направлялись люди. Рейх. Подражающий Древнему Риму и его цезарям. Под высокими сводами перрона с достоинством парили полотнища — советские красные знамена с золотистым серпом и молотом и звездочкой, они как бы источали теплоту. Тут же гитлеровские хоругви с рогатым крестом, со свастикой. Свастика — древний священный знак индусов. Этот крест с изломанными концами означал колесо вечного движения жизни. Почему этот символ канонизировали нацисты — не ясно. Они позаимствовали не только крест. Тяжелой кажется свастика на полотнище красного цвета. Красного. Еще бы: гитлеровская партия — НСДАП — называется рабочей. Тоже вероломное присвоение.

Среди встречавших Василевский увидел министра иностранных дел фон Риббентропа. Надменного вида долговязый фашист с моноклем в одном глазу — конечно, это фельдмаршал Кейтель, другие лица из правящей нацистской элиты. Они показались ему странно знакомыми, будто он видел их раньше. Этому, наверное, и удивляться не следовало. Риббентроп, Кейтель, Лей, Гиммлер, Дитрих стали как бы частью картины немецкой жизни с осени тридцать третьего года, когда «фюрер» стал рейхсканцлером и рейхспрезидентом.

Человек, принужденный видеть это каждый день, свыкался с такой картиной. Сотрудники советского полпредства выглядят оживленно-спокойными. Для них привычны шпалеры войск почетного караула в новенькой форме, с новенькими ворронеными автоматами, привычны люди в черном с нарукавными повязками. Весь ритуал встречи должен подавлять сознание гостей, подчеркивать силу третьего рейха, его возвышение. Может быть, это кого-то действительно околдовывало?

После обхода войск Молотовым и Риббентропом делегацию проводили к авто, ожидавшим их поодаль, на площади. Площадь и ближайшие улицы были плотно оцеплены усиленными нарядами полицейских. Машины с разместившимися в них членами делегации и сопро-

вождающими тронулись, завыла сирена. Впереди мчался черный «мерседес» с сиреной, мчались транспортеры с охраной. Двигались по Унтер-ден-Линден, направляясь туда, где чернела огромная триумфальная арка — Бранденбургские ворота. Машины пересекли роскошную Фридрихштрассе. Слева, на Вильгельмштрассе громоздились купола и башенки, видны были Новая имперская канцелярия и отель «Эдем». За Бранденбургскими воротами, справа, подпирал серое небо купол рейхстага, потом промелькнули обнаженные ветви вязов Тиргартена, маслянисто очерченная полоса Ландвер-канала, площадь Большой Звезды — Зигесзойле с Колонной Победы.

Аристократический Шарлотенбург подавляет своим блеском. Приезжим ни к чему знать, что в шикарном «Эдеме» зимой 1918—1919 года обитал штаб кавдивизии, выполнявшей палаческие обязанности в отношении к восставшим рабочим районам города. Выкормыш этой дивизии майор Пабст обагрил свои руки кровью Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Либкнехт был убит в Тиргартене «при попытке к бегству»; растерзанная Роза Люксембург была брошена в Ландвер-канал.

Машины, не останавливаясь, проследовали на Бельвюштрассе.

Миновали несколько ворот, свернули в парк с полицейскими во множестве экземпляров. Чувствовался осенний трепет деревьев, старых лип; коричневые пятна цветочных клумб влажно поблескивали.

Внутри парка — обнесенное стенами массивное здание причудливой архитектуры. Дворец безвкусный, а назывался «Бельвю», что в переводе с французского означает «Прелестное местечко». Барокко с примесью других стилей. Стены увиты плющом. Замок Бельвю. В вестибюле пол выложен большими плитами шлифованного белого мрамора.

Разместили — претензий не предъявишь. Прихожая, рабочая комната, комната для вещей, спальня. Нет, здесь не чувствовалось казарменного запаха, стоял запах кожи.

В своих аппартаментах Василевский нашел свежие газеты. Прочел аншлаги, клише с Гитлером-оратором. Да, это была речь Гитлера, произнесенная в Мюнхене, где он побывал по какому-то поводу на прошлой неделе.

В этой своей речи Гитлер заявил:

«Я делал мирные предложения, но Англия их отвергла. Теперь я отклоняю любой компромисс. Только борьба, борьба на уничтожение! У нас еще огромные воинские резервы, не вводимые в действие. Материальные запасы и их количество вынуждают прекратить работу отдельных предприятий, так как негде хранить продукцию...»

«...Истинная свобода—это антисемитизм; борьба против евреев является вместе с тем борьбой за возрождение... Благодарность нации...»

И далее — в таком же духе. Читать всерьез эту пачкотню невозможно.

В день приезда глава делегации в сопровождении советского полпреда Шкварцева, переводчиков и Риббентропа отправился в здание Новой имперской канцелярии для встречи с Гитлером. Построенное при нацистах, здание обставлено с помпезной роскошью. Фюреру казалось, что воцарившись в нем, он станет могущественным и неприступным. Но на советских представителей ни здание, ни его внутреннее убранство не произвело того впечатления, на какое рассчитывали его хозяева. Молотов небрежно прошагал по коврам, остановился, вытер большим платком стекла очков в стальной оправе. За столом он сидел строгий, замкнутый.

Советский премьер выдержал свыше двух часов мучительно-неприятного общения с фанатиком прямого действия Гитлером! Это было тяжело.

Молотов впервые увидел Адольфа Гитлера в такой близости, лицом к лицу. Впечатление от встречи не поколебало прежнего мнения о нем. «Рема[1] он застрелил собственноручно, когда тот перестал быть для него удобным. А сейчас он являет собой тип самодовольного, ни в чем не сомневающегося бюргера,— глядя ему прямо в глаза, подумал Молотов,— фигляр и преступник. Но он не дурак».

Как хотелось Гитлеру ввести в заблуждение советского главу правительства! И до 3 октября, когда он послал ему приглашение посетить Берлин, и после он думал только об этом. Что предпринять, чтобы поощрить Советский Союз к продвижению на юг, к Ирану или Индии? Пообещать ему выход к Индийскому

[1] Один из создателей нацистского репрессивного аппарата: штурмовых отрядов и войск СС.

океану? Убедить, что юг для России важнее, чем ее позиции на Балтике?

Риббентроп поддакивал своему шефу:

— Я с вами полностью согласен. Нужно отвлечь Россию к Персидскому заливу и к Индии!

Они верили, что в Советском Союзе мыслят теми же категориями, что и в Берлине.

Молотов хорошо понимал, куда они клонят, он стоял на своем:

— Самое главное — сохранить мир и укрепить безопасность Советской страны.

Гитлер начал издалека. Он возмущался поведением Польши, в свое время строившей козни против своих соседей, поделился своими опасениями относительно ситуации, сложившейся на Арабском Востоке, и трагедии Балканского полуострова. Германия, по его словам, сумеет вывести всех из состояния смятения и хаоса, которые угрожают народам, если не вмешаться.

Гитлер сделал заискивающую гримасу. Советский премьер слушал молча, на лице его ничего не отражалось. Ни малейшим движением не выдал он своего возмущения этой демагогией.

Когда наступил момент для ответа, он произнес:

— Господин рейхсканцлер говорит не о тех проблемах, ради которых советская делегация прибыла в Берлин...

Услышав суровый ответ, Гитлер резко поднялся. Его лицо посинело, осунулось, подобралось. Слегка дернулась фигура, правая рука вцепилась в борт пиджака.

Это прорвался страх перед большевиками.

Он боялся и избегал встреч с серьезными политиками. Тем более он растерялся при встрече с советским политиком. Советский представитель не собирался спорить. Он знал, что Гитлеру больше нечего сказать. Повсюду Гитлер лгал! Он готовился к войне, пользуясь любезностями Чемберлена. Этот человек — не государственный деятель, не политик. Он — паяц, укравший из гардероба своей несчастной страны одежды рейхсканцлера.

— Хорошо!— согласился Гитлер.— Вам с Риббентропом надо более детально обменяться мнениями в министерстве...

Молотов улыбнулся, но улыбка получилась мрачноватая — он знал, что придется иметь разговор с подоб-

ными же типами, вскормленными на такой же интеллектуальной диете.

Советский представитель направляется к хозяину внешнеполитического ведомства — к Риббентропу. Проходит через приемную, через открытую дверь по соседству — стенографическое бюро с машинными барышнями (tippfräulein). Слышна сорочья болтовня этих уж очень похожих друг на друга особ с фиалковыми глазами. В этой среде к лику святых великомучениц была причислена типпфройлен из обслуги Геринга. Когда чем-то недовольный шеф сделал ей едкое замечание, она с возгласом: «Ах, я вам больше не нужна!» — тут же свела концы с жизнью, застрелившись из дамского пистолета. Венок к её гробу преподнесли от самого фюрера. Покойной завидовали.

Молотова провели в кабинет Риббентропа. В мебельной сфере Риббентроп поклонялся «классике» — его кабинет был оборудован в старонемецком стиле: тяжелый стол, рыцарские кресла.

Здесь разговор шел откровеннее. Немецкий министр иностранных дел долго распространялся о планах фюрера. В его мародерски-дипломатическом мозгу имелась картина нового порядка в Европе без участия Англии. «Исходным пунктом для создания нового порядка в Европе является катастрофа старого европейского мира,— сказал он.— Европа в данный момент находится в состоянии военного и экономического преобразования». Из этого положения делался вывод, что все европейские народы должны участвовать в создании новой Европы. Господствующим центром новой Европы будет ось Берлин — Рим. По отношению к России будет проведено четкое разграничение сфер влияния. Малые европейские государства должны встать под защиту великих держав оси.

— На Вильгельмштрассе[1],— подчеркнул Риббентроп, рассматривают новый порядок в Европе в следующем аспекте:

1. В политической области мир в Европе обеспечивает ось Берлин — Рим. Державы оси обеспечивают Европу также от вмешательства чуждых Европе стран. Франция перестает быть плацдармом Англии и будет участвовать в новой Европе.

---

[1] Улица, где была расположена Новая имперская канцелярия.

2. В военном отношении Германия и Италия будут защищать новый порядок собственными силами, стабилизировать положение в новой Европе. Державы оси не будут принуждать малые народы сражаться за их цели.

3. Экономические взаимоотношения в новой Европе должны быть построены на равноправии всех европейских народов. Новая экономическая система будет покоиться не на капитале, а на производительности выпускаемой продукции. Германия не намерена навязывать свое общественное устройство и мировоззрение другим европейским народам. Создание нового экономического порядка в Европе стоит на первом плане, поскольку война уже решила вопрос о новом порядке в военном и политическом отношениях.

Советский представитель отвечал вопросами:

— Поймите, господин министр, я прибыл сюда не для обсуждения столь далеко распространяющихся задач Германии. Нам бы хотелось знать об элементарных явлениях дня. Почему к границам СССР стягиваются германские вооруженные силы? Нам говорят — на отдых. А нельзя ли устроить им отдых в другом месте?

Вопросы эти подействовали на фон Риббентропа как ледяной душ. Он, как и его шеф — фюрер, испугался за судьбу секретнейшего из секретных правительственных замыслов. Если русские раскусят их, утратится фактор неожиданности — фактор столь ценный. Планы кампании против России разрабатываются, и детали этих планов задействованы.

После второй беседы у Гитлера, продолжавшейся более трех часов, где нацистские главари продолжали толочь воду в ступе, стало ясно — серьезного разговора они избегают.

В дипломатической практике нередко бывает, что многое из того, что не удалось решить за столом переговоров, решается во время приемов. Участие в приеме — работа не проще другой. Александр Василевский был на обоих берлинских приемах — в рейхсканцелярии и в советском посольстве. Гитлер, как видно, на переговорах исчерпал себя, и, будучи приглашенным, ответил неопределенно, и в советское посольство на прием не явился. Что ж, может, вышло и к лучшему. Фотокор «Правды» Миша Калашников хорошо схватил его в рейхсканцелярии в объектив. Потом советские люди увидели Гитлера без ретуши. Оскаленное в улыбке

лицо дегенерата, прядь набриолиненных волос, упавшая на лоб. С лакейской угодливостью он пожимает руку главе советской делегации....

...Это был по существу один из последних больших приемов в советском посольстве в Берлине. Стол был сервирован в Мраморном зале на 500 персон. Свечи, старинное серебро. Гвоздики в вазах... Василевский стал рассматривать присутствующих. По залам прохаживались военные в парадной форме. У многих из них сверкали рыцарские кресты, другие награды. Все гости с выправкой.

Подручные фюрера. У них государственно-томные лица, с губ слетают государственно-штампованные речи. Обращает на себя внимание некто в форме генерала СС со срезанным, как у выдры, подбородком, это — Гиммлер. У него бледно-серые светлые глаза. Расширив глаза, он посмотрел на Молотова, и тогда показалось, что глаза его стали более светлыми. Потом сжал свои бескровные губы.

Заученной небрежной походкой подошел к советскому полпреду Борман. Заместитель фюрера НСДАП наполнил чем-то светлым маленькую хрустальную рюмочку, что-то сказал полпреду.

А вон сам доктор Геббельс в окружении дам, увешанных мехами и драгоценностями. Среди них выделялась супруга министра пропаганды — представительная особа в вечернем туалете, сиявшая платиновой прической, взбитой на прусский манер. Ей шла бы эсэсовская фуражка. У самого Геббельса манеры балерины, которая выздоровела после паралича. Он и разговаривал подобно актрисе. Чуть-чуть манерно, то раскрывая, то пряча усмешку.

Министр иностранных дел герр Риббентроп. Его движения отчетливы, целесообразны. Одет с изяществом. Рассказывали, что никакая парижская красотка не следит так за своим платьем, как этот господин. Рядом с Риббентропом знакомая Василевскому фигура Кребса. Служит он помощником военного атташе в Москве, и с ним приходилось встречаться. Он довольно прилично изъясняется по-русски. Набор орденов на зимнем мундире стального цвета пополнился рыцарским крестом; очевидно, получил его по возвращении из Москвы. Подтянутый, безупречный с головы до пят. Василевский с особой остротой чувствовал здесь серьезность

ситуации. Он бросил на полковника Кребса быстрый, чуть удивленный взгляд.

Кребс также узнал Василевского, подошел, поприветствовал и заговорил. Они набрали со стола тарелки снеди и отошли в сторонку. Василевский услышал: «Нас огорчают ваши подозрения. Они безосновательны. Мы боимся Красной Армии». К чему эта комедия? «Он говорит по-русски,— рассудил Василевский.— Возможно, употребил слово «боимся» из-за бедности в его языке словарного запаса? Или намеренно? «Боимся!»

Хотелось сказать:

— Сейчас ноябрь, а не первое апреля.

Но Василевский сделал вид, что не слышал фразы. Вслух произнес: «Будьте здоровы!»

Кребс перешел к менее рискованным темам. Василевский думал: «С подготовкой к «крестовому походу» дело у них зашло далеко. Совершенно позабыли, что Людендорф и Гинденбург с их амбициями в минувшей войне получили взбучку. Пусть и эти начинают. К чему это приведет — посмотрим».

Какой-то тип по соседству поглядывал на них слишком пристально, и они разошлись. Он уехал с приема в отведенную делегации резиденцию, как только состав гостей стал редеть. Во дворец Бельвю довезла машина советского военного атташе.

Из той поездки Василевскому более всего запомнился этот банкет да ночная бомбардировка Берлина английскими самолетами.

...В этом дворце Бельвю он уже намеревался покрепче уснуть, когда послышались глухие далекие удары и задрожали дворцовые стены. И в тот же момент на ночном столике задребезжал телефон. Звонок — тонкий, резкий, требовательный. Василевский прислушался, тихо поднялся, включил свет и взял трубку:

— Алло!

— Господин советник? Простите, господин генерал,— послышался мужской голос с акцентом.— С вами говорит дежурный офицер комендатуры, майор Гроскурт. Мне необходимо побеспокоить вас.

— Говорите.

— В городе воздушная тревога. Ожидается налет.

— Слышу.

Действительно, слышался металлический вой сирены. Через ровные промежутки времени с неистовой злобой стреляли зенитные орудия.

— Сойдем вниз, господин генерал. Я обязан проводить вас в бомбоубежище.

— Благодарю вас. Я готов.

Через минуту в дверях появился офицер. Высокий, плотный человек лет сорока со впалыми щеками. На правом нагрудном кармане — орел, знак принадлежности к вермахту. На редкость прямая осанка. Держится безукоризненно. Щелкнул каблуками и отдал честь, вскинув правую руку.

— К вашим услугам...

— Что требуется от меня?— спросил Александр Михайлович.— Идти к лифту?

— Лифт выключен в целях безопасности. Как нам быть? А знаете, пойдем пешком,— подбирая слова, произнес майор и пошутил:— Вроде апостолов.

Они стали спускаться по широкой лестнице и скоро оказались на первом этаже. Здесь был обширный холл. Потолок держали колонны и арки. Порталы в мраморе вели во все стороны. Прямо был широкий вход на нижний этаж, в зимний сад и далее — спуск в бомбоубежище.

Гудела земля от взрывов бомб. Лаяли зенитки. Их выстрелы напоминали удары молота о днище железной бочки.

У большой бронзовой двери Василевский остановился. На него напал упорный кашель. От берлинской сырости катар сильнее обострился.

— Может быть, обойдемся без бомбоубежища? За этой дверью — библиотека. Я здесь найду что-нибудь от простуды, чтобы ее локализовать. Налет можно вполне переждать в библиотеке,— предложил немец.

— Согласен. Это, пожалуй, лучше.

В дворцовой библиотеке майор чувствовал себя как дома. Он хотел произвести впечатление человека сердечного и приятного.

Открыл сервант, извлек бутылку виски, коньячные рюмки, поставил у кресел на низенький чайный столик с двойной доской.

— Пока один-другой «Бристоль Блейнхейм»[1] разгрузится, мы можем немножко нагрузиться,— сказал он, и видно было, что ему хотелось бы, чтобы остроту оценили.— Перекрытия прочные, даже самые тяжелые бомбы нас не достанут.

---

[1] Английские бомбардировщики.

Солдатский юмор был принят.

— Мы можем говорить по-немецки,— сказал Василевский.— Я вашу речь понимаю — был офицером и в первую мировую войну, воевал в Карпатах, немножко научился.

— О, прекрасно,— обрадовался Гроскурт.— Я тоже тогда немножко научился.— Дело было у Мазурских болот.

— Да? Сейчас у вас эпоха форсированного развития военных талантов,—заметил Василевский, бросив взгляд на майорские погоны своего собеседника.

Тот понял немой вопрос. И ответил:

— А я, увы, только-только майор! На комендантской службе чинов не наберешься. Но, поверьте, брошу этот дворец, возьму в руки оружие, стану генералом. Я кавалерист.

Он показал руку, поврежденную от падения с лошади.

— Понимаю,— поддержал его Василевский, и спросил:— Я вижу на стене карту. Видно, там будут операции.

— Прошу, пожалуйста.

Майор взял длинную тонкую указку.

Они подошли к карте, распластавшейся на стене. Она была вся разрисована и напоминала персидский ковер.

— Здесь вот вы видите карту Британской империи. Империя эта дышит на ладан.

Василевский покачал головой:

— В Лондоне вовсе так не думают.

— Что думают в Лондоне — нас не интересует. Англичане свое получат. Люфтваффе меняет тактику. Мы убедились, что массированные атаки ночных бомбардировщиков на Лондон себя не оправдывают. Сейчас мы стали применять скоростные истребители-бомбардировщики. Короткие налеты дают большие разрушения, а потерь в авиации почти нет. Обратите внимание на этот пункт. Это графство Кент. Когда там окажутся германские силы, можно будет начинать высадку десантов в районе Фолькстоуна или Дувра.

Хотелось сказать: «Вас посыпают бомбами, но вы держите хвост пистолетом, молодцы». Но Василевский промолчал. На негнущихся ногах, очевидно, такой была последняя берлинская мода, майор провел генерала к другому простенку. Здесь помещался Ближний Восток,

район Персидского залива. Интересная карта. На ней обозначались цели, которые преследовала там германская военная машина. Она должна пройти по пескам Тобрука и Эль-Аламейна, прорваться в долину Нила и дальше направиться по просторам Месопотамии к Ирану, чтобы захватить нефтяные поля, которые также объявлялись «жизненным пространством». Оставив карту, Александр Михайлович, сопровождаемый своим ангелом-хранителем, подошел к книжным шкафам. Ряды книг сверкнули золотыми тиснениями на корешках томов. Фолианты и квартанты в сафьяновых и марокеновых переплетах. Богатейшее собрание литературы.

Энциклопедии. Непременных немецких классиков Гете, Шиллера, Клопштока, Густава Фрейтага, Феликса Дана поставили рядом с Карлом Маем.

— Мая читать не доводилось,— заметил Василевский.

— Разве? Это наш, немецкий Киплинг. Пишет о белых немцах и черных туземцах. Словом, этот писатель призывает быть немцем высокой пробы, солдатом высокой пробы. Золото, кровь, оружие... Сорок томов. Это любимый писатель Гитлера. Господин генерал, вы пока читайте, а я загляну в столовую. Честно говоря, проголодался. Пиво? Кофе?

— Кофе.

— А коньяк?

— Абстинент...[1]

Майор исчез. Василевский продолжал знакомиться с сокровищами библиотеки. Не очень на виду Достоевский, Арцыбашев, Мережковский. Увесистый фолиант, а под обложкой — острый нос и усы Ницше, его сочинение «Так говорил Заратустра». Гейне места не нашлось,— он, как сказал майор, имел родственников в Палестине. Труд Ганса Грима «Народ без пространства». Что это за народ? Конечно же, немцы. Василевский раскрыл книгу.

Автор начинает издалека: «...В конце ледникового периода, в ту пору, когда нынешняя Германия до самой Среднегерманской возвышенности была покрыта высокими глетчерами, в Северогерманской равнине, постепенно очистившейся от ледяных массивов, появился так

---

[1] Воздерживающийся.

называемый охотник на оленей. Он является прародителем северной расы.

...Впоследствии эта северная раса стала играть ведущую роль в развитии человечества.

От этой северной расы произошли многочисленные группы индогерманских народов, к числу которых принадлежат персы, индусы, греки, латиняне, германцы, кельты и славяне.

А побережье Балтийского и Северного морей стало колыбелью, родиной человечества».

Хорош Ганс Грим. Плод фантазии — сумел ловко превратить в нечто наукообразное. Но наукой здесь и не пахнет. Все эти рассуждения насчет «расы и крови» — сплошное надувательство.

А теперь посмотрим том, озаглавленный «История 1871—1918». Период немалый. Взглянул на иллюстрации, нашел портреты государственных деятелей: Бисмарк, Мольтке, кайзер Вильгельм.

Вильсон, американский президент. Не научный анализ, а патологически-злобная характеристика четырнадцати пунктов «программы мира», сформулированных Вильсоном, Лиги Наций, отцом которой прослыл этот признанный либерал и отвергнутый реформатор. Но Вильсон, видимо, понимал, что такое советская революция, если нашел мужества высказать такую фразу: «По моему мнению, попытка остановить революционное движение, выдвинув армии, равносильна попытке остановить метлой полноводье».

Немецкий историк не скрывал своей неприязни: «Германию победил Вильсон», «Вероломный Вильсон».

И вдруг — вклейка. Портрет Владимира Ильича Ленина. Как бы они ни оценивали его деятельность, главное — дорогое сердцу изображение. «Хорошо, что портреты Ильича здесь все же есть,— подумал Василевский.— Придет время и для пропаганды его учения на этой земле, пропаганды его светлых идей».

Перелистав книгу, он поставил ее на то же место. В это время вернулся майор с подносом.

— Уже просигнализировали отбой. А я... Жду от вас благодарности, господин генерал,— заговорщически улыбаясь, воскликнул Гроскурт. Его красный бугристый нос блестел.— Вот хинин, сбивает температуру. Возьмите, обязательно. Несмотря на довольно поздний час, вырвал я у них, с кухни, две порции асбейна.

Пояснил:

— Асбейн — еда немецкая, простая. Это заливное блюдо из отварных копченых свиных ножек. И еще — порции хрена. Прошу садиться.

Когда сели, майор спросил:

— Можно, я налью себе коньяку?

— Наливайте, герр майор!

Засиделись допоздна, в разговоре касались всего. Расстались по-приятельски. Перед сном Василевский, не включая свет, раздвинул пепельные листы затемнения, открыл окно. Пахнуло гарью и дымом. Но не видно ни зги. Сырая ночь закрывала город, погруженный в черноту. На небосклоне мелькали, скрестившись, зеленоватые лучи прожекторов. В ушах вдруг зазвенело. Рихард Вагнер или пожарные колокола?

Потом был сон, неспокойный, поверхностный. В мозгу, словно наяву,— продолжение разговора с немцем.

«Ваша страна уже горит. Но вы, вместо воды, заливаете ее бензином».

«Кого имеете в виду под словом «вы»?

«Тех, кто бросает своих граждан в топку войны».

«Для вас, русских, все офицерство в вермахте на одно лицо. Но мы, немцы, видим разницу. Есть чугунноголовые, приспешники и паразиты. И есть люди другого сословия, те, кто служит вынужденно».

«Забавно. Какие могут быть различия? Нацисты и пруссаки? Черт синий и черт зеленый?»

«Упрощаете. Я говорю о здравомыслящих. О тех, кто все же только профессионал, и далек от политики. Их он опасается. После Австрии и Чехословакии их, здравомыслящих, стало меньше. Но на сегодня он по-прежнему не чувствует себя уверенно».

«Может, потерял уверенность после Польши?»

«Трудно сказать».

«Вы кого представляете?»

Ожидал, что майор не ответит, изобразив глухоту. Но тот ответил:

«Странно, что вы это спрашиваете? Кто же может быть вашим телохранителем?»

«Так вот слушайте. И передайте здравомыслящим. Вермахт потерпит поражение. В этом у вас не должно быть ни малейшего сомнения. На территории России вермахт найдет себе могилу».

Слова эти прозвучали, громко. И Александру Михайловичу ударил свет в лицо. Где-то была нажата кнопка и светомаскировочные листы раздвинулись. Му-

чительное сновидение кончилось, Василевский проснулся окончательно, чувствуя горечь во рту. Хинин или что другое?

VI

В гостиной прохаживался Злобин. Поводя рукой по своему колючему подбородку, давал знак, что пора подниматься с постели, пора приводить себя в порядок.

— Пока ты спал в своей дипломатической постели, город бомбили, молодой человек,— пошутил Злобин.— Английская авиация.

— Я слышал, чувствовал. Дворец дрожал, как в лихорадке. И сирены выли и взвизгивали, словно голодные звери.

— Я на приеме не был. Налет застал меня в пути — я развозил воблу друзьям, потом возвращался сюда. И начали бомбить! Пришлось остановить машину возле памятника Фридриху Великому, королю и полководцу. Рассудил: не будут же они бомбить монумент! Самолеты пролетали на небольшой высоте. Сначала сбросили несколько зажигалок, а потом занялись более серьезным делом. Я принес тебе «Фелькишер беобахтер», домашнюю газету фюрера. Видел бы ты, с какой алчностью расхватывали ее берлинцы! Потерял надежду, думал, что не хватит мне. Хватило.

— Ты умеешь совершать подвиги! Зачем тебе это.

Василевский на первой полосе прочел напечатанную мелким шрифтом официальную сводку. В ней было сказано:

«Попытка нападения на Берлин не удалась. Эффективный огонь зенитной артиллерии вынудил повернуть обратно несколько английских самолетов, которые проникли до заградительного пояса Берлина. Вчера, тринадцатого ноября, в воздушном бою противник потерял два самолета. Три германских самолета пропали без вести».

VII

Василевский видел на Шарлотенбургском проспекте груды развалин и дощечки с предупреждением об опасности. В полицейском участке — выбиты стекла, разорваны маскировочные шторы.

В полпредстве им делать было нечего, а время свободное имелось. В холле им повстречался майор Грос-

курт, и они поинтересовались, нельзя ли ознакомиться с городом.

Выслушав Василевского, майор стал уточнять:

— Адмиральские бани? Пергамон?

— Нет. Просто увидеть людей.

Гроскурт задумался.

— Каких людей? Ах да! Вы хотели бы увидеть солдат. Рота, стой! Смирно! Ряды сдвой! Правое плечо вперед, шагом — марш! За этим надо ехать в лагерь Дебериц. Но...

— Мы не против.

— Рад бы показать вам. Но для этого требуется распоряжение высшего командования.

— Кого, например?

— Господина фельдмаршала Кейтеля. У него — все! Внутренний распорядок в армии. Награждение орденами, вручение дубовых листьев к железному кресту, аттестации личного состава, жалобы, поступающие через управление кадров, резерв офицеров. Все это по его ведомству.

— Значит, в лагерь Дебериц нам не попасть,— заключил Тевосян.— Но у меня есть разрешение на поездки по всему Большому Берлину. Многие фирмы работают над нашими заказами. Я проехал сегодня по Восточному кольцу: Германплац, Вильденбурхплац, вокзал Трептов, Варшавский мост, Балтенплац, Книпродештрассе, Шенгаузераллее, Штетинский вокзал, Галлеские ворота.

— У меня предложение, господа,— сказал майор.— Вы завтракаете, а я веду переговоры. Условились?

Гроскурт по-прусски щелкнул каблуками и ушел на переговоры, а Тевосян стал рассказывать о городе. Центр города сверкает словно штык. Но это все показное. И не центр определяет облик города, хотя и задает тон; подлинный Берлин — это Вейсензее, Лихтенберг, Фридрихсхайн, Веддингплац. Это рабочие районы. Рассказывал с подробностями:

— Что я видел? Осень. Над домами низко плывут серые, косматые тучи. Их пригнали сюда ветры, дующие в осеннюю пору с бушующего Северного моря. Длинные, лимонно-желтые вагоны трамвая переполнены, они ползут медленно-медленно. Берлинцы, натянув пальто и свитера, мерзнут, кутаются в шарфы. Люди рассортированы по чинам. А чины—в форме. Форма греет плохо. Многие в шинелях. Идут поспешно, прикрываясь от ветра. Вспо-

минал красноармейцев, которых холод так не гнал. Наша солдатская шинель все же греет — потолще и из настоящей шерсти. Всюду марширующие или фланирующие нацистские сапоги. Их обладатели — на одно лицо... А вести себя надо так. Обращаются к тебе:

— Гутен таг!

Надо отвечать:

— Хайль Гитлер!

А путешествовать по городу лучше только в сопровождении. Иначе можно оскандалиться. Они умеют подстраивать.

И Тевосян рассказал о неприятности, которую пережил один его знакомый — Белов. Тут была, конечно, не какая-нибудь история, а банальная провокация. Наивный турист — прогуливался один, любуясь городом, который он так любил, так как прожил здесь какое-то время в эмиграции. Итак, он беспечно шел по знакомым улицам, надеясь даже встретить знакомое лицо. Магазины отсвечивали стеклами, в витринах, как вот и сейчас, рябили глаза прохожих товары, афишки... Незаметно очутился на старой Любеккештрассе. Да, жила тут где-то некая Эрна, которую он в юности знал. Не нашел ее. Возвращался в отель в вагончике метро. Вагон подземки был переполнен. Когда к нему протиснулись несколько типов, он оказался совсем прижатым к стеклу вагона.

— Это он?— спросил один.

— Он,— кивнул другой.

Волосатая рука протянулась к горлу. Отталкивая руку, Белов пробормотал:

— Битте!

Но его никто и слушать не собирался. С головы сбили шляпу и тут же ее растоптали. Рука явно душила, не хватало воздуха. Белов рванулся, но его ударили локтем в лицо. Тем временем кто-то опустошил карман с документами. Он позвал полицию. Когда вагон остановился, он увидел себя и верзил-потрошителей, окруженными полицейскими. Всех поволокли к полицейской машине. Доставили на Александрплац, в полицей-президиум.

Белов предстал перед полицей-президентом. Тот лицемерно вздохнул:

— Как же так? Советский комиссар и связался с бродягами!

— Я выражаю протест! Я хочу говорить с консулом!

— У нас не место для протестов, их выслушивать не полагается. Вам, ваше превосходительство, придется быть свидетелем и пострадавшим. Мы сожалеем. Жаль, что завтра об этом разнесут газеты. На них совсем нет управы.

И они разнесли. Главные неприятности Белова ждали дома. Его отдали под суд.

Кто-то заметил:

— Надеемся, что обойдемся без беловского варианта.

Не было и других вариантов. Майор Гроскурт по телефону принес прочувствованные извинения. Поездки в Дибериц не будет. Причина — «напряженность программы». Через полчаса вся делегация собралась в полпредстве. Там Молотов сообщил, что программа пребывания в Берлине сокращается. Глава делегации выглядел сосредоточенно-усталым.

Потом был обратный путь. Как водится, делегацию провожали улыбками, рукопожатиями. Но всюду плохо скрываемая ирония, недомолвки. Красноречивее всего говорили синие светомаскировочные стекла вокзальных строений, надписи на афишных тумбах: «Rede nicht, Fend horcht mit».[1]

Поезд шел по территории Германии и Восточной Пруссии почти без остановок.

Мгла.

Туман.

Ветер.

Приближался Кенигсберг.

Из окна виднелись дома с острыми коричнево-красными крышами. Они, казалось, не были подвластны воздействию времени. Но и на них лежала печать оцепенения.

Путь от Кибертая до Москвы был радостным. Василевский выходил из вагона на каждой станции. Приятно ласкала слух литовская, а затем русская речь.

Родная земля!

Еще более радостно почувствовали все себя в родной столице. Вернулся Василевский домой, в генштаб. Стало даже как-то неловко, что так долго отсутствовал в управлении. Завертелись туго завязанные рабочие дни в генштабе.

---

[1] «Не болтай — враг подслушивает» (*нем*).

На той же неделе созвали собрание коммунистов-генштабистов.

На партийном собрании Василевский говорил обо всем подробно. О Берлине, о переживаниях во время приемов и бомбежек. О рейхсканцелярии и Бельвю. Заключил уверенно и убежденно:

— Фактически фронт уже повернут против СССР. Все остальное — блеф. Скоро они свои бомбежки на Западе прекратят, чтобы бросить свои дивизии и все силы авиации на Восток.

В память о поездке в Берлин осталась трубка. Ее удалось купить уже на Ангальтском вокзале. С янтарным мундштуком и чубуком из боснийского боярышника. Трубка напоминала о прошлой войне. Была у Александра Михайловича такая — подарил друг детства Сережа Рубинский. Как-то получилось, что они, два земляка-кинешемца, в пятнадцатом году оказались на фронте в одном полку. Он ему подарил трофейную трубку в день рождения. Но она потерялась. Довольно давно, в декабре семнадцатого года. Ехал он, армейский штабс-капитан, с разваливающегося русско-германского фронта, домой, через Москву, на Ярославском вокзале, после долгих мытарств, удалось разведать о поезде, уходившем на Кинешму. Это был самый дешевый, но для того времени самый надежный «максим», который тащился до Кинешмы целую неделю. Александр обнаружил пропажу, оказавшись на подводе, следовавшей дальше, в родную деревню. Жаль было редкостной трубки. При окопной жизни трубочка — лучшая утешительница.

Окопов теперь избежать невозможно. В Цоссене, под Берлином, вовсю работал немецкий генштаб, уточняя планы восточного «похода». Работал генерал Паулюс со своим штабом планировщиков.

22 июня 1941 года заработала вся германская военная машина, нацеленная на СССР.

Вступила в действие директива № 21—«план Барбаросса».

Первый раздел этой людоедской директивы под названием «Общий замысел» гласил:

«Конечной целью операции является создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга — Астрахань. Таким образом, в случае необходимости, последний индустриальный район,

остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации».

...И чем же закончилась история с письмом из портфеля немецкого майора Рейхеля? Дешифровальщики кое-что разгадали. Прочли такую фразу: «Господи, боже мой, блюди и паси нас в этой земной юдоли». И еще там было сказано о пути узком и пути широком и об усталом путнике...[1]

Текст адресовался Гельмуту Гроскурту. Много позже стало известно, что он служил в абвере — армейской разведке, подчинявшейся генштабу. В абвер входили кадровые офицеры регулярной армии. Некоторые из них понимали недолговечность успехов Гитлера и искали выхода.

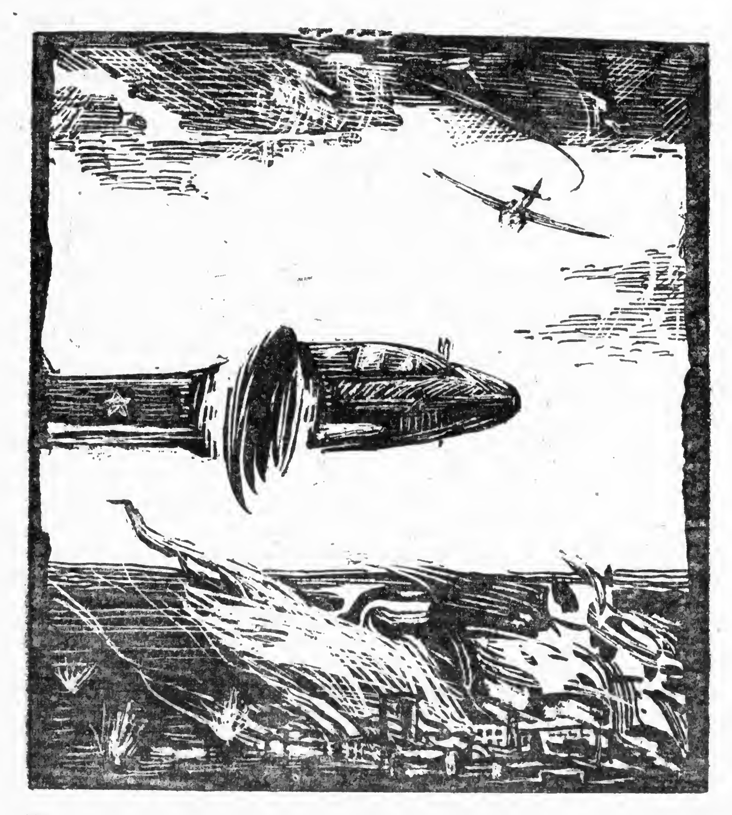
[1] Историки, исследовавшие материалы заговора против Гитлера, установили, что Гельмут Гроскурт еще в 1938 году подготовил и хранил в своем сейфе план ликвидации Гитлера, текст обращения к нации. Так что, возможно, в этом письме мог содержаться какой-то скрытый смысл.

Глава четвертая

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СТАВКИ

1

Его личное дело в управлении кадров пополнилось новыми документами, и записью: «Приказом Ставки от 26 июня 1942 года утвержден в должности начальника Генерального штаба РККА». Персонально он был пятым военачальником, возглавлявшим этот главный орган управления Вооруженными Силами страны со времени его создания.

В тот же день он был приглашен в генштабовскую фотолабораторию — требовался снимок для нового служебного удостоверения.

Генерал-полковник Василевский.

Образчик типичного военного человека.

Выше среднего роста, с прекрасной выправкой, несколько крупными чертами лица. Под разлетом бровей — неуступчивая властность спокойного взгляда. Шатен.

Потом он стал как бы массивнее. А во время войны имел легкую походку, уверенные жесты человека, имеющего дело с войсками,— со многими тысячами людей. 23 июля 1942 года он отправляется в Сталинград.

Василевскому предстояло лететь на фронт самолетом «Дуглас-3» полка особого назначения. Для противника наиболее интересна была именно такая машина. Своих удачливых асов Герман Геринг за такой сбитый самолет награждал особенно щедро. Щедрее, чем за бомбовоз или истребитель. Те — что: сбит, нет боевой единицы, и — все. А на «дугласах» и на У-2 летают генералы и офицеры связи.

Пока шла заправка «дугласа», Василевский и его спутники прогуливались перед аэровокзалом. Почти рядом, в ста шагах, находилась березовая рощица. В это утро она сверкала бесчисленными оттенками красок. На взлетной полосе, кроме этой группки военных мотористов и механиков, было совершенно безлюдно, словно бы местность вымерла. Закамуфлированный «дуглас» с пятнами лягушачьего цвета по корпусу сливался с зеленью. Скоро машина взлетела.

В салоне «дугласа», рассчитанном на десять человек, сейчас было относительно свободно. В машине летел генерал-полковник, сменивший фамилию на псевдоним. Шифровки и телеграммы отныне пойдут на его имя за подписью «Васильева»— Верховного Главнокомандующего[1].

Вместе с генерал-полковником летели в «дугласе» немногие — люди абсолютно молчаливые. В таких случаях говорится только то, что необходимо. Слышалось лишь ровное гудение мотора.

Удобства для полета самолет имел минимальные. По бокам салона — скамеечки из металла. На них и сидели пассажиры. Правда, Василевскому для «комфорта» да-

---

[1] Васильев — псевдоним И. В. Сталина.

ли чехол, которым в холодное время на стоянках прикрывает моторную часть. Ватный капот, покрытый брезентом, при необходимости служил одеялом. Но Василевский надеялся, что ни того, ни другого ему не потребуется. Летного времени не так уж много.

Он смотрел в окошечко самолета. Ничто не мешало ему видеть степь, ландшафт. Желтую степь. По всему маршруту. Использовалась кружная трасса через Саратов.

Начальник Генерального штаба переключил мысль на графики, в которых указано все: кто и когда прибывает сюда; сколько потребуется времени для восстановления поврежденных железнодорожных путей; кто и в какой час войдет в соприкосновение с противником; кто захватит тот или иной ключевой путь и кто будет находиться во втором и третьем эшелонах: кто и на каком рубеже закрепляется, а кто, не останавливаясь, пойдет вперед, развивая наступление.

Командование фронта находилось в районе дислокации 57-й армии. Василевскому надо попасть туда без задержки. И работу начать без задержки. Прикрыл веки и на какую-то долю минуты впал в забытье. Когда очнулся, не мог понять, как долго он спал. В овале иллюминатора какой-то барьер пролегал на земле, ровная линия. Протер глаза. Мост? Канал? Потом понял, что никакого моста и канала нет — это линия крыла самолета... Внизу паутина дорог, квадратики селений.

Эта мирная спокойная картина скоро станет воспоминанием. Скоро, через считанные часы, очевидно, к заходу солнца, он со своими спутниками очутится в стихии боев, на участке советско-германского фронта. Противник сосредоточил здесь восемнадцать дивизий вместо четырнадцати, с которыми начал операцию. В пересчете на штыки — это 250 тысяч! У них 7500 орудий и минометов, 740 танков, 1200 самолетов. Враг непрерывно перебрасывает сюда части с других участков фронта.

Под крылом «дугласа» долго мелькали меловые холмы. Казалось, выпал снег. Но снег был почему-то теплый. Сверху, даже с небольшой высоты, степное пространство выглядит, как на рельефной карте. От невысоких бугров, словно артерии, разветвляются пересохшие русла речушек и ручьев. Степи — то серые, то цвета верблюжьей шерсти, то оттенка морской волны, то красноватые, то белесые. Промелькнут два-три хутор-

ка, огороды и бахчи, потянется ниточка грейдера или проселка — и снова расстилаются залитые светом просторы.

Царицынская степь. Да, это та же царицынская панорама, по которой в восемнадцатом году катились в бешеные атаки бойцы Первой Конной против белогвардейских банд. Такой же размах. Такое же пульсирующее марево на горизонте. Такие же внезапно возникающие от налетевшего невесть откуда ветра пыльные шлейфы...

Кто из сражавшихся под Сталинградом, в малой и большой излучинах Дона, не представляет те июльские дни с чувством внутренней дрожи? Раскаленный воздух, сожженные станицы и хутора, бороздящие небо свои и вражеские боевые самолеты. Растоптанные и покинутые всеми колхозные нивы. Дымящиеся бугры. Зигзаги окопов и траншей. Огневые позиции — подлинные и ложные.

«Дуглас» стремительно летел на юго-запад.

Который по счету этот вылет на фронт? Подсчитают потом. А если прикинуть в общем, то складывалось так. Три четверти времени у Василевского — пребывание на фронте, всего четверть — в Москве, в генштабе на рабочем месте.

Летать можно было на «дугласе», можно — на У-2.

У-2 незаменим, как легкий ночной бомбардировщик. А оказаться на нем в фронтовой зоне в воздухе... Лучше и не вспоминать.

Как-то случилась такая встреча с врагом на Брянском фронте. Машину настиг «мессершмитт». Фашист видел, что это совершенно беззащитная машина; делая круг для обстрела, на первый раз не открывая огня, приблизился совсем-совсем близко к безоружному У-2. Немец-ас на самолете с эмблемой пикового туза с расправой не спешил —«швейная машинка» никуда не уйдет, он показал нашему летчику два пальца, предупреждая, очевидно, что вслед за первым заходом последует второй заход.

Пилот У-2 повернул лицо к Василевскому. Генерал кивнул. Это означало команду: «Вниз! Приземлиться немедленно!».

Поблизости, внизу, расстилался белый туман — настоящее «молоко». В нем спасение. Как только немец чуть-чуть удалился, летчик У-2 бросил машину в сто-

рону, сделал переворот через крыло и устремился в пикирование, рассчитывая скрыться от «мессершмитта» в тумане у самой земли. Пилот Ме-109 не сумел вовремя перевести воздушный винт на малый шаг, уменьшив обороты двигателя. Обнаружив маневр У-2, немец, видимо, растерялся и на огромной скорости проскочил мимо него — на пикировании он открыл огонь, но с запозданием! Пулеметная очередь просвистела мимо, лишь одна пуля угодила в приборную доску и разбила ее. Тем временем У-2 укрылся в тумане, исчезнув из поля зрения Ме-109. Вынырнули из мутной пелены у самой земли и несколько десятков километров шли низко-низко, на бреющем полете, маскируясь фоном местности.

Тумана нет, небо опять чистое.

Чиста улыбка славного, добросовестного пилота. Его сообразительность выручила. Давно ли это было? По меркам военного времени — очень давно. В ноябре прошлого года.

Александр Михайлович крепко зажмурил глаза, чтобы несколько сбросить нервное напряжение.

Сталинград появился под крылом самолета, как мираж, внезапно. Город окутан дымом, среди которого что-то ослепительно блестело. Сплошным пожаром охвачен центр. Но вот и пункт приземления — хутор в пригороде, маленькие домишки, посадочная площадка. Пожарищ не видно. Здесь ничего не горело. Стоят деревья вдоль нешироких улиц, а вон видна и ширь Волги...

«Дуглас» зарулил на стоянку. Экипаж и пассажиры вышли из самолета не сразу. Двое в серых комбинезонах принесли стремянку. По ней первый пилот спустился на площадку, поговорил с техником, и, открыв дверь, снова забрался в кабину. Доложил генерал-полковнику, что можно выходить.

Внизу Василевского ждала «эмка».

Автомобиль со вновь прибывшими едва двигался. Дороги сплошь были забиты повозками и машинами, по обочинам чернели воронки, грудились рваная арматура и битый кирпич. На изуродованных и прокопченных стенах белели лозунги:

«Отстоим Сталинград». Самая оптимистическая надпись охватила полстены: «Упорство — душа победы!» Жилистая акация пожухла, выносливый тополь сбросил листву, не дожидаясь осени.

В Сталинграде, в пойме речки Царицы, для Василевского оборудовали командный пункт. В штольнях с низкими потолками было прохладно. Сбросил свой серый комбинезон. Здесь вместе с командованием фронта, членами Военного Совета он тщательно проанализировал обстановку. Здесь решил выслушать доклады специалистов штаба и вызванных с передовой командиров и политработников. Они входили неуверенные, сердитые, хмурые.

Гордов — седеющий генерал с усталым взглядом. Его серые глаза, казалось, говорили: «Все напрасно». Гордов нервничал. Он знал, что у него не хватит сил для успешных действий. Стал говорить взволнованно.

— Предпринять наступление, улучшить позиции? Я так понимаю?— спрашивал командующий фронтом Гордов.— А может быть, следует подумать, как избежать катастрофы?

Василевский усмехнулся: «Кажется, для него главное — избежать риска. А там видно будет».

Как представитель Ставки, Василевский не стал метать на его голову громы и молнии.

Спокойно произнес:

— Я вас не тороплю, Василий Николаевич. Поедем к Толбухину, пригласим Крюченкина, Москаленко и других и там примем решение. Ставка приказывает восстановить утраченное положение. Для этого передаются фронту две формирующиеся танковые армии...

Гордов успокоился:

— Вы знаете, Александр Михайлович, на Клетском направлении идут кровопролитные бои. Никогда раньше мы не сталкивались с такой плотностью огня. Используя численное превосходство, немцы прорвали оборону южнее Клетской и продвинулись вперед на восемьдесят километров. Контратаки тридцать третьей гвардейской, 184-й и 192-й стрелковых дивизий успеха не имели. Лавины танков. Их нечем остановить. В последние дни положение ухудшилось. Боюсь, с контрударом ничего не выйдет.

— Воюет по существу только 196-я стрелковая дивизия,— поддержал Гордова его начальник штаба,— связи с другими фактически нет. Спросишь: «Где противник? Где наши части?» — точных сведений не получишь.

Гордов, сам всего лишь несколько дней до этого командовавший 64-й армией, с пренебрежением отозвал-

ся о командующем 62-й армией. Он ругал генерал-майора Калпакчи за то, что его две дивизии —192-я и 184-я, три отдельных танковых батальона, десять ИПТАПов[1], полк «катюш» и четыре полка курсантов военных училищ, можно сказать, бездействуют. Да и вообще — живы ли они? Василевский остановил его речь:

— Это я знаю. Что из того, что кое-где царит непонятный хаос. Нашу с вами задачу я уже растолковал. Сейчас я доложу в Ставку следующее. Мы организовываем немедленный удар по противнику силами 1-й танковой армии. Еще через сорок восемь часов пойдут в наступление части четвертой танковой армии, она сейчас выгружается на железной дороге.

— Акция прямо-таки отчаянная,— заметил Гордов.— Что ж, будем драться.

Василевский направился в блиндаж, где работали телеграфные аппараты. Доложил в Ставку и получил ответ: «Действуйте».

— Так что же, Василий Николаевич, едем к Толбухину? Показывайте ваш передовой наблюдательный пункт. Где он?

— Там же, где КП 62-й армии. Совсем близко. Это в трех-четырех километрах севернее Калача, на левом берегу Дона.

Василевский не стал откладывать отъезд ни на минуту.

— Быстрее. Бой покажет, что командующие армиями накопили до боя.— Добавил:— Взгляну на ваш КП, а потом — в пятьдесят седьмую...

Василевский выбрал для базирования 57-ю армию. Во-первых, потому, что она для этих целей подходила больше других. Потрепанная в предыдущих боях, она находилась во фронтовом резерве. Во-вторых, командовал ею генерал-майор Федор Иванович Толбухин. С ним они не были в дружбе, но начало их военных биографий, очень сходное, как-то сближало. Почти ровесники. Александр Михайлович лишь на год моложе Толбухина. И тот и другой служили в старой русской армии, начинали с четырехмесячного обучения в военном училище и вышли оттуда прапорщиками, получив по одной звездочке в просвете погонов.

Они прибыли в хутор Камыши. Василевский увидел

---

[1] Истребительно-противотанковый артиллерийский полк.

придонской хуторок. Его окраины с озерцами, заросшими чеканом и рогозой.

Штаб Толбухина и его оперативный отдел занимали пустовавшее приземистое здание магазина. Там у Толбухина была рабочая комната, которую он предоставил Василевскому.

Приветствуя Толбухина, Василевский еле сдержал улыбку. Много осталось в нем от того молодого, бравого прапорщика с времен «германской» войны, даже манера носить на затылке, по-нахимовски, фуражку. Пришло на ум из военной лирики:

Вот прапорщик юный
Со взводом пехоты
Старается знамя
Полка отстоять...

Сегодня для нас знамя — Сталинград!

Расположились за длинным столом, где было разложено несколько карт, изданных ГУКом — ведомством топографической съемки. Лежала здесь и подробная топографическая карта района Клетской. Клетская стала основным узлом большого участка фронта. Помимо директив, приказов штаб подготовил великое множество бумаг. Это были сводки, справки, донесения, общие и частные, планы операций и проведения разного рода мероприятий, доклады, графики и т. д. Это — планирующие, информационные и распорядительные документы. Они убедили Гордова, что контрудар — дело реальное. Отпустив Гордова, Василевский остался с Толбухиным.

При свете керосиновой лампы — от аккумулятора лампочка не горела — генералы взялись за изучение положения армии.

Василевский попросил:

— Ну, а теперь давайте о вашей, пятьдесят седьмой...

— Пока все в движении,— ответил Толбухин.— Однако люди собраны, организованы. Занимаем крайний фланг с юга, фланг, как вы видите, выдвинутый вперед... Там части, что называется, прокаленные!

— Передышка у вас кончается,— заметил Василевский.— Вы еще вот что сделайте: захватите у немцев выходы из дефиле. Начните здесь: между озерами Сарпа и Барманцак. Захватите и закрепите их за собой.

— Будет исполнено!

Углубившись в разговор, глядя на условные обозначения, характеризующие обстановку, генералы уточнили расположения артпозиций, которые разместились в укрытиях полков и соединений, танковых сил... Эти два человека, чем-то очень похожие друг на друга,— один спокойный, другой несколько взволнованный, могли обмениваться мнениями, понимая друг друга с полуслова.

Поработав несколько часов, перешли пить чай на кухню. Еще работали и только на рассвете выбрали время для короткого сна.

Василевский пытался уснуть. За стеной слышались трескотня «ундервуда», работал «бодо»[1], обычно это его успокаивало, но не в этот раз. Он думал о донесении в Ставку, которое предстояло написать. Можно это сделать утром. Но мысли давили, он поднялся, разыскал в кармане свою трубку с янтарным мундштуком, купленную в Берлине осенью сорокового года. Набил ее табачной крошкой, хотел зажечь, но раздумал. Глубоко вдохнул воздух. Почувствовал боль в груди, спрятал трубку. В последний раз сказал себе: от курения надо отказаться. Сел работать снова. «Ундервуд» в данном случае не потребовался. Донесение в Ставку написал от руки.

Толбухин и Александр Михайлович побывали в окопах. Изредка им попадались группы красноармейцев. Позавтракали в батальоне: пресная американская колбаса, хлеб, кипяток. Василевский сделал замечание интендантам — так нельзя, надо кормить горячим.

Во время завтрака за столом в блиндаже Василевский присел к офицеру с перевязанной головой. Узнал, что он контужен. Вечером был в бою.

— Так досадно,— сказал тот,— что мы напоролись на мину. Небольшая такая, похожая на пирог, «таллером» называется. Из-за этого проклятого «таллера» я безлошадным остался. Я любил свою тридцатьчетверку. Она легка в управлении, мне кажется, даже нежная. Остановишь ее, откроешь люк, хочется погладить броню, чтобы она служила также надежно. Так жаль! Союзники... Какой-нибудь пятачок себе хотя бы отвоевали в Европе. Не желают. Сами воевать боятся, хоть бы танки прислали. Но что пришлют? Документацию

[1] Телеграфный аппарат, отправляющий сразу несколько телеграмм по встречным курсам.

мы видели. Американский 34-тонный танк «Шерман». С ним, видно, не навоюешь. У него двигатель для высокооктанового топлива. Бензин при попадании снаряда в двигатель легко воспламенится.

— Что же, они не могли поставить дизельные моторы?— заговорил сосед по столу.

— Могли бы, да считают ненужным.

— А пушки у «Шермана»?

— Пушка — ничего, 75-ти миллиметров.

— Есть у них другие танки?

— Есть. «Генрих Грант». Тоже ненадежный. Немцы со своими пушками не боятся таких танков. Грозой для фашистов является только наш Т-34. Вот это машина! И вдруг — чертов «таллер».

— Выздоравливай, лейтенант,— успокоил его Василевский.— К тому времени сделают для тебя новый танк.

Василевский посоветовал командарму укрепить позиции. Поинтересовался, что нового дают разведгруппы. Тщательно проверил состояние линий снабжения. Всякий раз, когда Василевский убеждался, что нужен его совет, он давал совет.

Послышались гул мотора и крик: «Воздух!» Василевский поднял глаза. Сначала увидел пару «мессершмиттов», а затем нашего истребителя. Двойное превосходство было на стороне врага. В безоблачном небе завертелась карусель. Вскоре из карусели выпал горящий Ме-109. Остался один такой же самолет с изображением пикового туза на длинном тонком фюзеляже.

— Пираты из флота Рихтгофена. Недавно прибыли на это направление,— пояснил Толбухин.— А тузом фашисты обозначают своих асов, сбивших более пяти самолетов.

Василевский однажды уже видел такого туза совсем близко.

Расстояние между самолетами быстро уменьшалось. Скоро на земле услышали пулеметные очереди. Вражеский летчик, имея более высокую скорость, искусно маневрировал, надеясь выбрать момент и сблизиться.

Вот он совсем близко, но прицельно поразить «лавочкина» не смог. Тогда «лавочкин» бросился вслед за врагом.

Схватка была бескомпромиссной. Советский летчик, распаленный азартом боя, упрямо ловил момент для

прицельного огня. Василевскому мешали смотреть солнечные лучи, и он пропустил то мгновение, когда немец, уклоняясь от огня, круто развернул вправо, а «лавочкин», большой мастер маневра, резко пошел вверх по наклонной к горизонту кривой, так называемой «косой петле».

«Мессершмитт», уходя, постепенно опрокидывался, вонзаясь в глубокую синеву неба.

— Ни черта у немца не выйдет.

— Не ругайтесь, генерал не любит... «Лавочкин» будет атаковать немца.

— Да,— подтвердил Толбухин.— Воли у нашего пилота больше, чем у немца. И не только воли. И мастерства больше.

«Лавочкин», выполнив свой маневр, сумел занять тактически выгодное положение по отношению к немецкому асу. Теперь уже можно было не сомневаться, что этот бой выиграет наш летчик.

Разгорался воздушный бой и в других местах.

На горизонте показались небольшие группы «юнкерсов». Так бывает, когда враг готовится прорвать оборону.

II

Доложили:

— А вот и Крюченкин.

К наблюдательному пункту шел, не пригибаясь, высокий прямой генерал. Командующий новой 4-й танковой армией Василий Дмитриевич Крюченкин.

В просторном блиндаже снова разложили карту. За столом встретились Василевский и Крюченкин. Толбухин с любопытством мысленно сравнивал их. Очень разные люди. Даже исключающие взаимно друг друга. «Генерал плана» и «генерал обстоятельств». Хотя они оба были военачальниками, в сущности, одного поколения, одной военной школы. Лицо Крюченкина со шрамом у глаза, серое от переутомления. «По существу он старик, долго не выдержит»,— заключил Толбухин.

Профессиональный военный, Крюченкин всю жизнь служил в кавалерии. Он воевал с немцами в чине унтер-офицера еще в 1915 году. Бойцы, служившие до войны в Средней Азии, с восторгом вспоминали этого рубаку, рассказывали о его легендарной личной храбрости. Он отличился и в нынешней войне, участвуя в тяжелых сражениях на полях Подмосковья. Теперь по-

лучил под свое командование несколько стрелковых дивизий, послуживших основой танковой армии. Фактически это была смешанная армия. Здесь, под Сталинградом, ему предстояло вводить в бой стрелковые части с очень малым числом танков. Но он надеялся, что днями получит полное оснащение для броневых сил, и тогда можно будет развернуться по-настоящему.

— Днями?— переспросил Василевский.

— Да. К нам по железной дороге уже прибывают танки. Но вчерашней ночью фашисты разбомбили эшелоны. На платформах часть машин пострадала. Но даже если мы введем в бой половину танков, картина будет ожидаемой. Фашистов задержим на заданный срок.

— Все сроки ваши будем сокращать,— подчеркнул Василевский.

Крюченкина отличало то редкое качество, которое называется бесстрашием. Но это было не все. Он умел мгновенно принимать решения с учетом меняющихся обстоятельств.

В Московской битве Крюченкин участвовал в рейде по тылам врага, командуя конно-механизированным корпусом. В корпус входили кавалерийские дивизии имени Пархоменко, имени Котовского, две казачьи дивизии, бронетанковые части. Корпус прорвался в тыл к фашистам. Василевский помнил те тревожные дни. Связь по радио была неустойчивой.

Василевский вспомнил зимние бои:

— Вы прорвались через линию фронта, а фашисты прочно заделали брешь. Корпус для нас исчез. Мы всех вас считали погибшими. Несколько дней не имели связи! И вдруг получаем от вас донесение. С радостью узнаем, что вырвались обратно.

Фашисты в тех боях узнали, что такое настоящая война. В одной спрятанной в лесу глухой деревушке конники полностью уничтожили застигнутый врасплох полк гитлеровцев. Когда обсуждали в Ставке, как отметить заслуги корпуса, все единодушно поддержали мнение — присвоить корпусу гвардейское звание.

— Я сам был лихим кавалеристом. С болью расставался со своими гвардейцами,— говорил Крюченкин.— Постараюсь, Александр Михайлович, выполнить ваш приказ и в этой степи.

— Вы обладаете специфическим опытом. Но тут одной лихости, Василий Дмитриевич, явно недостаточно. Она даже не нужна. Вы, товарищ гвардии генерал-

майор, со своей сто двадцать восьмой, а теперь уже четвертой танковой армией обязаны сделать следующее: действуя в составе группы войск, уничтожить авангарды противника, заставить его остановить наступление. Далее ваша задача — удержать позиции до подхода дополнительных сил.

Генералам принесли чай. Крюченкин налил себе одной заварки, темной, как йод.

— Действовать на острие удара — задача сложная. Я понимаю. Но, думаю, ничто не может сравниться с Перекопом. Я участвовал в штурме Перекопа в 1920 году. Вам ли рассказывать, что там укрепления были, как говорится, неприступными. Через каждые пятнадцать метров — станковый пулемет, много ручных пулеметов. В одной только атаке погибло две трети полка. Сиваш. Шли вброд по пояс в воде. Кое-где подразделения наводили паромы. Но это были «паромы» только по названию. Крестьяне отдавали на слом сараи, мы извлекали из них бревна, строили обычные плоты. Переправляли на таких «паромах» ящики с патронами. В Отечественной войне я ничего подобного не встречал.

— У вас вид усталый. Как ваше здоровье?— спросил Василевский.

— Неважное. Пятые сутки не сплю. Сердце работает плохо, страдаю стенокардией. Из-за этого и головные боли. И то сказать: в январе —50 лет! Иногда даже забываю, как жену зовут.

— А как ее зовут?— думая о чем-то своем, спросил Василевский.

— Ольгой Петровной. Стар я стал, Александр Михайлович.

— Буденный старше нас, а возраст ему нипочем. Все еще ездит на коне.

— Да, ему уже за шестьдесят. У меня тяжелые ранения в голову. Получил во время боев с басмачами. В составе одиннадцатой кавдивизии воевал. Я командовал 64-м кавалерийским полком. Орудовали в основном мелкие банды. Набеги делали из Афганистана. Там их формировали и обучали англичане. Стреляли басмачи плохо, рубились умело. Мы для удобства разделили свой полк на два отряда. Одним командовал мой заместитель, другим — сам. У меня в эскадронах насчитывалось 550 сабель, а против нас оказался крупный вражеский отряд — до двух тысяч басмачей. Мы засели в кишлаке, почти сутки отстреливались. Кругом зыбу-

чие пески. Укреплений никаких — всего несколько глинобитных землянок, обнесенных дувалами из самана. Долго в таком месте не продержишься. Но вот пулеметные ленты кончились, патронов почти не осталось. Собрал командиров, рассказал обстановку. Они предлагают: «Пойдем на прорыв, сокрушим врага!»

Я дал согласие.

Согласился потому, что другого выхода не было. За месяц до этого мы лишились целого эскадрона. Его настигли в песках басмачи, при пятикратном превосходстве, нанесли огромные потери, а когда эскадрон стал отступать, начали его преследовать. На сорокакилометровом пути отступления в песках изрубили всех, до последнего красноармейца.

Мы понимали, что и нас ждет такая же участь, если мы не выдержим вражеского напора. Рассчитывать на удачу не приходилось. Вот почему я отдал приказ на прорыв.

Мы погрузили на тачанки раненых, взяли полковое имущество, собрали матчасть и двинулись.

— Где это происходило?

— В районе Термеза. Помню реку Вахш, с водой мутной, прямо-таки кофейного цвета. Поблизости располагались кишлаки Курган-Тюбе, Сарай-Камар,— это уже был городишко с мечетью, харчевнями и базаром.

Да, тяжело было. Поднялись мы с надеждой опрокинуть атакующих бандитов, сделать для себя какой-нибудь коридор и прорваться к своим.

Наши эскадроны пошли в атаку. Все должна была решать наша быстрота, храбрость каждого. Сам я, как командир полка, вскочил на коня — и вперед! Туда, где виден покрытый сухой колючкой бугорок с кучкой хорошо вооруженных людей, гнавших в бой других. Там находился сам Ибрагим-бек, их главарь.

Навстречу нам с душераздирающим криком бросилась лавина басмачей. Поднялись тучи удушливой пыли. Мы врубились в ряды врага.

Орлик, мой горячий и сильный конь, нес меня вперед... Может быть, вы помните Орлика? Я на нем участвовал в состязаниях конников.

Василевский помнил, и помнил хорошо также ежегодные соревнования, которые проводились в масштабе страны в середине двадцатых годов. Тогда вся Красная Армия знала имя Василия Крюченкина. Он взял двадцать призов на всесоюзных соревнованиях по джиги-

товке и рубке. Однажды даже занял второе место в Красной Армии. Первое не присуждалось вообще. Первое навсегда оставалось за Буденным, великим кавалерийским полководцем, за нашим Семеном Михайловичем.

«Второй клинок Советского Союза!»— это были замечательный успех и большая честь. Ведь в те времена отличных кавалеристов было всюду много. В любом полку служили бойцы, показывающие чудеса кавалерийского мастерства. Сколько приемов! Накидывают, скажем, на лозу шапку-кубанку. Конник мчится, как ветер, свистит шашка, лоза срублена и кубанка падает на срез. Рубили правой рукой, левой, стоя. На бешеном скаку всадник мог подхватить в свое седло «раненого» или взять с земли монету. Какая ловкость, какая выучка! Приобретая мастерство, боец закалял свой характер.

— В нашем полку,— продолжал Крюченкин,— подобрались ребята с Кубани, Урала, некоторые из младших командиров в германскую войну служили в гусарских и драгунских частях. Одним словом, воевать умели. В этом бою с басмачами Орлик вырвался вперед, метров на семьдесят. Враги обрадовались, увидя одинокого командира на коне. Набросились со всех сторон. Но они не знали, с кем имеют дело! Я сразу же, чуть ли не в одно мгновение, зарубил четверых, остальные в панике отхлынули.

Командовал в том бою, как уже я сказал, сам Ибрагим-бек, полковник царской армии. Эмир Бухарский держал его при себе первым адъютантом. В той схватке намеревался Ибрагим-бек во что бы то ни стало истребить нас всех поголовно. Мне хотелось добраться лично до него самого. И я к нему почти прорвался. Совсем небольшое расстояние оставалось до Ибрагим-бека. В окружении сотни телохранителей он скакал мне навстречу. Здесь я сшибся еще с четырьмя головорезами из свиты Ибрагим-бека, они тут же слетели с седел. Образовалась как бы просека. Вероятно, ужас охватил тех, кто способен был это видеть. Ибрагим-бек не выдержал, с перекошенным от страха лицом осадил своего коня на всем скаку, дернул шенкеля и повернул назад. Пугливо озираясь, за ним устремились ординарцы. Но тут же на меня налетела еще полсотня бандитов. Они навалились, как озверелые собаки. За полминуты получил я несколько сабельных ранений — два

в лицо, в голову, залило кровью глаз, рассекли нос, почувствовал страшный удар в затылок. И все же я продолжал биться. Силы не оставили меня до последней минуты боя. В предсмертный час у человека наступает своеобразный взрыв энергии, что ли? Я ничего не видел, не слышал, и все же не выпускал из рук клинка, отражая удары и поражая врагов. Басмачи такого оборота не ожидали. Они заметались, драпанули. Жаль, что мы не имели возможности их преследовать.— Крюченкин вздохнул:— В той сече многие наши бойцы приняли смерть — до семидесяти человек. И еще большее число получили ранения.

— Вам тоже досталось. И конь был убит...

— Вы помните? Это был конь! Гнедой, с тонкими бабками и пышным хвостом. В бою он был птицей! Об этом газеты писали. Но к тому, что действительно имело место, газетчики многое присочинили. Писали, например, о том, будто «Крюченкина так изрубили, что части тела его везли в мешке, потом в лазарете сшили из кусков». Никто меня в мешке не вез, как и других тяжелораненых, а таких было более сорока человек, меня волокли на носилках. Но правда состояла в том, что меня исполосовали саблями. После этого боя, пока добрались до Термеза, людям нечем было перевязывать раны. Нечем и некому — ни одного врача или фельдшера в полку не осталось. Их или ранили или убили. Меня перевязали кусками простыни. Когда в госпитале разрезали тряпки — с головы слезала кожа с волосами. Как картон, все затвердело и спрессовалось.

— Если не ошибаюсь, вас тогда наградили орденом.

— Да. Постановление об этом вынес Всебухарский Центральный Исполнительный Комитет съезда народных представителей. Орден назывался Красная Звезда и имел несколько степеней. Мне вручили орден первой степени.

Василевский с интересом слушал его рассказ, потом, когда унесли со стола чайные приборы, сказал:

— Сейчас перед нами не какой-то Ибрагим-бек со своей шайкой, а гитлеровский генерал Паулюс со своей шестой армией. Она громила французские войска. У немцев на этом направлении действует тоже четвертая танковая армия. Им надо дать такой же урок, как вы дали Врангелю на Перекопе и в Крыму, как Ибра-

гим-беку. Первая танковая армия генерала Москаленко уже готова к выступлению. За нею ваша четвертая.

Крюченкин задумался. Потом поднял затуманенный взгляд на Василевского. Заговорил с нотками разочарованности:

— Александр Михайлович, вы меня совсем-совсем не поняли. Не поняли, чего ради я ударился в старческие вздохи о прошлом...

— Это не вздохи!

— А что же? Перекоп. Афганистан. Что они в сравнении с нынешней ситуацией! Сейчас в опасности судьба нашего отечества. Я питал надежду, что вы, пока я рассказываю свою биографию, сделаете вывод, что от поста командующего армией меня надо освободить. Мне он, безусловно, не под силу. Я даже могу порекомендовать генерала Батова, а сам пойду, например, заместителем. Павел Иванович Батов справится с делом лучше меня.

Василевский на это ответил:

— Я встретился с вами, товарищ генерал, не для обсуждения кадровых вопросов. Вас прекрасно знает и ценит Сталин. Просьбу я передам. Но после того, как армия выполнит задачу. Доложите, как вы будете действовать?

— Решение здесь, на карте.

Генералы склонились над столом. На карте было отчетливо видно положение сторон на текущий день: армия Крюченкина, состоящая из пяти стрелковых дивизий —312-й; 18-й, 205-й, 192-й, 184-й, истребительной бригады и танкового корпуса, должна была нанести удар в центре оборонительной полосы по авангардам девяти вражеских дивизий. Имелись кое-какие сведения о 5-й пехотной, 2-й моторизованной, 1-й танковой немецких дивизиях. Данных о других вражеских соединениях, кроме присвоенных им номеров, разведка еще не добыла. Но можно было предположить, что нашей 4-й противостоят силы, по крайней мере, превосходящие наши. Их лавины уже подходили к Дону, гусеницами и огнем сметая все на своем пути. Генерал Крюченкин намеревался разбить их и отбросить до рубежа Клетская — Верхне-Бузиновка,— до восьмидесяти километров. Этого достаточно, чтобы подошли новые советские дивизии.

— Мы строим свой расчет на использовании того фактора, что войска противника, не ожидая контруда-

ра, сильно рассредоточены. Они не заботятся о флангах, их устойчивость базируется на эшелонировании в глубину,— пояснил Крюченкин.

Василевский одобрил решение командарма, но показал слабость его замысла: удар по противнику будет наноситься изолированно, севернее полосы общего нашего наступления. А это при наших крайне ограниченных силах, при отсутствии резервов может привести к быстрому затуханию всей намеченной операции. При выполнении маневра надо учесть это, добиваясь энергичного продвижения. Будет нанесен и второй удар с юга на север, силами 1-й танковой армии. Генерал Москаленко уже сегодня выдвинул свои части на заданный рубеж, они вступили в бой с крупными мотомеханизированными силами противника.

— Мы начнем операцию через день, а сейчас наша пехота, танки и артиллерия идут навстречу врагу по 30 километров за ночь,— доложил командарм. Он пояснил, что особенно рассчитывает на новую дивизию, прибывшую на фронт,— полностью укомплектованную, из кадровых красноармейцев и офицеров.

Командарм имел в виду прежде всего 205-ю дивизию. Ее полки состояли из бойцов призыва осени сорокового года.

Из казахстанцев.

Из сибиряков.

Они называли себя дальневосточниками. Дальневосточники славились: они не раз с оружием в руках отражали наскоки китайцев и японцев. Теперь они должны были разбить прорвавшихся к Дону гитлеровцев.

Глава пятая

ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКИ

1

205-я стрелковая дивизия располагалась недалеко от Хабаровска.

Хабаровск — самый крупный город на Дальнем Востоке, центр обширного края. Его жилые кварталы, многочисленные фабрики, комбинаты; судоверфи, дворы плотно облепили берега Амура, реки, соединяющей край с бурными водами Татарского пролива. Город расселился в кратере, может быть, миллионы лет назад затухшего вулкана.

Вулкан потух, но, как и в доисторические времена, по утрам все вокруг окутывалось дымом: Старый и Новый города, заводы, Казачья гора, где раскинулись казармы воинских частей. Казачья гора одной стороной выходила к окраине города, примыкающей к реке, а с другой ее огибали глубокие балки и вздыбившиеся бугры, впрочем, тоже заселенные. На улице Серышева издавна стоит окруженное высокой оградой длинное здание с темными потрескавшимися стенами. В старину в здании этом, построенном в форме крепости, помещалось училище Казачьего войска (было такое там!). В тридцатые годы его занял штаб Особой Дальневосточной Армии. А за городом, на отшибе, находился Волочаевский городок с казармами полевых частей.

Хотя вокруг города и прилегающих к нему селений стояли вековые леса, Хабаровск был открыт всем ветрам — лютым, жестоким, беспощадным.

В октябре сорокового они приехали сюда товарным из Казахстана. Эшелон двигался медленно, подолгу стоял на запасных путях. Ребят везли почти месяц. Пестрая толпа молодежи, одетая кто во что горазд. В холодном вагоне Василия Морозова спасала шинель железнодорожника из хорошего сукна с оловянными пуговицами. Он купил ее незадолго до призыва, почти новую. Были у него и крепкие сапоги, сшитые отцом. После того, как новобранцев переобмундировали, а домашние вещи отправили на склад, они стали похожими друг на друга. Один к одному — красноармейцы. И в каждом — твердость, уверенность. Эти черты характера появляются тогда, когда человек начинает постоянно носить оружие.

Со времени гражданской войны в моду вошли головные уборы — буденовки, шлемы из легкой серой суконной ткани (это после завелись шапки-ушанки).

Красноармейцы шутили: вот уж правильно: «Держи ноги в тепле, а голову в холоде!»

При сорокаградусном дальневосточном морозе буденовский шлем давал хорошую закалку. Кирзовые сапоги или ботинки в обмотках — обувь солдата. Кирзачи и ботинки промерзали насквозь и звенели при ходьбе, вроде металлических. Тепло сохраняла лишь байковая портянка.

Ветер — злой, лютый, пронизывающий — фон, на кокотором проходила боевая подготовка. Еще до гудка — протяжный рев его доносился издали со стороны нефте-

перерабатывающего завода, расположенного вблизи Казачьей горы,— они бежали без гимнастерок на плац. Физзарядка длилась недолго, и пар, поднимавшийся над взводом, быстро уносил ветер. Потом умывались, брились и завтракали. Короткая передышка на политзанятиях сменялась строевой подготовкой, занятиями на стрельбищах, в лесу.

Запомнился Морозову светлый момент. Повели их как-то вечером в Центральный Дом Красной Армии. На лекцию. Приехала сюда из Москвы Клавдия Ивановна Кирсанова — лектор ЦК партии. Большевичка-агитатор с дореволюционным стажем. Он сидел в первом ряду, недалеко от трибуны, и хорошо видел Клавдию Ивановну. Видел ее лучистые, почти девичьи глаза, хотя ей было уже, наверное, больше пятидесяти. Темное платье, белоснежный воротничок, на плечах — шаль... Затаив дыхание, зал слушал рассказ о треугольнике Берлин — Рим — Токио. Тут же объяснила подоплеку этой сложной геополитической агрессивной «геометрии».

Под конец Кирсанова рассказала, что накануне она имела удовольствие наблюдать, как группа бойцов фотографировалась у подъезда Центрального Дома Красной Армии. Они снимались у колонн, рядом с трофейными японскими гаубицами. Гаубицы как бы служат архитектурной деталью. Но это и напоминание битым самураям об их позоре: они пошли по шерсть, а вернулись стрижеными. Сейчас, включившись в игру, они кое-что обещают Берлину. Но осторожно, с оговорками! А это много значит. Это уже наша победа!

Редкий лектор может так понятно говорить о сложностях международной политики. Клавдия Ивановна могла. После ее рассказа бойцам легче было переносить тяготы армейской службы. Между тем каждое утро неизменно начиналось с команды:

— Подъем!

Физзарядка, завтрак. И опять:

— Становись!— громкая и резкая команда эта, как выстрел, слетала с уст командира. За секунду до этого бойцы шутили, смеялись, курили свои самокрутки и козьи ножки. В мгновение все кончалось. Застывал строй, замирая в четких шеренгах. Никто не шевелился, лишь Морозов, двигая бровью, пытался, бывало, поправить буденовку, которая сползала на лоб.

— Строевым!

Это означало, что надо рубить шаг, вытягивая носок обуви так, чтобы удар в грунт приходился всей подошвой, и одновременно всем взводом.

Вечером после отбоя Морозов и его дружок — Мокосеев долго еще не ложились спать. Вдвоем сочиняли очерк в «Тихоокеанскую звезду»:

«Над тайгой бушует пурга, поземка стелется по площадям, улицам и переулкам Хабаровска, дымят заводы, разбросанные по берегам Амура, а здесь, на плацу Н-ской части, маршируют подразделения. Отрабатывается единство воли и движений, согласованность мысли. Отделения, взводы и роты сливаются в целостные живые единицы. На плацу, на стрельбищах, на полевых учениях происходит медленное рождение воина. Того самого советского бойца, защитника родной земли, который в сражении выполнит приказ командира, решит поставленную ему задачу.

Веками освященный солдатский строй учит коллективизму, роднит людей, порождает чувство братства...»

Знали, каждый их однополчанин, прочитав зарисовку в газете, будет доволен. И они старались.

Наступал новый день.

Шеренги шагали по плацу.

А из репродуктора разносились утренние сообщения о положении дел в мире.

«Агентство Рейтер сообщает, что, как официально объявлено, здесь состоялось совещание Китайского правительства. На совещании заслушаны доклады министра иностранных дел Чжун Чуя и военного министра — Хо Инцина...»

Знакомые имена. Их называла лектор Кирсанова.

Хо Инцин, по-видимому, принадлежит к типу азартных игрочишек-спортсменов. Оскалив зубы в улыбке, он обучал гитлеровского генерала Рейхенау китайским приемам игры в настольный теннис, в пинг-понг: «Китайцы держат в руке ракетку так...»

Одно короткое сообщение следовало за другим.

«Несколько месяцев длятся ожесточенные воздушные бои между Германией и Англией. Имея превосходство в воздухе, Германия ставит своей целью мощным ударом разгромить аэродромы, военную промышленность противника, парализовать экономическую жизнь страны...»

Все уже знали, что немцы летом построили на оккупированном французском побережье бетонные пло-

щадки для орудий, которые направлены против Англии. При помощи этих орудий и бомб с тысяч самолетов Германия запугивала правителей Великобритании, но боялись ли они их? На этот вопрос сразу не ответишь. В печати появилась информация о какой-то «Белой книге». В ней сообщалось, что Лондон дал указания относительно приготовлений своей авиации, базирующейся в Сирии, к возможной бомбардировке Баку и Батуми.

Диктор сообщил, что японская авиация регулярно проводит налеты на территорию Китая. Чайканшистскую столицу Чунцин бомбили 80 аэропланов. Каково тамошним правителям? Они же так радовались, узнав от своего гостя Рейхенау, что Великая Германия намерена сообща с Серединным царством, после разгрома СССР, поддерживать небо над половиной земного шара.

В этом потоке сообщений могли, видимо, ориентироваться по настоящему немногие. Такие, как Клавдия Кирсанова. И бойцы часто вспоминали ее беседу-лекцию. И были благодарны этой пожилой женщине с живыми быстрыми глазами, она так дотошно во всем разобралась и так доходчиво все разъяснила. Лекция ее оставила в сознании Морозова след на всю жизнь.

Радионовости увлекают, но надо слушать команду:

— Руби шаг!

У командира роты Бучкина — звание старшего лейтенанта, и он уже воевал в Финляндии. Даже награжден орденом. Красная Звезда, привинченная над клапаном его темной шевиотовой гимнастерки, солдатам кажется священным символом. Вот отчего согласны простить своему командиру даже его фанатическую любовь к шагистике. Не все из них боготворят шагистику, кое-кто считает ее никчемной, пережитком времен незабвенного Павла I. Но ничего не поделаешь. Строевая подготовка включена в программу. Она необходима. Человеку по назначению врача для его же пользы дают иногда глотать хинин и касторку. Надо так надо!

К тому же в строевой подготовке и получалось у командира все красиво. Невысокого роста, плотный, круглоголовый, он, казалось, и рожден был для строя. На «гражданке» работал монтером, владел профессией довольно мирной. И вот поди ж ты...

Особенно смущал его Морозов, по привычке высоких людей порой слегка горбившийся. Такие, как он, не украшали строй. И Бучкин нервничал.

— Что с него взять? Телефонист и телеграфист!— философствовал на дровяном складе красноармеец Михаил Мокосеев, когда за какую-то провинность комроты послал его в наряд вне очереди.— Имел дело с телеграфными столбами. А их ставят ровно, и по линейке. Ему понравилось, в кровь вошло. Фамилию ему надо сменить. Не Бучкин, а Взбучкин.

Были и другие совсем не лестные отзывы бойцов о своем командире. Но они ни на что и никак не влияли. Учеба продолжалась. Вот командир начинает показывать бойцам элементы строя. Как у него все выходит четко!

Свое искусство Бучкин довел до совершенства. Подавая обыденную армейскую команду, делал «страшное» лицо. По-видимому, гримаса должна была означать, что с рассеянностью надо кончать и браться за дело. Каждый боец, поддаваясь гипнозу, делался серьезным. Да, да! Шутки в сторону! Шутки, которыми они перебрасывались в те короткие минуты, когда можно постоять «вольно», ослабив колени, или разойтись на перекур. Впрочем, Морозов не курил. Но махорку выдавали всем, без исключения. И он держал свою норму про запас. Возле него всегда околачивались два-три заядлых курильщика, которым курева не хватало.

Миновала зима, они приняли присягу, незаметно в батальоне проходили какие-то передвижения. Из земляков-актюбинцев трое уехали в Комсомольск-на-Амуре, на курсы младших лейтенантов. Миша Мокосеев попал в армию кандидатом в члены партии, и ему уже присвоили звание заместителя политрука (приравнивалось к чину старшины).

И только Морозову сначала «не везло»— он оставался рядовым. Но потом и его направили в полковую школу. В этой школе готовили младших командиров, и учение в ней было поставлено так, что бучкинские строевые упражнения показались развлечением. К ним здесь добавились частые тактические занятия за городом, в тайге. Добавились лыжные пробеги. Причем каждый курсант должен был пройти за зиму на лыжах

с полной выкладкой[1] не менее пятисот километров. Взвод Морозова прошел шестьсот.

Три месяца такой учебы делали человека выносливым. Сноровистым. Ему можно было доверять других. Курсант становился сержантом.

Так оно и произошло бы с Морозовым, если бы не крутые события той поры. Ему запомнился май — в первых числах все еще шел снег, и курсанты декламировали: «Люблю снежок в начале мая...» Июнь начался дождями. И вдруг подошло теплое воскресенье 22 июня 1941 года. С утра устроили генеральную уборку помещений, чистили, белили, красили, выколачивали пыль. А после обеда — тихий час, сон...

Морозова разбудил Мокосеев:

— Вставай, Василий,— голос у него дрожал. Он добавил:— Война!

Сразу всех вывели на митинг. Строились на площади, на ней уже стояла трибуна, наспех сколоченная из неструганых досок.

— Ты будешь выступать сразу же после меня,— сказал Морозову комиссар.

Василий говорил о солнце, повисшем над землей кровавым шаром войны, говорил о своих товарищах, которые готовы сегодня же отправиться на фронт. Отчет с митинга напечатали газеты.

Прошло немного времени, и курсантов разослали по разным подразделениям. Василия Морозова направили работать в оперативный отдел штаба фронта, где ему, как имеющему среднее образование, присвоили вне очереди звание лейтенанта, а Мишу Мокосеева аттестовали младшим политруком. Они оказались в одной, вновь формирующейся дивизии. Морозова взяли в штаб, Мишу направили в многотиражку инструктором-литератором.

Они дружили. Читая мрачные сводки с фронта, переживали.

Мокосеев говорил ему:

— Как мы с тобою живем, Василий? День и ночь— сутки прочь. У бога, как говорится, времени много. У нас его мало. Наши товарищи совершают на фронте подвиги. Отступление закончится — пойдут победы. Кончится война, фронтовики вернутся домой мужественны-

[1] Полная выкладка: винтовка, вещевой мешок, саперная лопатка, фляга с водой, гранаты, патронная сумка. Летом — шинель в скатке. Всего больше пуда.

ми, в ореоле славы. Странно будем выглядеть мы с тобою, друг... Вызовут в райком, спросят: «Где ты был, когда фашисты жгли советские города и села, истребляли людей?»

Морозов пробовал спорить с ним:

— Ничего страшного. Я, например, отвечу: «Был на советско-маньчжурской границе, на Дальневосточном фронте». (Группа армий вдоль границы управлялась штабом фронта, именно — фронта). Не думаю, что меня за это кто-либо упрекнет.

Михаил Мокосеев слушал его возбужденно, но твердил свое:

— Ну, знаешь! На маньчжурской границе — это значит в тылу. Ты всего лишь комсомолец. Можно сказать беспартийный, на целый год моложе меня, несмышленыш, тебе, возможно, простят. Мне же на бюро наверняка скажут: «В тылу отсиживался!» Чтобы этого не случилось, мы должны подать командованию рапорт.

Морозов пытался возражать. Приводил такой, как ему казалось, здравый довод:

— Фронту нужны части и соединения. Причем хорошо укомплектованные. Кто же захочет возиться с одиночками, хотя бы даже и высокоэмоциональными?

— Захотят! Во-первых, надо пополнять убыль, во-вторых, если наш рапорт рассматривать будут в Москве, то оттуда непременно последует звонок.

После обмена мнениями пришли к согласию:

— Что ж, давай напишем этот самый рапорт. Но в нем надо обмозговать каждое слово.

Теперь им все ясно: они поедут вместе на передовую, будут воевать, а по окончании войны, если останутся живы, напишут книгу о том, что пережили, о защитниках родной земли. У Миши и название уже выношено: «Два друга». Если же один из них погибнет, повесть будет называться «Мой друг». О жанре договаривались труднее. Миша увлекался Погодиным и хотел написать пьесу. Морозов зачитывался Хэмингуэем, знал чуть ли не наизусть «Прощай, оружие!», и поэтому ратовал за повесть. Можно лучше тему раскрыть. У Хэмингуэя люди воюют, ненавидя войну. Славные парни — те, что сражались в Испании.

Решили проситься на фронт добровольцами, в одну часть. Было б хорошо, если бы дали путевку в известную им дальневосточную дивизию, к гвардии полковнику Белобородову, в редакцию дивизионной газеты,

Полки этой дивизии еще недавно дислоцировались здесь, в Волочаевском городке. Их двинули на фронт в разгар жестоких боев под Москвой. Там они стали гвардейскими.

Свои мысли они изложили в обстоятельном письме-рапорте. Для этого в штабе фронта у знакомых писарей выпросили листы хорошей белой бумаги. Текст переписывал набело Миша пером «рондо», каллиграфическим почерком. Адресовали заявление начальнику Главного политического управления Красной Армии А. С. Щербакову. Рассчитывали, что Александр Сергеевич, сам литератор и публицист, поймет их лучше, чем кто-либо другой. Да и полномочий у него — слава богу!

Письмо отнесли на почту и стали ждать результата. Они почти не сомневались, что Щербаков не откажет. Прочитав рапорт, наложит резолюцию: «Уважить».

Прошло недели три. Письмо за это время обошло необходимые инстанции, кто-то его читал, кто-то его переправлял из учреждения в учреждение. Так или иначе, но оно вернулось в Хабаровск. Авторам прислали приглашение в райком комсомола, к товарищу Тимолязовой. Морозов находился на дежурстве, и в райком ходил один Мокосеев. Вернувшись, рассказывал, как удивились райкомовцы, когда перед ними предстал один из авторов письма-рапорта в образе бравого политрука. Они-то думали, что рапорт сочинили школьники!

— Вам ли, политрук, надо объяснять легкомысленность вашего поступка?— сказала та самая Тимолязова, секретарь райкома — девушка по имени Галя.— Разве не понимаете, какая сейчас обстановка? Война затянулась, это факт. У вас здесь дел, наверное, с избытком. А надо будет... Говорится же: «Войну выигрывают резервы». Вы с вашим другом находитесь как раз в составе внушительного резерва.

Потом сказала:

— А я вот тоже хочу идти на войну добровольно... Тоже писала заявление.

— Такая маленькая?

— Ростом я не вышла, но мне девятнадцать. И военком обещал призвать. Моему заявлению повезло больше, чем вашему.

— Давайте в наш медсанбат!

— Поможете? Впрочем, мне сказали, что могут послать в здешнюю дивизию.

— Ну, конечно! Завтра зайду к комиссару, расскажу о нашей беседе.

Миша позвонил Морозову в штаб, говорил много, но он понял одно: «Не вышло, Василий». Вслед за этим Мокосеев обрадовал: «К ним в медсанбат придет служить медсестрой замечательная девушка из райкома, Галя. Будет веселее».

Лето оставалось дождливым. Обувь Морозова промокла основательно, он спешил домой, надеясь хорошенько просушить ее, да и самому хотелось согреться. Как и некоторые другие офицеры, жили они с Мокосеевым не в казармах, а в одном из домиков-фанз. Фанзы, круглые жилища с тростниковой крышей, располагались в стороне от военного городка, прикрытые сквером старых акаций. Никто не знал, как они здесь появились. Купил ли кто-нибудь каркасы и щиты и собрал их, или их возвели на месте. Однако квартирой своей в фанзе они гордились. В кругу друзей называли себя хунхузами[1]. Экзотичное жилье, к тому же довольно теплое. В фанзах устроены из кирпича нары и глиняные каны[2] с дымоходами. Стоило подбросить в очаг березовых чурок, как комнаты наполнялись живым духом. Фанза разгорожена на три каморки. В фанзе кроме них жил еще майор Кильдо — начальник штаба одного стрелкового полка.

По пути домой Василия догнал посыльный:

— Лейтенант Морозов? Вам завтра к десяти ноль-ноль явиться к начальнику штаба дивизии.

— Зачем?— спросил он, зная наверняка, что посыльному такие подробности не сообщают. Боец в ответ пожал плечами.

Начальник штаба дивизии, полковник Любимов с ними, младшим комсоставом, почти не общался. Немолодой сухопарый офицер, скуповатый на слова, говорил всегда ровно, не повышая голоса. Думая сосредоточенно, он иногда чуть-чуть улыбался, но его светлые, ровно подстриженные усы оставались без движения. Седые волосы всегда гладко зачесаны назад. Утром Морозов пришел в отдел, спросил своего начальника — капитана Капустина, для чего он, Морозов, понадобился Любимову. Тот тоже не знал. В назначенное время лейтенант представился полковнику.

---

[1] Хунхузы — разбойники.
[2] Каны — печи.

— Вы, лейтенант, где проходили подготовку?— спросил Любимов. Перед ним на столе лежала тощая папка-скоросшиватель с личным делом.

— В полковой школе. До призыва работал в начальной школе.

— Я вызвал вас посоветоваться. Мы ищем человека на должность адъютанта учебного батальона. Знаете, что такое адъютант? В былые времена штабов не существовало, и командиры управляли войском через доверенных лиц —«адъютантов». Офицеров этих выделяла форма — они носили адъютантские аксельбанты. Батальон особый, в подчинении штаба дивизии. Хотите пойти?

— Серьезное предложение. Вести канцелярские и письменные дела придется. Но боюсь, что у меня не хватит знаний и опыта.

— Вас мне назвал майор Кильдо. Вы с ним знакомы?

— Немного.

— Он мой старый сослуживец. Именно вас он рекомендует на эту должность.

Морозов молчал. Старался смотреть полковнику в глаза твердо, чтобы он понял — идти в учебный батальон ему не хочется. Полковник на минутку задумался, сидя на жестком стуле за письменным столом. Ленточкой поднимался папиросный дым из пепельницы. Заметил:

— Многие желали бы служить в тихом закоулке. Где-нибудь в архиве.

Лейтенант продолжал молчать. Полковник вздохнул:

— Напрасно! Вам всего двадцать лет, должны испытать свои силы,— его слова как бы излучали свет участия.— Я не сомневаюсь в успехе. Смелее надо быть, лейтенант! А о работе в тиши даже и не мечтайте. Не такое нынче время.

Морозов заколебался.

— Спасибо за доверие, но не ошиблись ли вы?

— Нет, нет. Значит, согласны? Вот и прекрасно.

Уже на улице расстроенный лейтенант размышлял: вот и доверили ему громоздкие и трудные обязанности в отдельной воинской части. Да еще в учебной! Что ждет там его?

Было немного грустно от сознания, что так круто, помимо его воли, судьба сделала поворот.

II

Они сидели в кабинете с комбатом Семеновым и комиссаром. Комбат — простой крепкий парень, с закалкой и старше Морозова. Лет двадцати шести, худой, разговаривает устало. Усталость объяснили просто: намучился без помощников. Рад прибытию лейтенанта.

— Все штабное хозяйство ведет завдел,— говорил комбат.— Он еле поспевает. Каждую бумажку пишет собственноручно. Сам и печатает. А сколько требуется расписаний, графиков, учебных планов!

— Буду стараться. Но вот беда. У меня всего-то и практики — четыре месяца работы в штабе дивизии.

— Дам свои конспекты, учебники, уставы. Хорошо, что не выбросил. Там найдешь все-все.

Батальон — хозяйство сложное. Но Семенов чувствовал себя уверенно. Ему — что: директорствовал в совхозе, имел в подчинении больше тысячи рабочих и специалистов. Комиссар Владимир Белкин, конопатый старший политрук, в прошлом комсомольский вожак. Морозов перед ними совсем зеленый, с людьми никогда не работал. Но комбат и комиссар скидки не делали, жали на всю железку:

— Ты же из штаба дивизии. Обязан быть и тактиком, и строгим контролером.

— Оставляй свою квартиру,— посоветовал комиссар,— переходи жить в казарму. Дадим тебе комнату — светлую, большую. В ней есть письменный стол, телефонная связь с ротами. Будет удобно работать со своими подразделениями.

Морозов перебрался в казарму. Они с комбатом и комиссаром были загружены по горло. После отбоя подолгу работали, готовясь к следующему дню.

К счастью, в штабе батальона заведовал делопроизводством старый штабист, техник-интендант второго ранга Степан Пучков. Он-то и помог Морозову довольно быстро постичь тонкости военноканцелярского дела. К тому же с ним трудился замечательный писарь, старший сержант Черепанов. В короткое время, прямо-таки за несколько дней, старший сержант тайком от офицеров и курсантов помог лейтенанту досконально разобраться в учебной программе, в параграфах устава гарнизонной службы. Остальное он постиг самостоятельно.

Все это стоило ему бессонных ночей.

Народ в батальоне оказался пестрым. В некоторые взводы попали даже нестроевики. Их отобрали в полках, где агитировали бойцов подавать рапорты в учебный батальон.

Размещался батальон в корпусах железнодорожного института. Последним привел туда отобранных бойцов делопроизводитель Степан Пучков. В штабе выслушали его рапорт о личном составе пополнения.

— Давай по списку, в двух-трех словах о каждом. Я должен знать,— потребовал комбат.

Поправив очки, Пучков раскрыл тетрадь, начал перечислять:

— Так, значит,— неуверенно начал техник-интендант,— пошел я в полк, а они уже меня ждут...

— Кто?

— Будущие курсанты.

— Я приказал тебе отобрать лично. Ну, и что за люди?

— Михеев— учитель танцев, Саакян — повар первой руки из ресторана «Армения». Огородников Николай — почтальон. Варлашкин — тракторист. Логачев — слесарь МТС. Маклаков — фрезеровщик. Чупырин — бывший кладовщик...

Семенов побледнел. Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы в комнату не вошел Владимир Белкин. Комбат при появлении его грозно посмотрел на Пучкова и взял у него тетрадь со списком.

— Посмотри, товарищ комиссар, кого нам дали. Надо идти в штаб дивизии и протестовать.

Комиссар, однако, был спокоен. Даже весел. Воскликнул:

— Так это же надежные мужики! Каждый умел добывать себе кусок хлеба. У тебя на людей замечательное чутье, Пучков! Хвалю.

— Правильно. Только у одного очки на носу, у другого выправка уставу не соответствует.

— На парад таких не выведешь. Поэтому нам их и уступили.

— А один — из шалой породы. Дебошир или трамвайный жулик. Короче, отбывал срок,— пожаловался Пучков.— Хотел его вернуть, но не удалось.

— Силой навязали, одним словом,— уточнил Морозов.

— Да, я беседовал с ним. Правда, он мне сказал: «Все, завязал». Фамилия у него — Пузыренко.

Слушая этот разговор, комиссар сказал обескураженному технику-интенданту:

— Ничего, друг мой, выправка — дело наживное. Подшлифуем. И зрение поправится, мы же на чистом воздухе заниматься будем. Здоровье от кислорода. В медицинских учебниках так пишут.

Комбат был сердит, но молчал.

В общем, недели через три батальон укомплектовали до штата, а Морозов стал заправским старшим адъютантом батальона и даже мог преподносить курсантам многие премудрости, предусмотренные учебной программой.

Жизнь в учебном батальоне пошла размеренным темпом. И, как водится во всех учебных подразделениях, основная тяжесть подготовки курсантов легла на плечи командиров взводов. Они являлись основными преподавателями и основными воспитателями, учили курсантов всему понемногу, за исключением топографии: она оказалась сданной на откуп маленькому юркому капитану, геодезисту-москвичу. Как Морозову казалось, он обладал необъятными познаниями.

Тем, кто готовил младших командиров уже не первый год, работалось легче, так как они приобрели определенный опыт. Ну, а новичкам-офицерам доставалось крепко. Морозова особенно мучила разработка расписаний на проведение занятий, проверка конспектов, которые командиры взводов составляли не по одному, а по нескольку: и по тактике, и по стрельбе, и по изучению матчасти. И не по своему усмотрению, а по опеределенной форме, что всегда их бесило. Утром же всю эту кучу тетрадей командиры рот приносили в штаб на утверждение, ибо без конспектов никто к занятиям не допускался.

Все было бы сносно, если бы вечерами людей так не донимала мошкара. В приамурской тайге ее предостаточно. Летучая тварь тучами висела над лесом, проникала во все щели бараков и вечерами буквально не давала работать, а ночами — спать. В семьях офицеров женщины шили пологи из марли и навешивали их над кроватями. Только под такой защитой можно было отдыхать. Ну, а одинокие офицеры, после кошмарных ночей, занимаясь с курсантами на плацу и в распадках, частенько валились с ног от переутомления.

За два месяца пребывания в батальоне Морозов сроднился с ним. Полюбил в нем все. Даже суровая

тайга, окружавшая лагерь, стала казаться ему более привлекательной. Особенно нравились вечера.

Вечерами все роты выстраивались на лагерном плацу. Дежурный подавал команду: «Смирно!» Четким шагом шел какой-нибудь лейтенант навстречу командиру батальона. Отдавал команду, поворачивался кругом и командовал:

— Трубач! Зорю!

Открывалось незабываемое зрелище. Справа под могучим лесом сияли лучи заходящего солнца, слева — широкий батюшка Амур с его ленивым спокойствием и неповторимым величием необозримых плесов. В эту торжественную минуту как будто замирала вся природа, прислушиваясь к звукам трубы и вместе с человеком прощаясь с трудовым днем, чтобы завтра, после ночного отдыха, снова радостно встретить первые лучи восходящего солнца.

Незадолго до окончания курса обучения поступил приказ: выпуска не производить, дивизия отправляется в действующую армию. Не довелось ребятам получить сержантские звания! Вместе с курсантами на фронт отправлялось большинство их командиров.

III

Шел 384-й день войны. В этот жаркий июльский день, девятого числа, 205-я стрелковая дивизия грузилась в вагоны на платформах станции Хабаровск-II. Только одному учебному батальону потребовалось более 40 вагонов. Курсантам и командирам уже на станции выдали стальные каски, петлицы защитного цвета и медальоны величиной с винтовочный патрон. В таком маленьком пластмассовом медальоне помещалась свернутая в трубочку полоска пергаментной бумаги, на которой в штабе наши писари писали фамилию, имя и домашний адрес каждого, отправлявшегося на передовую. Таким стал «паспорт» фронтовика. Многие его тут же выбросили — к чему этот паспорт? Для прописки на том свете? В батальоне тогда не многим бойцам перевалило за двадцать и никто из них погибать не собирался.

Всех интересовало другое. Командиром дивизии вдруг стал новый человек — генерал-майор Иван Алексеевич Макаренко. Прежнего комдива недолюбливали за чрезмерную грубость и боялись. Прослуживший всю жизнь в коннице, он в дивизии бывал только там, где имелись лошади.

Никакой архиепископ не чтил так своих святых, как этот комдив — лошадей. Зимой носил он щегольскую венгерку, саблю в серебряных ножнах и савельевские шпоры. Шпоры при ходьбе мелодично и нежно звенели, и тут же в воздухе повисала брань. Фамилия у него была Хвостов. Алексей Хвостов, полковник. Морозов както на командирском совещании слышал от одного командира стрелкового полка нелестное:

— Черт побери этого нашего Хвостова! Приехал в полк без предупреждения. И сразу — на конюшню! Дал мне выговор за то, что ведро в конюшне висело не на том гвозде. Хвостов! И фамилия у него лошадиная.

Теперь этого командира проводили. На повышение. Новый комдив был человеком другого склада. По характеру ему больше подходила бы должность комиссара. Человечный, душевый генерал.

Макаренко за какую-то неделю успел побывать на полевых занятиях, на партийных и комсомольских собраниях, поговорить с бойцами и командирами. Уже в эшелоне новый командир вызвал офицеров батальона на совещание. Этот широкоскулый человек по выговору — волжанин: нажимает на «о». По-строевому подтянут. Из-под генеральской фуражки сверкают молодые карие глаза. Информацией о делах в батальоне остался доволен.

Нескончаемым потоком шли эшелоны товарных вагонов и теплушек с войсками, вооружением, снаряжением. Никаких пробок — железнодорожный транспорт работал, как часовой механизм. Похвальна и быстрота передвижения машины «ФД», или «Феди». Так называли курсанты локомотив, который останавливал свое тяжелое дыхание только на время смены бригад, забора воды и угля. И потому многие станции, города — маленькие, средние и даже крупные — проносились мимо, как видения.

Следя глазами за густой гривой паровозного дыма, заместитель командира батальона капитан Иван Герасимов, бывший железнодорожник, с довольным видом говорил:

— Молодец, Федя. Не прошло и недели, а уже позади остались Омск и Петропавловск. Такой прыти и курьерский позавидует.

При упоминании Петропавловска, бронзоволицый крепыш, видимо, родом из этих ковыльных мест, неожиданно и громко изрек:

— Небольшой городишко, а тоже знатный. Здесь, среди железнодорожников, работал до революции Куйбышев. А в девятнадцатом году город освободила от колчаковцев пятая армия. Это была очень боеспособная и маневренная армия. Дала Колчаку по шапке. Осенью 21-го года тут два дня жил Михаил Иванович Калинин. Приезжал на агитпоезде «Октябрьская революция». Это в историю вошло. Хлеб, мясо заготавливали. В России голодный год выдался. Вот Сибирь и помогала... Особенно в Поволжье голодали. Вот и спасал людей хлебушко из этих степей.

— Ребята, у нас появился свой историк. Исконный казахстанец. Браво, браво!— фальцетом приветствовал «историка» лейтенант из сибиряков.

— Фашисты уже на Дону,— вздыхал один,— а мы еще в Сибири...

— Не тоскуй, кореш,— с хитрой улыбкой говорил его сосед.— Бравый солдат Швейк рассуждал, что, мол, «на фронт никогда не поздно».

До отправки на фронт в батальоне девушек было совсем мало. Но затем из штаба дивизии их прислали целый взвод — санитарки, сандружинницы, медсестры, телефонистки. Семенов хмурился: «Горя нам не хватало. От них только шум и раздор». У остальных это, напротив, вызывало воодушевление. А командир роты Гусаров, щеголь и весельчак, даже предложил создать хор. Кроме штатных вещей, необходимых военному, комроты имел гитару. Заметив оказавшихся в вагоне хорошо знакомых ему девушек, медсестер из санчасти Галю Тимолязову и Олю Жилинскую, тронул струны, запел свой любимый романс:

Все васильки, васильки,
Много мелькает их в поле,
Помню, у самой реки
Мы собирали для Оли...

Песенка привела в смущение Олю, щеки у нее порозовели. Галя до армии работала инструктором райкома комсомола, привыкла к дружеским шуткам, но и она делала вид, что сердится.

Гусаров и для нее вспомнил куплет:

Галина ты, Галина,
Зеленые глаза

Девушки исчезли в санитарном вагоне.

На крутом повороте, где-то близ Златоуста, Морозов выглянул из окна, увидел хвост эшелона,— дверцы теплушек раздвинуты, мелькают лица солдат. Мысли о войне порой кажутся нереальными. При чем здесь война, кровь и смерть, когда так прекрасны небо, солнце, леса, травы? Лейтенант заметил, что и курсанты не испытывают чувства тревоги, подавленности. Играют в шахматы, в домино, перебрасываются в карты.

Куйбышев. Здесь впервые стояли долго, наверное, часа три. Морозов со Степаном Пучковым вышли из вагона. Степан пошел на пристанционный базар, а Морозов остался на перроне. Базарной площади в сущности не имелось. В чахлом скверике разместилось несколько рядов деревянных, грубо сколоченных столов, почерневших от времени, их заняли тетушки со своей снедью. Такими выглядели тот «базар» и площадь. Кринка с молоком, вареная картошка в мундире, соленая рубленая капуста в ведре с крошками моркови, кастрюля с пирожками, лепешки. Капусту разрешалось попробовать на вкус, а пирожки или лепешку, прежде чем пробовать, надо купить. Вокруг торговок — бойцы. Вдруг они засуетились. Волнение казалось непонятным, что-то, видно, произошло. Из-за дома выступил подтянутый ремнями капитан, дежурный. В руках он держал два свернутых флажка — желтый и красный. Он не остановился, а лишь сердито оглядел базарчик — не затесалась ли в толпу вороватая самогонщица.

Пучков и в самом деле надеялся раздобыть самогона, хотя бы одну бутылку.

У него под мышкой виднелся завернутый в газету порядочный кусок фланелевой ткани, полученной перед отъездом на портянки. Старые еще не износились, и он эту тряпку приберег для такого вот случая. Вполне можно обменять на что-нибудь. У Пучкова был день рождения. Нужен был «стол». А что за стол без тоста?

Пучков затосковал. Придется возвращаться ни с чем! Вдруг из-за ларька вынырнула женщина, облаченная в цветастые лохмотья. Цыганка!

— Погадать тебе, красавец?

— Не надо, ради бога...

— Почему же? Ах, да! Ты в очках и ученый человек? Так вот я тебе расскажу о том, когда пропадет, сгинет Гитлер... Слушай вот. Наполеон родился в 1760 году, Гитлер в 1889 году, разница, мил человек, в 129 лет. Наполеон пришел к власти в 1804 году, Гитлер в

1933 году. И опять разница, дорогой мой, в 129 лет. А теперь слушай дальше. Наполеон напал на Россию в 1812 году, Гитлер — в 1941 году. И что же получается? Разница-то опять же в 129 лет. А сейчас бери на ум самое интересное. Когда Наполеон проиграл войну? В 1816 году. А когда ее проиграет кровопиец Гитлер? Давайте рассчитаем? Надо брать тоже 129 лет. Ну и получается, мил человек, что Гитлер проиграет войну в 1945 году.

«Чертовка!— подумал Степан. — Вот еще, ждать 1945 года! Да за три года сколько людей в землю ляжет из-за проклятого Гитлера».

Цыганка продолжала:

— Наполеон был не французом, а итальянцем, Гитлер не немец, а австриец. И тот, и другой стали правителями для другого народа. Наполеон захватил власть во Франции, Гитлер в Германии...

Приблизившись к Пучкову и горячо дыша, цыганка выхватила из его рук сверток и мгновенно исчезла. Поистине акробатический аттракцион!

Тем временем Морозов недоумевал, где так долго задержался Пучков. И уже стал беспокоиться.

Увидев Морозова, одиноко стоящего на перроне, к нему подошла старушка. Сначала она не решалась заговорить. В руках у нее — свернутая в трубочку телеграмма, обрывок конверта, маленькая фотокарточка. Набравшись храбрости, обратилась к лейтенанту:

— Ваших лет мой сынок... на фронт едет... Увидеть его хотела бы.

Номер эшелона, в котором ехал сын-красноармеец, ей неизвестен. На этом месте она ждала уже третьи сутки, и за это время прошли десятки эшелонов с войсками. Сына в них не оказалось. Старушка смотрела на Морозова с надеждой. Он прочел на конверте номер полевой почты. Такого номера он не встречал, и поэтому Морозов ничем не мог обрадовать солдатскую мать.

Услышав тонкий свисток паровоза, лейтенант побежал к вагоном. Увидел и бегущего вдоль вагонов Пучкова.

От встречи с цыганкой в душе Пучкова остался плохой осадок.

Когда они оказались в вагоне, Пучков рассказал об услышанном пророчестве офицерам.

Комиссар Белкин нахмурился.

— Нигде об этом, дорогой, не говори. Такой срок не годится, очень уж большой для нас. Одни разговорчики

о нем деморализуют солдат. Да и все эти выкладки — сущая глупость. Наполеон захватил власть не в 1804 году, а значительно раньше. И потерпел он поражение не в 1816 году, а по крайней мере годом-тремя раньше. Помнишь, битва народов была? Когда? Не знаешь? А я вот еще и по урокам истории помню. Под Лейпцигом. Случилось это под Лейпцигом в 1813 году. Вот там Наполеон потерпел окончательное поражение. Ты, может быть, скажешь: «А Ватерлоо?» Когда? В июне 1815 года. В Бельгии, южнее Брюсселя. Так что история писана не для гадалки-цыганки. Лучше бы любовные прогнозы выдавала доверчивым простакам.

— Понимаю, Владимир Данилович!

Где-то вблизи фронта, кажется, в Филоново, им встретился эшелон с танками на платформах. Может быть, дивизию переформируют в танковую или моторизованную? Вряд ли! «Вернее всего, к танкам пристегнут»,— сказал Гусаров. Он воевал на Халхин-Голе. И кое в чем разбирался .

Сами же танки, однако, пришлись по душе. Значит, на этом участке фронта есть не только пехота-матушка, но и гусеничные и механизированные корпуса.

Однажды состав остановился. Загудел зуммер. Из хвостового вагона передали:

— Генерал Макаренко ходит по хатам!

Верный своему обещанию, генерал решил навестить учебный батальон. Комбат соскочил с полки, привел себя в порядок. Вместе с комиссаром и Морозовым пошли встречать генерала. Комдив на одной из платформ беседовал с курсантами-минометчиками. Комбата и других комдив встретил приветливо.

— Теперь, друзья,— сказал он бойцам,— уже не на полигоне, а на поле боя вы обязаны показать класс стрельбы. Воевать будем на равнине. Всем нам есть где развернуться. Пойдем, комбат, в твой штабной вагон.

Макаренко видел здоровых ребят, неплохо обученных. Но знал, что в первых боях помимо выучки понадобится от них еще кое-что. Инстинкт самосохранения, страх не должны взять верх над рассудком. А для этого он сам обязан побеседовать с людьми. Это много значит: беседа со старшим, разговор. И генерал не упускал случая встретиться с бойцами, офицерами. Во время такой беседы в вагоне появился, звеня шпорами, комендант. Он доложил генералу, что пропустит

встречный санитарный поезд, затем даст отправление и этому эшелону. Спустя минут пятнадцать, когда на «эмке» уехал генерал, прибыл санитарный эшелон.

Все полки в вагонах заняты ранеными. Две юркие медицинские сестры, выбравшись из вагона, с баком в руках побежали добывать воду. Улавливается запах йодоформа. Вот из вагонного окна высунулась перевязанная голова. Живое, подвижное лицо, глаза кого-то ищут.

— Нет ли у кого воды во фляжке?

Вода, конечно, нашлась. Бойцы, оказавшиеся поблизости, стали расспрашивать раненого, где его «зацепило». Оказалось, он уже воюет с зимы, был под Харьковом, а ранили его на реке Чир. Хотел остаться в строю, но не получилось. Он улыбнулся и грустно пошутил:

— Невзлюбили меня врачи, в полк не отпускают, везут куда-то.

Послышался резкий паровозный свисток, и санитарный поезд тихо отошел. Но сутолока осталась. Проходили еще какие-то составы, формировались новые эшелоны. Люди суетились, словно муравьи. Тащили узлы женщины, плакали дети.

Остановки все чаще и чаще. Тут уже бойцы увидели, что такое прифронтовая зона. На путях с лопатами работают люди. Фашистские самолеты ночами бомбят пути. Однажды утром, после многочасовой стоянки эшелона на путях, Морозов с комбатом, стремясь выяснить, когда пойдет эшелон, направились к коменданту. В маленькой каморке, на двери которой чудом сохранилась еще дореволюционная табличка «Кассиръ», сидел младший лейтенант в фуражке с красным верхом. Левой рукой он подписывал служебные бумаги, а правая с кистью неестественной желтизны висела вдоль туловища. Оторвавшись от бумаг, живой, энергичный младший лейтенант сказал им, что постарается отправить курсантов побыстрее. Успел рассказать, что он воевал в кавалерийской дивизии Доватора под Москвой, в схватке лишился руки.

Комендант повел их по рельсам, поглядывая на небо. Рассказал о ночном налете. Из его слов офицеры узнали, что немецкая авиация в эту ночь тоже понесла урон, и совсем не от зениток. Один «юнкерс» неожиданно пошел на снижение и сел за выгоном, на просе-

лочной дороге. Летчиком в немецкой машине оказался офицер, чех по национальности.

Чех рассказал, что его два года назад мобилизовали в германскую армию, где он окончил летную школу. В предпоследнем боевом вылете он получил приказ — разбомбить пристанционный поселок. Когда снизился и увидел деревянные избушки, палисадники и школу с ребятишками, играющими во дворе в футбол, он, пролетев над селением, сбросил бомбовой груз на пустырь... но другой немецкий пилот сфотографировал результаты его вылета. Ему грозили арест и суд. Оставалось одно — сдаться в плен. Так он и поступил.

Они увидели и самого чеха. Он сидел у колодца на скамейке с дымящейся трубкой в руке — от нее тянуло махоркой. Кто-то уже угостил его грубым солдатским табаком. Чех повторил свой рассказ. Он называл приказы Геринга каннибальскими. Немецкий мундир ему стал ненавистным, и он решил перелететь линию фронта.

Рассказ он закончил заверениями, что говорит только правду. Его самолет в полной исправности. Приземлился он не из-за порчи мотора и не совершил вынужденную посадку. Он честно перешел на сторону советских войск и желал бы принять участие в воздушной войне против Гитлера.

На выгоне за поселком толпился народ. Там распластался, пугая детей и женщин своей паучьей свастикой на фюзеляже, еще совсем недавно грозный «юнкерс».

На одной из долгих остановок перед разрушенным мостом курсанты и офицеры выбрались ночью из вагонов и расположились отдохнуть в лесопосадке.

К ним подошла группа солдат. Оружие не у всех. Сзади, опираясь на палку, шел офицер. Вид у него не лучше, чем у рядовых,— лицо обожжено солнцем, на ногах ветхие сапоги, сшитые из плащ-палатки. Они подошли к курсантам, сели отдыхать у плетня. С завистью посматривали на суетящихся курсантов, на их оружие, на скатки, на побрякивающие котелки. Курсанты делились с ними едой, вступали в разговор.

— Откуда драпаете?

— Не драпаем, а идем. Из-под Серафимовича.

— Сейчас отступаем, потом будем наступать,— отвечая на упреки, буркнул один из окруженцев. Ел он медленно, не снимая каски. На нем изрядно выгоревшая гимнастерка, но без дыр. И побрит он был, и ры-

жие усы подстрижены. На боку висела сумка из-под противогаза. Съел он свою порцию каши всю, до крупинки. Вытерев ложку пучком травы и спрятав ее в котомку, снова заговорил:

— Да, пользоваться чужим котелком — самое обидное для солдата. Не думайте, что среди нас все шкурники. На передовой всякое бывает. Не исключено, что через неделю-другую и вы хлебнете.

За день стоянки наслушались от окруженцев всякого.

В полдень к штабному вагону подошел молодой солдат. Спросил комиссара:

— Разрешите обратиться?

Серые глаза Белкина остановились на красноармейце.

— Слушаю.

— Товарищ старший политрук! Мне сказали, что ваша часть идет на фронт. Возьмите меня.

— А ты кто такой? Откуда?

— Зиночкин моя фамилия. Сопровождаю бежавшего из немецкого плена нашего командира. Отсюда в госпиталь доберется самостоятельно.

— А где часть?

— Разбита. Теперь мне надо идти в маршевую роту. Туда не хотелось бы. Вот моя красноармейская книжка, комсомольский билет.

— В боях участвовал?

— Так точно.

— Командир твой может сюда прийти?

— Может.

Стараясь не хромать, пришел старший лейтенант в заштопанной выгоревшей гимнастерке, с почерневшей повязкой на голове. Назвал свою фамилию — Зазвонов. Он попросил дать ему попить. Потом рассказал, что был захвачен в плен. Фашисты почему-то заинтересовались, что родом он из Рязани, и хотели отправить его в Берлин.

— Почему такая «милость»?

— Допытались, что я рязанец, в истории были там у них какие-то интересы. Они мне про того немца, про Мольтке, а я им про Сережу Есенина. Стал читать по памяти им стихи: «Пускай я сдохну, только... Нет, не ставьте памятник в Рязани». Фамилия «Есенин» их сбила с толку. Я сказал им, что Есенин — маршал. Маршал артиллерии.

Уже из поезда Зазвонову удалось бежать. Перебрался через линию фронта. Подтвердил, что красноармеец Зиночкин спас его, сопровождал из-под самого Серафимовича.

Посоветовавшись между собою, решили взять Зиночкина в батальон. Во взводе связи как раз не хватало одного человека — списали по болезни еще в Иркутске.

Офицера, которого сопровождал Зиночкин, повели в санчасть. Там батальонный врач Владимир Балышканов сделал перевязку. После перевязки молчаливый старший лейтенант оживился и сразу же оказался в окружении молодых солдат. Он говорил им, что уже видел бегущих фрицев. Там, где бойцы обстреляны, немцам приходится туго. Конечно, хорошо бы всем солдатам иметь автоматы.

— Фашисты — мастаки убивать и грабить. А драться... Красноармейцы дерутся лучше. Под Харьковом мы прорвали оборону противника, взяли сто пушек. Это на главном их рубеже. На втором еще захватили пятьдесят орудий. А дальше — силы еще более жидкие, оперативный простор. Вот и получается: силе немецкой надо противопоставить нашу силу. Бить фрица и в хвост и в гриву.

Отдельный учебный батальон выгрузился на рассвете, не достигнув Качалинской. Предстояло совершить спешный двадцатикилометровый переход. До восхода солнца двигались вдоль железнодорожного полотна. Помимо личного снаряжения бойцы несли ручные и станковые пулеметы, диски и ленты к ним, 50- и 82-миллиметровые минометы и боеприпасы. Бронебойщики тащили свои длинные тяжелые ружья. Как только поднялось солнце, земля накалилась. Люди изнывали от зноя.

Комбат заставил людей окапываться, а Морозова с двумя конными разведчиками послал вперед. У моста через степную речушку Тишанку они стали поить лошадей. Удачнее нельзя и назвать эту речку: прозрачная вода течет тихо-тихо. Недалеко катилось облако пыли. Вихрь? Нет. Это пылит легковой автомобиль. Подскакивая на выбоинах, бежевая машина проскочила вблизи них, на развилке дорог свернула в траву и остановилась, съехав в глубокую канаву. Из легковушки вышли высокий сухощавый генерал-майор и два полковника. Голову генерала стягивала повязка, при-

крывая правый глаз. Из-под повязки виднелся широкий коричневый шрам от сабельного удара.

Крюченкин. Он подозвал Морозова.

— От Макаренко?— спросил генерал.

— Так точно. Адъютант отдельного учебного батальона.

Генерал снял фуражку, вытер платком бритую голову, заговорил. Он поручил Морозову передать комбату, чтобы роты, не останавливаясь в Качалино, сосредоточились у донской старицы.

— Сразу же окапывайтесь. Не теряйте людей до ввода в бой,— заметил один из офицеров, сопровождавших генерала. Он взял из багажника саквояж, извлек оттуда мыло и полотенце...

Садясь на коней, они видели, как генерал опустился на крыло машины, стал снимать сапоги, собираясь, должно быть, купаться.

Через полчаса добрались до Качалинской. У многих домов сорваны крыши, обвалились стены, вместо окон зияют черные впадины, видны следы пожаров.

Ведя лошадей в поводу, обошли полдюжины воронок от бомб. За несколько часов перед этим станцию жестоко бомбили.

IV

В ночь на 25 июля, сосредоточившись на западном берегу Дона, соединения 1-й танковой армии перешли в наступление. Загремела артиллерия. Выли «катюши».

Спустя двое суток нанесла контрудар 4-я танковая армия генерала Крюченкина. Над батальоном Семенова проносились огненные хвосты эрэсов. Фашистов смяли быстро.

205-я и другие дивизии 4-й танковой армии за сутки боя продвинулись на 10—12 километров. Захваченные в плен немцы не понимали, как это могло случиться, что они оказались в руках советских войск.

Такого оборота дела они не ожидали. Казалось, что советские части дезорганизованы, и можно беспрепятственно перемахнуть Дон с ходу. И вдруг откуда-то свалились советские резервы. Не удалось даже удержать переправы у хутора Голубинского.

Полки и учебный батальон 205-й были охвачены наступательным порывом. Через первые хутора батальон

прошел в походных колоннах. Морозову запомнилась ночь в донской степи. Лунный свет играл на касках. Мимо колонны иногда проносились машины, заволакивая все пылью. Серая дорожная пыль оседала на яблонях, их ветки клонились от обилия плодов.

Днем увидели первые освобожденные станицы и хутора. Всюду развал, погром.

— Долго хозяйничали у вас немцы?— спросил Морозов старого казака, стоявшего у куреня, крытого чеканом[1].

— Не больше часу. Подъехали на мотоциклах, напились воды и — дальше. А до этого отступали к Дону красноармейцы. Спасибо одному командиру—дал команду окопаться и ударить по этим мотоциклеткам.

На пригорке возвышалось деревянное здание школы под тесовой крышей с крашеными ставнями. Там толпились женщины и дети: в классах, из которых убрали в сарай шкафы и парты, на соломенных тюфяках без простыней, на полотнищах лежали раненые. Их вывезли из Верхне-Бузиновки. Всюду грязные клочья ваты, бинты. От раненых узнали, что к окруженным в районе этой станицы частям можно пробиться без особого труда через хутор Венцы. Немцы рыщут по степи, сплошного фронта у них нет. Ухаживали за ранеными черноглазые девушки-казачки. Одна оказалась довольно языкатой. Напоив Морозова из ковшика свежей колодезной водой, от которой ломило зубы, она спросила:

— Командир-то ваш, видно, казак?

— Самый настоящий,—подтвердил лейтенант.—А как вы угадали?

— Узнали. Статный такой, штаны с лампасами.

Повеселевшие люди смотрят на всех с уважением. Им понравился не только генерал. Нравился молодцеватый вид комсостава и курсантов батальона. Нравилось, что они хорошо вооружены и одеты.

Утро. Впереди — низина, речушка. На пригорке пылали на солнце золотые потоки поспевающих хлебов. Морозов поднялся во весь рост, но возглас «Воздух!» бросает его вниз. Захлопали винтовочные выстрелы. Послышалась сухая дробь пулеметных очередей. Лейтенант посмотрел из своего укрытия вверх. В синеве неба был виден бронесамолет-корректировщик «фоккевульф». Вынырнув из-за облачка, стервятник под огнем делал

---

[1] Озерная трава, похожая на камыш.

виражи. Ясно различались два фюзеляжа, желтые кресты на крыльях. Проклятая «рама». Бойцы знали, что эту пакость сбивают редко.

...В батальоне ждали генерала Макаренко. И скоро он появился здесь вместе с начальником штаба полковником Любимовым. Полковник узнал своего «крестника» лейтенанта Морозова. Отвел в сторону, спросил о настроении. Морозов, волнуясь, ответил, что в батальоне ему все нравится. И командиры, и бойцы. Любимов сказал ему, что комбат тоже хвалил работу адъютанта. Они подошли к генералу, беседовавшему с Семеновым и другими офицерами. Макаренко говорил о том, что он решил использовать батальон во втором эшелоне в количестве дивизионного резерва. Надо быть готовым в любую минуту участвовать в ликвидации прорыва, обхода. Два полка уже ведут бои. Удалось прорвать оборону немцев и помочь советским бойцам из других частей, которые неделю воевали в окружении.

Разговор перешел на нужды батальона. В батальоне не хватало командиров взводов. В одной роте не было ротного, его заменил старшина-сверхсрочник.

— Вот и отлично,— сказал комдив.— Как его фамилия?

— Григорий Детковский. На сверхсрочной десять лет.

— Вот и пусть командует ротой.

Действительно, лучшего командира не найти. В работе он настойчив и аккуратен. Один раз скажет, три раза проверит, сам посмотрит, как выполняется приказание.

Генерал разрешил представить на таких ребят в штаб дивизии аттестационные материалы на присвоение званий «младший лейтенант» и «лейтенант». Командующий армией их подпишет. На этот счет есть договоренность.

Комбат вместе с комиссаром подобрали десять лучших сержантов для назначения на офицерские должности. Среди них — младшие сержанты Калимулла Ахтямов и Михаил Степанов. В боевой и политической подготовке они были наиболее успевающими не только в роте, но и в батальоне. Никто в роте не стрелял лучше Ахтямова и Степанова.

V

...Было в биографии батальона немало фронтовых дней и ночей, надолго запомнившихся бойцам. Однако

эта июльская ночь и среди них особенная. С вечера Морозов и его писари разместились в яблоневом саду, изломанном и исковерканном бомбежкой. Подновили старые траншеи, устроились и замертво свалились спать.

Часа в два ночи Морозова кто-то стал трясти за плечо.

— Вставай, лейтенант,— услышал голос комбата.— Посылай связных во все подразделения. Сейчас зачитаем один документ.

Морозов протер глаза, не сразу поняв, где он. Пришел в себя, услышав урчание автомобиля. Значит, кто-то приехал. Как выяснилось,— начальник политотдела дивизии.

Поднятые по тревоге люди за какие-нибудь десять минут собрались у командного пункта. Всех усадили на траву. Комбат, включив карманный фонарик, передал комиссару Белкину листочек с типографским текстом.

Это был приказ Народного комиссара обороны СССР И. В. Сталина от 28 июля 1942 года. Приказ № 227, который мог бы быть озаглавлен так: «Ни шагу назад!»

Комиссар стал читать его, и видно было, как вздрагивает лист в его руках.

В первых строках приказа говорилось о смертельной опасности, нависшей над нашей страной, о причинах неудач, затем обосновывалась возможность положить конец отступлению.

В приказе говорилось:

«...После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 млн. человек населения, более 800 млн. пудов хлеба и более 10 млн. тонн металла в год.

У нас нет уже теперь преобладания ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит, погубить себя и загубить вместе с тем и нашу Родину.

Каждый новый участок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину, поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают

врага, ибо, если не прекратим отступление, то останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог. Из этого следует, что пора кончать отступление. Ни шагу назад — таким должен быть наш главный призыв. Надо упорно, до последней капли крови, до последнего вздоха защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, отстаивать каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Чего же у нас не хватает? Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять нашу Родину...

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно явиться требование — ни шагу назад без приказа командования».

Комиссар умолк. Прошла минута, другая. Никто не решался нарушить тишину. Курсанты, командиры, политруки оставались сидеть на своих местах. Потом Семенов распорядился развести людей по траншеям. Дать возможность им отдохнуть.

Кончалась короткая июльская ночь.

На западе играли высоко поднявшиеся семь звездочек Плеяд (на Дону их называют Стожарами), напоминая о том, что уже скоро начнет светать.

Морозов взял плащ-палатку, прошел в сад и снова лег близ траншеи на теплый грунт. Услышанное долго не давало уснуть. Знакомый голос с отчетливым кавказским акцентом, обратившийся год назад по радио к населению с проникновенными словами: «Братья и сестры!»— теперь приказывал: «Ни шагу назад!»

«Ни шагу назад!»— кажется, от этих слов и от яркого света он проснулся.

В этот предпоследний июльский день что-то случилось с солнцем. Оно серебрило все вокруг, разбрасывало ослепительные блики и немилосердно жгло. Струились ароматы уходящего лета...

Связной принес на командный пункт обед. В это время прямо к окопу Морозова стали спускаться с бугорка санитары с носилками. Пошел им навстречу. Увидел раненого, без гимнастерки, в окровавленной сорочке, с белым бескровным лицом.

— Здесь нет врача?— спросил старший санитар.

— Найдем!

Морозову передали документы. Взглянул в командирское удостоверение: «Борисов Николай Александрович, командир взвода управления 672-го артполка». Артиллерист и поэт. Его с ним однажды знакомили в редакции дивизионной газеты «В бой за Родину!». Он приносил туда свои стихи. В стихах писал о звериных повадках фашистов, о своих земляках-героях, упоминая Вологду — свой родной город.

— Он подбил танк с трех выстрелов,— пояснил санитар.— Метко сшиб.

Подошел рыжеволосый человек в мешковатой форме, без головного убора. Врач Балышканов. В его руках был знакомый всем чемоданчик с надписью: «Патронажная сестра». Бойцы гадали, что означает таинственное слово «патронажная»? Имеет ли оно отношение к боеприпасам? Потому, что кто-то пояснил, что на передовой медсестра обязана носить с собою не только бинты, но и патроны.

«Чушь городите,— заметила Галя, сопровождавшая врача,— еще кто-то вам будет подавать патроны».

— Гоните сюда двуколку,— распорядился врач Балышканов. Раскрыв чемоданчик, обшитый серой парусиной, Владимир Сергеевич достал инструменты, начал осматривать раненого. Ему помогала Галя. В армии Балышканов давно, даже служил где-то в Монголии. По-сибирски медлительный, но в работе основательный. «У него есть что-то от таежного медведя»,— заметил как-то комбат. Балышканов молча подготовил шприц, сделал раненому укол. На тревожный взгляд Морозова ответил:

— Ранение в плечо и спину, плюс контузия. Но, надеюсь, выдержит.

Пока искали транспорт, Коля Борисов пришел в сознание. Что-то хотел сказать, но можно было разобрать лишь одно слово: «Гады!» В бреду он проклинал фашистов. Потом назвал имя «Тамара». Имя жены, погибшей во время бомбежки Смоленска.

VI

Василевский, непрерывно получая донесения, переговариваясь со штабами армий, пришел к выводу, что необходимо остановить наступление.

Для наращивания ударов сил не хватало.

Было перехвачено донесение штаба 6-й немецкой полевой армии. Генерал Паулюс докладывал в ставку фюрера:

«Наши корпуса сделали попытку с ходу прорвать советский фронт обороны. Но они натолкнулись на непреодолимое препятствие. Мало того, советские дивизии, используя известные им слабые места, перешли 31 июля в контрнаступление и отбросили... немецкие дивизии. Несколько дней 6-я армия была в опасном положении».

Василевский прочел кипу протоколов допроса попавших в плен гитлеровских офицеров. Некоторые расценивали наши удары как тактические прорывы на отдельных участках. Но были и такие, которые считали, что этот удар сыграет роль во всей кампании. Они знали, что численного превосходства на советской стороне нет. Но качество советских войск высокое, есть свежие части. Объяснили свое поражение тем, что советские части ведут наступление в плотных боевых порядках, по две-три дивизии на одном направлении. В дивизиях много сибиряков. Слово «сыбырак» вызывало у немцев страх. Дерутся фанатически, как дьяволы. Там, где в бой шел «сыбырак», они устоять не могли. Под понятие «сибиряк» немцы подгоняли уральцев и дальневосточников, казахстанцев и северян.

В то время нашим штабам и Василевскому не было известно, что, получив от Паулюса донесение о летнем контрнаступлении русских на Клетском направлении, немецко-фашистское верховное командование и сам Гитлер сначала в это не поверили. И фюрер послал на Дон своего первого адъютанта Шмундта, чтобы на месте убедиться, действительно ли 6-я армия нуждается в подкреплениях.

Мордастый холеный генерал с бесцветными ледяными глазами появился в Морозовской. Здесь он убедился, что бои шли тяжелые. Подбитые танки, искореженные самоходные орудия, гаубицы и пушки свидетельствовали о серьезных потерях в технике. Непрерывно шли на запад эшелоны с гробами, ранеными и обожженными солдатами. Видя это, адъютант Гитлера послал в «Вольфшанце» подтверждение: да, войска Паулюса в кризисном состоянии, на отдельных участках отступали в значительном беспорядке. Без подкреплений они наступать не смогут.

Подкрепления Паулюс получил. С Кавказского на-

правления сюда была повернута немецкая 4-я танковая армия. К Дону направилась 8-я итальянская армия. Обещаны были еще два армейских корпуса.

В «Военном дневнике» генерал-полковника Ф. Гальдера на странице, датированной 23 июля 1942 года, появилась запись: «Недооценка (Гитлером — *В. С.*) возможностей противника принимает постепенно гротескные формы и становится очевидной».

Война штабов — война умов. Кто кого!

Советские войска, как и планировалось, приостановили продвижение фашистских сил в излучине Дона. Казалось бы, сделано все, что требовалось. Но Василевский не был удовлетворен,— по его первоначальному плану предполагалось отсечь и уничтожить часть немецкого клина ударом силами 21-й армии со стороны Серафимовича. Эта армия, двигавшаяся с тяжелыми боями навстречу 1-й танковой, выдохлась у Клетской.

Немецкая 4-я танковая армия, не считаясь с потерями, стала теснить нашу 51-ю армию. Танковым силам врага удалось прорваться в район Котельниковского.

Оставалось довольствоваться тем, что достигнуто. Контрудар дал выигрыш во времени. К Сталинграду подходили новые и новые соединения. Василевский приказал образовать оперативную группу под командованием генерала Чуйкова, которая вступила в бой с врагом под Котельниковским.

Угроза прорыва на Сталинград оставалась.

Противник предпринимал одну ожесточенную атаку за другой. Румынский корпус, оказавшись на Аксае, рвался вдоль железной дороги к Волге.

И тем не менее на Дону сложилась теперь совершенно новая обстановка, совсем не похожая на ту, о которой докладывал Василевский членам ГОКО в Кремле. И речь теперь могла лишь идти о боях оборонительных.

Придя к этому выводу, Василевский соединился для разговора с Верховным. Как будет воспринято его сообщение? Спокойно? С раздражением? Не все ли равно! Василевский доложил Верховному об итогах десятидневных боев, рассказал о той части операции, которую выполнить не удалось — в самом начале операции на это потребовались бы дополнительные силы. Войска с воздуха совсем не были прикрыты.

Заканчивая доклад, Василевский предложил дать директиву на оборонительные операции. Неожиданно Сталин согласился с предложением, сказав при этом: «В начале июля фашисты продвигались там у вас темпом до тридцати километров в сутки, в середине июля — до пятнадцати километров. При вашем вмешательстве эта их армия «буксует». Вы им дали отпор. Это большое дело. Надо стоять и стоять насмерть! До ноября!»

Разговор перешел на второстепенное. Сталин заметил:

— У вас там... тридцать третья гвардейская дивизия. Гвардейцы-бронебойщики. Действительно ли четыре наших бойца двумя ружьями подбили пятнадцать танков? Немецких танков нам не жалко, но я боюсь за наше Совинформбюро — нет ли козьмы-крючковщины?[1] Главное — правда!

— Точный, проверенный факт, товарищ Сталин,— ответил Василевский.— Ручаюсь. Есть здесь такой герой, Петр Осипович Болото. Стрелял по фашистским танкам в упор, с десяти метров. Он и его товарищи удачно выбрали позицию на склоне холма. Бой шел сутки. Чудеса храбрости показывают летчики и танкисты. Примеров много.

— Хорошо. Разрешаю генералу Еременко перейти к обороне. А вы возвращайтесь. Не надолго.

Василевский передал директиву Верховного командующему фронтом. Генерал Еременко, в подчинении которого находилась 63-я, 21-я, 4-я танковая и 1-я гвардейская армии, 9 августа издал приказ, обязывающий командующих этими армиями оборонять левый берег Дона на рубеже Бабка-Клетская — Больше-Набатовский.

В приказе, в частности, было сказано:

«4-й танковой армии (321-я, 18-я, 205-я, 192-я, 184-я стрелковые дивизии, 5-я истребительная бригада, 22-й танковый корпус и 54-й укрепрайон) удерживать плацдарм на правом берегу Дона на фронте Мало-Клетской, Мало-Голубой. Прикрывать подступы к Сталинграду с северо-запада и участок железной дороги Поворино — Сталинград. Полоса обороны — 50 километров (10 километров на дивизию). Резерв — 22-й танковый корпус.

---

[1] Козьма Крючков — донской казак, проявивший храбрость в первую мировую войну. Официальная пропаганда того времени превратила его в бутафорскую фигуру.

1-й гвардейской армии (4-я, 37-я, 38-я, 39-я, 40-я, 41-я гвардейские дивизии), выдвигающейся в район ст. Иловлинская — к утру 14 августа сосредоточить 39-ю гвардейскую стрелковую дивизию в районе Трехостровской, а к исходу дня три стрелковые дивизии сосредоточить по одной в районах: Хохлачев, Перекопская, Перекопка, Ново-Григорьевская».

В 4-й танковой армии более или менее боеспособной была только 205-я дивизия. Она могла еще некоторое время активно обороняться. Остальные, понеся потери, не имели и трети полагающегося по штату личного состава. Надежда была лишь на то, что каждый воин будет сражаться так, как сражались гвардейцы-бронебойщики из 33-й дивизии.

Василевский ехал на аэродром, чтобы занять свое место в «дугласе», лететь в Москву, где его ждал Верховный. Когда «дуглас» оторвался от земли, небо зачернело звеньями истребителей. Эскорт. Две девятки по бокам, одна впереди и выше. «Ну и ну! Подняли такую тучу»,— с досадой подумал Василевский, решив при удобном случае сделать замечание командующему воздушной армией. Он считал такое внимание к «дугласу» излишним.

Внимание? К нему лично? Нет! Внимание к начальнику Генерального штаба. Сколько генералов смертью храбрых пало на поле боя! Среди них были и очень талантливые люди. Видно, сейчас посмотрели на это по-иному. Забота Ставки коснулась и этой стороны военной деятельности.

В памяти Василевского всплыли детали разговора с Верховным, вчерашнего разговора. Интересуясь бытом в окопах, Сталин, как бы между прочим, заметил: «Мне докладывают, что за последнее время у вас участились случаи захвата немецкой полевой разведкой наших офицеров. Если это так, распорядитесь установить определенный порядок. Ни один командир не должен отлучаться со своего командного пункта без сопровождения вооруженных солдат. Мы не можем рисковать сведениями, а также жизнью офицеров, тем более... генералов».

12 августа Василевский снова вернулся на Сталинградский фронт. В этом была серьезная необходимость. Представитель Ставки, начальник Генерального штаба Василевский проверил, как проходило объединение

командования Сталинградского и Юго-Восточного фронтов. Командование этими фронтами было возложено на генерала Еременко. Таким образом руководство обороной Сталинграда было централизовано.

Василевский принял директиву из Ставки:

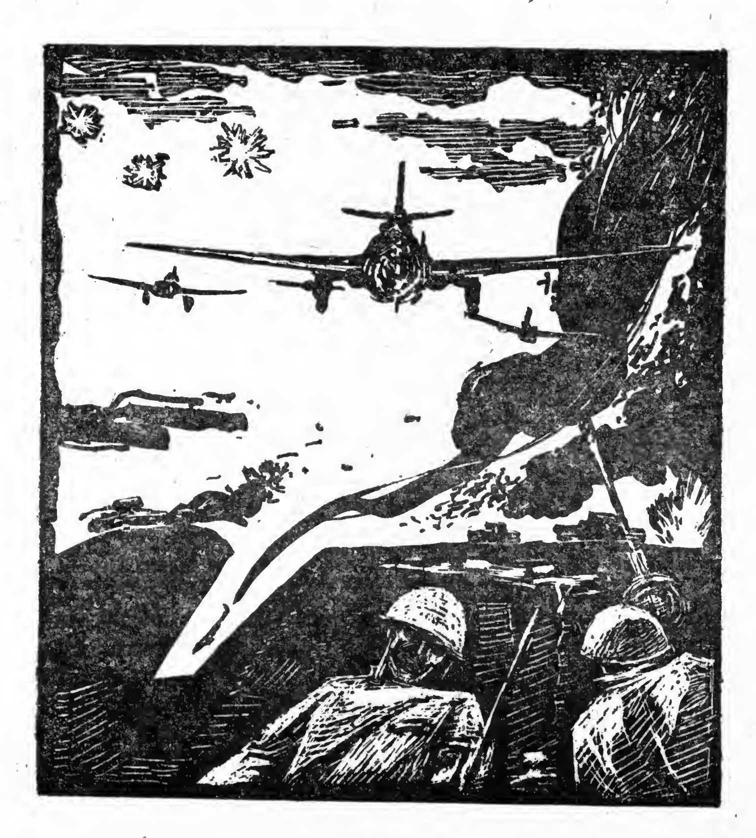
«Обяжите как генерал-полковника Еременко, так и генерал-лейтенанта Гордова не щадить сил и не останавливаться ни перед какими жертвами для того, чтобы отстоять Сталинград и разбить врага».

Глава шестая

ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

I

В то жаркое лето на фронте каждый, вплоть до рядового бойца, чувствовал твердую руку человека, подписавшего приказ № 227. Если б сказали, что где-то поблизости он сам, этому поверили бы. Среди тех, кто руководил обороной, называли Георгия Жукова. Бойцы были уверены, что он где-то здесь, поблизости, скоро даст о себе знать, и тогда фашистам непоздоровится.

Солдаты мечтали о наступлении. Вспоминали зимние радостные сообщения, когда советские войска нанесли сокрушительное поражение фашистским полчищам.

Но сейчас стояла задача: остановить врага. Для этого требовалось полководческое мастерство Жукова, Василевского и других генералов. Нужна была деятельность крупнейших специалистов и организаторов обороны.

Их железную волю ощущали люди на передовой, в сталинградских окопах. Чувствовали ее и войска, находившиеся во вторых эшелонах, там, где готовились резервы.

Стрелковые полки 205-й дивизии закрепились за Доном, в десяти-пятнадцати километрах от Ближней Перекопки, отбивая яростные атаки гитлеровцев. Дивизию ожидали новые серьезные испытания. Отдельный учебный батальон оборудовал свой рубеж обороны по высотам, протянувшимся вдоль русла степной речки Сухая Перекопка. Кстати, в тот год речка была довольно полноводной и могла в некоторой мере послужить целям обороны. В пойме островками зеленели заросли ивняка и ольхи.

Сама природа дала батальону многое. Прежде всего — выгодные точки высот 180,2 и 186,5. Они стали основой опорных пунктов. Кроме основных оборонительных рубежей на всхолмленной окраине Ближней Перекопки разместили за речкой на равнине перед хутором позиции сторожевого охранения.

Здесь, на Клетском направлении, превосходство в силах было на стороне противника. 205-я дивизия уже третью неделю вела бои. Сначала наступала, а затем, закрепившись в своих траншеях и блиндажах, отражала вражеские атаки.

14 августа лейтенант Морозов записал в батальонном «Журнале боевых действий»:

«Второго эшелона наша дивизия не имеет. Все полки ведут бои. Только наш батальон стоит здесь, в десяти километрах от передовой, прикрывая штаб дивизии. Если фашисты прорвутся — вся сила удара по курсантам».

И вот пятнадцатое. В ночь на пятнадцатое августа, завершив основательную подготовку к штурму наших позиций, немецкие войска перешли в наступление. Перед его началом фашисты с утра в течение нескольких ча-

сов обрабатывали передний край «юнкерсами» с воздуха. Они знали о существовании оборонительного рубежа на Сухой Перекопке и на рассвете «позаботились» о нем.

Еще стояли предрассветные сумерки, когда с ночного неба на этот рубеж яростно набросились пикирующие бомбардировщики. Наверное, Морозов задремал незадолго перед этим и сначала никак не мог выйти из забытья. Не понял, откуда этот рев, завывание и грохот. Черный «юнкерс», круто снизившись, сбросил бомбу на кучу земли, где кто-то копошился. Однако бомба легла неточно. Находившийся в глубокой щели курсант резанул из своего «дегтяря» по самолету. «Юнкерс» почувствовал огненную струю, взмыл вверх, но сразу же сделал заход и еще раз попытался поразить цель. Из соседней щели высунулся длинный ствол противотанкового ружья, вспыхнул огонек.

Самолет отвалил в сторону.

Справа и слева, в дыму и тумане, рвались авиационные бомбы, трещали выстрелы. Но уж очень неодинаковы возможности! Немецкие самолеты снижались над окопами, чуть ли не касаясь их «колесами». На каждый бугорок обрушивали огонь своих пулеметов, сбрасывая бомбы.

После небольшого перерыва вражеская авиация повторила налет. К тому времени мгла рассеялась, курсанты лучше подготовились к отражению нападения. Огонь по самолетам получился более плотным, организованным. «Юнкерсы» действовали нагло, но держались на значительной высоте, и бомбовый груз свалился как попало. Обнаружились повреждения телефонной связи с ротами, пришлось устранять порывы.

Вырвав листок из «Полевой книжки», Семенов написал донесение полковнику Любимову. Морозов послал это донесение со связным, но Любимов не ответил, он находился где-то в полках. К одиннадцати часам связь со штабом дивизии прекратилась. Из штаба батальона дважды посылали к комдиву связных, но и они не вернулись.

В батальоне поняли: положение впереди, под хутором Венцы, не из веселых!

К двенадцати дня злой, горячий ветер поднял пыль над окопами. В вихрях пыли увидели группки отступающих бойцов. Люди бежали по полю к нашим позициям. По оврагу, ломая кусты, к окопу Морозова шел,

шатаясь, рослый офицер. Он прижимал одной рукой перевязанную окровавленной тряпкой голову.

Морозов его узнал. Это был начальник разведки одного из полков капитан Нехаев. Его втащили в окоп. Лицо Нехаева сводила судорога боли.

— Сколько времени?

— Тринадцать.

— Мы отбили несколько атак. Потом дрались возле командного пункта. Командир полка убит, начальник штаба Кильдо ранен.

На санитарной двуколке оказалось свободное место. Морозов усадил туда раненого офицера. Подскочила медсестра, крикнула Василию Морозову:

— Тут раненых много, а в овраге есть еще грузовик. Отдайте и ту машину нам.

— Быстрее загружайте.

Запищал зуммер. Ага, есть связь! Морозов услышал голос начальника штаба дивизии. Полковник говорил, что к позициям батальона прорываются фашистские танки.

— Понятно, товарищ полковник.

Ждать пришлось недолго. Степь гремела, в этом грохоте терялся шум моторов двигающихся танков. Их увидели, когда они были уже совсем недалеко. Шли на хутор, растянувшись по степи. За танками бежали немецкие автоматчики.

Можно было подпустить их ближе, но минометчики не выдержали:

— Огонь!

Среди наступающих немцев взметнулись черные фонтаны взрывов. Танки замедлили движение, некоторые машины остановились и стали вести ответный огонь из своих пушек. Человечки в серо-зеленых мундирах тоже начали стрелять из автоматов.

Морозов следил глазами за танком, двигавшимся к окопам сторожевого дозора. Он двигался медленно, осторожно, словно бы на ощупь. У него еще будет препятствие — речка. Но, видно, не речки он остерегается, а мин и фугасов. А их нет и в помине.

Широкоплечий боец в каске, высунувшись из щели, стал целиться из винтовки в танк, надеясь попасть в смотровую щель. Так его учили. Выстрел. Танк остановился, и его башня с длинным стволом стала поворачиваться в сторону окопа. Сверкнул огонь. Снаряд угодил в холмик земли, насыпанный метрах в десяти выше око-

па. Курсант снова выстрелил, и танк, оставаясь неподвижным, ответил снарядом.

Правее показался еще один танк, вынырнув словно из-под земли. Но там 76-миллиметровое орудие. В бинокль Морозов хорошо различал эту пушку, выдвинутую на открытую позицию, где суетились бойцы. Среди них — офицер. Да это же сам командир полка Антон Кривощеков! Неужели у него не осталось больше пушек? Расчет в мгновение уменьшил прицел, навел панораму на цель.

Морозов, хотя и не слышал голоса, но чувствовал команду:

— По танку противника! Прямой наводкой!

Выстрел! Еще и еще! Снаряд ударил в основание башни. Танк повернулся бортом, содрогнулся и замер. Готическая вязь на борту кричала: «Я брал Мажино»[1].

Ветер нес клочья дыма. Уже не было видно ни пушки, ни капитана Кривощекова. На несколько мгновений все замерло. Но вот снова впереди появилось до дюжины танков. Они захватили всю ширь степи: на окраине хутора, в полукилометре от него, в лощине, на буграх... Одна машина, прорвавшаяся к окраине села, перемахнула через речку и пошла на позиции стрелковой роты.

В окопе против машины замер боец. Вот он рванулся из траншеи и бросил связку гранат. Это Логачев! Курсант, по натуре вялый, но рассудительный. Морозов вспомнил его слова: «Танк — это тот же трактор. Только в железной рубашке».

Гранаты сработали: взрывом разорвало гусеницу, и танк завертелся на месте, затем остановился.

Логачевым, видно, овладело лихорадочное возбуждение. Он вдруг вскочил во весь рост, подбежал к машине, вскарабкался на нее. Сорвал с головы каску, что есть мочи крикнул:

— Ура! Наша взяла!

Гриша, что с тобой? Зачем это? Вдруг Логачев покачнулся, тело его скользнуло по броне. Он упал лицом вниз, раскинув руки на траве...

Наш огонь не остановил вражеских автоматчиков. Уменьшенные расстоянием, они падали, поднимались, бежали. Морозов увидел их возле пулеметной точки, которая вдруг замолкла: мина, взорвавшись, выбросила

---

[1] Французские укрепления на границе с Германией.

столб земли и засыпала окоп, где был курсант с ручным пулеметом.

Комбат ушел в пулеметную роту.

Морозов оставался один на командном пункте.

Связи с позициями не было. Бойцы отстреливались. Сколько времени можно продержаться? Очевидно, не долго. Самое большее час-два. А может быть, и меньше. Дождаться бы ночи! Должен же кто-то поддержать батальон. Но пока справа и слева только цепи измотанных, берегущих патроны, бойцов. Они знали приказ: «Ни шагу назад!» Они его выполняли, пока имели боеприпасы. Теперь у них не было никакой возможности удержаться. Неожиданное зрелище отвлекло внимание Морозова: по полю бежал заяц. Зверек вырвался из горящих кустов, метнулся к нашим окопам, но огневая завеса была плотной, и заяц испугался. Заметался по полю. Верно, он и до этого бывал в переплетах: воспользовавшись тем, что в овражке образовался безопасный коридор, по узкой тропинке, стремглав, понесся к санчасти.

Морозова позвали к телефонному аппарату. В трубке был слышен глухой голос:

— Учбат? В хуторе осталась радиостанция. Она не должна попасть врагу.

Любимов! Полковник приказывал вывезти или взорвать дивизионную радиостанцию. А в хуторе уже фашисты. Морозов посмотрел вокруг. Из бойцов поблизости находился только телефонист. Комбату надо доложить о разговоре с Любимовым. Семенов лежал у бугорка за пулеметом. «Максим» резко стучал, зато напротив поле чистое, если не считать сероватых комьев в траве — это скошенные пулями гитлеровцы. Морозов подполз к Семенову, сказал:

— В хуторе радиостанция. Кого послать?

— Где-то батальон связи. Это их дело.

— Никого нет!

— Если нет никого — идите туда сами.

Морозов знал, что это недалеко, каких-нибудь полкилометра. Натолкнулся на телефониста Ушакова и позвал его выручить радиостанцию. Они стали пробираться в верховье оврага. Увидели знакомый сад, заглушенный бурьяном, серый «газик»-фургон с радиостанцией. Заглянули внутрь, различили согнутую фигуру Крохмалева.

— Старшина!— крикнул ему Морозов.— Надо убираться.

— Надо!— ответил Крохмалев, медленно шевеля черными губами.— Машину не смог завести, течет бак. А потом вот, смотрите, сколько донесений,

— Что за донесения?

— Радиограмма от Агабабяна, вот тут я записал,— сказал он, протягивая бумажку. Морозов пробежал глазами запись: «Противник смял оборону. Отбиваем атаку. На КП — я и несколько штабных командиров. Жду приказа».

Плохо дело у Агабабяна! Морозов знал этого командира полка. В Хабаровске он был адъютантом у командующего Дальневосточным фронтом генерала Штерна.

«Держись, Михаил Агабекович!»— передал ему Морозов.

Они отползли от автофургона, забрались в полузасыпанный окоп. Их уже четверо. Откуда-то взялся связист Василий Колмогоров — боец полз с катушкой на спине. Он без каски, волосы мокрые. Отсюда можно сжечь машину. Ушаков связал три гранаты, с большой силой швырнул их. Взрыв сотряс воздух, полетели щепки, комья земли. Они подожгли паклю, бросили ее на обломки фургона и осмотрелись: «Прощай, «газик»!

Сад спускался к речке, поросшей камышом и ивняком, довольно глубокой, но вода теперь не помеха.

Затем они бежали, согнувшись, вдоль ручья; камышовыми зарослями выбрались на открытую местность. По скату холма рвались мины, и они, мокрые и грязные, как черти, двинулись ползком. Вот и окопы одной из рот — пулеметной. Здесь затишье.

Молоденький пулеметчик, лицом похожий на девушку, облизывал пересохшие губы. Заметив, что Морозов выливает из своих сапог грязную воду, достал пару чистых портянок, подал ему.

Морозов отказался. При такой жаре все высохнет быстро!

— Немецкие танки уже в нашем тылу?— спросил пулеметчик лейтенанта.

— Боишься?

— Нет.

— Правильно. У танков горючее кончится, и тогда их возьмут голыми руками.

— У меня запасной пулемет и есть патроны. Мне принесли трофейные.

Боец показывает коробки с тяжелыми желтыми патронами.

Немецкие металлические пулеметные ленты.

И трофейный пулемет МГ-34.

...Сплошной линии обороны не было. Истекающие кровью подразделения 205-й дивизии оборонялись очагами. В одном месте оборону возглавлял генерал Макаренко, в другом — Агабабян, в третьем — Кильдо. Бои шли и в других местах.

Перед вечером фашисты пытались подавить очаги сопротивления из минометов. Никого нигде не было видно, но по изрытому окопами полю густо рвались мины.

Низко, волна за волной, летели самолеты. Обстреливать их было нечем. В тылу, в районе Камышинки, под самолетами вспыхнули белые круги. Морозов вначале обрадовался: это огонь наших зениток! Семенов мрачно сказал:

— Это не взрывы!

Белые круги — это вспышки парашютных куполов. Немцы выбросили десантников. Там склады, там обозы, туда свозили раненых.

В сопрождении санитаров в батальон пришел заместитель командира дивизии полковник Алексей Тронин. Подошли остатки стрелкового полка, человек с полсотни. С ними были противотанковая пушка и разобранный станковый пулемет, который несли бойцы расчета.

Полковник Тронин — хмурый, нелюдимый офицер. Работая в штабе дивизии, Морозов случайно познакомился с его личным делом. Служил он в штабе маршала Блюхера. Затем демобилизовался, стал прорабом, строил в Хабаровске нефтеочистительный завод. Началась война, о нем вспомнили, разобрались, что вины за ним никакой нет, восстановили на службе в армии и привезли ему военную форму прямо в бараки землекопов.

Там же ему вручили и приказ о назначении заместителем командира дивизии. Это было уже в ноябре, в Волочаевском городке заканчивали формировать части нашего соединения. В ту ночь Морозов оказался помощником оперативного дежурного по штабу дивизии. На его столе зазвонил телефон:

— С вами говорит полковник Тронин. Вышлите мне машину на пристань...

Морозов отправил дежурную машину. Она скоро вернулась. Какого-либо жилья в Хабаровске у полковника, разумеется, не было, при штабе дивизии также не имелось комнаты отдыха. Поэтому до утра этот полковник, худой, с землистым лицом, молча сидел у пылающей печки штабного барака и грел руки.

И вот теперь комбат спросил полковника о дальнейших действиях.

— Отходить!— высказался он.— На второй рубеж. Отходить через хутор Камышинку к станице Сиротинской. Отдайте приказ.

Сказано это было Семенову и Морозову.

Они молчали.

Полковник повторил:

— Отходить. Дивизия займет оборону в Сиротинской. Задача ясна?

— Ясна!

...Утро шестнадцатого августа.

Остатки батальона двинулись к Дону, вдоль балки. На карте она обозначена как «балка Куролесова». Кто такой Куролесов? Агроном? Его именем названа эта балка, вдоль которой тянулись пашни и огороды, а чуть дальше — неоглядные бахчи.

Курсанты шли по бахчам, урожай уже созрел давно. В ботве блестели огромные полосатые арбузы с подпалинами, оранжевые дыни, многопудовые тыквы.

Ребята повеселели, когда сделали привал. У кого был хлеб — ели арбузы с хлебом. Но многие обошлись так.

Из продуктов в вещмешке у Морозова лежала одна черствая краюха хлеба — неприкосновенный запас. Он отдал этот свой энзе санитару, сопровождавшему полковника. Санитар выглядел не лучше своего больного: желтые щеки, воспаленные глаза...

Через час сделали еще один привал. Балка Куролесова в этом месте превратилась в глубокий овраг. Тянуло сыростью.

Ребята обрадованно рассказывали, что внизу прямо из известняковых плит бьют хрустальной свежести ключи.

Боевое охранение выставили поближе к проселку, в кустарнике. Там же замаскировали пушку. Тишину нарушил слабый звук мотора. Проселочной дорогой мчался легковой автомобиль. Не наш. Немецкий. За рулем — немец-солдат, а на заднем сиденье — толстый

фашист в комбинезоне серого цвета, в пылезащитных очках.

Это машина марки «кюбель». Легковой вездеход.

Артиллеристы не стали мешкать:

— К орудию!

Пушка не имела прицельного приспособления. Командир орудия скользнул по степи натренированным глазом, через ствол навел пушку, вложил снаряд, закрыл замок и рванул за шнур.

Морозов взглянул на дорогу.

Черный фонтан земли, смешанный с дымом, взметнулся в двадцати метрах от машины. Жалобно скрипнул металл, «кюбель» резко затормозил и остановился. Несколько бойцов побежали к машине.

Гитлеровцы из «кюбеля» увидели размахивающих оружием красноармейцев, выскочили из машины и в страхе побежали в поле. Особенно резвым оказался шофер. Он обернулся, бросил гранату под ноги догонявшего его бойца. Увидел, что тот, окутанный пылью, упал, драпанул во всю прыть. Пуля его настигла в двухстах метрах от дороги. Теперь бежал только толстый фриц. Бежал довольно резво для своей комплекции.

Бойцы погнались за толстяком, время от времени стрелявшим по преследователям из пистолета. Всех обогнал рослый солдат с винтовкой, на которой поблескивал граненый штык.

Кто-то из офицеров закричал:

— Живьем его взять, живьем!

Солдат не слышал. На ходу щелкнул затвором. Раздался выстрел. Фашист упал. Судя по знакам различия, фашист был важной птицей.

Приказав взять из «кюбеля» немецкие документы и бумаги, а трупы убрать, Тронин отдал команду сняться с места. Только колонна перевалила через скаты высотки, вдали над отрогами меловых круч показался легкий немецкий разведывательный самолет. Он пронесся над дорогой, где одиноко чернел «кюбель». Самолет сел на поле, из него выбрались двое фашистов. Они внимательно осмотрели место вокруг, стали копаться в моторе «кюбеля», автомобиль заурчал. Видно, неисправность оказалась пустяковая. Решив, что члены экипажа — генерал и его шофер — куда-то ушли, фашисты вернулись к самолету. Самолет поднялся и улетел.

«Кюбель» исправен... Может, послать бойцов и взять

его? А потом переодеть нашего полковника в немецкий мундир и перевезти через линию фронта?

Семенов сказал об этом Тронину. Полковник с укоризной посмотрел на него глубоко запавшими глазами, махнув рукой:

— Надо пробиваться к своим без фокусов.

Шли еще долго. Морозова мучила страшная усталость. На привале, слушая разговор командиров с Трониным, обсуждавших детали боя по выходу из окружения, он забылся на несколько минут. От земли исходил сухой жар. В глазах мелькали огненные круги.

Какая-то сила подбросила лейтенанта с земли. Морозов вздрогнул и протер глаза. Услышал голос комбата Семенова:

— Станица Сиротинская рядом. Попытаемся прорваться.

Он инструктировал бойцов.

— Идти без выстрелов. Гранаты применять в крайнем случае. Лучше всего — рукопашный бой. Действовать штыками, лопатами, ножами.

— Бегом марш!

Белые зубы Семенова сверкнули в улыбке.

Они пошли на прорыв...

II

Попав во вражеские окопы, Морозов столкнулся с немцем. Тот, видимо, испугался призрака в нахлобученной пилотке и, пятясь назад, закричал: «Sie sind hier!»[1] Морозов сделал прыжок, ударил прикладом карабина немца снизу вверх, в челюсть. Ударил нерасчетливо, с такой силой, что хрустнул сустав в его плече, отдавшись острой болью. Рядом раздались выстрелы и взрывы гранат. Лейтенант выскочил из окопа, упал, кубарем покатился куда-то вниз. Потом полз через кусты, раздирая руки, лицо, бежал, прижимаясь к земле. Попав в воронку, пытался перезарядить карабин, но не смог — дрожали руки. На какую-то секунду он растерялся.

— Ни с места! Стрелять буду!— поднял его голос.

Морозов вскинулся, ответил:

— Свои! Двести пятая...

К нему подошли вооруженные автоматами бойцы, повели куда-то, Морозов, пробуя сориентироваться, шел

[1] Они здесь! (*нем.*).

медленно. Прошли мимо куреня, обнесенного низкой огорожей.

— Далеко?— спросил он своих сопровождающих.

— Что — далеко?

— То место, куда мы идем.

Старший из сопровождающих успокоил:

— Уже пришли.

Морозов очутился в просторном помещении, слабо освещенном. В комнате на деревянной скамейке, поставленной вдоль стены, сидели бойцы. Трое были из учебного батальона. Зиночкин, Огородников, Колмогоров... С ними разговаривал похожий на старого учителя человек со шпалами в малиновых петлицах. Нарукавных нашивок у него не имелось, и нетрудно было понять, что это уполномоченный НКВД. Лицо его с крупными морщинами было сосредоточенно, но голос звучал тихо и спокойно. Как и другие, Морозов в нескольких словах рассказал ему о себе, он внимательно выслушал его; взял со стола свой блокнот, перелистал его, зачем-то осмотрел карабин. «Вовсе не учитель, скроее всего — следователь»,— весело подумал Морозов.

— Вы этим оружием пользовались?

— Да,— твердо ответил Морозов.

— Как же пользовались? В нем затвор заклинило.

— Я пользовался прикладом.

— Понятно.

Морозов видел, что суровый особист претензий к нему не имеет. Он сказал, что лейтенант может забрать своих бойцов и двигаться на сборный пункт, там уже знают о судьбе 205-й... Пункт этот в Садках. Но есть пункт и в Иловле.

Когда они добрались до Сиротинской, ночь еще не прошла. Небо было в тучках. Над передним краем дрожащим неверным светом горели немецкие ракеты. Из-за Дона бухали орудия. Невидимые, гудели самолеты.

Стало светать. Дорога привела их к песчаной косе, откуда виднелась освещенная восходящим солнцем паромная переправа. Там суетились люди. В беспорядке отходила какая-то часть. На обочинах, в пожухлой траве валялось оружие. Морозов попытался выбрать себе исправную винтовку, но тогда пришлось бы расстаться с карабином... «Ладно, отставить. Мне его отремонтируют»,— решил он.

Комендант переправы, майор с саперными эмблемами в черных петлицах, пропускал на паром в первую

очередь тех, кто имел оружие, слышались слова команд, восклицания. Морозов со своими курсантами втесался в толпу, паром доставил их на другой берег Дона.

Двинулись дальше. Догнали подводу — обыкновенную длинную повозку. Сбоку, покрикивая на своих вороных, с вожжами в руках шел старшина. Проселочную дорогу по диагонали пересекала песчаная насыпь. На этой неровности вдруг подвода стала валиться набок. Морозов и его бойцы тут же поддержали ее, подтолкнули. Колеса застучали по твердому грунту. Повозка источала приятный запах дегтя, запах свежеиспеченного хлеба. У лейтенанта потемнело в глазах. Хлеб!

— Слушай, старшина!— сказал он, отбросив ложный стыд.— Говорят, у зайцев такой обычай: мать кормит зайчат, независимо от того, чей выводок...

— Святая правда. В газете даже писали!— добавил Колмогоров.

Старшина намек понял и со словами «Тут этих выводков...» вынул из-под брезента большую мягкую буханку хлеба и дал Морозову. Спустившись к Дону, они, разостлав на камнях пустой вещмешок, разделили хлеб и съели.

Утро. Восток пылал огнем, и весь край неба отразился в донской воде. Она осветилась алыми бликами, напоминая о тяжелых боях. Поднялись на косогор. Садки совсем недалеко.

... Первый, кого Морозов встретил на сборном пункте в тенистых Садках, был Михаил Мокосеев, репортер из дивизионки.

Морозов отдыхал, сидя на завалинке, сняв порыжевшие сапоги; их обезжиренная кожа стала смахивать на картон. Сапоги когда-то имели другой вид!

Помнится, военкоматовскую повестку принесли домой Василию-призывнику в его отсутствие. Отец первым прочел ее, вечером отдал сыну. На работу утром не пошел, отправился в амбар. Порылся там в окованном жестью сундуке, достал крой — заветный набор, которым его когда-то премировали. Трое суток, оставшиеся до отъезда сына, он шил сапоги. Но сначала сделал колодки 45-го размера, смастерил шпильки и подготовил дратву. Все сделал сам. И когда эти прочные и ладно сработанные сапоги были готовы, отец дал их примерить, еще влажные и теплые. Просторные и удобные. По-настоящему добротные сапоги. Из яловой кожи, с крепкой буйволиной подметкой. Подметка подбита не

только березовыми шпильками, но и медными гвоздиками. Предугадывал старик нелегкий солдатский путь!

Заслышав шаги и кашель, Морозов поднял глаза. И увидел своего дружка Мокосеева. Не поверил глазам — так его испугал внешний вид репортера. Где коверкотовая гимнастерка? Где портупея и «лейка?» Его «обмундирование» состояло из вещей, которые можно подобрать в кустах и канавах. Исключение составляла добротная пилотка. Его пилотка, он носил ее в Хабаровске. Нос и подбородок младшего политрука заострились. Заметив Морозова, он онемел, а затем с усилием выговорил:

— Где Галя? Вы ее оставили?

Морозов знал, что медсестра Галя, попавшая в учебный батальон еще в Хабаровске, родом из занятого фашистами Смоленска, была землячкой Мокосеева. Успокоил, как мог — понял, что тот беспокоится о ней не только, как о землячке. Видно, любит ее.

— Все нормально,— сказал лейтенант. Михаил застыл в ожидании.

— Не беспокойся,— повторил Морозов.— До начала немецкого наступления мы отправили ее с ранеными в тыл, за Дон. Прощаясь, она просила передать тебе привет. Представь себе, нагнулась и шепчет: «Скажите Мише, что я люблю его. Он меня найдет, если напишет письмо в Оренбург: переулок Хозяйственный, дом один, Тимолязовым». Тимо-ля-зо-вым! Запомни!

Может, лейтенант кое-что преувеличил, стремясь порадовать однополчанина, но от правды далеко не ушел. Во всяком случае, адрес эвакуированных Галиных родителей был точным.

Мокосеев торопливо записал адрес на обрывке газеты.

— Ты видел своих?

— Нет.

— Комдив здесь, полковник Любимов тоже.

— А Тронин?

— Говорят, он захвачен в плен. И не только он. В немецких листовках употребляют его фамилию, хвастают, что они пленили еще несколько человек из командного состава дивизии. Начальника политотдела, например.

Морозов рассказал, что Тронин шел с остатками батальона, когда пробивались через немецкие окопы,

фашисты растерялись, стреляли беспорядочно. Все это давало возможность попасть к своим.

— Возможность была,— пояснил Мокосеев,— но ты же сам говоришь, что вы дрались врукопашную. Полковник для этого был стар. Вам надо было позаботиться о нем.

Морозов не стал отвечать. Спросил:

— Где могут покормить?

— Для наших есть здесь кухня.

— Хорошо! Осмотримся и пойдем туда. А теперь рассказывай, где тебя носило... Почему принарядился в БУ? У этого добра давно истек срок носки!

Сели в тени плетня.

— Я, брат, был под Трехостровской,— глухо сказал Мокосеев.— Именно на нее пришлось острие немецкого удара.

Полк, в котором оказался Мокосеев, сражался весь день. Батальоны, растянутые в жиденькую цепочку, стойко сдерживали врага. К вечеру фашистские танки и пехота сломили их сопротивление и добрались до станицы. Мокосеев с автоматом в руках уже у самой переправы лег в окопчик и расстрелял последние патроны. Рядом отстреливались из винтовок старший политрук Иван Сидоренко[1] и наборщик типографии Лапин. Последний выносил знамя дивизии, хотя, не войсковое, а шефское знамя. Но красное полотнище было вынесено, и все уже знали, что дивизию не расформируют, соединение с номером «205» еще будет воевать.

Осколком мины Лапину разбило плечо. Какой-то подполковник, руководивший боем, отчаянной руганью приказал всем, имевшим оружие, держать оборону:

— Ни шагу назад!! За Родину! Смерть фашистам!

Сидоренко вскочил с земли, сорвал с пояса гранату...

Уже били немецкие автоматы в прибрежных кустах. Шли последние минуты обороны. Понтоны были разбиты и потоплены, лодок совсем не было. Что же оставалось? Мокосеев не боялся умереть, пока оружие действовало. Но опустел диск, и репортера охватил страх. Не бросая оружие, он потащил истекающего кровью Лапина по песку и кустам к воде.

---

[1] И. Д. Сидоренко — один из первостроителей Комсомольска-на-Амуре, бригадир бетонщиков. В двадцатилетнем возрасте награжден орденом Ленина. В боях под Сталинградом был политруком роты. Убит 15 августа 1942 года.

Здесь, на изрытой воронками песчаной косе, увидел неподвижную «эмку» Военного трибунала. Сам председатель трибунала Эпштейн был застрелен немецкими автоматчиками, его полузасыпанный песком труп лежал неподалеку. Мокосеев положил раненого близ «эмки», сказал ему:

— Подожди немного, сейчас поплывем...

Лапин закрыл глаза. Мокосеев секунду помедлил и бросился к воде, к счастью, почти тотчас нашел и небольшой плотик из наспех связанных бревен и досок.

Дон в этом месте был широк, противоположный берег едва виднелся. Волны зловеще поблескивали.

Он уложил раненого на плот. Лапин, укрытый мокрой шинелью, беспомощно затих не бревнах. Рядом с ним к бревну Мокосеев привязал вещмешок со спрятанным в нем знаменем. Вытащив из кармана раненого партбилет, он спрятал его в пилотку. Потом встал на плотик и оттолкнулся от берега. Вода закружилась вокруг бревен, проступая в щелях. Течение подхватило плот и потащило его на середину реки. Отчаянными усилиями совсем выбившийся из сил Мокосеев пытался управлять плотом, направляя его к берегу. Вдруг начался обстрел, вблизи запрыгали маленькие и большие фонтанчики. Что-то ударило Мокосеева в бок. Он потерял равновесие и упал. Плот казался скользким, и случилось то, чего он опасался: его смыло с плота, и он с головой ушел под воду.

К счастью, падая, Мокосеев ухватился за веревку, скреплявшую плот, вынырнул. Держась за нее, осторожно подталкивал плот. Так он проплыл метров сто.

Лапин лежал на бревнах — и это главное. Надо спасти его во что бы то ни стало! Лапин не просто сослуживец, однополчанин. Он был самым надежным другом. Выпуская многотиражку, они часто вместе работали с верстаткой у наборный кассы, крутили колесо печатного станка; питались из одного котелка.

Несмотря на обстрел, плот сохранял устойчивое положение. Мокосеев хотел взобраться на него, но ему это не удавалось — не хватало сил. Так они поплыли на край заводи. Вода здесь кружила и плот колыхался, прибиваясь к берегу. Стало совсем тихо. Мокосеев почувствовал ногой твердый грунт. Из воды торчали зеленые сваи, которые мешали подогнать плот к берегу. Мокосеев побрел к круче, где виднелись плетни и ветлы. Оглянувшись, младший политрук увидел Лапина,

стоявшего в воде и неверными шагами пробиравшегося к берегу. От холодной воды Лапин пришел в чувство, поднялся...

Мокосеев подхватил товарища. Кое-как они доползли до сломанного плетня, окаймлявшего берег. Теперь, когда опасность осталась позади, они совсем обессилили. Жгло солнце. Завывая, над головой пролетали самолеты. Мокосееву все же удалось остановить случайную машину и отправить Лапина в госпиталь.

— Сейчас Лапин в Ольховке, в эвакогоспитале,— сказал Мокосеев.— Я навестил его. А мне надо идти за назначением. Партбилет я сохранил. Но как я появлюсь в политуправлении в таком виде? Меня же поднимут на смех!

Морозов успокоил его:

— Что за разговор, Михаил Иванович! В вещевых складах для тебя форму найдут. Главное, уцелел! И знамя спасли. Это уже подвиг.

— Да, конечно. Жалко Ваню Сидоренко. Погиб. Какой человек! Я видел, как немецкие автоматчики срезали с его гимнастерки красные звездочки с рукавов. Не знаю зачем — у них, возможно, за убитого комиссара полагается особая награда.

Несколько минут они сидели молча.

Струилась августовская теплынь. Да, таяло, истончалось лето. На землю падали узкие ивовые листочки — они уже желтели. Отцвела полынь, возвещавшая о приходе осени.

III

Командующий первой гвардейской армией приказал генералу Пастревичу подчинить себе подразделения 321-й, 205-й и 343-й стрелковых дивизий, которые насчитывали к тому времени по 700—800 человек.

На сборном пункте в Иловле, в большой избе, рубленной глаголем, с резным крыльцом и коньками, генерал-майор Макаренко распростился со своими людьми. Он вступил в командование 321-й. Морозову сказал:

— От полков нашей дивизии мало что осталось. Но вам спасибо. Дрались хорошо. Учебный батальон сохранил боеспособность. Командование решило так. Из остатков дивизии сформировать сводную часть, ей будет отведен боевой участок на плацдарме у станицы Сиротинской. Район этот известен капитану Семенову. Он

уехал на плацдарм и там будет командовать сводным батальоном. Вы, Морозов, назначаетесь к нему начальником штаба.

— В чье подчинение поступаем?

— В подчинение командира сороковой гвардейской дивизии генерал-майора Пастревича. От него есть здесь офицер связи. Он находится в оперативном управлении.

— Кто он?

— Капитан Рожков. Управление находится вон там, за колхозной конторой.

— Все ясно.

Генерал торопился. Распростившись с ним, Морозов пошел искать капитана Рожкова. Капитан сидел в тени под яблонькой, во дворе, на разостланной плащ-палатке перед ним лежал пистолет, рядом с куском ветоши стояла масленка. Офицер чистил свое оружие.

Назвал себя Александром Семеновичем.

— Собственно, должность моя — переводчик,— сказал он Морозову,— но приходится делать то, что заставят. Сегодня мне крупно повезло. Думал, выделят какую-нибудь маршевую роту. А мне вдруг отдают всю двести пятую дивизию!

— Только название,— заметил Морозов.

— Но ребята обстрелянные! Это не шутка.

— Что там происходит?— указал Морозов на рожковскую карту.

— Могу рассказать. Если с холмов близ Сиротинской посмотреть в сторону Старо-Григорьевской, перед глазами встает широкая лесистая долина. Она примыкает к Дону. Это и есть плацдарм. Фашисты стремились выйти на эту долину, но на их пути встали гвардейцы.

Тяжелый бой приняло 15 августа отделение Александра Чаплыгина с тремя немецкими танками и бронетранспортером с мотопехотой. У высоты с отметкой 222,2 они залегли в пшенице, обложившись гранатами и бутылками с раствором «КС». От удара бутылка лопается, смесь мгновенно воспламеняется и здорово горит. Только отбили атаку, как увидели еще десяток танков. Комдив послал меня со взводом на поддержку Чаплыгину. Отбивались до вечера. Только один вражеский танк мог бы уйти, но не ушел. Машина эта повернула назад и стала удаляться. Но ее настиг один наш боец. Догнал, взобрался к башне и стал стучать прикладом. Видимо, гитлеровцы в танке подумали, что это

стучит свой фриц,— люк открылся. Боец в ту же секунду бросил туда гранату, а сам спрыгнул с машины в траву. Раздался взрыв, а вслед за этим над танком взметнулись пламя и огромный клуб дыма.

Весь гвардейский батальон дрался так же, как отделение Чаплыгина.

И уже в сумерках гвардейцы, атакуя врага, вышли под Сиротинскую, где фашисты готовили переправу через Дон. Здесь и началась кровавая баня. Такого уцелевшим не забыть до самого конца жизни.

В первую атаку шли по лугу на Сиротинскую. Болото перешли по горло в воде. Вылезли на берег мокрые, черные от болотной грязи, как дьяволы.

Свой отход фашисты прикрывали огнем, но наши бойцы короткими перебежками рванулись вперед.

В этой атаке дважды был ранен командир роты лейтенант Петров. Роту он не оставил, бежал в цепи, перевитый бинтами. Получил еще одно осколочное ранение в ногу, и бежать уже не мог. Санитары подхватили командира, унесли в укрытие. Петров еще не верил, что он ранен. Когда от потери крови обессилел, шептал сквозь зубы:

— Эх, еще бы разок сцепиться с ними в штыковой атаке!

Гвардейцы подразделения сильно поредели. Выставив посты, измотанные бойцы свалились в траву. Кто уснул, а кто от нервного перенапряжения не мог сомкнуть глаз. Утром начался обстрел позиций, которые пролегли под самой станицей. Пришлось отойти в долину, укрыться в лесочке, в наспех открытых под огнем окопах и щелях. Бойцы остались почти без боеприпасов. Ждали фашистов, чтобы встретить их врукопашную.

Но с заходом солнца враг утихомирился.

Гвардейский батальон занял оборону по всем правилам. В наиболее угрожаемых участках оборудовали точки с противотанковыми ружьями, пулеметами, другими огневыми средствами. Бойцы всю ночь окапывались. Грунт оказался жестким, каменистым, не поддавался шанцевому инструменту. К утру вырыли окопы только для стрельбы с колена, глубиной в 50—60 сантиметров.

В подразделениях не имелось ни противотанковых пушек, ни полковой артиллерии. Они отстали, находились где-то за Доном. Там же застряла и санитарная

рота. Гвардейцы вступили в бой, располагая всего лишь одним боекомплектом. К вечеру у некоторых бойцов оставались или граната, или горсть патронов. Бутылки с горючей смесью особенно берегли.

Ночью парторги и комсорги побеседовали с бойцами, рассказали о положении дел на этом участке фронта.

До рассвета за линией фронта слышался далекий гул моторов. Горизонт освещался ракетами. Тревожно блистали сполохи огня. Иногда дозоры задерживали отдельных солдат или небольшие группы бойцов. Это отходили остатки советских частей, разбитых врагом под Верхне-Бузинской и Ближней Перекопкой. Различался и нарастал гул подходивших к Перекопке танков и мотопехоты. От этого гула содрогалась земля.

Утром комдив послал всех штабных офицеров в окопы.

Немецкая артиллерия обстреляла высоту 222,2, где находился Рожков, а затем огонь перенесла на соседние высотки, оборонявшиеся ротами другого батальона. Все же время от времени снаряды рвались и поблизости.

Рожков после небольшой паузы продолжал рассказ:

— Увидел я фигуры в касках и с автоматами. Сначала думал, что мне померещились эти цепи. Однако это были они, немецкие автоматчики. Цепь одна, вторая, третья. Идут напролом. До них осталось метров триста. Через их головы полетели на нас мины и снаряды.

Уже слышали голоса немецких офицеров, выкрики. Видели их лица. Там костлявый, приземистый унтер, там пригнувшийся солдат с выставленным впереди живота автоматом. Один споткнулся, упал, но поднялся. Пьяные, что ли? Пьяны дымом и кровью. Ведут густой огонь с живота. Теперь уже три цепи прямо перед нами. У наших солдат каждый патрон на счету. Мы не стреляем, ожидая команды.

Сильно надеемся на минометчиков, у них мины все же были.

Командиры минвзводов кричат:

«Расстояние — сто метров. Подготовить по десять мин — беглым!»

А стрелки вели огонь только прицельный.

Ну и дали им жару!

Отхлынула эта волна.

А потом еще и еще. Трое суток продолжались вот такие бои, гвардейцы стояли на своих позициях. Из-за Дона наладили подвоз мин, патронов. Отражать атаки стало легче.

Вступили в бой другие батальоны.

19 августа немцы нанесли основной удар по первому батальону, оборонявшему высоту 180,9. К исходу дня врагу временно удалось овладеть частично высотой, но это фашистам досталось недешево.

Рожков сказал:

— На плацдарм пошли 38-я и 42-я дивизии. Придет и 205-я стрелковая дивизия. Наши получат передышку. Первые две дивизии уже ударили по фашистам во взаимодействии с «катюшами» и улучшили позиции.

— Какую нам поставят задачу?

— Сказать трудно. Сейчас важно расширить плацдарм. Если бы выбить фашистов из Сиротинской — было бы здорово!

У Рожкова еще оставались какие-то дела в штабе армии, а Морозову следовало немедленно отправиться на плацдарм. Отправиться... На чем? Приходится самому решать, проявлять солдатскую находчивость.

— Что ты беспокоишься, лейтенант?— сказал Рожков. — Здесь всюду бродят бесхозные кони. Есть настоящие рысаки. Садись и скачи!

На бесхозной лошади особенно далеко не ускачешь. Но передвигаться можно. Морозов пошел искать какую-нибудь клячу: как-никак расстояние около двадцати километров. В ближайшем же овражке лейтенант увидел довольно бодрого на вид гнедого со сбитой холкой. Он, очевидно, соскучившийся по общению с людьми, без всякого сопротивления позволил надеть на себя недоуздок и стоял смирно, пока Морозов садился на него.

Ехал лейтенант очень долго. Добрался до берега Дона поздно. Светил молодой месяц. На прощание угостил коня корочкой хлеба и отпустил его. Сам же стал ходить по высокому берегу, размышляя, где бы переправиться утром через реку. К удивлению лейтенанта, конь пошел за ним.

— Ты мне больше не нужен, Гнедко,— сказал лейтенант коню, потрепав по гриве. — Гуляй себе в чистом поле.

Конь, словно поняв лейтенанта, отошел в сторону, стал щипать траву.

Завернувшись в плащ-палатку, Морозов устроился на ночлег в копне сена. Снилось родное село, площадь с каменистым взгорком — местом шумных мальчишеских игр. Скворечник на высоком шесте возле школы — деревянного домика под зеленой железной крышей с резным крыльцом. Еще что-то из детства приснилось...

Разбудила дальняя артиллерийская канонада. Утро. Морозов стряхнул плащ-палатку, пилоткой сбил мусор с гимнастерки и бридж, пошел к берегу реки. Остановился над кручей. Внизу сверкали на солнце воды тихого Дона. За рекой лежала полоса желтого сыпучего песка, за песком зеленели заросли камыша и тальника. Полоска зарослей небольшая, неширокая. Дальше — прибрежный лес. А за лесом на много верст тянулась донская степь, сливавшаяся с синим небом. У горизонта белели хаты станицы. Кроме Морозова у кручи бродил какой-то боец. Его походка показалась лейтенанту знакомой. Да это же Ушаков! Связист. Он любил рассказывать бойцам о свадьбе, на которой его угостили кагором. А до этого он был убежден, что на свете есть лишь один хмельной напиток — самогон. Заметив Морозова, Ушаков указал рукой на противоположный берег. Там солдат полоскал в воде обмундирование, старательно выкручивая его. Рядом виднелась полузатонувшая пушка. Закончив стирку, солдат стал развешивать на кустах свою одежду.

Ушаков крикнул басом:

— Эй, приятель, ты меня слышишь?

— Слышу!

В это утро воздух имел повышенную звукопроницаемость. Эхо раскатисто повторяло человеческий голос.

— Кто ты, командир или рядовой?

— Рядовой.

— Вас там много?

— Нас здесь мало!

Голос на том берегу тоже знакомый! Ну, конечно же, это каптенармус Чупырин. А вот по песку бредет батальонный почтальон Николай Огородников. Правильно говорят: гора с горой не сходится, а боец с бойцом всегда могут встретиться. Тем более, когда они идут на передовую.

Морозов тоже крикнул несколько смешных словечек и услышал ясный и четкий ответ. Чистоплотный Чупырин, подававший свой голос из-за реки, посоветовал идти правее, где есть лодка. Не мешкая, отправились

на поиски. И действительно, вскоре под глинистым обрывом около хутора Большой Колдаиров у капустных огородов лейтенант увидел рассохшийся баркас. У баркаса собралось несколько солдат. В основном — бойцы 205-й. Кое-как заткнули дыры и спустили суденышко на воду. Баркас сидел низко, в щели пробивалась вода, и Морозов опасался, что посудина затонет. Плыл с замирающим сердцем. За себя не тревожился — он мальчишкой не раз тонул на реке Каргале, на берегу которой вырос, умел плавать, но среди бойцов были и такие, которые сразу же пойдут на дно.

До берега — рукой подать. Ветер слегка рябил воду. Совсем мелко. Услышали жесткий шорох под днищем. Страх исчез. Раздались радостные возгласы:

— Приплыли!

— Наше счастье!

— Не зря Наполеон говорил, что счастье на стороне больших батальонов.

Дружным рывком выволокли баркас на сухое место. Он выручил бойцов, пригодится и другим. В этой группке, кроме Морозова, офицеров не оказалось. Лейтенант выстроил ее в цепочку, и они, выбравшись из прибрежного песка, побрели гуськом по лесистой пойме. Скоро нашли своих. На лесной полянке, заросшей хмелем и ежевикой, расположилось сотни полторы курсантов. Это — все, что осталось от учебного батальона... Чуть больше месяца назад их насчитывалось девятьсот.

Под деревом, у разобранного «максима», что-то втолковывал курсантам командир роты Гусаров — легкий, в начищенных сапогах. Под кустом спали, положив под головы надерганной травы, Петр Маклаков и его второй номер. Лейтенант видел Петра в бою под Перекопкой. Храбрый парень. Ему восемнадцать лет, на фронт пошел добровольцем, расставшись со своим ремесленным училищем в Кадиевке.

Батальон, оказывается, сохранил противотанковую пушку. Ее окопали и замаскировали ветками и травой. Ту самую пушку, без прицельного приспособления. Кое-где вырыли щели. В сторонке бойцы соорудили блиндаж для комбата. Лейтенанту показали место, где оборудован командный пункт сороковой дивизии.

— Вон там, в километре от станицы. Справа, у тополя под бугром,— пояснил офицер, присланный из штаба этой дивизии. С ним пришел телефонист — бо-

ец. Телефонист работал с проводом возле блиндажа командного пункта учбата. На его фигуре ладно лежала бежевая гимнастерка с голубыми петлицами. В петлицах блестели эмблемы — металлические белые крылышки. Лейтенант заметил татуировку на руке бойца «Проша».

— Его имя «Прокопий», мы же зовем его «Прошá», с ударением на последней гласной, по-французски,— с гордостью пояснил офицер.

— Это за какие же заслуги?

— Тут у нас целая «история с географией». Во-первых, Прокопий был лучшим десантником...

— Не таким уж и лучшим,— смутился боец.

— Лучшим, безусловно. Мы почти все — вятичи, наш десантный корпус там формировался, это позже нас переименовали в гвардейскую дивизию. Прыгали с самолета Ли-2. Вы знаете, наверное, что это очень быстроходная машина. Ого-го! Скорость у нее немалая, ну и динамический удар после открытия купола — тоже большой. Многие бойцы чувствовали себя перед прыжком с этого самолета, надо прямо сказать, неважнецки. Поэтому начинали с добровольцев.

— Записываю, кто полетит первым? — спросил инструктор.— Прошу.

Прокопий заволновался:

— Я не возражаю.

— Имя?

— Но вы же меня назвали и записали.

Вокруг раздался смех:

— Давай, Проша! Жми вперед. Прошу в список.

Инструктора это тоже развеселило. Его слово «прошу», было понято, как «Прошу».

— Ну, и как он прыгнул?— поинтересовался Морозов.

— Неплохо. Держался хорошо, лицо спокойное. Вспыхнул красный сигнал: «Приготовиться!» Вслед — зеленый. Команда: «Пошел!» Быстро, без малейшей заминки все покинули самолет. Спросили его на земле: «Что чувствовал в воздухе?» «Ничего,— ответил Прокопий.— Быстрей бы следующий прыжок».

Морозов сидел на влажной куче земли, прикрытой травой. Землю только-только выбросили из траншеи, она еще хранила прохладу. Паренек-связист закончил свою работу. Убедившись, что связь действует, подсел

к беседующим. Молча стал сооружать самокрутку, собираясь закурить.

Офицер продолжал:

— Мы обучались, не зная, где нам придется драться с фашистами. И вдруг Прокопий узнает: в Африке. Во Французской Африке. На вещевые склады в корпус привезли новое обмундирование из хлопчатобумажной ткани желтого цвета. Под цвет пустыни. Многих солдат и офицеров одели в эту форму, а Прокопию не досталось. Он побежал к комиссару: как это так?! Других посылают в Африку помогать союзникам в войне против немцев. А его почему-то не берут. Комиссар Павел Иванович Черенков развеселился. Спросил Прошу: помнишь стихотворение Киплинга:

День-ночь, день-ночь,— мы идем по Африке.

Проша кончал десятилетку. Киплинга тоже читал. «Маугли». Но пришел от комиссара ни с чем. Комиссар рассказал, что союзнички очухались и от нашей помощи отказываются.

— Готовься к боям на родной земле,— сказал комиссар.— Обойдемся без Африки. Форму песочного цвета выдадим, кстати, и связистам.

Во взводе его друзья-связисты сразу же узнали, чего домогался Прокопий. И с того самого случая стали называть его «Проша́». С ударением на последнем «а». На французский манер...

Вечером того же дня Семенов вместе со своим начальником штаба Морозовым отправился к генералу Пастревичу. Там застали других командиров — минометчиков, артиллеристов. Генерал, ознакомив с обстановкой, указал место, где будут позиции учебного батальона 205-й.

Пастревич — белорус, вместо «я» произносит «а», у него получаются слова «прамо», «парадок». В нем угадывался офицер решительный.

Комдив сказал, что учебный батальон должен атаковать фашистов, и назначил атаку на утро. В артподготовке должны были участвовать артиллерийские и минометные части, стоявшие за Доном, в том числе установки «катюш». Там же согласовали с их командирами график огня. От артиллеристов узнали, что станица Сиротинская врагом превращена уже в крупный опорный пункт.

Но это довольно общие сведения. Перед атакой надо уточнить данные. Взять «языка».

V

Августовская ночь.

Падали звезды. Морозов задумался, глядя на мерцающие точки. Никогда еще не видел их так много. Они успокаивали. Но все портили немецкие ракеты.

...Итак, надо было организовать разведку. За это дело взялся сам комбат. Он подобрал двенадцать ребят, в основном добровольцев, во главе поставил молодого паренька — лейтенанта Мишу Пурикова. Морозов для них нарисовал схему маршрута, наметив места, которые требовалось разведать получше. Бойцов хорошо экипировали. Рассчитывали, что вся операция по разведке займет часа три.

Сиротинская примыкала к самому Дону. Дальше этой станицы немцы не пошли. Фашисты разместились вверху на буграх, а учебный батальон внизу. Раньше в этом месте около Дона был затон, отделенный от реки косою. Теперь на его месте образовалось болото Колтук, поросшее осокой и багульником. Через эту точку и должны пробраться в станицу разведчики.

В полночь разведчики ушли. Ребята надежные. Лишь один вызывал беспокойство — Гошка Пузыренко. В принципе, он мог принести пользу. Крепкий, проворный. Но легкомысленный, и лейтенант с запозданием подумал, что сделана ошибка. Нельзя включать таких в разведвзвод.

Комбат прилег в блиндаже, надеясь вздремнуть, а Морозов развернул под палаткой карту, осветив ее фонариком... Карта, побывавшая в руках командира хотя бы двое-трое суток,— тот же дневник. А эту лейтенант носил еще с Ближней Перекопки. На ней оказалось много пометок, но в данный момент они его интересовали мало. Немой собеседник лейтенанта — полевая карта, должна рассказать о продвижении разведчиков. До мельчайших подробностей он увидел местность, увидел каждый их шаг. 1.30 — они добрались до затона, шли по осоке; 1.40 — они в пойме ручья Тележенка. Там много коровьих троп, которые привели ребят к мосту. Хотя немцы освещают местность ракетами, они, безусловно, не заметили наших, иначе изменился бы режим

огня. Не исключено, что ребята благополучно миновали охраняемый фашистами мост.

Два часа ночи. Мысленно лейтенант продолжал воссоздавать картину. Разведчики в густом мраке уже пробирались по улицам. Ползли, прячась за плетнями и заборами. Через каждые две-три минуты замирали, зорко всматриваясь в темноту. Теперь ребята уже добрались до машинно-тракторной станции. Днем здесь стояли танки, орудия, автомашины.

Из станицы доносился злой лай собак, вызывавший смутную тревогу. Морозов пристально вглядывался в схему маршрута. Вот ребята поравнялись с мельницей. Где-то там должен проходить кабель немецкого полевого телефона. Стоит только его перерезать, дождаться связиста и сцапать его.

Морозову зримо представлялись действия бойцов по захвату «языка». И только звуки выстрелов заставили его бросить карту. В станице взорвалось несколько гранат, часто-часто затрещали автоматы. Стреляли «шмайсеры». Наши не отвечали. По инструкции. Разведчики не должны вести бой, они обязаны ускользнуть из ловушки. Взорвались гранаты. Вот уже послышались и очереди наших ППШ. Что-то произошло. По станице заметался белый клин прожектора.

Минут через двадцать на КП появились два разведчика — сержант Зиночкин и красноармеец из пулеметной роты. Обмундирование на обоих изодрано, в крови. Пулеметчик говорить не мог, из-за контузии правое веко у него дергалось. Рассказывал Зиночкин. Произошло непоправимое. Разведчикам сначала повезло, они наткнулись на грузовик, в кабине которого спал немец. Скрутили ему руки, забили кляпом рот. Стали осторожно возвращаться, приотстал Гошка Пузыренко.

Сначала он обшарил немецкую повозку. Взял немецкую солдатскую куртку. Заинтересовала его мина в деревянном корпусе. Зашикали на него: «Для чего это нам?» Отвечает: «Покажем комбату». Еле оттащили от повозки! Скоро, однако, им обуяло новое любопытство. Он забрался в огород, стал рвать помидоры и огурцы, засовывал их за пазуху. Возню в огороде услышал, а может, и заметил немец — патруль или часовой. Он заорал и выстрелил из ракетницы. Затем выбежал на середину улицы, держа обеими руками «шмайсер», готовый дать очередь. Командир взвода гранатой прикончил фашиста. Но поднялся переполох.

Разведчики не дотащили до окопов немца-шофера. В живот ему угодила шальная пуля. Сняли с него непромокаемую куртку. Она-то и имела некоторую ценность. В солдатской книжке фашиста, найденной в куртке, был записан номер эсэсовского панцирного батальона. Разведчики и сами видели много грузовиков, тягачей, повозок. Можно было предположить, что в станице находилось больше полка фашистов. Несколько немецких танков расположились для ведения огня прямой наводкой.

Семенов, крайне расстроенный тем, что половина взвода погибла, находясь в разведке, доложил об этом Пастревичу.

Генерал ответил:

— Другой раз будете знать, кого можно посылать в разведку, а кого — нельзя. Довольствуйтесь сведениями, которые добыли. В пять ноль-ноль атака. Вы слышите?

— Есть атаковать врага!

Положив трубку на рычаг, Семенов выругался:

— Хорош «парадок»— целая дивизия прохлаждается в окопах, а наш общипанный батальон должен идти в атаку. Против такой силы. Какой смысл?

— Я тоже об этом думаю,— произнес Морозов.

— И до чего же ты додумался?

— Наверное, тактика. Военная хитрость. Возможно, нам отвели такую роль: действовать фашистам на нервы. Другого смысла не вижу. А для дивизии время наступит потом.

Семенов чертыхался еще с полчаса.

В небе расцвели огоньки. Красные. Синие. Зеленые. Это сигнал для начала артподготовки. За Доном взвыли гвардейские минометы, «адские машины». По сиреневому небу в сторону Сиротинской пронеслись огненные струи. Дружно ударили батареи тяжелой ствольной артиллерии.

Фашисты ответили огнем своих пушек.

Следуя за огневым валом, курсанты пошли в атаку. Перебегая с рубежа на рубеж, они быстро преодолели болотистую низину, стали карабкаться по крутому глинистому откосу, над которым начинались улицы станицы. Сопротивления здесь не встретили — немецкие окопы накрыты огнем смертоносных «катюш».

Стрелковые роты гнали немцев метров триста. На пути лейтенанта Морозова оказалась контора МТС. С чердака бил немец-автоматчик. Надо его уничтожить.

Офицер по куче дров забрался на чердак и бросил туда гранаты.

В рядах атакующих появились комбат, командиры и политруки. Раздалось дружное «ура!» Чупырин, стреляя на ходу, кричал:

— Отступают, сволочи! Смотрите — бегут!

— Так им, паразитам!

Но вот немцы опомнились. Из поймы Тележанки выползли вражеские танки. Один, другой, третий... Под их прикрытием около ста фашистов пошли в контратаку. Отстреливаясь, курсанты стали отходить. Оставлены последние дома. Головной немецкий танк прорвался даже в низину. Но завяз в трясине. Танкиста, пытавшегося выбраться из люка машины, застрелили. По танку стала бить наша «сорокапятка». Несколько снарядов и мин, попав в болото, взметнули столбы грязи.

Перебравшись через болото, бойцы закрепились в щелях, открыли огонь. Маклаков бил из «максима». Сплошная завеса остановила фашистов. Вражеские цепи стали редеть. Фашисты попятились. Курсанты хорошо видели, как один ретивый гитлеровец пытался организовать контратаку. Ветер доносил крики:

— Шнель! Шнель!

Семенов взял из рук курсанта винтовку, прицелился, нажал на спуск. Гитлеровец споткнулся и пропал в траве. Около комбата пули подняли фонтанчики пыли. Перестрелка продолжалась еще полчаса.

Немцы подобрали труп офицера и скрылись за бугром.

Днем комбата и начальника штаба вызвал комдив Пастревич. Войдя в землянку генерала, они обратили внимание на то, что гвардейцы устроили своего командира с известным комфортом. Прохладное помещение со стенами в деревянной обшивке неплохо освещено. Здесь чисто, около складной кровати на столике мигал огоньками радиоприемник. Там же лежала карта, придавленная набором разноцветных карандашей. На стене — картонка. На ней наклеен список снайперов. Против каждой фамилии — число уничтоженных гитлеровцев. Цифры большие. Снайперы повсюду! Только покажется фашист — пуля! Рядом в штабном блиндаже — самовар. Оттуда пришел ординарец с посудой. Угостив прибывших чаем с сахаром, генерал спросил:

— Что у вас?

— У немцев убитых не меньше двухсот солдат и офицеров. Один их танк попал в болото,— доложил Семенов.

Пастревич поднял на них серые сузившиеся глаза:

— Ваши потери?

— Тридцать человек. Осталось сто двадцать активных штыков.

— Что ж, и это сила! Если учесть, что в резерве у вас... гвардейская дивизия. Атаку следует повторить.

— Теперь будет труднее.

— Понимаю,— серьезно сказал генерал.— Но — надо!

На флангах — у церкви и близ водокачки — у немцев оказалось столько пулеметов и минометов, что продвигаться во время новой атаки не было никакой возможности. Курсантов встретил сплошной огонь. Жестокий бой шел у ремонтных мастерских, куда пробился один взвод. Остальные подразделения, прижатые к земле, принуждены были ползти на исходный рубеж.

На исходе дня вновь пришел приказ — атаковать немцев. Вновь началась атака. И вновь она захлебнулась.

Ночью у старой засохшей вербы, где располагался КП, состоялось короткое совещание. В нем участвовали комбат, его заместители, офицеры-артиллеристы.

Приказ учбату: утром предпринять новую атаку.

Комиссар дивизии Черенков, присутствовавший на собрании, сообщил, что на этот раз с учбатом в штурме Сиротинской будет участвовать стрелковая рота из состава гвардейской дивизии. Рота имела полную штатную численность. И больше, чем в учбате, автоматов.

Наступил рассвет. Как и накануне, грозно ревели батареи за Доном. Неслись по небу снаряды с яркими огненными хвостами. Станицу закрывал черно-красный смерч разрывов. Курсанты и гвардейцы бросились в атаку. Учбат занял вражеские окопы у похожей на форт церкви. Возле типографии гвардейцы разгромили вражеский опорный пункт, подорвали зарытый в землю танк. Закипела ожесточенная перестрелка. На улицах, во дворах, на огородах.

Немцы все же не оставили станицу. Они ввели в бой эсэсовский танковый батальон и опрокинули атакующих.

Потом были еще и еще попытки взять Сиротинскую.

Курсанты отчаянно бросались на плюющие смертью холмы, атакуя врага в разное время суток: на рассвете и днем, в сумерках и ночью. Были и пятая атака, и шестая, и седьмая, и, наконец, восьмая...

Фашисты, разумеется, раскусили, в чем дело и с кем они сражаются. Они хорошо закрепились. И больше курсантам не удалось достигнуть тех рубежей, которых они достигли в первых атаках. Немцы пристреляли каждую кочку и сметали огнем все живое. В последнюю атаку идти было некому. Тогда комбат собрал писарей, ездовых, поваров, каптеров и сам пошел с ними штурмовать немецкие позиции. В этом бою осколком мины Семенов получил ранение в голову. Его отправили на пункт медицинской помощи гвардейской дивизии. Курсанты надеялись, что он вернется в батальон. Он не вернулся. Очевидно, рана была серьезной.

Старшим в батальоне оказался Морозов. Оставалось ждать новых приказов. Рано утром, после восьмой атаки, когда пули скосили почти всех поднявшихся в атаку, командир дивизии прибыл в лес, на берег Дона. Он глянул в стереотрубу, осмотрел позиции. На холмах бурела нескошеная трава. Ветер нес оттуда терпкий, горелый запах. Над лесом носились стаи ворон. Генерал собрал курсантов, поблагодарил за храбрость.

— Вы знаете, что фашисты уже далеко за Доном, чуть ли не на тракторном заводе?— спросил он, взглянув на них чуть-исподлобья.— Вы много сделали. Теперь Сиротинской займется один из гвардейских полков. Он вас сегодня сменит. А вас приказано отправить в отдел кадров армии.

— Желаем боевого счастья, товарищ гвардии генерал-майор!

— Спасибо!

А через час Морозова пригласил к себе в блиндаж скуластый, коротко стриженный капитан, потребовал карту.

— Давай, подпишем: сдал — принял, и — будь здоров!— сказал он, крупными буквами выводя свою фамилию: «Кузнецов».

После этой церемонии, Морозов пошел к себе.

В овражке дымило. Саакян варил крапивный борщ с кониной. В последний раз.

По строевой записке в учбате оставалось всего тридцать девять курсантов. Это были бойцы, предельно уставшие, измотанные, потерявшие представление о вре-

мени. В строю оставалось и пятеро легкораненых, не пожелавших оставить батальон. Из двух санитарных двуколок одну выделили им. Морозова знобило, уже сутки находился в жару. У лейтенанта Детковского, бывшего старшины-сверхсрочника, в волосах появилась седина. Он потерял и последние остатки своей роты.

Морозов не помнил, как долго приводили себя в порядок курсанты, прежде чем отправиться в путь. Некоторые пытались побриться, кое-кто чистил оружие и обмундирование. Надо было завтракать, но мясо и хлеб застревали в горле.

На плацдарме в малой излучине нарастал шум новых боев.

VI

В центре Сталинградского фронта 22 августа, в тот день, когда Морозов и его курсанты простились с генералом А. И. Пастревичем, перешла в наступление 1-я гвардейская армия. К 28 августа части этой армии несколько расширили плацдарм и вышли на рубеж Перекопка — балка Сухая Перекопка — Камышинская — Сиротинская. Командующий фронтом, не имея сил и средств для усиления армии, приказал ей перейти к обороне на достигнутом рубеже. Здесь образовался стратегический фланг противника, сильно растянутый и уязвимый.

Так сложилась обстановка к концу августа, когда 205-я дальневосточная дивизия, почти полностью полегшая на полях между Ближней Перекопкой и Сиротинской, перестала существовать.

Глава седьмая

РОЖДЕНИЕ ТИТАНОВ

I

Позже подсчитали, сколько времени продолжались бои на том или ином участке фронта, где и какой силы бушевало пламя сражений. Считается, что Сталинградская битва началась для нас обороной на реке Чир и закончилась штурмом Мамаева кургана и городских кварталов у Соляной пристани и близ привокзальной площади. Значит, битва продолжалась не меньше двухсот суток, и поэтому

биографы Василевского говорят о них, как о времени, когда он слил свои волю и мысль полководца с мужеством, храбростью и умом сотен тысяч воинов-сталинградцев, действовавших по тщательно разработанному Ставкой плану разгрома паулюсовских войск.

Примечательно, что для зашифровки этого плана было взято, может быть, случайно, слово «Уран». А со временем оно приобрело известный оттенок: в своих мифах древние греки выражали поклонение Урану — богу неба, отцу титанов.

В двадцатом веке мало кого интересуют греческие мифы, но, когда для достижения благородных целей люди прилагают усилия, превосходящие обычные человеческие возможности, их действия проходят по категории титанических.

В те дни и ночи ратный труд всех, начиная от рядового в сталинградских окопах и кончая генералами и маршалами, был поистине титаническим. Никаким другим словом так точно не определишь труд Василевского, начальника Генерального штаба,— он все время, за исключением коротких выездов в Москву на доклад в Ставку, находился в огне сражений.

Солдатом его сделало чувство долга; профессиональным военным он сделал себя сам.

Он относился к числу людей мужественных и талантливых. От рождения, от воспитания. Что такое талант? Это — постоянная работа над собой, это — в высшей степени развитое чувство современности. Военные таланты раскрываются в особых обстоятельствах. Талант Василевского раскрылся потому, что этого требовало время, что он сам был к этому устремлен. Что касается «благоприятных обстоятельств», то понятие это относительное.

Сам Василевский говорил: «Дело в том, что все мы мобилизованы социалистической революцией. Сколько талантов она породила! Высшая ее гордость: прославленные военачальники — выходцы из гущи народа. Жуков — из бедной крестьянской семьи, Конев — крестьянский сын, работал на лесопильном заводе, Рокоссовский — сын машиниста, Еременко — из крестьян-бедняков, Баграмян — сын железнодорожного рабочего, Ватутин — из крестьян, Малиновский — сын кухарки».

К этим именам надо добавить имя самого Василевского. Его путь в Красную Армию во многом был обычным для военной интеллигенции его поколения.

Он родился на Средней Волге, в семье сельского священника. Семья была многодетной, жила бедно. Приход не кормил. Жили в основном за счет своего труда — работали в поле, на огороде, ухаживали за поросятами, коровой, стирали... Учился Саша в Костроме, в духовной семинарии.

Наказ отца: учи все! В жизни любое знание, любой навык, опыт окажется полезным. Рано или поздно! Разумный совет. Но какая польза от катехизиса, канонического права, краткого курса служб, от истории церкви? Другое дело — русский язык и словесность. С большим интересом изучал древнеславянский язык, немецкий и французский.

Отец был хорошим примером для своих детей, для Александра. Человек по характеру добрый, честный, уважающий труд. И крестьяне его любили. Каждая семья счастлива была пообщаться с ним, особенно при рождении ребенка, исполняя обязательный для того времени обряд крещения. Давал детям ласковые имена: Иванушка, Василек, Егорка, Аленка, Маняша. Избегал таких имен, как Иродион, Авраам, Агриппина, Феодосия...

И все же сознание Александра отвергало предназначенное: не будут Василевские иереями бедных церквей! Семинария давала право стать учителем, и он, в отличие от своих сверстников, поповских и купеческих детей, державших на уме какую угодно карьеру, мечтал, окончив курс, пойти работать в школу, учить грамоте деревенских детей. Привлекали его внимание идеи естествоиспытателей-дарвинистов, бунтарство студентов-тимирязевцев. И, наверное, быть бы Александру Василевскому в конце концов агрономом, если бы не разразилась первая мировая война. Юный семинарист Саша Василевский тогда еще не знал о тяжелой изнанке войны, не ведал и об истинных ее целях, но всеми помыслами он был с теми, кто оказался на театре военных действий, с теми, кто освобождал Галицию, с оружием в руках сражался с превосходящими силами кайзера на полях Восточной Пруссии. Лозунги о защите отечества захватили его. Он решил идти на фронт добровольцем. Среди однокашников, после сдачи экзаменов зачисленных в армию, был и Александр Василевский. Его направляют для ускоренной офицерской подготовки в Алексеевское военное училище. Преподавание там велось в то время наспех, дурно, но Василевский

этого не замечал, как не замечал системы мелочных, угнетающих обязанностей. Он находит здесь много привлекательного.

Юнкер Василевский не знал тогда, что ждет великую Россию, но он верил в ее будущее, в ее звезду. А это будущее, русскую землю необходимо защищать. В стенах Красных казарм, в Лефортово, где располагалось училище, он старательно штудировал уставы, наставления по стрелковому, артиллерийскому делу, по фортификации. Добираясь до сути русской науки побеждать, Василевский пытался работать сверх учебной программы — читал и осмысливал заповеди Суворова, Кутузова, Драгомирова. Он убедился, что на успех может рассчитывать лишь командир знающий; он должен обладать такими чертами характера, как самостоятельность, уверенность в своих силах, выдержка, дисциплинированность. Из семьи он вынес кредо: будь трудолюбив, гони от себя прочь ленивых и нерадивых! Душой и сердцем он вжился в воинскую среду.

Молодые прапорщики, а вместе с ними и Василевский, закончив программу обучения, оставили училище и отправились на войну, в самое её пекло.

Попав на фронт, Василевский, командуя полуротой, храбро и мужественно сражался в Карпатах и при взятии Черновиц. Он приобрел репутацию бесстрашного и весьма требовательного офицера. Один за другим следовали повышения. Вскоре стал командиром пехотного батальона. Его произвели в чин штабс-капитана. Командир корпуса, человек большой личной храбрости, повстречав в окопах молодого комбата, не сдержался, обнял его и произнес: «Еще два года войны, и все вчерашние прапорщики станут у нас генералами». Между тем в стране назревал революционный взрыв. И он разразился, разрушив твердыни царского режима.

«Падение монархии я встретил с энтузиазмом,— вспоминал впоследствии Василевский.— Теперь мне казалось, мы будем отстаивать республику и интересы революционной отчизны. Но вскоре я увидел, что эти интересы разные люди понимают по-разному. Армия раскололась. По одну сторону остались солдаты и передовое офицерство, а по другую — те, кто продолжал призывать к «защите отечества». Может ли истинный патриот быть не со своим народом? Нет!— ответил я сам себе».

Солдаты митинговали, требуя быстрейшего окончания опостылевшей им, несправедливой войны.

Всюду звучали слова: «мир», «земля», «хлеб». Но мира, земли и хлеба, ликвидации диких нравов, царящих в армии, нельзя было ожидать ни от присяжного поверенного Керенского, ни от держиморды Корнилова. В Петербурге прозвучали залпы «Авроры», восставший народ взял власть в свои руки. И Василевский понял, что ничто теперь не задержит солдат в грязных, сырых окопах. Расстроенная и обескровленная армия стала разваливаться. «Самое разумное сейчас — оставить военную службу»,— решает Василевский. В конце ноября семнадцатого года он сдал оружие и уволился в бессрочный отпуск.

Он спешил домой, где его ждали родные — отец, мать, братья и сестры, село, где прошло его детство.

Отец встретил его словами:

— Заждались тебя, Александр, в прах. Вишь ты какой обветренный, с загрубелой кожей, в морщинах. Не дай господь...

Александр был рад. Ну что ж, не поздно начать и с нуля. «Сняв мундир воинствующий, буду привыкать к инобытию»,— решил он. Его пригласили работать в сельскую школу. Работая учителем, он занимался и со взрослыми, рассказывал им, как очевидец, о войне, о революции. Пришлось ему вести работу и инструктора всеобуча. Уроки естествознания он проводил с ребятами в поле и в лесу, часами блуждая с ними по знакомым пашням и перелескам. Деревья источали густой пряный аромат, который перебивался горьким запахом взрывчатки и гари. Повсюду вспыхивали кулацкие мятежи, разгоралась война,— теперь уже война гражданская. Учительствовать пришлось недолго.

Начинается формирование кадровой Красной Армии. Уездный военкомат призвал на службу и учителя, бывшего штабс-капитана Александра Василевского. Он становится красным командиром. Теперь его путь прям и ясен — служить молодой народной власти.

В той же шинели, в том же травянисто-желтом кителе он отправляется в запасной полк. В трофейном ранце, которым снабдили его солдаты в Аджуд-Ноу на Румфронте, и с которым он не расставался потом, пожалуй, десять лет, он нашел завернутую в полотенце жареную курицу, несколько пшеничных колобушек с

запеченными яйцами, буханку ситного хлеба. Дар матери, дар сестренок, снарядивших Сашу в путь.

Сначала Василевский учил новобранцев в запасном полку, а потом участвовал в ожесточенных боях против деникинских войск, белополяков и кулацких банд.

Как это часто случается на войне, иногда нелепый случай, лихорадя часть и в целом воинское формирование, лихорадил и людей.

Василевскому навсегда запомнился драматический день — это произошло на Польском фронте, под Волковыском: он вдруг получил приказ — взять в свое подчинение полк и почти тут же оказался смещенным с этой должности и направлен... в тот же полк командиром взвода. Остаток дня и еще несколько дней Василевский с этим своим взводом оборонял позицию, отбивая упорные вражеские наскоки. После этого с ним обошлись милостиво и сообщили, что сожалеют о недоразумении и представляют его к ордену Красного Знамени.

Так приобретался «полковой опыт».

— Сложны порой военные пути и перепутья!— отзывался много времени спустя об этом эпизоде Василевский. И признавался, что, попадая в подобные переделки, бывал «крайне удивленным и взволнованным».

Красном Василевский научился спокойно, без обиды и паники переносить невзгоды и в лихолетье, и в мирные дни. Двенадцать лет жизни и труда в одной дивизии, переводы из полка в полк, служба на всевозможных должностях — это стало хорошей школой. Никто лучше Василевского не знал, чем живет в казарме солдат, каковы его чаяния и запросы. Что касается ротного или батальонного хозяйства — то он был в этой сфере настоящим «профессором». Самые интересные и богатые по содержанию и насыщенности расписания занятий в ротах принадлежали перу Василевского. Любимыми его книгами в это время по-прежнему были труды по истории и военному искусству.

Естественным и закономерным был перевод Василевского на штабную службу. В штабах всегда нужны сведущие, рассудительные люди, умеющие учить, советовать, наставлять. Его опыт и знания оценили по достоинству, определив на работу в Управление боевой подготовки советских Вооруженных Сил. Это время отмечено большими переменами в организации и вооружении войск.

Как и другие командиры, работавшие в управлении, он часто и с большим желанием выезжал в войска для проверки хода боевой учебы, выявляя ее сильные и слабые стороны; нередко он тут же проводил для командного состава показательные занятия, отрабатывая новые методы ведения общевойскового боя, совершенствуя методику обучения войск. В клеточках организма нашей армии, в ее тактических звеньях стал действовать, набирать силу суворовский принцип: «Солдат любит ученье лишь коротко и с толком. Тяжело в ученье — легко в походе; легко в ученье — тяжело в походе». На ученьях проверялись на практике подготавливаемые боевые уставы и специальные наставления для родов войск. Василевский активно участвовал в разработке уставов для общевойсковых соединений, до стрелкового и кавалерийского корпуса включительно.

Дел у него хватало, но на него возложили еще и редактирование весьма важных для армии изданий — «Бюллетеня боевой подготовки» и журнала «Военный вестник».

В Академии Генерального штаба, куда он по первому набору принят был слушателем, судьба сводит его с выдающимися учеными, знатоками теории военного дела. По оперативному и стратегическому искусству он слушал лекции Тухачевского, Карбышева, Егорова.

Блестяще окончив академию, Василевский возвращается на работу в Генштаб. Некоторое время он возглавлял отделение оперативной подготовки, а затем работал непосредственно в оперативном управлении. Началась его совместная работа с Борисом Михайловичем Шапошниковым, человеком, занявшим столь видное место в плеяде советских стратегов.

В Генштабе, на посту заместителя начальника Оперативного управления, Василевский встретил начало войны против гитлеровских захватчиков. Он непосредственно участвовал в разработке плана отражения гитлеровской агрессии.

Штабная работа — это в основном аналитическая и организаторская работа. Она — безграничная выдержка, терпение, человеческая самоотверженность, от которой нередко зависят судьбы огромных масс сражающихся. Программировать действия тысяч людей и учить их — это и есть штабная служба в том виде, в котором она и должна существовать. Работа здесь закаляет

людей, вынуждая даже в самые критические моменты находить в себе какие-то запасы инициативы и энергии.

О требованиях штабисту Василевский не любил распространяться. Говорил: «Как бы ни было муторно на душе, сохраняй уравновешенность, спокойствие, глуши эмоции, которые отвлекают от дела».

Победа в Московской битве показала эффективность гибких решений. Тогда наши военачальники сумели быстро перебросить под столицу маршевые пополнения — целых пять армий. Выдвинутые на фланги, они приняли участие в нанесении контрудара. На других участках советско-германского фронта, на тихвинском и ростовском направлениях, успешно проводились локальные операции. Бои велись решительно, они были маневренными, командование умело прибегало к массированию сил, проявляя стремление громить врага путем его охвата. Немецко-фашистское командование вынуждено было пересмотреть все свои планы. Расчеты врага на то, что после первых же неудач Красная Армия развалится, не оправдались.

II

Еще шли оборонительные бои, а некоторые наши генералы уже прикидывали, как полностью разгромить врага. Появились теоретики вроде начальника штаба одной из армий Петренко. Василевский согласился выслушать его доклад об обстановке, хотя к словам и заверениям Петренко относился с некоторой осторожностью.

Василевский помнил характеристику, данную Комфронта генералу Петренко. Комфронта уважал его, считал самородком, но излишне самоуверенным. Случалось, Петренко грозился фашистам, но его кулаки оставались в карманах. Помнил, что когда-то Петренко явно переоценил свои возможности в боях с танковой дивизией генерала Бесслера, обещая разбить «этого подлеца». Но сообщений о разгроме дивизии не последовало.

Закончив доклад, Петренко спросил:

— Можно высказать некоторые соображения?

«Началось»,— подумал Василевский. С Петренко беседовать — одно удовольствие, было бы время. Любил генерал абстрактно теоретизировать!

— Говори, Николай Иванович.

— Речь поведу о будущих операциях,— промолвил в ответ генерал Петренко.— Нынешнего Паулюса мы называем «зайцем на привязи».

— Вы не оговорились? Заяц?

Петренко поправил сказанное:

— Ну, волк... Мы с ним расправимся.

— Так вот, дай бог, чтобы наш теленок волка съел.

Он вдруг начал излагать Василевскому теорию глубокой операции. Эта теория, безусловно, давала ответ на вопросы применения войск, оснащенных боевой современной техникой. Он стал доказывать, что теория глубокой операции становится особенно актуальной здесь, в междуречье Дона и Волги, когда, по его словам, «следовало обеспечить полный разгром банд Паулюса» с одновременным подавлением обороны противника на всю ее глубину.

— Спорить не намерен,— сказал ему Александр Михайлович.— Это аксиома: применением артиллерии, танковых частей и авиации должен обеспечиваться прорыв, выход на оперативный простор и во вражеский тыл. Есть еще оправдавшая себя тактическая теория общевойскового глубокого боя, преимущественно наступательного — теория прорыва и надежного поражения противостоящего противника. Без этого теория глубокой операции пустая фраза. Ваши рассуждения, действительно, применимы к «бандам Махно» и «бандам Паулюса». Но это банды разного сорта.

Генералу Петренко хотелось продолжать разговор в таком же плане, сказать, что он разбирается в сортах— у атамана воинство было пожиже, и он обходился без радиостанций, а тут — наоборот. Но по тону реплики он чувствовал, что Александр Михайлович видит и осуждает оторванность беседы от реальности. На это времени не стоило тратить.

— Поясните мне, пожалуйста, как вы это мыслите применить здесь, в этой степи?

— На практике?— переспросил Петренко.

— Ну, разумеется. Сами понимаете, что здесь не академия, где вам доводилось учиться, и где теоретические выкладки были нужны для оценки в ведомости.

— Вы не склонны меня слушать, потому что у вас есть вопросы?— с оттенком обиды произнес Петренко.

— Да,— не стал уклоняться Василевский.— Теория глубокой операции в данный момент не слишком злободневна. Лучше давайте поговорим о ненормальностях

в тактике. Я сплошь и рядом вижу, что командиры дивизий все еще шаблонно ведут бои и несут неоправданные потери и теряют управление. Почему? Вы запросили побольше гвардейских минометов, «катюш», как их называют солдаты, но в степной местности они служат для немецких самолетов прекрасным объектом для уничтожения. И сгорело их уже немало. Надо бы подумать, при каком стечении обстоятельств целесообразнее использовать эти самые эрэсы? Где место командующего армией в ходе наступательной операции? Что нужно сделать для обеспечения бесперебойной связи между командными пунктами армии, дивизий и полков? Как лучше организовать в данное время взаимодействие между артиллерией, авиацией и стрелковыми частями? Как обеспечить твердое и надежное управление? Мы его часто теряем. Что же еще конкретно можно сделать для спасения города? Место, где был город, теперь превратилось в огромный костер. Положение сложилось отчаянное. Врагу удалось севернее города выйти к самой Волге.

Петренко минуту молчал. Потом заговорил. Он стал самим собою — не теоретиком, способным давать заумные обобщения и такие же выводы, а обыкновенным генералом, умеющим воевать. Он по-крестьянски закашлялся:

— Я хорошенько подумаю над вашими вопросами. Ответы в конце концов можно найти. Какие-нибудь правила для разных ситуаций выработаем. А насчет предстоящих боев я могу сказать одно: будем рисковать, Александр Михайлович! Бросим поводья и рванем вперед!

Сказано было от души!

III

Сражения на Дону завихрились с новой яростью. У Паулюса хватало сил и техники, чтобы рваться к цели. 12 сентября Гитлер вызвал его в Винницу. Разговор короткий: немедленно взять Сталинград, решительным штурмом выйти к Волге.

Василевский не причислял себя к безудержным оптимистам. Но придерживался взгляда: побеждает тот, кто выкладывается до последнего. Искать решения, драться при любых обстоятельствах.

Выход врага к Волге крайне встревожил всех.

Директива Ставки, адресованная руководителям обороны, гласила:

«У вас имеется достаточно сил, чтобы уничтожить прорвавшегося противника. Соберите авиацию обоих фронтов и навалитесь на прорвавшегося противника. Мобилизуйте бронепоезда и пустите их по круговой железной дороге Сталинграда. Пользуйтесь дымами в изобилии, чтобы запугать врага. Деритесь с противником не только днем, но и ночью. Используйте вовсю артиллерийские и эрэсовские силы... Самое главное — не поддаваться панике, не бояться нахального врага и сохранить уверенность в нашем успехе».

Чтобы восстановить положение, принимается решение нанести по прорвавшимся с севера вражеским войскам контрудар. В эту операцию задействовали группу из трех стрелковых дивизий и танкового корпуса. Одновременно изготовились для нанесения удара армия и два приданных ей танковых корпуса. Они ударили по немецкому коридору с юга. Но яростные атаки захлебнулись. Враг умело использовал захваченные им оборонительные сооружения, и советским войскам ликвидировать коридор не удалось. Потери с обеих сторон были тяжелыми.

Батальоны и полки иногда исчезали в огне после одной-единственной атаки.

Нужны были не «дымы» и «бронепоезда». У фашистов имелось значительно больше броневых сил. Чтобы остановить врага, нам нужны были свежие танковые и авиационные соединения. Их-то в те дни у нас очень не хватало.

В начале сентября наши войска, теснимые неприятелем, отошли еще дальше, на внутренний оборонительный обвод. Самый близкий к городу, этот рубеж протянулся на сорок пять километров вдоль заводских поселков и окраин.

На командных пунктах обороны появился генерал Жуков. Ставка ему телеграфировала:

«Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленную помощь. Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь к сталинградцам. Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь

равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало».

...И еще дважды предпринималось контрнаступление. Результаты оказывались незначительными.

Фашисты отбивались и продолжали сами штурмовать, захватывая все новые рубежи.

Серое осеннее небо озаряли ослепительные вспышки, от горизонта до горизонта. То била артиллерия. Дрожала земля. Ночи в сталинградской степи колебались между полным мраком и полным светом — так ярок был огонь пожаров и взрывов.

Перед каждым новым танковым прыжком немцы наносили массированные удары с воздуха. Образовался пролом на стыке армий Чуйкова и Шумилова. У нашего командования под рукой не оказалось достаточных сил, чтобы закрыть зияющую брешь.

Мотопехота врага овладела несколькими высотами, господствующими над городом. И вот уже потеряны ключевые позиции на подступах к тракторному заводу. Враг упорно продвигался из авиагородка и поселка Гумрак в сторону Мамаева кургана.

Немцы с особенной ожесточенностью штурмовали позиции сталинградцев 13 и 14 сентября, а сутки спустя, во второй половине дня, захватили вокзал Сталинград-1. Вражеские пулеметчики обосновались в госбанке и Доме специалистов.

Потом в районе Купоросного они сбросили обороняющихся в Волгу. Словно подковой охватил враг армию Чуйкова и прижал ее к реке.

За неделю боев городской вокзал переходил из рук в руки тринадцать раз, и только двадцать первого враг засел там цепко и надолго.

Кровопролитные схватки шли на Мамаевом кургане. К концу сентября фашисты удерживали захваченные ими позиции от речки Царицы до Купоросного, а севернее занимали половину Мамаева кургана[1]. В центре вражеские штурмовые группы проникли к самой Волге.

Бои шли за каждое строение, за каждый камень. В те дни на советских позициях среди тысяч и тысяч опорных пунктов насмерть стояли бойцы, оборонявшие «Дом

[1] В период боев Мамаев курган на командирских картах обозначался как «высота 102, 0».

Павлова»[1]. Людей у сержанта Якова Павлова было мало. Это: русские Афанасьев и Александров, украинцы Андрей Сабгайда и Глущенко, грузины Мосиашвили и Степаношвили, узбеки Турганов и Файзрахман Рамазанов, казах Тулебай Мурзаев[2], таджик Мабалат Турдыев. Но они превратили выжженный внутри дом в неприступную крепость.

Жуков и Василевский то вместе, то в отдельности находились в районе боев. Они бывали на командных пунктах армий, в траншеях и окопах, на позициях артиллерийских батарей. Видели, что немецкое наступление слабеет, что ярость вражеских атак спадает. Они видели траншеи и блиндажи — некоторые плохо прикрытые, плохо замаскированные, видели мерзнувших бойцов в развалинах заводских корпусов, под синим небом, под небом Сталинграда, свинцово-белесым и угольно-черным, иногда серым днем и ночью.

Никогда в жизни время не было таким тревожным, как здесь, на Волге. Часто Василевский смотрел на карты и думал, спрашивая себя: что еще планирует враг, удержится ли Родимцев, удержится ли Чуйков? Чуть ли не каждый день думал о доме на берегу, названном солдатской молвой «Домом Павлова». И еще ему доносили о «Доме Заболотного», о домах с другими именами, о храбрости бойцов гвардии капитана Кузнецова. Как угадать, на сколько времени хватит сил у этих маленьких гарнизонов, о стойкость которых разбиваются силы немцев? У него тоже спрашивали: «Долго ли будут фашисты штурмовать эти кварталы? Нет ли признаков того, что немцы поняли наконец всю тщету своих усилий?»

Такие признаки стали проявляться позже, а сейчас было видно, что немецкие генералы не оставили своих намерений продвигаться на юг в сторону Астрахани.

Сталинград стоял в сплошном громе, разрушаемый пожарами и бомбами. Гул уличных битв прокатывался от края до края, вдоль Волги и на обеих ее берегах. И часто нельзя было определить, кто и куда ведет огонь.

---

[1] Штурмовая группа, которой командовал старший сержант Павлов Яков Федотович (1917—1981) в ночь на 27 сентября 1942 года отбила у противника четырехэтажное здание в центре города и удерживала его до ликвидации группировки фашистских войск в Сталинграде.

[2] Тулебай Мурзаев ныне проживает в колхозе им. Кирова Бугунского района Чимкентской области.

У каждого участника обороны был свой огонь и свой Сталинград. Для представителя Ставки Сталинградом были армии Чуйкова, Москаленко, Батова, Шумилова, дивизии Родимцева, Людникова, Батюка, Горишного, Гуртьева, Ермолкина, Желудева, Пастревича, Галая, Макаренко, батареи артиллерийские всех калибров, наблюдательные и командные пункты, где пищат полевые телефоны, идут непрерывные разговоры с теми, кто бодрствует в окопах или атакует врага, за спиной которых Сталинград — вся мука, вся радость, вся ярость его защитников — стрелков, минометчиков, саперов, артиллеристов, силы и воля которых нацелены к одному — отстоять Сталинград.

Показания пленных, характер операций врага теперь уже не давали сомнений: большая часть немецких войск перешла к обороне, дальше наступать они не в состоянии. Резервы у них на исходе.

И тогда в Ставке, штабах фронта приступили к разработке плана сражения на зиму. Операция получила название, как мы уже говорили, «Уран».

IV

При взгляде на сталинградскую карту с нанесенной на нее обстановкой напрашивалось решение: организовать и провести контрнаступление, причем такое, которое не только бы радикально изменило положение в этом районе, но и привело бы к нарушению все еще активно действующего крыла вражеского фронта.

Мы сейчас говорим: решение напрашивалось. Напрашивалось ли? А может быть, от полководцев требовались внутреннее чутье, толчок, озарение, гений? Сам Василевский отрицал то, что идея возникла неожиданно. Ее породили множество фактов, статистических данных, анализ обстановки. С этим, конечно, надо согласиться.

Василевский так сформулировал суть нового стратегического замысла: «Из района Серафимовича (то есть северо-западнее Сталинграда) и из дефиле озера Цаца и Барманцак (то есть южнее Сталинграда) в общем направлении на Калач, лежащий западнее Сталинграда, нанести мощные концентрические удары по флангам втянувшейся в затяжные бои за город вражеской группировки, затем окружить и уничтожить ее ос-

новные силы: 6-ю полевую и 4-ю танковую немецкие армии».

До начала контрнаступления было признано необходимым уделить самое пристальное внимание обороне внутри города.

После того, как Ставка приняла предварительное решение на контрнаступление, Жуков и Василевский отправились на Волгу и Дон, чтобы на месте более тщательно и основательно изучить направления будущих ударов, всесторонне подготовить операцию.

В октябре Василевский в своей видавшей виды шинели не раз появлялся в штабах фронтов. Он изучал возможности наступательной операции. Его видели то в Серафимовиче, то в Бекетовке, то в солдатских землянках, блиндажах, на переправах и полевых аэродромах. Он встречался и беседовал с бойцами, политработниками и командирами.

На Военном Совете фронтов, который проведен был в штабе Донского фронта, генерал Василевский чаще, чем к другим военачальникам, обращался к представителям Юго-Западного фронта, так как, во-первых, его создавали заново и, во-вторых, задачи, встающие перед ним в будущих операциях, имели свою специфичность.

Сталинградский и Донской фронты сковывали силы врага, а войска Юго-Западного фронта, действовавшие на стопятидесятикилометровом участке от Клетской до Верхнего Мамона, должны были первыми совершить сложный наступательный маневр. Войска эти находились на большом удалении от района Калач — хутор Советский, где в день «икс» намечалось сомкнуть клещи, и им предстояло форсировать Дон.

Командующий фронтом Николай Федорович Ватутин тотчас улетел к себе в Филоново, а корпусного комиссара, члена Военного Совета Желтова дела все еще задерживали здесь, во Фролово. Решив после заседания встретиться с Желтовым, генерал Василевский разыскал его на забитой эшелонами станции, возле мокрых, покрытых черными разводами, теплушек. Корпусной комиссар тут же, у вагонов, сдвинув брови и покусывая нижнюю губу, с блокнотом в руках «озадачивал» своих подчиненных.

Заметив подошедшего генерала, Желтов вскинул глаза:

— Вот уж не ожидал! Здравия желаю, Александр Михайлович!— ответил он на приветствие Василевского.

— Инструктируешь, Алексей Семенович? Надо, надо,— заговорил Василевский.— Но дай народу время и собраться с мыслями.

Когда они остались одни, Желтов рассказал представителю Ставки Верховного Главнокомандования о своих заботах и тревогах, о проделанном на новом месте.

— Тороплюсь к себе в Филоново,— сказал он.— Дел там невпроворот. С размещением штабов, наблюдательных пунктов, тылов, складов вопросов вроде бы нет. Из Филоново с первым эшелоном Военный Совет перебирается в Серафимович. Плацдарм там плохонький, но ничего. Зато близко к передовой.

Желтов рассказал, что на Донском он сдал дела Телегину. Но пока сам не адаптировался, не исчезла тоска по товарищам, по сослуживцам. И Константина Константиновича Рокоссовского жалко. Так дружно работали! Чего стоит, например, только тот факт, что за полтора месяца парторганизации в частях выросли почти на десять тысяч коммунистов. И каждый герой!

— Я Николая Федоровича Ватутина знаю,— сказал Василевский.— С ним вы сработаетесь.

— Разумеется,— ответил Желтов.— На Юго-Западном прежний опыт уже задействован. И здесь создаем ударные комсомольские подразделения. Есть даже несколько семейных экипажей. Есть боевые печатные издания.

Желтов рассказал о сложностях в работе с необстрелянными в боях пополнениями. Но уже сумели расставить боевой актив. В дивизиях создается резерв парторгов, а во многих ротах и батареях есть по два заместителя парторгов. В наступательных боях можно будет быстро заменять выбывших из строя партийных вожаков.

— Сколько я повидал заявлений с коротенькой фразой: «Хочу идти в бой коммунистом», но каждое продолжает волновать!— заключил Желтов.

В начале октября Институт военных комиссаров был упразднен. Обстановка укрепления единоначалия породила новые задачи, новые требования к политорганам. Нужен был теперь, как никогда, творческий поиск, талант таких людей, как Желтов, чтобы дело воспитания

воина, повышения его политической зрелости поднять в новых условиях на новую ступень!

Имея такого члена Военного Совета, как Желтов, командующий фронтом за политическое обеспечение операций может быть спокоен.

...Василевский делал все, чтобы до начала операции успешно провести перегруппировку войск. Такая перегруппировка началась во второй половине октября. Создавались ударные группировки для действий на главных направлениях. При этом требовалось обеспечить максимальную сохранность военной тайны, скрытность подготовки.

Обращаясь с письменной директивой к штабам фронтов, чьи действия он координировал, Василевский требовал:

«Все маршруты совершать только ночью, располагая части на дневки в укрытых местах».

Для обмана противника дивизионные радиостанции до конца сосредоточения дивизий в новых районах оставить в занимаемых ныне местах и продолжать их работу после выхода дивизий в новые районы; радиостанции самостоятельно направить на присоединение к своим дивизиям. Связь во время маршей и в новых районах по радио не держать. В местах расположения дивизий, после ухода, оставлять впечатление пребывания их на месте.

Через органы НКВД принять меры к очищению от всех подозрительных людей районы расположения дивизий и пути их движения.

Никаких письменных распоряжений не давать и ограничиваться устными приказами».

Эту директиву Василевский подписал 25 октября 1942 года в 0 часов 00 минут.

Только за неделю до советского наступления немецкая наземная и воздушная разведка обнаружила усиленное передвижение советских войск. Штаб Паулюса из этого сделал вывод о том, что в скором времени следует ожидать наступательные операции против 3-й румынской армии. Не зная советских сил, Паулюс начал передислокацию в этот район 14-й танковой дивизии, оставив в городе автоматчиков и артиллеристов. Они продолжали уличные бои.

В это время в документах, написанных Жуковым и Василевским, появляется слово «переселение». Когда начинать? Ставка уполномочивала своих представите-

лей на фронте решить этот вопрос по своему усмотрению. Получив сообщение от Жукова, что подготовка к «переселению» затруднена нехваткой авиации, Сталин немедленно реагировал:

«Если авиаподготовка операции неудовлетворительная у Еременко и Ватутина, то операция кончится провалом. Опыт войны с немцами показывает, что операцию против немцев можно выиграть в том случае, если имеем превосходство в воздухе».

В этой телеграмме он поставил перед авиаторами три задачи: сосредоточить действия нашей авиации в районе наступления наших ударных частей, подавить авиацию немцев и прочно прикрыть наши войска; пробить дорогу нашим наступающим частям путем систематической бомбежки стоящих против них немецких войск; преследовать отступающие войска путем систематической бомбежки и штурмовых действий, чтобы окончательно расстроить их и не дать им закрепиться на ближайших рубежах обороны.

Советы телеграмма содержала простые. Но Василевский был доволен — этот авторитетный документ давал право на дополнительное время, на подтягивание сил, отработку взаимодействия.

Анализ положения показал, что целесообразно начать наступление не в середине ноября, а позже. Василевский сообщает Жукову:

«Ваше указание о продлении срока на плюс три получено. Подготовку сильно затрудняет осложнившаяся обстановка на переправах. По Волге идет сплошной лед. Остро обстоит дело с подвозом боеприпасов и горючего».

Он называет номера танковых и механизированных частей, которые переправлены для 57-й армии, перечисляет различного назначения артиллерийские полки, которые еще не подошли. «Мною принимаются все меры к ускорению переброски всего необходимого на западном берегу»,— телеграфирует Василевский.

Наконец подготовка закончилась. Утром девятнадцатого ноября должны были по графику начать наступление Юго-Западный и Донской фронты, а на следующий день утром и Сталинградский фронт.

На позициях к этому времени стояли, готовые к открытию огня, 11.500 орудий и минометов, 110 дивизионов реактивной артиллерии. В назначенные сроки они

обрушили на врага смертоносный металл. Артиллерийская подготовка на Верхнем Дону длилась более часа.

«Переселение» началось.

V

Официальных сообщений о начавшейся крупной операции в первые дни в печать и на радио не давали. Совинформбюро, как и всегда, передавало обычные сводки о продолжающихся оборонительных боях. И только во вторник, 23 ноября, когда успех окончательно определился, дрогнувшим от волнения голосом Левитана московское радио возвестило: «В последний час. Успешное наступление наших войск в районе города Сталинграда».

Газета «Правда» вышла с передовой статьей «Будет и на нашей улице праздник».

«С чувством глубокой радости узнает советский народ об успешном наступлении наших войск в районе Сталинграда. Прорвав оборонительные линии противника, советские войска за три дня трудных, напряженных боев продвинулись на 60—70 километров. Заняты город Калач, расположенный западнее Сталинграда, на восточном берегу Дона, станция Кривомузгинская (Советск), станция и город Абганерово. Обе железные дороги, снабжающие войска противника, оказались прерванными.

Немецко-фашистские захватчики понесли серьезное поражение. Нашими войсками полностью разгромлены шесть пехотных и одна танковая дивизии врага, нанесены большие потери семи вражеским пехотным, двум танковым и двум моторизованным дивизиям».

Страна услышала, что в 15 часов дня, 23 ноября, близ Калача танкисты полковника Житкова и подполковника Родионова встретились, с разных сторон прорвавшись через вражеские укрепления. Окружение совершилось. Грозные стрелы на картах советского генштаба сомкнулись. Возникло огненное кольцо.

Во второй половине дня двадцать третьего Василевский направился на командный пункт 5-й танковой армии. Ей предстояло в ближайшие дни разгромить противника в районе Чернышевск — Морозовск — Тормосин. В дальнейшем она могла бы наступать на Тацинскую с выходом на реку Северский Донец.

Ехали по местам боев. До захода солнца оставалось немало времени, но видимость была плохая — на донскую степь лег туман настолько густой, что встречные машины неожиданно выплывали из молочной пелены и сразу же снова скрывались в ней. Василевский едва различал на них номерные знаки и нерусские надписи. Как на дымчатом экране, медленно поползли навстречу трофейные пушки с длинными стволами.

Потом показалась нестройная толпа людей. Голова и хвост колонны затерялись во мгле. Казалось, что люди не идут, а топчутся на месте, приминая снежную дорогу. Прошли минута, две, пять, а сбоку от быстро несущейся машины маячила все еще цепь угрюмых людей.

Позже, когда рассеялся туман, Василевский ехал мимо еще таких же колонн и уже ясно видел растянувшиеся на несколько километров колонны пленных немцев, итальянцев, румынов.

Василевский со своими спутниками и охраной миновал несколько хуторов и станиц. Захламленные улицы, ни одного целого дома. Много разбитого оружия, ящиков из-под боеприпасов. Валяются сгоревшие танки, взорванные орудия, пристреленные лошади.

На окраине хуторка, приютившегося между холмами в большой низине — неубранные трупы наших солдат и офицеров. Вся поляна усеяна трупами. Здесь не было огневых точек. Наверно, люди шли в атаку и были перебиты из пулеметных блиндажей, разместившихся где-то на склонах оврагов. Атакующие попали в огневую ловушку. Как это так, что никто не смог предостеречь их от ошибки?!

Неоправданная эта гибель людей огорчила Александра Михайловича. Вернувшись в Серафимович, попробовал закрепить свои мысли на бумаге, мысли, возникшие там, в степной низине с красным снегом. Коварная тактика врага... К ней надо приспосабливаться, угадывать уловки, противопоставлять свою контртактику. А здесь что? Хромала разведка. Хромало взаимодействие пехоты и артиллерии. Надеялись на слепую удачу. «Почерк» генерала Петренко.

Мысли отложились отчетливо:

«При организации наступления на обороняющегося противника необходимо стремиться к захвату командных высот и после их захвата немедленно закреплять за собой, организовывать противотанковую оборо-

ну. Продвижение в промежутки между господствующими высотами в направлении меньшего сопротивления иногда выводит атакующих в огневые мешки противника, в результате чего части несут большие потери.

Перед началом артподготовки и перед началом атаки короткие огневые налеты из всех видов оружия, включая и залпы гвардейских минометов, являются сильным средством подавления огневой системы противника. В целях вывода противника из блиндажей целесообразно проводить в период артподготовки короткие ложные переносы огня...»

Сблизиться. Вражескую живую силу уничтожать штыками, гранатами, ножами. Все это просилось в методическую разработку, в наставление, пособие. Такие наставления нужны. И они во многих соединениях есть. В основном... в штабах, под спудом. Но их надо вдолбить в головы командиров всех степеней. Как часто мы осуждаем мысли вроде бы простые, банальные, а их надо повторять и повторять. «Дважды два — четыре, снег — холодный». Кровь погибших в степной ложбине и эти жертвы требуют этого. Требуют воевать квалифицированно. Избегать бессмысленных потерь.

Промелькнула мысль:

«Хочешь быть в двух ипостасях — представитель Ставки и наставник командира полка?»

«А что же! Надо! Надо учить и учиться. И командиру взвода и командующему фронтом. Воевать еще придется долго».

Почувствовал боль в груди. Хотелось лечь. Но дела не позволяли. До рассвета и с наступлением нового дня вел переговоры с командующими фронтами.

С Рокоссовским сразу же нашелся общий язык. Его занимала мысль, как можно надежнее изолировать окруженную группировку неприятельских войск. Рокоссовский предложил ряд мер по созданию прочного внешнего фронта.

У немецкого командования, разумеется, будут свои контрпланы. Тут есть опасность что-то недоучесть.

Связался с Еременко, спросил его мнение.

Андрей Иванович охотно отозвался, заключив, что ничего радикального у них нет.

— За счет чего они держатся?— ответил он.— За счет своей военной грамотности в вопросах обороны. До этого они превосходили нас в умении управлять войсками, вести наступательные операции. Но мы нашу

слабину преодолели во всех отношениях. Немцы поняли, что мы кое-чему научились, но они застряли, и у них на уме одно: продержаться до весны.

«Верю тебе, дорогой Андрей Иванович,— думал Василевский.— Наши военачальники перестали быть «генералами обороны». Генерал штурма, генерал-вперед, Василевский стремился предугадать направления основных усилий окруженной группировки. Надо было расширять сферу действий командующих фронтами. Следуя указаниям представителя Ставки, они получили возможность осуществлять наращивание сил там, где необходимо, и гораздо больше влиять на исход каждой атаки. Возрастала эффективность огня высокоподвижных механизированных соединений, уменьшились потери в действиях корпусов, армий и фронтов в целом.

Теперь все внимание сосредоточивалось на задаче блокирования армии Паулюса, разрыва ее таким образом, чтобы по мере развития операции можно было ее уничтожить по частям. К этому все подготовлено с точки зрения теоретической, организационной, технической. И с психологической — тоже. Вот теперь-то генерал Петренко может дополнить чем-то своим теорию прорыва и развития наступательных операций. Встретившись с ним в хуторе Вертячем, Василевский спросил:

— А что было бы в этой ситуации для немцев разумным?

— Они могут кое-что выжать из своей натренированности. Если поймут, что шутки кончились, начнут выводить свои части отсюда подальше, уклоняясь от удара. Но, повторяю, сложность обстановки лишает их энергии. Сомнений нет, Паулюс — заяц на привязи!

Выслушал его Василевский внимательно и дружески. И попрощался внимательно и дружески.

К полуночи, зная, что Москва вряд ли будет в эти часы связываться с ним по «бодо» или ВЧ, Василевский прилег на приготовленную ему узкую постель, покрытую серым суконным одеялом.

Но так и не уснул.

Сказывалось переутомление, напоминали о себе полученные в автомобильной катастрофе сотрясение мозга и перелом двух ребер. А в госпитале он тогда пролежал так мало!

Сказывались разного рода переживания. О них мог поделиться с одним человеком, с Жуковым. Недавно остались одни, Жуков и спрашивает:

— Что ты там натворил? Сталин жалуется на тебя. Говорит: «Прибери ты к своим рукам Василевского. Строптивый слишком. Совета нельзя дать!» Что случилось, Александр Михайлович?

Разъяснил Жукову:

— Что случилось? Небольшая стычка. Произошло на КП у Еременко. Звонит Сталин, разговаривает с командующим фронтом. Спрашивает Андрея Ивановича: «Кто у вас там, рядом с вами?» Еременко называет фамилии — мою, Рокоссовского, Желтова, Хрущева, Телегина, Батова, Чистякова и других. Совещаемся. Сталину не понравилось. Поднял голос на Еременко: «И вы сидите в одном блиндаже? Это безобразие. Пусть немедленно разъезжаются. Еременко в Чепурники, Желтов в Дубовку, Хрущев — туда-то, Рокоссовский — еще дальше». Попросил у Еременко трубку. Говорю: «Я — Василевский. Позвольте доложить, товарищ Сталин. Мы не можем так действовать. Не ясна обстановка. Мы здесь работаем, намечаем планы. Ватутин уже на месте, а остальные в течение часа получат задания».

Сталин вспылил. Несколько минут изъяснялся в повышенных тонах. Пришлось отвечать так же. В чем только не обвинял нас. Мол, зачем вы там? Странный вопрос. В ответ без смущения: «Для Родины стараюсь». На том конце бросили трубку. Тягостное молчание. Через минуту снова звонок. У телефона — Еременко. Сталин говорит ему:

— Действуйте так, как вам скажет Василевский.

Конфликт на этом был исчерпан.

Жуков долго смеялся: «Ну, друг, ты достукаешься!» Но, по правде говоря, веселого было мало.

Попытался определить, сколько понадобится времени для окончания операции «Уран». Примерно месяц. Стал рассуждать от обратного. Немцы вели месяц боев в городе. Во что им это обошлось? Расход ресурсов громадный: над городом они сделали около пятидесяти тысяч самолето-вылетов, сбросили свыше ста тысяч стокилограммовых бомб, сорок тысяч — по двести пятьдесят, до тридцати тысяч — весом в пятьсот и тысячу килограммов. Они считали, что при такой обработке с воздуха и при ударах на земле обороняющиеся не выдержат. Но войска наши остались в городе и отбивали атаки. Мы можем возвратить им должок в таком же объеме, рассчитаться сполна и даже с процентами. Не

может быть, чтобы после таких же наших ударов фашисты тоже сохранили бы способность контратаковать.

— Это перелом. Перелом войны в целом,— сказал уже вслух.

Время текло, а сон не приходил. Появились и такие мысли: «А между прочим... Отпетых нацистов у них там скопилось много. И командует ими генерал Паулюс — в данный момент самый стойкий генерал Гитлера. Пусть даже и третьесортный».

VI

...На узлах связи шумят-стрекочут аппараты «бодо» и «морзе». Из-под стучащих рычажков ползет лента с рядами знаков. К представителю Ставки днем и ночью поступают доклады и донесения, запросы и предложения, из которых складывалось представление об общей картине сражения.

Первая же неделя боев показала, что, несмотря на в клочья разнесенную немецкую оборону, большие потери и бегство с передовой итальянцев, румын и немцев, способность вражеских войск к сопротивлению и даже к контрактам сохранилась. Советские части с тяжелыми боями брали каждый холм, каждый хутор, блокированный дот.

Создавалось впечатление, что совсем мало пострадала прежде всего немецкая авиация — все еще поднимались и садились в котле «юнкерсы», «мессершмитты», «хейнкели» и «хеншели». Очевидно, у противника сохранилось достаточно надежно защищенных полевых аэродромов и взлетно-посадочных площадок.

Наступающим советским войскам приходилось передвигаться по открытой степи в лютую стужу и сквозь снежные метели. У немцев, поскольку они оборонялись, имелось серьезное преимущество. Занимая в образовавшемся «котле» окопы и блиндажи, не особенно страдая от нехватки боеприпасов, они бились с остервенением, по всем направлениям предпринимали контратаки.

Данные разведки, воздушной и наземной, показывали, что за несколько дней гитлеровцы даже сумели оборудовать внутри окружения второе оборонительное кольцо. На промежуточных рубежах у них появилась сеть опорных пунктов и узлов сопротивления. Отбитые в конце лета у наших войск на берегах речек Россошки и Червленной инженерные сооружения оборонительного

обвода враг тоже употребил в свою пользу: оборудовал их огневыми точками и минными полями. Кое-где такая оборона протянулась вглубь на десять и больше километров.

Немецкие штабы, склады, резервы сосредоточивались в глубоких оврагах, изрезавших эти пространства вдоль и поперек. Кустарниковые заросли и снег маскировали все это. И численность войск оставалась довольно велика, можно было предполагать, что командование группы войск, пожалуй, потеряло лишь итальянскую да румынскую армии.

Советское командование, прежде всего заместитель Верховного Главнокомандующего Жуков, начальник Генерального штаба Василевский, командующие фронтами Еременко, Рокоссовский, Ватутин и другие военачальники, возглавившие это стратегическое контрнаступление, понимали, что противник и не помышляет о капитуляции, он будет ожесточенно драться. Немалое число наших войск теперь приковывает «котел», а ведь они крайне нужны на других фронтах. Значит, надо безостановочно развивать успех, чтобы побыстрее покончить с группировкой Паулюса, заставить ее сложить оружие.

Зарубежные агентства передавали, что берлинские стратеги, разумеется, совсем не были в восторге от перспективы долго держать в «котле» такую мощную и боеспособную группировку. Кто допустил это? Кто просчитался, проворонил? Кто виновен? В рейхсканцелярии таких «ротозеев» обнаружили. Гнев фюрера упал на генерал-фельдмаршала фон Вицлебена, на генерала фон Буша,— их незамедлительно отстранили от постов. Выбросили из насиженного места и самого начальника германского генерального штаба Франца Гальдера. Это было для него огорчительно вдвойне — изо дня в день он строчил «Военный дневник» и надеялся вести его до «победного конца».

Гитлеру нужна была Волга и нужен был Фридрих Паулюс — пусть только удержится в Сталинграде и он назначит его начальником генерального штаба сухопутных сил Германии. Замена ему есть — Зейдлиц.

Сместили опростоволосившихся гитлеровских «специалистов» агрессии. В опустевшие кресла без особых помех уселись другие. Ущерб оказался невелик. Сложнее дела на поле боя. Советские войска могут прихлоп-

нуть всю сталинградскую группировку — эту потерю никто в Берлине не возместит.

Учитывая благоприятно складывающуюся обстановку, Верховный Главнокомандующий, представители Ставки пришли к единодушному мнению, что теперь гвоздем плана действий по ликвидации «котла» должно быть решение: сосредоточить, где требуются силы, и расчленить вражескую группировку сначала хотя бы на две части, охватив их в крепкие клещи. Сделать это следовало нанесением ударов по центру пехотой, пушками, броней и гусеницами. Предложений было два. Сначала предполагалось расколоть армию Паулюса посредством двух ударов — с севера и юга. Но потом, учтя реальные возможности, спланировали один стремительный удар — с севера.

...В очищенный от немцев хутор Вертячий прибыл зеленый «бюик» с колесами, охваченными цепями. В Вертячем располагался передовой командный пункт комфронта Рокоссовского. Дежуривший полковник, узнав Василевского, вышедшего из машины, доложил ему, что комфронта недалеко, за лесопосадкой — там только что упал наш истребитель ЛА-5. Перед этим истребитель в воздушном бою поджег «хейнкеля» с грузом и бился с «мессершмиттами».

По развороченному колесами снегу Василевский пешком направился к указанному полковником месту в сопровождении порученцев и адъютанта. На заснеженном поле, справа и слева, стояли раздавленные немецкие автомашины, повозки, пушки. Мороз обжигал лицо. Скоро увидел идущего навстречу человека в наглухо застегнутом кожаном пальто — Константина Рокоссовского со счастливыми глазами на усталом лице. Сняв перчатки, Рокоссовский сердечно поприветствовал представителя Ставки.

— Пилот жив! Удар отбросил его от машины метров на пятнадцать. И все же жив.

Генералы прошли в капитально оборудованный блиндаж — здесь недавно располагался штаб какой-то немецкой дивизии. Санитары внесли сюда и уложили на топчан летчика и стали перевязывать кровоточащие раны. По-военному красивый, подтянутый полковник Сорокин, адъютант представителя Ставки, принес планшет пилота, который ему передали солдаты, оказавшиеся у обломков самолета. Сорокин не мог скрыть изумления, осмотрев погибшую машину. На посадку она

шла каким-то чудом. У нее полностью был разбит капот и два цилиндра мотора, снесена до основания передняя часть фонаря вместе с прицелом... Маленький худощавый лейтенант-летчик Николай Пархоменко с переломами руки и предплечья, говорить мог только полушепотом. Боясь, что лицо исказит гримаса боли, он, судорожно шевеля губами, пробовал улыбаться, рассказывая о своем полете вдоль железнодорожных путей. Там, очевидно, фашисты основательно приспособились к обороне: с небольшой высоты видны были вагоны и паровозы, сброшенные под откос, везде копошились фрицы. Дальше виден был большой населенный пункт — на карте это Тормосин. Туда шли колонны танков, автомашин. Можно было различить полевую артиллерию. И зенитки — одна из них стреляла по самолету.

Подобные данные уже имелись. Движение вражеских колонн отмечалось и на Котельническом направлении. Немецко-фашистское командование направляет войска «в район кризисной ситуации».

Нужны эффективные контрмеры, чтобы не допустить брошенных на соединение с Паулюсом полчищ группы «Дон», и понадежнее закрыть пути выхода противника из Сталинграда. Многодневные тяжелые наступательные бои с противником измотали людей. Полки, батальоны и роты изрядно поредели, а пополнений никто даже и не обещал. По приказу комфронта «подчистили» тылы и смогли набрать во вспомогательных подразделениях, в запасном полку и в батальоне выздоравливающих что-то около десяти тысяч человек. Близ Гумрака в лагере советских военнопленных нашли за колючей проволокой живыми несколько тысяч бывших бойцов, измученных и истощенных. Были среди них сибиряки и дальневосточники; перенеся ужасы фашистской неволи, пытки и издевательства, они просились в бой, чтобы отомстить палачам. Кто был покрепче и мог двигаться, того одели, подлечили, дали десятидневный отдых и тоже отправили по дивизиям на пополнение.

Но если бы подошла хоть одна свежая дивизия! Надежды на улучшение положения в штабе Рокоссовского связывали с прибытием второй гвардейской армии. Ввод в бой гвардейцев армии, под командованием генерала Малиновского, намного облегчил бы задачу ликвидации фашистских войск в «котле». Рокос-

совский верил в это. И это так и было бы. Но Василевский, беседуя с Рокоссовским с глазу на глаз, и переговорив по ВЧ со Ставкой, не смог его порадовать. Нависла грозная опасность из района Тормосина и с Котельнического направления, куда фашисты стягивали ударные силы.

При известии о том, что гвардейцев Малиновского приказано отправить под Котельниково, приятное смугловатое лицо Рокоссовского омрачилось. Значит, его Донской фронт будет по-прежнему воевать здесь без доукомплектования, без серьезного усиления.

— На нашем месте ты, Константин Константинович, поступил бы точно так же,— сказал командующему фронтом Василевский.— Знаем, что после таких напряженных боев и потерь следовало бы привести ваши армии в порядок, дать передышку, пополнить резервами и средствами. Но ты сам видишь подлинную картину и наши нужды.

— А разве я возражаю?— заметил Рокоссовский.— Все ясно.

Представитель Ставки отсюда же послал шифровку Малиновскому о перенацеливании его соединений на район Котельниково. К этому пункту приближались орды группы «Дон», рассчитывая прорваться в Сталинград и деблокировать осажденных.

VII

Перед отлетом из Вертячего Василевский ненадолго задержался в небольшой землянке авиационного командира, выкопанной в каменистом грунте. На столе лежали нераспечатанные пачки газет — свежих и давних. Последнее время было не до газет, и Василевский попросил дать ему последние номера «Правды».

Читал их в самолете, летевшем под прикрытием трех «ястребков» в штаб Еременко, на станцию Бекетовку. Рассчитывал он побывать и на командных пунктах генералов Шумилова и Чуйкова. Хотелось также взглянуть и увидеть в натуре хоть небольшой участок боевых позиций с воздуха. Но морозная дымка застилала землю. Лишь однажды взору открылись черные зубцы сгоревших строений и чуть-чуть различимая лента ледяной Волги.

...Он развернул «Правду». Привлекла колонка с текстом Указа о присвоении звания Героя Советского

Союза бронебойщику Петру Болото. Фамилия хорошо знакома. Боевыми делами этого бойца интересовался сам Сталин. Пришлось тогда из самого пекла вызывать бойца в штаб фронта. Генералу представили этого русского парня, он внимательно выслушал рассказ о том памятном бое. Разговор с генералом сначала смущал бойца, но когда посторонние вышли, а на стол подали обед, он осмелел.

— Спрашиваете, откуда родом?— говорил солдат.— Из Донецщины. Это шахтерский край, как вы знаете. Заняли наши два расчета оборону. Присмотрелся я и вижу — суеты много, а окопы нехороши. Говорю ребятам: «Послушайте меня, по опыту знаю, что не подготовишь фронт работ — уголька не будет». В ответ услышал шуточки: «Молодец ты, стахановец, тебе легко живется с горняцкими замашками. Руки — настоящие рычаги, и сам черный, как земля, выкупался бы, тут озерцо рядом. Когда еще фрицы пожалуют!» Выслушал без обиды. Но разозлился: на гигиену времени не оставалось. Сейчас же за работу! Объяснил им, что мои руки и вправду привыкли держать что-нибудь тяжелое. Я с охотой пошел в роту ПТР, чтобы мускулы не отвыкли от тяжести. Дряблость мне ни к чему. Наше ружье похоже на отбойный молоток, только полегче. Бронебойку надо уважать и холить.

«Будем рубить не уголек, а немецкую броню. ПТР надежно, только покрепче его надо держать в руках»,— сказал я.

Поглубже зарылись в грунт, замаскировались охапками бурьяна. И тут услышали грохот моторов. Фашистские танки. Подставит машина борт — бьем! И совсем неплохо получалось. Наше дело вывести танк из строя. Остальное — их экипажи, прикрытие солдат — это была забота нашей пехоты. Сам я остановил и поджег восемь машин. И другой расчет в том же бою — уничтожил около этого числа.

— Ты кем был на шахте?— спросил Василевский.

— Бригадиром.

Василевский подумал, что если бы его подучить, и командир из него мог бы выйти дельный. Спросил, нет ли у него желания пойти на офицерские курсы. Солдат очень вежливо отказался. Объяснил, что хотел бы повоевать в своей роте, со своим бронебойным ружьем. Генерал поблагодарил его за службу и подарил на память часы.

Словно живой встала в сознании генерала фигура этого храброго бронебойщика — спокойного и надежного. Истинный труженик, мастеровой войны.

Просмотрев газету, генерал показал Указ соседу по салону — офицеру штаба фронта. Тот кивнул и объяснил, что отважный бронебойщик жив и невредим, воюет: «Мужик что надо!» Мужик!

Вспомнились генералу полузабытые строки из какой-то некрасовской поэмы. Слышал их много-много лет тому назад, мальчишкой, занимаясь в школе. Старшая из сестер, Катерина, до самозабвения любила их читать, заставляла заучивать младших:

Ты думаешь, Матренушка,
Мужик не богатырь?
И жизнь его не ратная,
И смерть ему не писана
В бою — а богатырь!
И гнется,
да не ломится,
Не ломится, не валится...
Ужли не богатырь?

Чудо совершил богатырь-народ, взяв в свои руки власть. Своими руками за какие-нибудь тринадцать-пятнадцать лет создал могучую индустрию. Работали люди над созданием человеческих условий для жизни. Построили Днепрогэс, Турксиб, Комсомольск-на-Амуре... Хозяин своей судьбы, советский человек, не гнулся и не ломился. Дал стране танки, авиацию, артиллерию. Потомки некрасовских «мужиков» в гражданскую войну и мирное время овладевали наукой побеждать. Настало грозное время — двинул на нашу страну свои алчные и беспощадные орды Гитлер. Советские «мужики», их сыновья и дочери сменили орудия труда на орудия войны, не жалея крови и самой жизни, стали защищать свои дома, свои нивы, свое право на свободную жизнь. Поднялся народ от края до края. На всех фронтах воюют, бьют врага и земляки-волжане. Воюют бывшие школьники родной деревни, которых учила сестра Катерина, ставшая сельской учительницей. У нее сейчас на войне муж и сын.

Сколько их, богатырей, среди сталинградцев-солдат, офицеров и генералов!

Первый из богатырей в плеяде полководцев — генерал Жуков. Георгий Константинович. Железный, неутомимый человек, который глубоко познал тайны механиз-

ма войны. Где бы он ни появлялся — воцарялись организованность и порядок. А за этим следовали победы.

В этом Сталинградском побоище герои из героев — военачальники Василий Иванович Чуйков и Михаил Степанович Шумилов. Армии, которыми они командуют — шестьдесят вторая и шестьдесят четвертая — летом и осенью приняли на себя натиск бронированных гитлеровских полчищ, громили врага на дальних подступах к городу на Волге, в его предместьях. Выдержали, вынесли все, и навязали гитлеровским войскам в самой черте города длительные изнуряющие бои.

Воюют они умно, можно сказать, по-суворовски. Их дивизии не довольствуются старой тактикой. В их действиях всегда появляется что-то новое. Стал, например, повседневным правилом в каждой роте и батальоне принцип: «Обороняясь, наступай!». Боевые уставы раньше таких видов ближнего боя не предусматривали.

Василевский всегда испытывал удовлетворение от встреч и бесед с Чуйковым и Шумиловым. Обоих генералов еще назовут поэтами в военном искусстве. И на этот раз он рассчитывал посетить их штабы и самих командующих армиями, выслушать их мнения о возможности активизации действий этих и соседних армий. Это можно выяснить только на месте. Они ведь не воевали «ниже возможностей!».

Шумилов, встретив самолет Василевского, рассказал, что сегодня в армии торжества — приехала делегация из Казахстана. Посланцы солнечной республики надеялись встретиться с командованием и своими земляками-казахстанцами. Узнав о приезде на передовую дорогих гостей, командиры отправили на встречу и бойцов из среднеазиатских городов, аулов и кишлаков — узбеков, таджиков, киргизов и туркменов.

Гости из Алма-Аты, Актюбинска, Чимкента нашли среди воинов даже родственников. Среди гостей была пожилая женщина, Багжан Абдирова, мать летчика Нуркена Абдирова. Она хотела увидеть и увидела землю, на которой погиб ее сын[1].

Оставив гостей в Бекетовке, Василевский, Шумилов,

---

[1] Военный летчик-штурмовик Нуркен Абдиров в боях под Сталинградом повторил подвиг Николая Гастелло, направив свой подбитый, объятый пламенем самолет на скопление вражеской техники. Похоронен на хуторе Коньки Вешенского района Ростовской области.

и сопровождающие их офицеры отправились на командный пункт Чуйкова. Нашли его на левом берегу Волги, на наблюдательном пункте, устроенном на втором этаже полусгоревшего дома. Ветер нес сюда густой дым с немецких позиций, где — по запаху чувствовалось — догорал склад с авторезиной. Они вдоволь наглотались воздуха, перемешанного с сажей.

— Мы уже сняли призыв: «Обороняясь, наступай!» Солдаты знают, что обстановка другая. Командиры и политработники добиваются, чтобы в предстоящем штурме каждый солдат «хорошо знал свой маневр». Даны указания дивизиям и полкам хорошо подготовиться к штурмовым действиям, разработаны памятки для командиров рот и батарей, в которых подробно разъясняется искусство уличных наступательных боев. Стремимся навязать фашистам то, чего они не любят больше всего — ближний бой.

У Чуйкова, как и у Шумилова, в полках родилась и набирала силу новая боевая организация, вызванная потребностями уличных боев,— штурмовые группы. Такие группы просачиваются через подвалы и проломы в стенах в расположение фашистов, громят их блиндажи и огневые точки. Бойцы стремятся сблизиться с врагом на десяток метров, пустить в ход штык, гранату. Артиллерия и авиация не может помочь врагам, не рискуя поразить свои же боевые порядки.

Перед вылетом из Москвы представителя Ставки Сталин советовался с Калининым, Жуковым, Василевским и другими членами Ставки о том, нельзя ли ввести награды не для отдельных, отличившихся в боях, а для всех участников решающих сражений. Такое предложение поддержали все. И теперь по рукам бойцов ходила газета с опубликованным сообщением: «В Народном комиссариате обороны». В нем говорилось:

«Народный комиссариат обороны вошел в Президиум Верховного Совета СССР с ходатайством учредить специальные медали для награждения всех участников обороны Ленинграда, Одессы, Севастополя, Сталинграда...»

В ходатайстве, где упоминались армии, подчеркивалась особая роль 62-й армии, отразившей главные удары немцев на Сталинград...

Василевский поздравил Чуйкова и Шумилова с предстоящим награждением всех людей, находившихся в их подчинении.

— Дополнительно дать вам сейчас мы ничего не можем,— сказал Александр Михайлович.— Я доложу в Ставку, что вы ничего и не просите.

Он уже протянул руку к трубке ВЧ, как вдруг аппарат зазвонил. Василевский узнал глуховатый голос Сталина.

Сделав короткий обзор событий, Василевский сказал, что из шифровки стало известно о гибели начальника штаба Юго-Западного фронта Григория Стельмаха. Перемещаясь со штабом, он на своей машине попал в хутор, занятый фашистами, и был расстрелян вражескими автоматчиками.

Сталин не стал слушать:

— Мне уже доложил об этой трагедии член Военного Совета генерал Желтов. Я сказал Алексею Сергеевичу и вам повторяю: нельзя быть беспечным. Зарубите на носу.

Они говорили всего минуты две-три. Василевский услышал вопрос:

— Как себя чувствуете вы лично? Вы больны?

— Нет, совершенно здоров.

— У вас очень изменился голос. Если переутомлены — отдохните восемнадцать-двадцать часов. Мы как-нибудь обойдемся без вас. Тем более, что рядом с вами — генерал Иванов из генштаба. Пусть он в это время поработает.

— Слушаюсь.

И сразу же навалилась смертельная, чуть ли не предобморочная усталость. От многих бессонных ночей.

— Товарищи! Все могут заниматься своими делами,— сказал он присутствующим. Для адъютанта добавил:— Разрешено сделать перерыв.

— Сейчас это можно позволить?

— А вы как думаете?

— Думаю, да.

Генерал попросил:

— Устройте так, чтобы была абсолютная тишина...

Просьба была исполнена.

...По стрелкам часов можно заключить, что уже день. Прекрасно, что удалось поспать. Обычно он умел силой воли выключить себя. Кажется, никогда он так крепко не спал. Снова начинался боевой день, точнее, напряженные часы дробления гитлеровских дивизий, операций разных масштабов на их изнурение.

Глава восьмая

ЮЖНЕЕ САРПИНСКИХ ОЗЕР

I

Если в твоем кармане или планшете завалялась какая-нибудь справка, бумажка с печатью,— ее не следует выбрасывать. Она заслуживает почтительного к себе отношения. Особенно надо беречь ее, если на ней значится твое имя, поставлены гербовая печать и подпись. Армейская жизнь, порядки в ней зачастую регулируются «бумажками», и они порой играют немалую роль.

В те дни одна изрядно потертая бумажка решила судьбу Василия Морозова.

Его не зачислили в сороковую дивизию, в подчинении которой находился учебный батальон. Курсантов бывшего учбата отправили в запасной полк, подчинявшийся штабу фронта, Морозов же попал в управление кадров. Беседовавший с ним офицер-кадровик, пожилой подполковник, пожелал взглянуть на его документы. У лейтенанта имелся продовольственный аттестат, и он предъявил его.

Аттестат не документ, и подполковник не стал даже его в руки брать.

— Что есть еще?— спросил он.

Пошарив в карманах, лейтенант извлек помятую военкоровскую справку. 4-я танковая армия, сформированная на базе 28-й армии, не имела своей печати, и на справке был оттиснут номер армии «28».

Офицер, внимательно осмотрев справку, сказал:

— Вам придется ехать в Астрахань.

— В Астрахань?— удивился лейтенант.

— Там ваша двадцать восьмая армия.

Подполковник сам был боевым офицером, сам поднимался навстречу пулям, самому приходилось, согнувшись, бегать, спотыкаясь и падая, по полям среди разрывов снарядов и мин.

Слышал Морозов, что этот офицер, работающий в управлении кадров, получив однажды в рукопашной схватке касательное штыковое ранение в живот, оставался в строю. Морозов увидел на коленях офицера грелку и понял, что рана дает о себе знать.

— Вот предписание — отправляйтесь в Астрахань. И попутчик у вас есть — лейтенант Герман.

И Морозов увидел попутчика. По возрасту чуть старше его. Вдвоем вышли из домика, где работали кадровики, и направились к переправе через Волгу к Дубовке, чтобы оттуда уже добираться в Астрахань.

— Нам повезло,— говорил Морозову новый друг.— Посмотрим Астрахань.

Морозов, вздохнув, только махнул рукой: все равно.

Морозов начал что-то говорить о недоразумении, связанном со своей справкой, на которой случайно оттиснули печать 28-й армии, хотя он служил в 4-й танковой, но Герман лишь с улыбкой взглянул на лейтенанта:

— Подполковник сам все знает. Видал, видал. Его самого. Здорово его покалечило. Краше в гроб кладут.

Потому что мы из пекла, и послал в полевую армию на более спокойный участок. Для него это пустячное дело, а для нас — передышка. Учил же нас незабвенный Кузьма Прутков: «Зри в корень». Мир не без добрых людей. Они есть...

«Что ж, спасибо подполковнику. Астрахань, можно сказать, тыловой город»,— рассудил Морозов.

Письма его дружка Коли Борисова давали ему некоторое представление о городе. Коля, находясь там в госпитале, описывал темную, величавую Волгу, рыбные базары, осетров. В последнем треугольничке были стихи:

За какое бы дело ни брался,
Где бы путь фронтовой ни мотал,
Вспоминаю о вас, сталинградцы,
Переплавивших муки в металл.
К вам придет эшелон на подмогу —
Сотни жаждущих схватки ребят.
Перед сном подкрепившись немного,
Пушкари прикорнули и спят.
Только мне почему-то не спится,
Я с бессонницей наедине...

«Где-нибудь я встречу тебя, Коля!»— думал Морозов.

В Астрахань приехали солнечным сентябрьским утром.

Астрахань. Что за город! Это — жемчужина на берегу Каспия. Астрахань справедливо называли российской Венецией. Множество каналов, величественная крепость — Астраханский кремль. Мощные стены, грозные башни, бастионы. За стеной древние белокаменные сооружения, в основном храмы и базилики. Стены укреплены глухими и проездными башнями: Артиллерийская, Крымская, Житная, Архиерейская; ворота: Пречистенские, Никольские, Красные...

Когда-то здесь побывал и написал о своем путешествии книгу еще в XVI веке Адам Олеарий, секретарь Гольштинского посольства... Он, безусловно, бродил по Индийскому, Персидскому, Армянскому торговым подворьям. «Мне наловили раков в Черном яру, и я за присест съел их целое ведро»,— писал Адам Олеарий.

Пока осматривали прикаспийскую Венецию, пока ходили по штабам, над городом повисло низкое, будто придвинувшееся к земле, лохматое серое небо. Стал накрапывать дождь. Над рекой, над мокрыми крышами,

не уставая, кружили какие-то беспокойные черные птицы.

Из отдела кадров 28-й армии их послали в курортный поселок Тинаки, где когда-то больные проходили курс солнечных и грязевых ванн. Там теперь формировались подразделения дивизии с номером «248». Попали они в один и тот же полк. Морозов — адъютантом батальона, а его попутчик Андрей Герман — командиром минометной роты. Кто-то приглашал Андрея в гости, он был всегда весел. Астрахань шла ему на пользу. В полку оказались казахстанцы — Александр Рыбинцев, Борис Федотов, Григорий Корнев, Алексей Легкодымов и еще кое-кто. К примеру, каргалинец Ваня Черненко, вместе они учились в школе, играли в «Чапаева», в «красных и белых».

С будущим своим комбатом Стефаном Косяком Морозов встретился в самой Астрахани, в кремле. Узнал от него, что некоторые подразделения полка действуют в степях. Комбат сказал, что полк является первым эшелоном — нигде близко не было наших частей. Правее в семидесяти километрах — в Юсте вроде бы советские оборонительные позиции имелись, а левее, примерно на таком же расстоянии, располагались — это уже точно — гитлеровцы. Там действовала хорошо оснащенная 16-я мотомеханизированная дивизия генерала фон Шверина и какое-то румынское формирование — не то легион, не то когорта.

В образовавшееся незанятое пространство немцы время от времени посылали легкие моторизованные отряды. В каждом таком отряде были танк или бронемашина, пять-восемь грузовиков с автоматчиками, противотанковая пушка, три-шесть мотоциклов. Эти летучие мотоотряды вели разведку, нападали на передовые посты наших войск, перехватывали разведывательные группы.

С этими отрядами вели борьбу наши летучие отряды. Одним из таких отрядов командовал смелый офицер лейтенант Александр Хоменко[1]. Окончил он Актюбинскую летную школу, с ним был еще один актюбинец, Ваня Кириченко, стрелок-радист. Летали они недолго, их ТБ-3 был изрешечен истребителями, стрелок-радист был убит, а Хоменко ранен.

В авиации матчасти не хватало. Подбитым и «погорельцам» не так-то просто получить машину. Отсюда

[1] Ныне генерал-майор.

неудовлетворенность. Что делать? Сиди в резерве, достань карты, найди партнеров, черти пульку.

Хоменко отчаялся, стал проситься куда угодно.

Попал в стрелковую часть. Комполка спросит: «Вы летчик?» Ответил: «Да».—«Где участвовали в боях?»—«Летал бомбить Плоешти, Констанцу. Там и продырявили».—«Нам нужен человек, разбирающийся в технике. Пойдете?»—«Пойду»,— согласился он. Получил задание: «Поручаем командовать летучим отрядом»...

Летучий отряд — это уже дело? Летать надо только не в синем небе, а по этой грешной земле. Дали в отряд два бронетранспортера и легкий танк. Механиками пошли двое молоденьких трактористов, радистом определили Алексея Легкодымова. Подобрали еще отделение ребят-добровольцев. А сам командир Александр Хоменко тоже был молод, ему шел девятнадцатый, после ранения не совсем здоров, торопил бойцов, предупреждал: «Смотрите каждую гайку, каждый винтик. Там, в тылу противника мы можем рассчитывать только на себя, на исправность техники».

Оставив Астраханскую крепость, отряд Хоменко в первые сутки добрался до Енотаевки. Здесь располагались опорные пункты и НП командира Енотаевского участка обороны. Дальше — полная неизвестность. Где противник, каковы его силы? Все это предстояло еще выяснить. Знали, что в степи рыщут вражеские поисковые группы и разъезды. У них есть проводники, которым известны все тропинки, колодцы и зимовки.

Из Енотаевки смельчаки отправились вечером. Их провожал изумительный закат. Хоменко смотрел на густые серо-синие тучи, нависшие над солнцем. Лучи наложили на них полосы — от колера серебристого до самого что ни на есть золотого. И вспомнил Хоменко свой последний боевой вылет. Точно такими же были тучки, с наложенными на них полосами.

Вылет закончился неудачей. Не может быть, чтобы подобное повторилось. Замечено было, что в одну и ту же воронку редко попадает вторая бомба.

Эта мысль отогнала дурные предчувствия, и Хоменко залюбовался красотами степного простора. Жизнь в степи вроде бы остановилась. Только паутиной переплетались, скрещивались дорожки-тропинки.

Двигались по азимуту всю ночь. Часто останавливались. Позади осталось не меньше сотни километров. Начало светать. В сторонке скорее угадали, чем уви-

дели две мазанки. Поспешили туда, надеясь найти там колодец — хотелось пополнить запасы воды. Людей в этом жилье не оказалось, а имевшийся здесь колодец был полузасыпан песком. Кто это сделал? Следы мотоциклетных шин, смятая коробка из под сигарет—всё это немецкое. Скоро выбрались на узел грейдерных дорог, ведущих на Юсту и Халхуту. Часа через два остановились накоротке позавтракать. Обзор немалый, видны даже далекие буераки и впадины. И вдруг с невысокого пригорка, прикрывавшего впадину, донесся шум моторов. Показалась колонна боевой техники. Немцы! Сил у них — больше роты. Различались три транспортера, танк, грузовик с автоматчиками. Урчали, застревая в песке, несколько мотоциклов. В сторонке на малорослой лошадке, непрерывно понукая ее нагайкой, тащился проводник.

Хоменко принял решение: пока фашисты не опомнились, открыть огонь! Скомандовал: «Огонь!»

Взвизгнул снаряд, другой! Удача!— прямое попадание снаряда в грузовик. За холмом мгновенно исчезли лошадка и полушубок проводника.

Через минуту в степи разгорелся бой. У фашистов огневых средств оказалось больше. Дым, град осколков и пуль покрывал низину. Но в отряде Хоменко растерянности не было, люди залегли, пулеметным огнем парализовали действия гитлеровцев. Те не планировали столкновения и хотели бы уклониться от боя.

Т-60 из своей пушки посылал снаряд за снарядом, и ложились снаряды там, где надо. Хоменко остался у танка, а броневикам дал команду идти на сближение, но не с фронта, а выбраться во фланги. Броневики вырвались на большой скорости через балку в тыл фашистам. Там наткнулись на крупнокалиберный пулемет, бивший бронебойными. Фашисты, сброшенные с бугра, стали поспешно отходить. Одна наша машина остановилась — заглох поврежденный мотор. Преследовать врага одним бронетранспортером Хоменко не решился.

Бугры и впадины скрыли фашистов. Но и нашему отряду долго оставаться здесь было нельзя. Снаряды и патроны кончились. Хоменко должен был вернуться к своим.

На обратном пути через несколько часов они встретили такое же подразделение. Им командовал бородатый политрук, назвавший себя Федором Лева. Этот отряд оказался потрепанным больше, но возвращался

из рейда с трофейным бронетранспортером «фольксваген».

Сошлись у разрушенной зимовки. Сделали совместный привал. Впечатлений у всех много. Спрашивали друг у друга:

— Ну, как вели себя ваши?

— Огрызались.

— И наши огрызались. Неуютно им. Офицеры орут на рядовых фрицев, а те все назад оглядываются.

— Наши гансы тоже задерживаться не стали. Побросали все, даже автоматы. Удирали с одной шинелишкой на плечах.

— Вы им что сказали? Попрощались?

— Сказали: «До свиданья, тетя Мотя, уноси свои лохмотья».

Радостно возбужденный политрук говорил, что завтра же его отряд отправится в новый поиск.

— Вот что, ребята,— говорил он, отпивая большими глотками воду из трофейной фляги.— Надо отказаться от разговорчиков вроде: «Мы не отдадим Астрахани». Такое рассуждение никого ни к чему не обязывает, не мобилизует. Наоборот, расхолаживает. Что значит бой за Астрахань? Это же старинный исторический город. По его улицам ходили молодцы атамана Степана Разина. И этот город сгорит. Кремль превратится в развалины. Этого допустить нельзя! Надо смело говорить везде и всюду: «Возьмем Элисту, Ростов, Таганрог!» Верно я говорю, ребятушки? Давайте договоримся: осмотрим, починим, заправим свои транспортеры. Нагрузим побольше патронов, и снова двинемся по немецким тылам!

II

Вызванный в штаб дивизии, лейтенант Хоменко подробно доложил о результатах рейда. Доклад содержал много важных сведений. Комдив это оценил, и Хоменко вернулся в свой полк старшим лейтенантом с приказом о назначении его начальником штаба полка, где и командира не было,— его только-только похоронили, погиб при бомбежке.

Хоменко передал батальонам приказ — выступать по тому маршруту, который он накануне опробовал.

Погода стояла сухая и теплая, и после прошедших дождей степь зеленела. Идти было легко. И хотя ба-

тальон, где адъютантом был Морозов, передвигался со всеми предосторожностями, к исходу дня, как и намечалось, его роты подошли к селению-хатону с названием Берген. Поднявшись на возвышенность, Морозов увидел внизу, километрах в трех от себя, небольшое калмыцкое селение из деревянных домиков.

Морозов в бинокль осмотрел местность. Сквозь двойные стекла виден был поселок. Во дворах хлопотливо бегали люди, спешно грузили на повозки пожитки и гнали впряженных лошадей в противоположную сторону.

Лейтенант Морозов из осторожности послал вперед разведку. Двум взводам приказал принять боевой порядок «в цепь» и с оружием наготове идти вслед за разведчиками. Хатон уже обезлюдел. Жителей угнали фашисты.

В хатоне бродило много скота, а в закромах общественного амбара хранилось немало зерна. Начпрод полка Семен Гульман распорядился взять это добро под охрану, ожидая возвращения жителей.

Связь со штабом полка Морозов держал так: раз в неделю высылался парный дозор в сторону Юсты на тридцать километров. Там на развилке дорог он встречался с таким же дозором, высылаемым штабом полка, приносившим приказы и распоряжения. Лейтенант передавал в свою очередь недельные отчеты о боевой обстановке. Связные рассказывали, что они не раз видели в степи на конях бандитов, вооруженных немецкими автоматами. Те же не могли их заметить — полынная степь надежно маскировала серые солдатские шинели.

Гитлеровцы знали от своих лазутчиков, что в Бергене стоит небольшой русский гарнизон. Каждое утро над поселком появлялся вражеский самолет-разведчик, делал круг и, качнув крыльями, летел к Волге. То же самое он проделывал и на обратном пути. Сначала бойцы прятались, потом привыкли и не обращали на него внимания.

Разведчики дознались, что километрах в тридцати немцы разбирали деревянные постройки соседнего хатона и везли бревна в Халхуту для строительства укреплений. Вел себя противник очень осторожно. Причиной этого, по всей вероятности, было то, что немцы однажды пытались из Халхуты обойти правый фланг советской обороны, но встретили жестокий отпор. Там дей-

ствовал гвардейский стрелковый полк. Гвардейцы не только отразили все атаки, но и крепко потрепали врага. После этого фашисты не решались делать вылазки.

В конце сентября удар по врагу нанесли части 51-й армии, находившиеся справа в районе Сарпинских озер. Темной осенней ночью они совершенно бесшумно, без артподготовки, проникли в расположение немцев и, завязав рукопашную схватку, разгромили их оборону и устремились на Садовое.

В этом бою враг потерял три полка — два пехотных и один артиллерийский, большое количество военной техники.

В октябре 28-я армия окрепла — в ее состав вошла 6-я гвардейская танковая бригада.

Все это привело к тому, что воинственный азарт подвижных немецких отрядов в степи остыл; засев на своих оборонительных рубежах, они больше не решались выходить в степь.

Несмотря на то, что продвижение немцев приостановилось, бои продолжались. Ежедневно появлялись в небе вражеские самолеты. Иногда они сбрасывали листовки. Морозов хорошо запомнил одну из них: «Бойцы и командиры 248-й стрелковой дивизии! Немецкая армия гигантскими шагами идет на юг. Тысячи ваших братьев безвестными погибли в степях Калмыкии. Неужели и вы хотите, чтобы и вас постигла такая же участь?

Убивайте комиссаров и переходите на нашу сторону».

На позиции батальона иногда из степи выходили оборванные, голодные и обросшие люди. Это были наши солдаты, весной и летом попавшие в окружение и плен еще в Донбассе или под Харьковом. Они бежали из лагерей, рискуя жизнью, пробирались к своим. Многие рассказывали, как в лагерях над ними издевались, морили голодом. Морозов запомнил одного из этих бывших узников концлагеря. Сняв рубашку, показывал он солдатам глубокие рваные рубцы на спине; его били плеткой из проволоки за попытку бежать из-под стражи.

Когда этого солдата спросили, почему он выходил именно на Берген, он ответил, что находившийся в Элисте старший офицер немецкой комендатуры вел себя необычно. Захваченных патрулями беглецов он тайком отпустил и указал дорогу на Берген. Видно, знал, что там легче всего было перейти линию фронта и меньше

опасности встретиться с рыскающими по степи бандитскими шайками. Этих людей собирали в группы и отправляли за Волгу, где дислоцировался запасной полк.

К празднованию Октябрьской годовщины батальоны готовились тщательно, но неожиданно получили приказ идти в Юсту. Выступили ночью и к вечеру следующего дня добрались туда. Для Морозова этот переход был очень тяжелым, так как его мучали приступы малярии. К счастью, солдаты раздобыли где-то несколько маленьких смирных лошадок, на одной из которых лейтенант ехал верхом почти всю ночь. Это была холодная ночь. Чтобы согреться, лейтенант часто слезал с лошади и шел рядом с нею, держась за гриву. К концу перехода он окончательно выбился из сил и влезал на лошадь уже с помощью связного.

Морозов еще летом потерял шинель и теперь у него под плащ-палаткой ничего теплого не имелось. Это заметили бойцы и подарили ему меховую безрукавку да пышную мохнатую шапку впридачу. На вооружении он имел кривую турецкую саблю. Ею удобно открывались консервные банки. В своем новом одеянии и с саблей он стал похож на гуляйпольского гайдамака образца девятнадцатого года. Начальник штаба полка, встретив Морозова, покачал головой и приказал одеть его по форме.

Но всех одеть было невозможно. Похолодало, а зимней одежды не выдавали — вещевые склады армии, видимо, пустовали. Областная газета печатала призывы к населению: шить и собирать для подшефной дивизии теплые вещи. Но, пожалуй, все, от командира дивизии до ездового понимали, что у населения этих теплых вещей не густо.

Солдаты начали сами шить себе меховые вещи. Наиболее расторопными оказались батарейцы лейтенанта Александра Буймова. Правда, первая шапка, сшитая из телячьей шкуры, оказалась неудачной: командир взвода забраковал ее сразу. Брезгливо держа изделие на весу, словно кота, он спросил у незадачливого бойца-шапошника:

— Это что?

— Головной убор, товарищ лейтенант!

— Капелюха для ямщика или малахай сторожа сельской лавки. Понял?

— Никак выкройку не разыщу...

— А кто ее должен искать?

Выкройку нашли в роте Андрея Германа. Одессит по фамилии Курилка зарекомендовал себя поваром, сапожником, а теперь еще и портным-шапошником. Курилка обучал присылаемых к нему из батальонов солдат новому ремеслу.

Материала хватало в избытке. Полк дислоцировался близ Утты, центра крупного скотоводческого района. В селе в ту пору было заготовлено много кожсырья — шкуры лежали скирдами, вывезти их не успели. Бойцы, обнаружив залежи шкур, распорядились этим добром по-своему.

Людей охватила пошивочная эпидемия. Кубанки, живописные шапки-ушанки, папахи разных фасонов украшали солдатские головы. Под шинелями появились меховые душегрейки и жилеты.

Командир дивизии, прибыв однажды в полк, не мог не заметить этой самодеятельности.

— Что у вас творится?

— Ночами холодно,— ответили ему.

Комдив помолчал. Разговор происходил в поле. Подмораживало. Шли тактические занятия. Солдаты в ушанках, кубанках и папахах, рассыпавшись в цепь, устремились к высоте. С гиком и улюлюканием навалились они на воображаемого противника.

Такое старание на учении комдива обрадовало. Он повеселел. Выслушав рапорты командиров батальонов, подозвал к себе очень заметного в своей шапке, сшитой по якутской выкройке, старшего сержанта Курилку, удачно поддержавшего огнем штурмующих, спросил:

— Откуда родом?

— С Украины.

— Вы что, на зимнюю форму одежды перешли?

— Пришлось перейти, товарищ полковник,— бойко ответил Курилка.

— Кто вас снабдил?

— Зазноба прислала.

— В посылке? Через линию фронта? Что-то не верится.

— Так точно! Можно быть свободным?

Комдив кивнул. Курилка отдал честь и сделал поворот кругом. Так «невестины подарки» получили право на временное существование.

В те дни Морозов часто бывал в роте лейтенанта Германа — они подружились. В его взводах было много отличных ребят. Особенно выделялись помкомвзвода

Курилка, командир отделения Леванец, сержант Бондаренко — черноглазый красавец киевлянин, сержант Серебряков — рабочий металлист со Сталинградского тракторного, ефрейтор Умаров, сержант Иван Пивень, старшина Михаил Гершгорин.

Вечером 19 ноября до полка был доведен приказ Военного Совета фронта о наступлении. Тревожная, торжественная минута! Калмыцкая степь пришла в движение. 28-я армия начала свой героический путь в низовье Дона.

Этим самым отсекалась сталинградская группировка немецких войск от войск вермахта, прорвавшихся на Северный Кавказ.

III

В двести сорок восьмой дивизии было множество верблюдов, и это придавало ей специфическую окраску. При формировании дивизии колхозы Астраханской и Гурьевской областей передали в соединение триста пятьдесят верблюдов. Потом эти животные поступали еще. Они служили основной тягловой силой, их использовали в качестве артиллерийских тягачей.

Девушки санроты — Надя Деюн, Аня Христенко, Галя Сукачева, Антонина Малько, не знавшие до этого, что такое марш стрелковой части по полупустыне, первое время еще находили время для шуток: «Хотя бы запрягли для нас один «КВ». (Были танки с таким названием —«Клим Ворошилов»— но они имели в виду другую тягловую силу — двугорбых калмыцких верблюдов).

Иван Пивень, работавший в штабе полка, заядлый кадровик, услышав девичьи шутки, заметил:

— Как бы вы, подружки, не хохотали потом «на кутних зубах».— Он намекал на будущие слезы. И они были.

899-й полк, где служил Морозов, шел в наступление в двухбатальонном составе, так как первый стрелковый батальон остался держать оборону, прикрывая правый фланг армии. Его усилили дивизионом 76-миллиметровых пушек. Хотя артиллерия была на конной тяге, а боеприпасы к ним везли на вьючных верблюдах,— двенадцать пушек были внушительной силой, способной при умелом использовании отразить атаки довольно мобильных немецких броневых групп. В походе полк

получил радостную весть: ночной атакой с двадцатого на двадцать первое ноября части соседних соединений выбили немцев из Халхуты. Велико было ликование, когда части дивизии впервые встретились с бойцами действовавших на этом направлении танковой и стрелковой бригад.

Взаимодействуя с этими соединениями, полк быстро продвигался на запад в сторону Яшкуля. Ночи стояли холодные, и люди промерзали до костей, ночуя в открытой степи.

Морозова выручил предприимчивый Курилка. В одном из хатонов он выпросил у калмыка кожаный мешок шерстью внутрь, в каких калмыки хранят зерно. Теперь ночами на привалах Морозов засовывал в этот мешок ноги и чувствовал себя превосходно.

По всей дороге, по которой двигался полк, встречались разбросанные немецкие каски, обрывки всевозможных штабных документов, письма, газеты. Все это говорило о том, что противник спешно убегал от наших танковых десантов. Как-то днем на привале Морозов отошел недалеко в сторону от отдыхающих солдат и решил взобраться на небольшой курган, чтобы получше осмотреть степь.

Вокруг кургана вился открытый окоп с несколькими огневыми точками, а в центре на самой его вершине лежали обуглившиеся остатки костра. И... обгоревшее тело советского солдата. Тут же — винтовка и убитая лошадь. Все убеждало, что погиб наш воин-разведчик, попавший в руки фашистов. Здесь его мучили на допросе, а потом бросили в костер. О зверствах гитлеровцев и бандитов, конечно, он слышал и до этого, теперь же смог убедиться воочию. Жуткое, ужасное зрелище...

Почти бегом спустившись с кургана, Морозов рассказал о виденном. Солдаты тоже осмотрели костер, вырыли могилу и молча похоронили останки безвестного героя.

Отступая, фашисты угоняли с собой жителей, скот, взрывали колодцы, оставляя после себя безлюдную и безводную пустыню.

Двадцать третьего ноября войска 28-й армии, преследуя противника, вышли на рубеж в пяти-восьми километрах севернее и северо-восточнее Яшкуля. За сутки с боями они проделали путь почти в два раза больший, нежели между Халхутой и Уттой. Но в десятке километров от Яшкуля с полком произошло несчастье.

Измученные длительным ночным переходом подразделения вышли к намеченному месту отдыха. Солдаты и офицеры моментально попадали на землю и уснули как мертвые. Никто не проснулся даже на ужин. Морозова разбудил гул самолета. Приподняв голову, он увидел пролетающую над ними «раму» и снова забылся глубоким сном. Проснулся от крика:

— Танки!

Это кричал скакавший на лошади во весь опор солдат из конного взвода разведки.

Вскочив, Морозов увидел, что со стороны тыла на высокой скорости движутся танки, сопровождаемые машинами с автоматчиками. Наши артиллеристы рванулись к своей батарее. Но фашистские танки уже начали бить по ней из пушек.

Оставшиеся в живых расчеты батареи открыли огонь по немецким машинам. Разбить фашистскую группу они не могли, но все-таки замедлили ее продвижение, нанесли ей ощутимые потери.

Как ни трагична была картина, но паники не произошло. Батальоны отчаянно сопротивлялись. Бойцы и офицеры пустили в ход все виды оружия, все свои силы. Подбита одна немецкая машина, другая... Пулеметы лейтенанта Ивана Маринкина в упор расстреливали фашистов.

Сгущались сумерки, и немецкая моторизованная группа, развернувшись, скрылась вскоре в степи. В ночное время она не решилась продолжать бой.

Через час командующий армией прислал на помощь полку четыре танка, но эта поддержка запоздала. Фашистов к тому времени и след простыл.

Погром, учиненный врагом, показал, что в степной маневренной войне, где нет сплошного фронта, требуется особая бдительность и правильно поставленные охранение и разведка. Больше уже никогда полк не допускал такой беспечности. Обленившегося командира взвода разведки отправили в штрафной батальон и на его место назначили отчаянно-храброго офицера лейтенанта Лагутина. Помощником начальника штаба полка по разведке стал Иван Маринкин.

Уже в самом конце ноября батальону Стефана Косяка, усиленному ротой автоматчиков, минротой и батареей полковых пушек, штаб дал приказ захватить высоту — прочный опорный пункт в обороне противника. Одновременно два полка 34-й гвардейской стрелковой

дивизии имели приказ атаковать позиции противника, прикрывающие дорогу Яшкуль — Элиста. Наступление должны были поддерживать танк КВ и батарея 76-миллиметровых пушек.

По замыслам командования, конечно, основной удар по противнику наносили гвардейцы, однако немалая роль отводилась и батальону. Начало атаки намечалось на одиннадцать часов одновременно всеми подразделениями по трем сигнальным ракетам. С наступлением сумерек подошли к повороту грейдерной дороги Ухта-Яшкуль.

Командир батальона капитан Косяк собрал всех офицеров, объяснил задачу, указал азимут и боевой порядок батальона в наступлении. Косяк теперь руководствовался новым боевым Уставом. Полагалось, чтобы станковые пулеметы, минометы и полковые орудия сопровождения следовали в цепях атакующих рот.

Все было выполнено. В боевых порядках расположились противотанковые пушки, минометы, пулеметы. Вперед были высланы разведчики.

Места нахождения противника точно не знали, не знали и расположения его огневых точек. Поэтому шли очень осторожно — ни одной громкой команды, ни одной вспышки огня. Только сзади, где двигался обоз, раздавались крики верблюдов. Шедший рядом с Морозовым командир артбатареи Миша Бойко сквозь зубы ругал комбата за то, что он не оставил обоз на грейдере.

Так двигались около часа. Вдруг все небо осветилось вспышками ракет, и бойцы увидели прямо перед собой немецкие окопы. Кто-то закричал: «Вперед, за Родину!» С возгласами «ура!» все бросились вперед... Навстречу хлестнул свинцовый ливень. При вспышках ракет видно было, как бойцы падали, вскакивали и снова бросались вперед. Вражеская огневая минометно-артиллерийская завеса отсекла первые цепи — спасение было в том, чтобы сблизиться с противником и занять его окопы. Но это не удалось. Пришлось залечь.

Бойцы лежали, наверное, не далее чем в ста метрах от немецких траншей. В ночной мгле иногда виднелись перебегавшие силуэты немецких солдат. Слышалась их речь. Временами фашисты освещали местность ракетами и, если замечали какое-нибудь движение, открывали огонь.

Морозов был в роте Андрея Германа, которая наступала на первом фланге батальона. Андрей лежал рядом с пулеметчиком ефрейтором Умаровым. Как опытный солдат, ефрейтор вынул из чехла саперную лопатку и начал окапываться. Морозов не носил с собой лопату. Наконец, когда ефрейтор закончил окапываться, лейтенант попросил у него лопатку и вырыл себе небольшой окопчик.

Через какое-то время к ним подполз старший сержант Курилка и доложил, что убит сержант Ливанец и несколько человек ранено.

Курилка очень тяжело переживал гибель своего друга Ливанца.

— Мы бежали рядом с ним,— шепотом рассказывал Курилка.— Вдруг он схватился за грудь и, застонав, упал. Когда я нагнулся над ним, чтобы помочь, он уже не дышал...

Умаров, заметив движущиеся тени возле немецких позиций, повернулся к Морозову, прошептал:

— У меня еще есть полный диск, разрешите ударить?

Морозов успокоил его, заметив, что своим «дегтярем» с одним диском он погоды не сделает, а только вызовет огонь. А это — потери.

— Скоро одиннадцать часов,— сказал ему Морозов.— Мы нарвались на противника раньше времени. Вот-вот рядом с нами начнут атаку гвардейцы. Если все пройдет успешно, немцы сами драпанут с нашей высоты. Вот тогда пригодится твой диск.

Ровно в одиннадцать в небе вспыхнули условные ракеты и раздались крики «ура!». Лейтенант обрадовался, решив, что это начала атаку 34-я гвардейская. После недолгого огневого боя наступила полная тишина...

«Неужели и атака гвардейцев захлебнулась?»— подумал Морозов. Похоже было на это. Приближался рассвет. Морозов не знал, что ему делать. Отходить без приказа он не имел права. Бойцов с ним было не более отделения. И столько же раненых. Прошло в ожидании еще часа полтора. Вдруг он увидел, как короткими перебежками стремительно приближается к его окопчику солдат.

— Есть ли кто живой из командиров?— вполголоса спросил он.

Морозов отозвался.

— Что же вы прохлаждаетесь? Днем вас здесь с землей смешают. Вам приказано увести отсюда бойцов,— прохрипел он и растаял в темноте.

Морозов передал негромкую команду по цепи: «Всем готовиться к отходу». Кругом стонали раненые:

— Товарищи, не бросайте нас!..

Нельзя было оставлять матчасть, но нельзя бросать и раненых. Неожиданно в тумане встретили небольшую группу воинов. Среди них оказался заместитель командира батальона Божко с перебинтованной рукой, раненые командир и еще несколько офицеров и солдат соседней роты.

— Ты здесь один целый и невредимый,— обратился к Морозову Божко,— принимай команду над всей группой и выводи в тыл. Наверное, нам лучше всего выйти к тому повороту грейдера, откуда начиналось наступление,— высказался он.

— Ну что ж,—ответил Морозов,— за мной. Только без шума...

Во главе группы пошли Морозов с пожилым сапером из соседнего батальона. Замыкали колонну два солдата, помогая идти раненым. Лейтенант боялся заблудиться, но, к счастью, на снегу он увидел отпечатки гусениц танка. Направление колеи совпадало с направлением обратного азимута. «У танкистов к дорогам особое чутье,— заключил Морозов.— Где бы танк ни блуждал по степи, в конце концов он все равно должен выйти на грейдер. Значит, идем правильно».

После привала Морозов решил: они с сапером пойдут вперед, раненые останутся на месте. Если обнаружится грейдер, вернутся за ними. В противном случае придется окапываться и ждать дня.

Морозов приказал наметить места, по которым лучше будет организовать круговую оборону, сам же с сапером пошел вперед. Дорогой он спросил бойца: «Как тебя зовут?» Услышал в ответ: «Андрей Одинцов, ростовский шахтер». Вскоре они поднялись на небольшую возвышенность и увидели внизу, в полукилометре от себя, свет фар и услышали гул проходящих машин. Там пролегал грейдер. Но чьи это машины? Они подползли ближе к грейдеру и, укрывшись в кювете, стали наблюдать. Может быть, противник перешел в контрнаступление? А может, это трофейные грузовики гвардейской дивизии? Их много захватили в Халхуте. В таком случае, почему они идут в обратном направлении?

Машины были крытые, а темнота не позволяла рассмотреть водителей.

Вдруг Одинцов толкнул Морозова локтем и прошептал:

— Наши! Слушай, лейтенант... Слышишь, как что-то тарахтит и дребезжит? Я на шахте сначала работал на грузовике и знаю, что это такое. Идет советская полуторка. Немцы берут себе ЗИСы, и никогда полуторки. Носом чую — это наши. Вставайте, идем на дорогу.

Действительно, мимо промчалась, звеня подвешенным к раме ведром, полуторка, в которой сидели наши солдаты.

Рассвело. Сапер побежал к группе раненых. Морозов же, осмотревшись, увидел справа от себя батарею 76-миллиметровых пушек. От нее устало шел офицер. Божко узнал его: «Неужели это ты, Борис Толстов?» Оказывается, они вместе служили срочную в Средней Азии. Спросили Толстова, не знает ли он, куда идут эти машины. Он объяснил, что это после неудачной ночной атаки увозят раненых. Артиллерист нервничал: он ругал растяп-пехотинцев, которых должен был поддержать огнем, но из батальона никто с ним не связался, и за всю ночь его пушки не сделали ни одного выстрела.

— Я начальник штаба этого батальона,— ответил Морозов и рассказал ему о ночной атаке, которая как раз и нуждалась в артиллерийской поддержке. Выходит, что и выделенный для поддержки атаки танк тоже, наверное, простоял без дела. Теперь они вдвоем ругали старших своих командиров, которые не смогли организовать взаимодействие.

В это время к дороге подошла группа раненых, которых вел сапер Одинцов. Морозов вышел на грейдер, пытался останавливать проходящие машины. Они катили мимо не задерживаясь. Старший лейтенант-артиллерист вытащил из кобуры пистолет ТТ и дал сигнал взмахом руки проходившей крытой машине, указывая на скаты. Машина остановилась, но шофер развел руками: кузов переполнен. Все же заставили его открыть задние дверцы и туда с трудом втиснули трех раненых. Так отправили и других. Последним уехал лейтенант Божко. Здоровой рукой он расстегнул ремень и снял кобуру вместе с парабеллумом. Протянул Морозову.

— Возьми на память. Отличный пистолет! Спасибо тебе!

Борис Толстов отправился на свой наблюдательный пункт, а Морозов остался со своими бойцами у грейдера. Стали окапываться. Поблизости остановилась легковая машина. Из нее вышел моложавый генерал. Он нервно курил и, пройдя возле машины несколько раз туда и обратно, наконец, подошел к Морозову и спросил:

— Что за люди?

Лейтенант доложил, что это остатки усиленного батальона 899-го стрелкового полка, который участвовал ночью в наступлении на Яшкуль.

— Вот что, лейтенант,— сказал он.— Видишь вон пушки? Немедленно переходи туда со своими людьми и окопайся впереди батареи. В случае немецкой контратаки стоять по-гвардейски,— ни шагу назад! Своим доложишь, что это был приказ генерала Губаревича.

— Есть окопаться впереди батареи!

Генерал сел в машину и уехал.

Измученные ночным боем, бойцы едва держались на ногах. С трудом долбили лопатами мерзлую землю. Морозов подошел к командиру батареи, совсем еще молодому старшему лейтенанту. Заметил, что его пушки стоят на совершенно открытой местности.

Тот улыбнулся.

— Танков пугаются только плохие артиллеристы, лейтенант. У меня такие наводчики, что дай бог!

Судьба уже вплотную сводила Морозова с артиллеристами под хутором Венцы. Немецкая танковая дивизия прорвала тогда оборону, и батальону пришлось отходить назад. Отход прикрывали батареи противотанкового дивизиона.

Артиллеристы, разгоряченные боем, бились в одних нижних рубашках. На батарее все делалось только «бегом». Сбоку в широченных галифе из темно-синей диагонали, неестественно прямой, чуть побледневший, стоял, расставив ноги, капитан и кричал:

— Пехота, проходи, проходи! Проходите, братеники, не задерживайтесь.

И только когда миновал последний солдат из отступавших, он вызвал из укрытия автомашины и снял батарею с позиций, не оставив немцам ни одной пушки.

Лейтенант помнил имя его и фамилию: Антон Кривощеков.

Встречались такие не раз, и не два.

Когда вели бои под Сиротино, колхозник, старый солдат, с восхищением рассказывал, как на гвардейскую батарею, стоявшую в его огороде, наступали вражеские танки, а сверху пикировали самолеты. После каждой бомбежки казалось, что с батареей все кончено. Но на крыше сарая, стоявшего рядом, неизменно поднимался лейтенант, отдавал команды, и пушки снова и снова стреляли.

Так немцы ничего и не смогли сделать с этой батареей.

И вот такой же храбрец. Лет восемнадцати.

Лейтенанту надолго запомнилось молодое задорное лицо этого паренька. Сдвинув шапку на затылок, он стоял со своими солдатами и пушками на голом поле, с беззаветной удалью ожидая врага.

...Не успели солдаты углубиться в землю и на несколько штыков лопаты, как вдруг послышались крики верблюдов. Из-за поворота дороги показалось несколько повозок и колонна, численностью менее роты. Впереди шел в больших черных валенках и полушубке капитан Косяк, а на подводах сидели и лежали раненые. Среди них находилось и несколько офицеров. Комбат остановил свой обоз и, подойдя к Морозову, спросил, как он оказался здесь.

— Выполняю приказ генерала Губаревича.

— Пусть генерал распоряжается в своей дивизии, а в батальоне командир я. Снимай с позиций людей, наш боевой участок в другом месте,— распорядился комбат, поправляя тонкий ремешок, которым он был подпоясан.

Остатки батальона двинулись за бугор, на левый фланг дивизии Губаревича, и начали окапываться.

Внезапно стемнело. То там, то здесь различались лишь серые тени.

Когда окопы были выдолблены в мерзлом грунте, несколько солдат спустились с бурого кряжа в лощину за сухой травой и валежником для подстилки. Вдруг снизу послышались выстрелы, и Морозов угадал сдавленный крик Умарова:

— Лейтенант, спасите!

Вниз быстро кинулись солдаты. Они принесли Умарова, раненного в ногу, бормотавшего ругательства.

Оказалось, что вплотную к позициям подобрались немецкие разведчики и хотели взять «языка». Но это им не удалось, и они, отстреливаясь, исчезли.

— Один из фрицев далеко не уйдет,— хрипел Хакимжан.— Я ему, скотине, ножом пустил кровь.

— Спички!— крикнул кто-то из бойцов, бинтовавших рану. Морозов вспомнил отца раненого солдата, худого, сутуловатого, широколицего старого табунщика, приезжавшего в батальон из астраханского аула. Он привозил тогда бойцам казахские лакомства — баурсаки, казы и еще какие-то кислые лепешки. К каждому обращался: «сынок», «сынок». Надо написать ему о Хакимжане. Сам Хакимжан не сообразит. Наверное, ни одного письма не послал, многие бойцы так поступают.

Утром немцы, разведав белевшую от предрассветного инея новую линию окопов, открыли по ней артиллерийский огонь. Морозова разбудил грохот. Показалось, что рядом разгружают железо. Открыл глаза, отряхнулся, взглянул на свои позиции. Вспышки огня и дыма поднимались справа, слева, впереди. В нос ударили запахи серы, пороха, жженого металла. Спустя несколько минут позади в небе загорелись зеленые и красные звездочки. Это сигналили наши наблюдатели. Они вызывали артиллерию, и — вызвали. В сторону немецких батарей со свистом и скрежетом полетели «гостинцы». Этот гром успокоил Морозова, и он, прислонившись к стене окопа, сидя, пытался еще подремать. Но его растормошил связной: он принес кипяток.

IV

Начались затяжные бои под селением Яшкуль. Сосредоточив в этом районе немалое количество войск и техники и создав укрепления, противник упорно удерживал позиции. Прорвать оборону врага для полка оказалось не по силам. Очень мало подвозили боеприпасов, горючего, продовольствия. Паромные и автомобильные переправы вблизи Астрахани не действовали.

Не хватало пресной воды. Близлежащие колодцы фашисты взорвали, засыпали песком, либо отравили в них воду. Бойцов Косяка спасал лишь один колодец, который удалось очистить. Фашисты дознались о нем и, установив тяжелый миномет в Яшкуле, трое суток с интервалами в несколько минут обстреливали зону, где находился этот живительный источник. Но людей опасность не пугала. Часто можно было видеть бегущую в том направлении фигурку бойца с ведром в руке. Мина бросала его на землю; переждав огневой налет,

фигурка с втянутой в плечи головой, бежала дальше. Добытое таким путем каждое ведро воды относили в санчасть, выливали в бачок; по разрешению врача воду выдавали ослабевшим, раненым и больным по полфляжки. К исходу третьего дня одна из тяжелых мин все-таки угодила в цель. Колодец был завален. Бойцы негодовали:

— Это нечестно!

— Свиньи и негодяи!

— Житья нет от проклятой немчуры!— слышалась ругань.— Дать им пинка в зад!

Но без воды жить нельзя, немыслимо воевать. И вот целую неделю ночами солдаты очищали колодец — он был очень глубок. А пока... Приходилось ползти по степи к дороге, чтобы отыскать ямки, оставленные копытами животных. Пробивали тонкую наледь и ложками черпали мутную, наполовину с глиной, воду. Увидев порой измазанную глиной физиономию, бойцы хохотали. Облегчение принес выпавший вдруг небольшой снежок. Вода была, пока ветер не смешал снеговой настил с пылью. Бывало, что в поисках влаги случайно натыкались на более глубокие и «урожайные» балки с нерастаявшим серым льдом или снегом,— это становилось событием. Черпали снег, оттаивали, утоляли жажду. Несли раненым — они особенно страдали.

Немцы уже давно вели войну в Северной Африке в безводных песках. Опыт Африканского корпуса перенесли сюда. У них имелись специальные машины с большими цистернами. Они могли подвозить воду с больших расстояний. У нас, к сожалению, никакой специальной техники не имелось. Приходилось полагаться на выносливость солдата, на его предприимчивость и смекалку.

Ударили морозы. В калмыцкой степи носились студеные ветры. Согреться было негде, крытыми блиндажами не могла похвалиться ни одна рота.

Мерзли наши солдаты, но мерзли и немцы. Наших бойцов успокаивало то, что немцы мерзнут больше. Враги испытывают то, что присуще только грабителям-чужеземцам: гробовой холод. Холод изнутри. Одень фрица в шубу — ему все равно будет холодно, она его не согреет.

А нашему бойцу много ли надо, чтобы согреться? Очень немного. Иногда стоит закурить — и уже согрелся. Морозов вычитал где-то, что человеческий организм

сам по себе выделяет тепло, и немалое. Его можно сравнить с электрической печкой мощностью в 300 ватт. Сохранить бы это тепло. И сохраняли, доставая телогрейки, жилеты, подстежки...

Понемногу накапливались силы. Батальон Косяка получил чуть ли не целую маршевую роту. Ее привел капитан Виктор Боровков и остался в полку. Пополнялись запасы снарядов, патронов, гранат.

Двадцать четвертого декабря войска пятьдесят второй армии, действовавшей правее 248-й стрелковой дивизии, перешли в наступление. Эта операция была частью плана боев по уничтожению группировки Паулюса.

Несколько суток спустя части и подразделения 248-й дивизии стали выходить на рубеж атаки западнее Яшкуля. Занял свое место и 899-й полк. В землянке, при ветхой коптилке, Морозов с писарями собирал в ящики штабное имущество, стараясь особенно аккуратно уложить стереотрубу и пищущую машинку. Этой работы он не доверял никому. Услышал, что кто-то остановился за спиной. Думал, что это комбат, но, повернувшись к вошедшему, увидел капитана Хоменко. Капитан был бледнее обычного. Незадолго до этого был убит командир полка капитан Постный. На его место кандидатуры не находили. Поэтому Хоменко исполнял две должности — был начальником штаба и временно командовал полком. Морозов доложил, что батальон выступает.

— Вы опаздываете с выходом на рубеж,— спокойно заметил Хоменко. Терпеливо выслушав замечание, Морозов сконфуженно пообещал наверстать время.

— Давай, давай, исправляйся,— насмешливо бросил фразу Хоменко, весело блеснув белыми зубами. Козырнув на прощание, ушел. Лучше бы накричал, он, Хоменко. «Откуда у него такая выдержка? И это доверие авансом? Меня же он не знает. Такого или кто-то опасно подведет и погубит, или он скоро станет генералом»,— мысленно рассуждал Морозов, торопя своих людей со сборами. Хоменко с первой встречи внушал Морозову уважение. Лейтенант искал с ним общения и интуитивно кое в чем подражал.

Уже на марше Морозов рассказал комбату о том, что он разговаривал с начальством — в батальоне был сам «хозяин».

— Какой там еще «хозяин»?— удивился Косяк.

— Капитан Хоменко.

— Ну это еще не «хозяин»,— резюмировал Косяк.— Удивляюсь я беспечности высших штабов. Полк оставляют на попечении штабных мальчишек. Просто, не везет нам...

— Почему — не везет?— возразил Морозов.— У Хоменко ясный и трезвый ум. Храбрый, пулям не кланяется. Неплохо в пехотных уставах разбирается. Всегда делает больше, чем ему полагается по долгу службы.

— Э, милый!— проговорил Косяк.— Какой же ты еще наивный! Что такое бывший летчик с его пониманием «долга службы»? В летательном аппарате при его дарованиях он может быть что-то и смыслит. У нас же надо еще разбираться в тактике пехоты, в тактике родов войск. Здесь и артиллерия, и разведка, и связь, и транспорт, и... кухня! Тут только поворачивайся, налаживая хозяйство. А в бою — и взаимодействие. Полк — это целое, образно говоря, королевство. У него печать, знамя...

Морозов засмеялся, добавляя:

— Полк — это музыка, литература и искусство...

Косяк оборвал:

— Не смейся! Если хочешь — да! И литература, и искусство. Запевал и рассказчиков — сколько хочешь. А оркестр... Воевать без командира полка — это безобразие!— не желая слушать Морозова, отрезал Косяк.

Батальон Косяка, преодолев хаос ночи, оказался на рубеже атаки, когда погасли последние ракеты, блуждавшие в небе северным сиянием, и уже совсем рассвело.

В окопных заботах скоротали время, бойцы оборудовали командный пункт. Морозов отсюда видел свои подразделения. От противника они были скрыты длинными невысокими буграми. И все же надо было опасаться потерь. К счастью, противник обстреливал местность из пушек и минометов довольно вяло. Настала пора накормить людей. Почти сутки они не ели. Раздали хлеб. Неплохо достать хотя бы горячей воды. Что-то пошлет служба продснабжения? Где ее кухни? Никто не знал. Вскоре на проселке увидели пароконную подводу, на которой находилась пища. В какой-то момент подвода оказалась на виду у гитлеровцев, тотчас они обстреляли ее из минометов. Подвода стала вычерчивать зигзаги, но ее сразу накрыли. Лошади были убиты, а контуженый ездовой отброшен в сторону. Подвода

же, к удивлению всех, стояла невредимой. К ней, несмотря на продолжающийся минометный обстрел, бесстрашно бросился десяток солдат. Бойцы схватили ящики и бидон и притащили в укрытие. В ящиках оказались банки астраханского судака в томате, а в бидоне — водка. Люди сильно промерзли и водка, по мнению какого-то мудреца-интенданта, должна была, видимо, заменить чай. Морозов всегда чувствовал отвращение к спиртному. В этот день его порой бил озноб, но, поковырявшись в консервной банке, он выпил полкружки. И — пожалел. После недолгого теплого возбуждения, стало еще холоднее. Едва успели поесть, как запищал зуммер, к аппарату позвали комбата.

— Передали приказ,— сказал Косяк.— Поведешь людей в атаку.

Морозов взглянул на серые суровые лица солдат, подал команду и поднялся во весь рост. Ветер дул в лицо. К шуму ветра присоединился свист пуль со стороны немцев. Надо спешить.

— Вперед!

Бежали по широкой долине, отделяющей бойцов от вражеских окопов, и различавшихся напротив кольев заграждений. Морозов с радостью увидел, что его батальон в этой степи не единственный, что отдаленные высотки и ложбины тоже населены цепями бегущих бойцов. Кое-где различились пулеметные расчеты, а из оврага выполз и танк.

На возвышенности, где оказался Морозов, небо озарилось молниями выстрелов и взрывов. Немцы стреляли и шрапнелью, и гранатами, и зенитными снарядами, которые играли у самой земли огненными клубками. Дважды что-то тяжелое шлепнулось в пяти-шести метрах от лейтенанта, но не взорвалось,— не сработали взрыватели. Наши пушки и пулеметы не смогли подавить ожесточенного огня гитлеровцев, и нашим бойцам среди столбов дыма пришлось залечь и окапываться.

К счастью, Морозову попался небольшой окоп, ранее вырытый, наверное, кем-нибудь из наблюдателей. В него и вскочил он с сопровождавшим радистом. К ним присоединился еще невесть откуда свалившийся капитан — комбат соседнего батальона. В окопе, где в час затишья и одному человеку было бы тесно, они теперь вполне разместились. Выстрелы трещали со всех сторон. Приникли к земле, не смея шевельнуться, прислушивались к визгу мин, невольно шептали: «К нам... Не

к нам... Мимо! Здорово лупят!» Осколки рассекали воздух, резали землю.

Связной штаба полка и под этим смертоносным огнем разыскал комбата.

— Немедленно к полковнику!— передал он, захлебываясь. У него носом шла кровь.

— Ужас, какой огонь!— невольно вырвалось у комбата.

С тяжелым вздохом он выскочил из окопа и побежал спотыкаясь. Как Морозов узнал позже, он так и не попал к командиру полка. Огненный ураган сделал свое дело — нашли лишь кровавое месиво и планшет.

Морозов передал по цепи: «Беречь патроны! Возможна контратака!» После этого, он, радист, другие солдаты пролежали в окопчиках до темноты, не имея ни с кем связи и не зная, что делается вокруг них. Радист проклинал рацию, у которой так некстати село питание. Посланный в штаб связной не вернулся. Когда стало темнеть, огонь заметно уменьшился. Взрывы мин поредели. Да и пулеметный лай умолк. Под покровом сумрака фантастично прозвучал женский голос. Морозову показалось, что он ослышался. Но повторилось:

— Раненые, отзовитесь!

По снежному крошеву, смешанному с землей, двигалась санитарка в ушанке и полушубке. Она нагибалась над ранеными, осматривала, перевязывала их, а потом или сама или с помощью солдат отводила в окопы. Морозов узнал Надю Деюн из полковой санроты. Надя обычно носила три сумки. Одна из них медицинская, другая — от противогаза (в ней был хлеб) и третья, поменьше — с табаком. Когда она находила раненого, то, перетащив его в более безопасное место, перевязывала. Если позволяла обстановка, то и кормила, потом свертывала для него «козью ножку».

Солдаты боготворили бесстрашную девушку. Когда она подошла ближе, Морозов подозвал ее.

— Давно из санроты?

— Давно. Со мною пошли выносить раненых Шура Мерзлякова, Женя Новикова. Они где-то поблизости.

— Что там делается?

— Не знаю.

— Не видела комбата?

— Нет.

— Много нашла раненых?

— Человек пять. Их я перевязала.

— Как же быть?— сказал Морозов в раздумье, обращаясь к Наде.— Здесь лежать бесполезно. Наверное, забыли про нас, даже комбат...

Он рискнул поднять людей, посиневших от холода, чтобы отойти к исходному рубежу. Там глубокие окопы, солдаты смогут как-то обогреться. Приказал командирам отводить бойцов к окопам, а сам пошел вместе с Надей. Она подсказала лейтенанту, что недалеко видела блиндаж, а примерно в полутора километрах — перевязочный пункт. По соседству разбиты палатки медико-санитарного батальона.

— Не буду тревожить Косяка,— думал Морозов.— Пусть переживает. Додумался атаковать противника без артподготовки, среди белого дня. А потом потерял связь с ротами.

Скоро Морозов с Надей нашли траншеи перевязочного пункта, а в крытой галерее, где делали уколы против столбняка и гангрены, теплилась печурка. Лейтенант обогрелся там и к рассвету вернулся на свое место. Здесь по рации, наконец, связался с Косяком. Узнал, что тот контужен. От комбата посыпались упреки: «Куда вы провалились?! Меня штаб полка скоро растерзает». Морозов ответил, что он до часу ночи сидел в окопе, ожидая связи. И не дождался.

Ругань утихла. Косяк доволен. Связь восстановлена, обстановка ясна. Дается задание:

— Теперь иди сам в штаб полка, объясняйся! Повторяю, я не отошел от контузии.

В километре от передовой, в буераке, у штабного блиндажа Морозов встретил невысокого полковника, седлавшего лошадь. Доложил:

— Адъютант, старший батальона...

— Морозов?

— Да!

Полковник пожал лейтенанту руку.

Это был только что назначенный командиром полка, Журов. Он уточнил у лейтенанта его имя и отчество и сказал, что противник оставил свои позиции и отступил, так как гвардейские части еще вчера перерезали дорогу на Элисту в двадцати пяти километрах от Яшкуля.

Журов куда-то торопился, но все же на минуту задержался, взял у лейтенанта карту, пометил на ней задачу дня, добавил: «Узнал, что комбат болеет, вот и вызвал вас».

«Теперь дела у нас пойдут,— с радостью подумал Морозов, провожая глазами этого уверенного и спокойного офицера.— Полк без командира — что семья без отца».

Морозов пошел в свой батальон, передвинувшийся вперед по дороге, ему встретился стоящий на обочине грузовик. В кабине в распахнутой шинели сидел незнакомый капитан с привинченным к кителю знаком «Гвардия». Спросил, как идут дела. Морозов ответил, что вчера здесь немцы отчаянно оборонялись, и батальон не смог взять их позиции. Капитан усмехнулся.

— Если бы только немцы!— сказал он.— Основные их силы еще вчера ушли за Элисту. У фашистов были еще и батальоны, сколоченные из отщепенцев. Они, подлые, дрались отчаянно.

Морозов осмотрелся. Здесь был край штурмовой волны. Вокруг земля обгорела, зияла воронками. Виднелись убитые.

Посреди трупов возвышалась, подобно монументу, сожженная тридцатьчетверка. Правее нее среди разбитой минометной батареи словно в прыжке застыл мертвый лейтенант. Его лицо, покрытое ледяной коркой, было искажено — как видно, у него прямо в ногах разорвалась вражеская мина. В окопчике левее на боку лежал окаменевший солдат с подвязанной ушанкой. Казалось, он спит. Коснись до него рукой — и он проснется. В десяти метрах от вражеского окопа — сраженный офицер. Полевая сумка отброшена в сторону, руки вытянуты вперед, вцепились в сухую степную траву. Смерть каждого настигала по-разному.

Стояла сухая морозная погода, почти без снега, и поле боя имело такой вид, как будто все здесь случилось в одно мгновение.

А вот и немецкие окопы. В пулеметных гнездах виднелись целые конусы блестящих стреляных гильз. Здесь в дымчато-синей форме валялись трупы захватчиков, посланцев смерти, убийц.

Вблизи обрушенного миной окопа лежал на боку убитый немец — его поразил большой осколок, разорвал спину. На забрызганной кровью шинели были погоны с розовой окантовкой танковых войск. Молодое длинное лицо исказила гримаса — гримаса преступника, понявшего, что пришла минута расплаты: она отражала предельный ужас. Раскаленный кусок металла, оборвав жизнь солдата, распорол и его ранец, и оттуда

выпала вместе с запасными носками, бельем, записная книжка в черном лидерине с надписью, отпечатанной готическим шрифтом: «Меркбух».

Морозов до этого никогда и ничего не подбирал из «трофеев»— будь то даже мыло, авторучка, часы, бритвенный прибор или что-нибудь другое. Прежде всего он по опыту знал, что тот, кто не мог удержаться от подобного соблазна, нередко получал увечья и даже рисковал жизнью,— заманчивая находка могла оказаться смертоносным «сюрпризом», ловушкой.

Но даже не это удерживало его. К трофейным вещам Морозов испытывал непреодолимое отвращение и даже физическую брезгливость.

...Морозов наклонился и поднял «Меркбух». Там среди исписанных страничек оказались цветная открытка и фото. На мастерски исполненной открытке запечатлен был цветок розы. На лепестках утренней розы сверкали капельки росы. На фотокарточке были двое — сам владелец записной книжки и девушка. Юноша и его очаровательная подруга сидели за живой изгородью на ступеньках коттеджа, у их ног цвели нарциссы и жонкили. Девушка, одетая в белое с крапинками платье, расположилась выше, а юноша, тоже в великолепном летнем костюме, сидел чуть ниже, нежно касаясь руки своей подруги. Они смотрели друг на друга и в их блестящих изумленных глазах отражалось то, что переполняло их сердца.

Волнение сжало Морозову горло, он вспомнил свою весну, когда за селом в приречных зарослях куковала кукушка, вспомнил, как пахла сирень и ветер разносил вокруг тополиный пух... Вспомнил ту, которую впервые проводил со школьной вечеринки к воротам её дома.

Это продолжалось, может быть, несколько секунд. Очнувшись от мыслей, он увидел на земле следы смерти. Она сделала свою ужасную работу. Что принесло сюда юношу-немца из далеких краев? По принуждению или по своей воле. Надеялся на завоеванных землях «получить надел?» Им эти наделы, сытость щедро обещали!

Морозов понимал, что тот бы мог избежать своей нынешней участи. Еще в тридцать первом, будучи третьеклассником, на вечере школьной художественной самодеятельности, Вася Морозов, непременный участник концертов, вдохновенно декламировал стихи:

В бою столкнулись двое:
Чужой солдат и наш,
Чужой схватил винтовку,
Сразиться он готов:
«Посмотришь ты, как ловко
Сшибаю я врагов».—
«Постой, постой, товарищ!
Винтовку опусти.
Ты не врага встречаешь,
А друга встретил ты.
Такой же я рабочий,
Как твой отец и брат,
Кто нас поссорить хочет —
На тех оставь заряд.
На тех направь оружие,
Кто сам затеял бой.
И твой сынишка будет
Свободен, как и мой!»

Беда в том, что классовое сознание не появляется в головах само собою. Нацисты сеяли обман, лицемерие, посулы... Весь вермахт был отравлен ядом шовинизма и расизма. Коричневая зараза поразила на Шпрее чуть ли не всех поголовно. И они пошли стрелять и убивать, одержимые жаждой грабежа и разбоя. О братании на этой войне не было и речи.

Морозов, спрятав в планшет фото и открытку, подозвал оказавшихся поблизости бойцов комендантского взвода, сказал, чтобы похоронили где-нибудь и «этих». Увидев недоуменный взгляд, сурово сказал:

— Собак тоже зарывают. Из санитарных соображений.

За немецкими окопами начинался лиман, поросший высоким камышом. На берегу было разбросано оружие, боеприпасы. Морозов узнал, что на этом месте оказался окруженным немецкими танками один из гвардейских батальонов и вел с ними жестокий бой.

V

И снова — тяжелые марши с напряженными боями. Морозов знал, что впереди на пути батальона — Ростов-на-Дону, что выход к этой точке является частью плана по уничтожению 6-й немецкой армии.

Все время находились в движении или в бою; не знали различий между днем и ночью. Враг откатывался, но по пятам наступающих рыскали конные банды, и, если красноармеец отставал от своего подразделения,

нередко его поджидала смерть от пули предателя. Борьбу с бандитами комбат поручил Душану Иванову — своему боевому другу еще по гражданской войне, с которым они вместе дрались против атамана Зеленого. Душан, малорослый, не знающий страха болгарин — бывший унтер-офицер, чувствовал приближение бандитов, можно сказать, интуитивно. И стоило только появиться на горизонте верховому лазутчику, как он лихо разворачивал свой «максим», давал несколько очередей, и бандитов сдувало как ветром.

Как-то на марше батальону повстречался взвод тридцатьчетверок. Одна машина остановилась, и танкист-командир спросил у Морозова, не потерял ли он бойца. Танкист показал на броню, где сидел солдат.

— Едем мы,— говорит танкист,— и видим, ползет человек на запад. Остановились, посадили его на борт машины. Спрашиваем — откуда. Боец назвал номер полка. Подбился, мол, сел отдохнуть и переобуться, а встать уж не смог. Вот и пополз вперед.

Вчера еще потерянный боец снова вернулся в строй.

Грязь, тяжелые переходы — все пришлось претерпеть подразделениям! Транспортных средств имели самую малость. Поэтому станковые пулеметы, 82-миллиметровые минометы, ружья ПТР солдаты несли на себе или тащили на самодельных санях. Когда выпадал снег, то к лоткам с минами привязывали веревки и тоже тащили их за собой волоком. И с такой нагрузкой марши в сорок, а то и в пятьдесят километров в сутки, при очень скудном питании!

Встречные бои, ожесточенные контратаки и бомбежки с воздуха, оставлявшие воронки в мерзлой земле, вопли и ругательства раненых, винтовочный треск у братских могил. Морозов ждал, что и ему придется разделить судьбу тех, кто выбывал из строя. Но он был так необходим батальону, что солдатами воспринимался как что-то нетелесное. Батальон «таял», а он оставался без единой царапины. Он не мог назвать себя человеком бесстрашным, так как сердце его замирало от близких выстрелов, а свист пуль и осколков был крайне неприятен. Его «неприкасаемость» давала волю и силу для тяжкого ратного труда. «Будь храбрым, но осмотрительным»,— наказывал ему отец, донской казак.

В конце декабря вышли к Маныческим озерам.

Стоял морозный день. В мутноватом небе различалось белесое солнце. Комполка Журов и его начальник

штаба Хоменко порядочно продрогли, добираясь до какого-то пункта по дороге на станцию Дивная, куда их вызвал командир дивизии. В занятой комдивом избе из трех маленьких комнат, кроме штабных офицеров — Григория Коняшко, Анатолия Щинова и других, находился незнакомый подполковник, длинный, артиллерийской выправки с черными усами. В передней, опираясь на спинку деревянного дивана, лежал раненый немецкий летчик. На венском стуле, рядом с немцем, сидел наш переводчик — лейтенант. Очинив карандаш, лейтенант протянулся к столику и положил его на раскрытую тетрадь с чистыми листами. Переводчик знал лишь то, что немец со своей эскадрильей участвовал в штурме и обстреле наших боевых порядков и был сбит. Допрашивать пленного было невозможно, так как он находился в обмороке, бредил.

Комдив, приземистый генерал-майор, провел Журова и Хоменко в другую комнату. Его глаза испытующе пробежали по лицам офицеров:

— Есть дело!

Малоподвижное с обвисшими щеками лицо генерала потемнело. Он разложил на столе свою карту и вкратце ознакомил с общей обстановкой на участке дивизии, но почему-то ни слова не сказал о положении соседей. Задачу же для полка изложил ясно: действуя на левом фланге, форсировать Маныч, вступить в соприкосновение с противником и обеспечить условия для переправы частей дивизии через водную преграду.

Можно было понять, что другие полки дивизии успеха в наступлении на станцию Дивная не имеют. Они ведут бой за Правый и Левый острова.

— Когда начинать?— спросил Журов.

— Утром. По своему плану,— ответил комдив угрюмо.— Я вот вызвал командира тяжелого дивизиона. Думал, поможет. Но у него нет снарядов.

— Завтра будэт!— пошевелив усами, с акцентом мрачно заверил артиллерист.

«Грузин»,— подумал Хоменко.

Но ошибся. Фамилию артиллерист носил не грузинскую: «Гулевский». Оказалось — молдаванин. Он рвался к своему Днестру, и где доставал снаряды — знал только он сам.

Сразу же после возвращения от комдива Журов созвал офицеров, чтобы обсудить план предстоящего боя. Пригласил командиров батальонов, старших адъютан-

тов и начальников служб. Первым выступил начальник разведки. Он доложил, что на левом берегу Маныча, на господствующих высотах у немцев есть оборонительные сооружения, с которых местность просматривается и простреливается. Здесь фашисты сосредоточили артиллерию и танки. Наше положение осложнилось и тем, что разрушены переправы, а лед на Маныче был слабый, с большим количеством полыней.

Затем дали слово командиру санитарной роты. Высокий, с забинтованной шеей, Виктор Соловьев, перелистывая свой блокнот, рассказал, почему Маныч не перемерзает. Его слушали особенно внимательно. Всех беспокоило одно: как форсировать реку? Переправ, как уже сказано, не было. Значит, преодолеть Маныч предстояло только вброд. Врач попросил вызвать разведчиков, добывших прошлой ночью «языка». Командир разведвзвода явился со своими ребятами.

— Холодна ли водичка?— спросил несколько фамильярно врач.

Разведчики смущенно молчали. Потом один, что побойчее, заговорил:

— У нас, на Алтае, принято так: из баньки да в снег. Не вода страшна. Надо потом о тепле позаботиться.

Другой добавил:

— Мой папаша являлся активистом деревенской церкви, по праздникам имел доступ к колоколам. В крещенские морозы в «Иордани» купался. Зато после купанья в проруби его тут же в шубу закутывали, борщом со свининой угощали и везли в баню. Вчера мы разутыми и раздетыми через Маныч перебежали. Потом вытерлись насухо и дальше двинулись...

— Озябли?

— Что вы! Даже жарко было!

Полковому врачу даже не понадобилось делать разъяснения.

Командир полка поблагодарил отважных разведчиков за их находчивость, потребовал от офицеров, чтобы об их информации было подробно рассказано воинам.

Вернувшись к себе, Косяк и Морозов устроили такой же инструктаж младшему командному составу. Большинство солдат вступили в ледяную воду Маныча раздетыми. Одежду несли на голове. Нашлись и такие, которых артобстрел и холод испугали настолько, что

они бежали через реку, не сняв шинелей и сапог. Эти обморозились и попали в медсанбат.

В первой роте батальона старшиной был парень с Украины, Максим Братко. Он был до войны студентом финансового техникума, и на привалах любил рассказывать про «сальдо», «дебет» и «кредит». Его страстью была статистика. Любую цифру он делал интересной. Во время боя Братко был в цепи. Наблюдая за атакой, Морозов увидел, что Максим отделился от цепи и побежал влево. Морозов закричал, чтобы он вернулся, но Братко махнул ему рукой и скрылся в балке. Когда же заняли окопы, он появился, ведя перед собой двух пленных немцев. Оба — старые вояки, каждый имел по нескольку нашивок и знаков отличия. На вопрос Морозова, где взяты пленные, старшина, улыбаясь, ответил: «Когда все пошли в атаку, я приметил, откуда бьет пулемет. Вижу балочку. Бойцы бегут вперед, а эти мешают нашей роте, пуляют... Я скрыто и тихонечко подбежал к ним сзади с гранатой: «Хенде хох!» Вот они и здесь».

Все восхитились предприимчивостью старшины. Молодец! Ему в немалой степени батальон обязан был успешной атакой.

В этой дружной атаке батальон потерь почти не понес. Морозов видел только одного бойца, раненного в плечо. Санитар быстро перевязал рану и отправил его в тыл. Заняв немецкие окопы и позавтракав, бойцы пополнили свои запасы курева трофейным табаком. Табак оказался скверным, но когда смешивали его с махоркой, получалось неплохо. По всей вероятности, батальону следовало бы закрепиться в занятых окопах, подготовить огневые точки и вообще изготовиться для отражения контратаки противника, если бы он ее предпринял.

Со второй половины дня стало видно в бинокль, что в далеких постройках суетились немецкие солдаты и немного погодя от домиков отделилась автомашина, которая пошла в степь.

Это зрелище Морозова обеспокоило. Он стал искать комбата, чтобы предупредить.

Около повозки, весело болтая, сидели несколько офицеров и комбат, радуясь успешной утренней атаке. Чернявый красавец-лейтенант Шевченко, в прошлом артист, врал что-то складное, и все смеялись. Морозов доложил комбату, что немцы заходят в тыл и, навер-

ное, готовятся к контратаке. Комбату показалось это невероятным, и он беспечно ответил:

— Ерунда!— и приказал ему и командиру роты идти в балку и собрать трофейное оружие.

Морозов с отделением бойцов пошел туда, но их сразу же обстреляли из минометов.

Морозов крикнул солдатам:

— Ложись! Огонь по немцам!

Сам упал на землю, солдаты тоже залегли и открыли ответную стрельбу.

Нужно было уходить из немецких окопов к Манычу, но путь преграждал пулемет, который немцы заранее установили на левом фланге. Выбрав момент, когда пулеметчик перезаряжал пулемет, Морозов и его бойцы бегом бросились к реке, под защиту гряды, с которой утром пошли в атаку. Пулеметчик торопливо открыл огонь, но благодаря сумеркам бойцы благополучно достигли укрытия. Досталось только связному. Пуля на излете попала ему ниже спины и, не причинив вреда, застряла у него в шароварах, откуда он извлек ее сам, без помощи медиков. Бойцов это развеселило: «Вот потеха! Да он же бронированный!»

Мучила жажда. Морозов с Курилкой, зная, что берег Маныча во многих местах минирован, все-таки решили спуститься к воде и напиться. Нагнувшись, Курилка зачерпнул в котелок воды и подал лейтенанту со словами: «Пейте не отрываясь!» Не переводя дыхания, Морозов сделал несколько глотков. То же сделал и Курилка. Горько-соленая вода уменьшила жажду, но во рту было отвратительно.

Комбат, допустивший оплошность, был сам не свой. Особенно огорчила его весть о том, что из боя не вернулся его друг Душан Иванов.

Среди убитых его не обнаружили. Может, он не погиб, а тяжело раненным попал в плен к противнику? А может, среди убитых не опознали его?

Стали выяснять, кто и где видел Душана последним. Он со своим пулеметом находился рядом с батареей противотанковых пушек лейтенанта Михаила Бойко.

Позвали Бойко. Он появился на командном пункте батальона, как обычно, в шинели нараспашку. Шинель казалась слишком длинной, однако форма на нем была добротная и ловко пригнана к телу — батарея держала собственного портного. Бойко был в отличном настрое-

нии. В эти дни его пушкари превзошли себя — вчера было прямое попадание в амбразуру вражеского дзота, а сегодня было взято в вилку и подбито немецкое самоходное орудие. Отсюда и настроение.

Узнав, почему он вызван, Бойко подтвердил, что и в самом деле левее его наблюдательного пункта находился станковый пулемет. Он отбил атаку фашистов на батарею. На это понадобилось всего пяток коротких очередей. Но там был не только пулемет. В глубокой промоине Бойко во время боя видел скрытую в ней подводу с боеприпасами и верблюда. Точнее, верблюдицу Луизу, ее можно было узнать по голосу. Там же занимали окопы бойцы взвода младшего лейтенанта Володи Жевака. Куда делся Жевак, где его взвод и болгарин-пулеметчик — Бойко не знал.

— Наблюдать за полем мешал снегопад,— пояснил Бойко.— Нас разделяла высотка, или, как ее называют, бархан. После коротких очередей пулемет умолк. Боясь, что гитлеровцы нас обойдут, я послал за высотку разведку — двух солдат и ефрейтора. Разведчики на своем пути обнаружили немцев с пушкой. После рукопашной схватки они овладели пушкой и немалым количеством снарядов. Развернули трофейное немецкое орудие и стали обстреливать фашистов.

— Жаль, потерялись ребята, но наша батарея к этому не причастна,— заключил Михаил Бойко.

Пулеметчик Душан Иванов, младший лейтенант Жевак и его бойцы исчезли бесследно.

Прошло несколько дней. За это время захватили станцию Дивное и стали преследовать врага дальше. Потом были бои за хутора и поселки близ Сальска. И там, как это написано в повести Гоголя, «отыскался след Тараса».

Батальон сделал привал в хуторе, дня два тому освобожденном взаимодействующей гвардейской частью. У крайней хаты Морозова встретил ее хозяин — старик. Он пригласил офицера и его солдат в свою хату.

— Хибара наша маленькая, живем со старухой,— сказал хозяин.— Но заходите все. Покормим.

Когда вошли в теплую хату и хозяйка, сухонькая старушка, поставила на стол большую кастрюлю с горячим борщом, хозяин рассказал, что в сарае у него есть хороший погреб, и ему удалось спрятать собранный осенью урожай картофеля и бочку капусты, а ко-

ровку с телком фашисты сожрали. Вот теперь и варится борщ без сметаны. Они только вчера накормили бойцов, сопровождавших подводу, а впряжена в эту подводу верблюдица. Солдаты называли ее Луизой.

— Луизой? Так это же наши!— воскликнул один из солдат.

— С ними был невысокий такой, седой солдат. Разговаривал с картавинкой, веселый,— вспомнила старушка.

— Душан! Он никогда не унывал... Мы еще увидим нашего другаря.

Значит, жеваковская команда жива, но, видно, воюет она, прибившись к другой части!

Косяка эта весть обрадовала и возмутила.

Он ударил шапкой по бедру:

— Вот черти! Уж я их найду! Уж я им покажу, разбойникам! Бродяги!

«Разбойники» нашлись довольно скоро. В то время на людей неожиданно обрушилась оттепель. Степные балки, набитые талым снегом, задерживали передвижение. Через них перебирались по колено в воде, перетаскивали на руках пушки, минометы, ящики с боеприпасами. Суточные переходы стали все короче и короче. Шли по воде и грязи в валенках. Мучительнейший переход! Слабые не выдерживали, от усталости валились с ног.

Нелепо и бессмысленно погиб связной Морозова — он вел на поводу обозного коня, споткнулся, упал, и тут же у него треснул сломанный копытом позвоночник. Такое случилось потому, что и трудяги-лошади совсем выбивались из сил. Известно, что крестьянская лошадь, оказавшаяся у лежащего поблизости человека, обычно моментально останавливается.

В одной такой балке, уже за Сальском, где чуть ли не на час увязли обозы и орудия, Косяка догнал верхом на лошади командир полка. Он сказал ему, что его батальон вскорости получит пополнение... свой же взвод с младшим лейтенантом и верблюдом впридачу, путавшимся под ногами соседей-гвардейцев. Заблудившихся обещают вернуть в полном составе. А за все это, за потерю управления боем, за утерю подразделения капитан Косяк снимается с должности. Комбатом будет другой офицер.

— Но я просил,— добавил командир полка,— вас, капитан, под суд военного трибунала не отдавать. Вы

будете работать у меня заместителем по снабжению. Это мы делаем, учитывая ваши прошлые заслуги, возраст, склероз, стенокардию и тому подобное. Вы поняли, Стефан Иванович?

Полковник смотрел на него строго, но доброжелательно:

— От комдива Галая, мой милый, я сам получил выговор.

Косяк стоял невеселый, бессильно опустив руки.

— Вина моя большая, товарищ полковник,— ответил он.— А вам спасибо за доверие. Я сделаю для себя выводы и постараюсь в дальнейшем быть более осмотрительным.

В тот же день Косяк ушел из батальона и принял хозяйство полка. В тот же день пришел к нему и его «другарь»— пулеметчик Душан Иванов. Косяк не расстался с болгарином, взяв его к себе в транспортную роту.

Морозов как-то видел их, едущих в телеге. Душана и Косяка. Грузный Косяк и прямой, как гвоздь, Душан. Они курили одну самокрутку, по очереди, после затяжки, передавая ее друг дружке.

В подразделениях царило большое оживление. В полку служило много солдат, уроженцев юга Украины. Каждый рвался к родному краю. К тому же, наконец, кончился страшный поход по безлюдным и безводным степям, когда по нескольку дней приходилось существовать и вести бои без глотка питьевой воды и нормальной пищи. Теперь попадались через небольшие расстояния хуторки и селения. В каждой хатенке бойцы были желанными людьми, можно было обогреться.

Жители, ограбленные фашистами, бедствовали сами, но делились с солдатами последним кусочком хлеба.

Еще в Дивном агитаторы рассказывали бойцам о важном значении боев на этом направлении для судеб Кавказа и Сталинграда.

Теперь всякий понимал, что группировке врага уже никогда не выбраться из Сталинграда.

Она обречена.

«Фашисты узнали, где раки зимуют»,— говорили солдаты.

Глава девятая

ЭРЛИКОНЫ И МУЛЫ

1

О том, что противоборство войск в большой излучине Дона в конце концов закончилось не в пользу вермахта, вначале узнали только те из завоевателей, на чьи головы обрушился ноябрьский вал советского наступления. Кольцо окружения сомкнулось быстро и со временем стало затягиваться все туже и туже. Свое отчаянное положение лучше всего сознавали штабные чины, прежде всего те,

кто пользовался узлами связи, получал донесения и следил по картам за ходом боев. Что касается унтер-офицера Франца Нивега и подчиненных ему камрадов-зенитчиков, то они в это время в своем блиндаже до одурения резались в скат[1], и их не так уж волновало, какую конфигурацию принимает линия фронта. Пусть об этом болят головы офицеров и генералов. Лишь бы их зенитную пушку-эрликон пореже навещали русские самолеты! В гудении авиационных моторов там, вверху, чудилась популярная немецкая песенка:

Спрячься, Францель, затаись,
Пусть буря пройдет.
Наступят хорошие дни.

Спрячься! Где, куда? Чертовщина какая-то! Провалиться сквозь землю, что ли? Зловещий, железный карающий шум там, снаружи, порой прерывал галдеж — пеструю циничную болтовню зенитчиков. Картежники переходили на шепот:

— Хожу с десятки.

— А у меня дама пик!

— Она и наставит тебе рога.

В эту минуту взрыв, встряхнувший блиндаж, смел с солдатских лиц следы радостей и огорчений. Физиономии скучно осунулись.

— Обнаружены!

— Пасую,— мигая, сказал Нивег, бросив карты.— Не хочу играть.

Зенитная артиллерия — это такой род войск, где жизнь солдата не так уж часто подвергалась серьезной опасности. Во всяком случае, реже, чем в других местах,— о рукопашной, например, зенитчики имели представление только по рассказам пехотинцев. На зенитчиков возлагалась охрана военных объектов и позиций от ударов с воздуха. В группе армий вермахта на волжском направлении действовали специальные части, оснащенные зенитным оружием разного калибра, начиная от пулеметов и кончая 88-миллиметровыми пушками.

Подняв с полу опрокинутый фонарь, Нивег к картам не вернулся. Он сел в сторонке на топчан и, глотая дым сигареты, стал размышлять о прошлом, о пережитом.

---

[1] Популярная немецкая карточная игра.

Да, это так, что ему повезло больше, чем его сверстникам, с которыми он до мобилизации учился в школе св. Фомы, а затем работал чертежником на заводе «Котлы и трубы»,— один он был взят в зенитную артиллерию. Он страдал плоскостопием, надеялся, что не призовут вообще. Но ни славянские веснушки, ни плоскостопие не помогло. В Мурмелоне в военном лагере его приставили к матчасти, создаваемой фирмой «Рейнметалл», «пушечным Мюллером»— этими заботливыми опекунами вермахта.

В лагере Франц кроме казармы видел только парк со стройными стальными стволами эрликонов, плац и полигон, где его и других солдат учебной батареи учили стрелять, маршировать, колоть и всяким другим премудростям. Приноровил свои пальцы, привыкшие держать ручку и рейсфедер, к орудийному затвору. Он был в мундире, и поэтому у него выработались деревянные движения.

Орудие эрликон он изучил до последней заклепки и сделался тем особо исполнительным существом, которому и дали унтер-офицерские нашивки на мундир.

Пройдя недолгую, но основательную выучку, Франц Нивег и внешне стал иным. Взгляд замундиренного чертежника приобрел то напряженное выражение, которое имеют все зенитчики. От отца — портного — он унаследовал довольно длинные руки, они вылезали далеко из рукавов. От матери передался существенный дефект: Франц имел совсем не арийское лицо! Круглолицый, курносый, он в цивильной одежде вполне мог бы сойти за славянина — украинца или русского. Надо же — не удалась физиономия. А ведь мать — самая настоящая немка, с немецкими светлыми глазами. Но глаза не спасали Франца.

Зондерфюрер Мюллер из отряда пропаганды, повстречав на плацу Франца, сказал командиру батареи:

— Капитан, ты имеешь сокровище. Из Нивега вышел бы первосортный шпион. Если его послать к иванам — там его вряд ли быстро опознают.

Командиру жалко было расставаться с усердным унтером, он, взглянув на горбатый нос зондерфюрера, пожал плечами:

— По-вашему, он расово неполноценный?

Зондерфюрер расхохотался:

— Ха-ха! Разве я сказал о неполноценности? В Саксонии таких сколько угодно. Они наши, наши! Но эти

экземпляры с короткими носами нам могут быть полезными в будущем. На востоке нам еще воевать да воевать!

В тот день зондерфюрер был, как видно, в ударе. Он — в который раз — стал распространяться об исторической миссии немецкой нации. Кто может оспорить право немцев уничтожить евреев, поляков, цыган, французов и других людей низшей породы? Никто! Хороши все средства — массовое уничтожение с воздуха, индивидуальные убийства. Естественный инстинкт приказывает всякому живому существу не только побить своего врага, но и уничтожить его.

— Могут спросить: в какой книге все это изложено обстоятельно и досконально? Отвечаю. В книге профессора Вальтера Дарре. Это редкостный ум, теперь он — министр продовольствия. Его книга — подлинная Библия. Называется она: «Задача разведения породы германского народа». Там сказано, что человек есть тот же зверь. Это основа основ. Все остальное — только выводы из этой посылки.

Книга Дарре издавалась много раз и большими тиражами, но ее не найти. Так велик спрос! Не имеет ее сейчас и сам зондерфюрер, ему приходится пользоваться журналом «Дойче вер», где помещены извлечения из труда почтенного профессора.

Сунув номер журнала в руки Нивега, зондерфюрер приказал ему занести извлечения в записные книжки каждому солдату. И там появились такие записи, сделанные под диктовку унтер-офицера:

«История разведения скота имеет за собой тысячелетия. Но, разводя животных, человек забыл о себе. Настало время улучшать породу самого человека. Допустимы те же методы. Разведение одних, беспощадное истребление других. Семья не нужна. Брак лучше заменить скрещиванием. Отвергнуть разум в том виде, в котором это понятие развивали евреи. На его место должны прийти дрессировка людей, духовная маршировка».

Зондерфюрер цветным карандашом подчеркнул главную мысль профессора: «Победа третьего рейха будет куплена не более полным применением бензина, а потоками крови и слез. Оставшийся в живых деморализованный сброд человеческих существ, лишенный своих руководителей, будет так сильно раздавлен и сломлен несказанными ужасами, страданиями и террором, что

он будет стоять беззащитным и лишенным воли перед лицом своего победителя.

Побежденные будут превращены в рабов. Их число не имеет значения. Сто миллионов трепещущих феллахов не труднее привести в покорность, чем десять миллионов, ибо много миллионов людей дают в сумме нуль».

Дарре видит преимущество немецкого народа в том, что он организован. Поэтому победить ему легко, тем более каждую страну в отдельности. Фюрер дает приказ генералам, генералы полковникам, полковники — майорам, майоры — капитанам и лейтенантам, лейтенанты — унтер-офицерам, те — рядовым. Все приходит в движение, завоевывается жизненное пространство, и начинается тысячелетнее царство...

Закончив свои дела на батарее и проверив, достаточно ли в фронтовой лавке экземпляров «Национал-социалистического справочника», зондерфюрер в своей похоронно-черной форме исчез.

В Мурмелоне, где Нивег обучался зенитному искусству, собиралось много солдат. Не все они отличались послушанием, не до всех доходили «ценные» идеи Дарре. Постепенно поблизости командование создало даже специальный концентрационный лагерь для германских чинов, заполненный в основном рядовыми, отказавшимися ехать на советско-германский фронт. Там, за колючей проволокой, перевоспитывали кого угодно — симулянтов, членовредителей. В лагере не было, кажется, зенитчиков — они не особенно боялись войны. Франц Нивег и его камрады беспрекословно подчинились приказу — погрузить эрликоны на железнодорожные платформы и вместе с ними отправиться на восток. Стук вагонных колес, казалось, торопил — быстрей, быстрей! Рейх ждет победных реляций.

Летом в украинских степях зенитная батарея Франца Нивега не раз меняла позиции. Потерь почти не имелось. Отделывались легким испугом. Как-то летом его, задремавшего под кустом, разбудило стрекотание. Он увидел приближающийся маленький русский самолетик, предназначенный для разведки и связи, У-2, или, как его называли солдаты, «швейная машинка». Пока Нивег размышлял, стрелять ли по такой цели, самолет исчез, опустившись в ближайшую лощинку. Но, видно, заметил орудия, нагрузился ночью небольшими бомбочками, вроде гранат, состоящих на вооружении

пехоты, вернулся на батарею ночью. Раздались взрывы, но никто не пострадал. Командир батареи сказал, что при очередном появлении таких самолетов команду орудиям подавать не следует, но надо открывать стрельбу из винтовок и автоматов. Они ведь из фанеры!

«Швейная машинка» больше не появлялась, тревога исчезла, но из предосторожности солдаты предпочитали все же спать не на траве, а в специально отрытых щелях. Так что из всех артиллеристов, пробившихся сюда, зенитчики оказались наиболее долговечными. К ним не долетали снаряды, они не знали взрывов мин, настоящие боевые самолеты обходили их стороной.

Дай бог, чтобы всегда так было!

Но украинские степи остались позади, и до бога не стали доходить молитвы солдат вермахта, напоровшихся под Сталинградом на прочную оборону. Стала гореть степь под их ногами. Тот, кто распределял места для полков в этом аду, указал зенитчикам на Голубиновку. В этом секторе они оборудовали огневые позиции, эрликоны должны были служить защитой пехоте и танкам на тот случай, если нагрянут сюда русские бомбардировщики и истребители. При любых обстоятельствах запрещалось сходить с места. Хотя бы на метр! Русские, напротив, хотели стереть эрликоны с лица земли. Дошло до того, что они как-то утром с воздуха накрыли батарею эрэсами.

Унтер-офицер Нивег не превратился в отыгранную карту, он уцелел — его перед этим послали за снарядами, снаряды он благополучно доставил, но число пушек «катюши» сократили, и это оказалось благом для оставшихся — каждая пушка получила боеприпасы по паре ящиков дополнительно. Да и продуктовые пайки в тот день не соответствовали наличию едоков — некоторых из них пришлось предать земле.

Настала осень.

Нивег видел, как молодые и свежие лица солдат с сияющими глазами, участвовавших в летнем наступлении, покрылись морщинами. В глазах застыло отчаяние. Даже те, кого не тронули пули и осколки, уже пережили смерть в ее тысячах видах. Эти степи и воздух дышали смертью. И днем и ночью она ходила за людьми по пятам.

Солдатам внушили: «Верь, повинуйся, борись!» Сам девиз заставляет задуматься. Верить — во что? В словесную эквилибристику зондерфюрера? Повиноваться?

Во имя чего? Ради надежды на безнаказанный грабеж? Бороться? Они борются, не зная передышки; бьются сутки за сутками, без смены и отдыха, все еще полагая, что приближающиеся зимние месяцы позволят перейти на позиционную войну. Из речи были исключены слова «русская зима». Но природе не было до этого никакого дела. Уже в начале ноября ударили морозы и появился снег — мелкий, сыпучий. Вопреки запрещению употреблять ненавистное слово «зима», она все-таки пришла. Фашисты заговорили о необходимости создавать окопы-укрытия, «отапливаемые опорные пункты». Рекомендовалось проявлять инициативу и запасаться теплой одеждой, не надеясь, не уповая на интендантов, на die Winterhilfe[1].

Окружив фашистские военные части, прорвавшиеся к Волге, советские войска взялись за методическое их истребление. Парализованные оккупанты оказались принужденными подчиниться буйству стихии. Зенитная батарея Франца Нивега была, видимо, засечена, потому что однажды на рассвете черные тени «илов» обрушили на позиции эрликонов бомбы и снаряды. После налета, сбросив шинели и куртки, вся прислуга энергично зарывалась в землю, затаскивала туда боеприпасы. Выражение чрезмерного усердия, с которым люди работали, показывало, что они уже не верят, что при следующем налете выживут.

Нивег тоже долбил грунт и что-то таскал. За этим занятием его застал советский самолет-штурмовик, обстрелявший копошившихся зенитчиков из пулеметов и пушек. Глядя на раздирающую душу картину разгрома позиции, Нивег подумал, что отвратительные эрликоны, эти «железные девы», созданы для его погибели. Но куда деваться унтер-офицеру?

Командир батареи не раз ему говорил:

«Орудие без унтер-офицера — это все равно, что святая дева Мария без младенца».

Орудие и унтер-офицер навеки неразлучны.

Вскоре зенитчики совсем осиротели — заболел дизентерией и был вывезен в дальний лазарет командир батареи. Таял личный состав, таяли боеприпасы. Дюжина снарядов, оставшихся на батарее, была быстро израсходована — стреляли по прорвавшимся советским танкам. Ефрейтор-наводчик так старался, что послед-

---

[1] Зимняя помощь (*нем.*).

нюю ночь жаловался на озноб, оказалось, у него воспаление легких. Унтер-офицер Нивег пытался обогреть больного, разведя в землянке костер, но не помогло, ефрейтор скончался. Пришлось стащить его труп в окоп, где покоились останки заряжающего.

Унтер напряженно прислушивался к грохоту, доносившемуся со всех сторон. По-видимому, это проходили танки и бронетранспортеры. Будь снаряды, он бы с ними справился. Орудие калибра 88 миллиметров вполне надежно, в этом он был абсолютно уверен. А что делать без снарядов?..

Декабрьским утром Нивег выбрался из блиндажа и увидел в сотне метров от него танк Т-34. Унтер быстро юркнул в какую-то яму. Он слышал, как зачастила выстрелами расположенная неподалеку малокалиберная зенитная пушка. Танк в ответ чесанул из пулемета.

Услышав перестрелку по соседству, Нивег понял, что он со своим орудием остался в тылу у русских. Советская сила покатила дальше. Не исключено, что они вернутся. Но надо ли их ждать?

Нивег пошел по следам танка и увидел раздавленную батарею МЗА, убитого командира батареи. С этим офицером они немного были знакомы. Мертвый лейтенант слыл снайпером зенитного огня, он наверняка владел какой-то «тайной» прямого попадания. С лета лейтенант носил Железный крест первой степени и надеялся, что к зиме получит к нему и серебряную пряжку. Теперь он мертв, тайну прямого попадания унес на тот свет, не дождавшись пряжки.

Тайны ни к чему, если нет орудий, снарядов. И у лейтенанта снарядов не оказалось. Везде валяются футляры от снарядов, но самих снарядов нет. Стрелять больше нечем. Уже не стало многих батарей, рот, дивизий, батальонов — их взял господь в свое небесное царство. Там уже и лейтенант и друзья Нивега из его орудийной прислуги. На том свете, наверное, за грехи свои они будут отбывать наказание у своих эрликонов. Вот втоптан в снег томик стихов нацистского поэта Пауля Эрнеста, воспевшего свастику.

Пауль Эрнест писал: «Убей в себе разум, верь и подчиняйся...»

Теперь подчиняться некому.

Противоречивые чувства раздирали Нивега — страха, увы, связывающего его с несуществующей батареей, и растерянности — он не стал получать команд. Побе-

дил страх. Он поспешно вернулся к своей пушке. Она ему теперь ни к чему. Осталось разбить панораму и вынуть замок. Он нашел в траншее свой мешок.

На какой-то миг у Нивега голова пошла кругом, и он задумался над своими дальнейшими поступками. Выход из положения напрашивался сам собой. Он снова пойдет по следам танка, которые вели его к штабу зенитно-артиллерийского полка. Его, наверное, там ждут, чтобы вывести из окружения и отправить на новое формирование. А перед формированием отдельным счастливцам выпадают отпуска, поездки домой, к своим родным. Хотя бы на неделю сбросить длиннополую шинель, сменить белье, пойти с девушкой в кафе! С той, с которой он был помолвлен. В кафе «Волшебный фонарь». Там выдавали призы за самые стройные ножки.

Но Нивег не был ранен, в тыл ему не попасть. Ему самому полагалось охранять аэродромы и мосты, чтобы улетали самолеты и уезжали поезда, вывозя в тыл других. Немыслимо уехать из этой степи в то время, когда всюду такие большие потери. Можно только бежать. От одной мысли о бегстве он стал озираться вокруг, чувствуя себя виноватым, как будто в штабе полка могли узнать, о чем мечтает унтер. Это было хуже всего. По выражению лица никто и никогда не должен ничего узнавать.

При свете окопного фонаря Нивег собрал в заплечный мешок свои вещи, завел часы, зашагал по снегу, изрытому гусеницами боевых машин. Он дошел до хутора, который различался в серой дымке изморози на пригорке. Там в аппарелях располагались артмастерские. Там тоже все было опустошено — остались металл и трупы солдат. В блиндажах валялось только тряпье и солома, крестьянские хаты тоже стояли пустыми с провалами вместо окон. От растерянности у Нивега заурчало в животе. Теперь у него не было командиров, он получил свободу, которой никогда раньше не располагал. Он мог идти куда угодно, но к этому он не привык. Может быть, ему следует остаться здесь, пока кто-либо вернется? Или выбраться туда, дальше вдоль колеи, к самой реке, найти другую часть, где ему отведут место в окопе. Он оглянулся и закричал,— ему никто не ответил. Кругом возвышались бугорки снега — это мертвые солдаты, а он стоял один в декабрьских сумерках и смотрел на обезлюдевшую

степь, прислушиваясь к раскатам далекой орудийной канонады.

Различались даже отдельные выстрелы, пулеметный перестук. «Где же это?» Там какой-то пункт. Прочел надпись на указателе: «Басаргино». Глухо рвали воздух залпы дальнобойных. Прикидывая расстояние, он определил, что дальнобойные стоят где-то километрах в двадцати пяти. Встретилось свежее степное солдатское кладбище. Могила близ могилы, идеальная симметрия. Прошагал между ровными рядами новеньких березовых крестов. На каждом прибита дощечка с выжженной фамилией, чином, датой. А остальные? Сюда можно было бы добавить не одну тысячу березовых крестов. Расчет строился на то, что гробы перевезут на родину. Но уже летом, как и теперь, было не до похорон. Убитые валялись там, где их поразил металл. Лежали всюду под палящим солнцем, фантастически раздувшись.

Мертвые солдаты — свои и чужие, не пугали унтера — они не опасны и не претендуют на удобства. За минувшие осень и половину декабря земля приняла столько убитых и замерзших, что здешняя трава всегда будет расти на костях. Смерти и разрушению подвержены не только люди, лошади, мулы и другой скот, но и машины, боеприпасы. Степь их тоже похоронит. Степь позаботится об этом...

Если всего несколько часов тому назад унтер стремился найти себе место в окопах среди подобных, то теперь его мозгом овладели мысли другого порядка. Жилье отпугивало Нивега. Отпугивали его тянущиеся неподалеку колонны и обозы. Он сполз в дубняк, в яму, и спрятался там.

II

Гитлеровское командование пристально следило за поведением своих солдат, предохраняя их от «психологической ущербности». В этом отношении оно напоминало ревностную мамашу, которая стремится уберечь свою повзрослевшую дочь от всяких соблазнов. Такими соблазнами для солдата были дезертирство, умышленное членовредительство, симуляция, да и еще мало ли что! Ничего другого солдат не должен знать, кроме как: «ответственность»+«приказ»+«послушание». Слово офицера свято, никаких рассуждений и мнений. Сол-

дат обязан с ожесточенной энергией оборонять то место, где он находится. Даже появляющиеся разговоры об «эластичной» обороне вредны. Надо выбрасывать из обихода вредные слова и понятия. Это должны внушать солдатам все чины, бывая в окопах, на боевых позициях. Укреплять у солдат веру в себя.

Офицеры обязаны были наблюдать за порядком в зоне боевых действий, собирать солдат, отколовшихся от своих подразделений и отправлять их на передний край. С дезертирами расправляться. Нивега страшило то, что при задержании его могли принять и за отколовшегося, и за дезертира.

Нивега погнало к людям, которых он увидел плетущимися по заметенной снегом дороге. Трое тащили на веревке мотоцикл. Офицер и солдаты из разных частей, отколовшиеся, даже не обратили внимания на появившегося невесть откуда унтер-офицера. Им было не до него. Офицер загнал их в развалины хлева, а сам пошел искать связь. И солдаты стали что-то варить; уставшие и обессиленные. Вот они, парни из Силезии, Восточной Пруссии, Померании, Гессена, Бранденбурга... Нивег отодвинулся от костра к сухой навозной куче. Перед его глазами по стенам бродили уродливые тени, черные, пугающие. Сначала он о чем-то размышлял, собрать же мысли в нечто связное не удавалось. И он стал тихо разговаривать сам с собою, боясь впасть в безумие. Потом все вокруг расплылось, и ему показалось, что он все идет и идет. А вокруг степь, степь, степь. Надо идти и не оглядываться. Он стал шептать про себя какие-то слова. Это были слова песни. Он пел ее в школе святого Фомы и в лагере Мурмелон:

Несется клич, как грома гул,
Как звон мечей и волн прибой:
На Рейн, на Рейн, на Рейн родной.
Мы встанем крепкою стеной,
Отчизна, сохрани покой,
Отчизна, сохрани покой,
Мы стережем наш Рейн родной,
Мы стережем наш Рейн родной!

Нивег пришел в себя то ли от собственного хрипа, то ли от какой-то возни. Двое внесли в помещение третьего, обессиленного и не способного передвигаться. Кричали, но унтер не понимал, чего они хотят. О, это

итальянцы! Им хотелось загнать сюда, в сарай, и свою фуру со впряженной в нее четверкой мулов.

— Тоже нашлись, кумовья! К чертовой матери итальяшек! Захребетники! Не надо мулов!— кричал кто-то. Но с солдатами оказался старший итальянский офицер. Итальянцы втолковывали немцам, что офицер болен, они везут его на аэродром, чтобы отправить в Рим. Спорящие умолкли, договорившись, что мулы останутся во дворе, а офицеру уступят место у костра.

Откуда-то привели санитара, и тот костлявыми руками, покрытыми бородавками и волосами, начал расстегивать мундир больного. Но отшатнулся, заметив, что по одежде густо ползли насекомые. Их везде хватало, но у итальянцев до сих пор обстояло лучше. Итальянские химики, выполняя задание своего дуче, Муссолини, изобрели сильно действующий порошок, снабдив им воюющую армию. Желтый такой, с приятным запахом. Человека вроде только что надушили лавандой. Хорошее средство против насекомых, они сразу же подыхали. Пушки и танки у итальянцев — дерьмо, а порошок — превосходный. У немцев такого не было. Хороша еще у итальянцев тягловая сила — мулы. Славились большой выносливостью.

Офицер пришел в себя. Стал озираться, что-то ища глазами. В глазах его затаилась тоска. Заволновался:

— Мулы, мулы где? Пусть будут мулы со мной.

Нивег вмешался:

— Со смеху можно лопнуть! Мулов еще здесь не хватало! Они брыкаются!

— Они брыкались в Сицилии. Боялись мафии,— пошутил санитар.

Итальянцу стали втолковывать, что в здешней степи нет сицилийской мафии, мулы во дворе, не потеряются. Но итальянец вскочил и стал что-то провозглашать. Понятны были только обрывки фраз:

— Нас обманывают! У нас крадут тепло!

— Что с ним?

— Сошел с ума. Или бред. Сейчас везде тиф,— пояснил санитар.

— Может, его съездить разок, и он опомнится?

— Вот еще, марать руки!

Итальянец свалился и в ту же секунду затих. Губы стали неподвижными, сомкнутыми. Ждали, что он зашевелится. Но он лежал пластом, санитар взял его руку и сказал, что его пациент не уснул. Он мертв...

Умершего вытащили из сарая, зарыли в сугроб. Нивег помогал хоронить итальянца, а закончив работу, осмотрелся. И в самом деле итальянец не зря беспокоился. Фура стоит, мотоцикл «пундапп» на месте, валяется упряжь, а мулов нет. Где они? Наверное, их увели на гуляш? Мясо у них жесткое, даже собаки не едят, но война и голод — родные сестры, и теперь солдаты, попавшие в «котел», неприверeдливы, приспособились, в пищу у них идет все. Каждый готовит свой «айнтопф»[1].

Мороз все крепчал. В сарае стало холоднее; пропадал труд по его утеплению.

«Тут долго не просидишь,— думал Нивег.— Что угодно, только не сидеть на месте!»

В щель проникал солнечный луч. Луч, посланный провидением. Краткое озарение толкало унтера из сарая наружу. Стремясь утолить голод, он выпил приготовленную на завтрак бурду, вылил остатки во флягу. Если б она подольше осталась теплой! Никто не окликнул его, не позвал, когда он стал уходить. За околицей унтер сказал сам себе:

— Что поделаешь? Пойду по рельсам. Они приведут меня к теплу, к своим. Или... в плен!

У него появилась надежда на спасение. Верно: поддерживая эту надежду, можно притупить чувство обреченности. Тем более, что жизнь не остановилась, вверху слышался шум двигателя. Хорошо советским летчикам. Они летают, видят белый снег и свою степь только с высоты. Позавидуешь им. Когда-то они боялись пушки Нивега. Они кувыркались в хлопьях разрывов, в перекрестиях прожекторов. Они загорались от огня эрликонов. Тогда он им не завидовал.

Степь, степь, степь...

Это что-то страшное. Ничего похожего в Германии нет. Там, скажем, идет поезд из города в город. Пассажир видит сплошные строения. Иногда ему встретятся пашни, огороды, сады. Потом опять селения.

Здесь же поражают чудовищные незаселенные просторы. Кое-где их пересекают железные дороги. Нивег шел по насыпи. Идти было легче, чем по степи. Но мешали груды изломанных шпал и рельсов. Отступая, немцы пустили по рельсам специальный паровоз, оборудованный приспособлением, ломающим рельсы и шпалы. Пусть русские делают все заново!

[1] В переводе: «все в одном горшке»— немецкое национальное блюдо, готовится из картофеля, мяса, гороха и пр.

Насыпь предохраняла Нивега от блужданий. Из разговоров в сарае он узнал, что внешнее кольцо блокирующих советских войск доходит до Тормосина. Туда подошли свежие немецкие войска; командует ими фельдмаршал Манштейн. Там спасение. Это километрах в восьмидесяти. В Тормосине и в Морозовской — базы снабжения, унтеру доводилось бывать там. Он не получил однажды боеприпасов, склад взорвали партизаны отряда «Искра»[1]. Нивег унес тогда свои ноги из Тормосина. Но тогда в его распоряжении имелся грузовик... А сейчас? О грузовике нечего и мечтать. Пропади все пропадом!

Последний раз из Тормосина он доставил ящики с галетами. Итальянское изделие, в форме плитки из очень белой муки, твердое как камень. Но если отколоть кусочек или чем-либо увлажнить, галета разбухала, и ее можно было проглотить.

— Спасение — Тормосин. Там много войск! — вслух произнес Нивег.

Попавшие в окружение войска, а вместе с ними и унтер-офицер Нивег, долго верили в успех Манштейна.

Они бы сильно разочаровались, если бы знали истину. Армия Манштейна двигалась на выручку, но в его частях не было воодушевления. Шли возмущенные разговоры о том, что операция по деблокированию оказавшейся в сталинградском «котле» армии Паулюса напоминает движение косяка рыбы в сеть. Даже если они и прорвутся к окопам обороняющихся в «котле», то кого они там застанут? Сонмище больных, обмороженных. Рейху от них проку будет мало. Пусть лучше там замерзают. Война требует жертв.

Манштейн наверняка улыбнулся бы, если б узнал, что находящиеся в «котле» войска долго не теряли присутствия духа и надеялись еще на чудо. На то, что они еще смогут повидаться со своими камрадами. Эти их надежды не сбылись. Правда, в войсках Паулюса имелись и такие отчаянные головы, которые думали об отступлении. Они хотели риска, хотели пойти навстречу наступавшим.

Всех их заметет снегом. Никто пока не вышел!

Имел шанс выйти только один.

---

[1] Партизанский отряд «Искра», которым командовала Таня Скоробогатова, комсомолка. Погибла в бою. Посмертно награждена орденом Красного Знамени. Ее именем названа улица в Кировском районе Волгограда.

Франц Нивег, унтер-офицер, бросивший свои эрликоны на произвол судьбы.

Разрывая сеть окружения, он надеялся добраться до своих.

Он шел и шел. Порой он сбивался с пути, но снова находил дорогу. В одном месте на переезде через узкоколейку его испугал двигавшийся к нему локомотив. Он различил в кабине машиниста, промасленную шапку-ушанку и скуластую физиономию механика. Пришлось зарыться в снег на кукурузной стерне. Паровозик дал свисток и побежал дальше. Тронулся в путь и Нивег.

Взошла луна. С космических высот падает ее свет на землю. Посмотришь на него — все кажется преходящим, незначительным. Луна освещала первых людей, и даже человекообразных. А сейчас она показывала Нивегу путь к своим.

В светлое время Нивег часто смотрел на западный край неба. Заснеженные поля терялись у горизонта. Иногда в вышине различались звуки работающего двигателя. Он часто смотрел вслед транспортным самолетам. Смотрел, как советские самолеты идут бомбить немецкие позиции. По ним он и ориентировался. Это был его компас.

Он понимал, что такой путь опасен. Но что опаснее свирепого мороза, который сковал и парализовал все? Унтер радовался тому, что еще мог двигаться. Движение — жизнь.

Нивег вспомнил покойного офицера-итальянца, который на мулах хотел найти аэродром и улететь к своим морям. Теплым морям цвета незабудок. Он мог бы там любоваться памятниками древности, встретиться со своим любимым Маринетти, вместе с ним слушать тарантеллы и серенады, лакомиться горячими спагетти, кьянти, а также лягушками, вылавливая их из старых бочажков. Маринетти Томазо Филиппо, поэт-фашист, основатель футуризма. Это он выступил с манифестом, приглашающим молодых людей на войну.

«Война,— писал Маринетти,— утонченнейшее усиление всех людских наслаждений. Война — самый современный спорт, прекраснейшая человеческая динамика, единственное подлинное сентиментальное приключение. Наконец война — самый мощный источник вдохновения для создателей всех видов искусства».

И он объявил, что отдаст ей, войне, «красный сахар своего сердца». Он расходовал свою одаренность на то, чтобы показать «войну в кружевах».

Маринетти утверждал, что источником вдохновения всех итальянских, немецких, румынских, венгерских, японских молодых людей является война, как и связанные с жизнью беспечных солдат-завоевателей радости— карты, вино, тройки, автомобили, женщины. Такая эстетическая приправа, соус ко всем мелочам жизни,— обрисованы в этом манифесте метко и веско, как соблазн, не без иронии и усмешки. С этой стороны нельзя отказать Маринетти в остроумии. Он знал, для кого писал. И знал, на чем играл. Апеллируя к спорту, к динамике, к сентиментальным приключениям, к творческому вдохновению во всех видах искусства, он нащупал самое уязвимое место молодых своих современников.

Такое можно сочинить только под сенью олив или в приморском отеле, любуясь лазурными водами теплого моря, где пахнет йодом и кальмарами. (Маринетти не обращался к справедливости, к человеческому достоинству, к этике, даже к патриотизму. Современный человек, по его мнению, не склонен рисковать своей головой ради подобного рода вещей. Но вот рисковать головой ради того только, чтобы потешить самолюбие, удовлетворить каприз,— на это, по его мнению, способны если не все, то многие).

Нивег остановился, спросил себя вслух: «Танцы тоже искусство?» В Германии танцы теперь запрещены. Учитывая настроения жителей рейха, потерявших отцов и сыновей на фронте, начальник полиции Гиммлер сначала наложил запрет на танцы в ресторанах. Затем распространил запрещение, касающееся танцев вообще, и на танцевальные кружки, даже не имеющие общественного характера.

Нивег, выбравшись на бугорок, почувствовал под ногами твердую землю. Решил немного потанцевать, чтобы взбодриться. Здесь — можно, сюда не доходили гиммлеровские «эдикты». Но колени не сгибались, унтер сел на землю, забыв о Гиммлере и Маринетти. На ум ему пришло имя Толстого.

Нивег в школе святого Фомы читал его книгу «Война и мир». У русских был такой писатель. Он, вроде Мартина Лютера, пытался реформировать русскую пра-

вославную религию, в его книгах осуждались война, убийства. Был еще у русских писатель-провидец Достоевский, написавший книгу «Преступление и наказание». Она тоже ходила по рукам у мальчишек школы святого Фомы. Нивег задумался о загадочной стране, где он оказался. Стране смерти для чужеземных пришельцев.

Глубоко проваливаясь в снег, Нивег двинулся дальше. Физически это делать уже невозможно. Но идея, идея о том, что кое-кто из немецкой окруженной армии все же останется в живых, вела его.

Маринетти — идиот! Выдумал «войну в кружевах»! Одураченные его соплеменники вместе с немцами гибнут в снегах. Людям нужны не войны, а труд, дающий им хлеб и жизнь.

Хлеб, зерно. Он увидел среди поваленных плетней, возле землянки с обрушенной крышей не до конца сгоревшую кучу зерна. Опухшими и посиневшими от холода пальцами разжег в яме костер, бросил в каску несколько горстей зерна. Снова осмотрелся вокруг. Нет никого — ни солдат вермахта, ни иванов. Ни одной живой души. Он стал ломать плетень, чтобы поддержать огонь. Сел, прислонившись к камню, врытому там, где когда-то стояла кухня. Ему послышался стон, но не людской, а стон земли. Потом почудился треск. Трещали кожа и кости. «У меня, видно, кости промерзли»,— подумал унтер.

Поев разварившуюся в каске пшеницу, унтер почувствовал теплоту и уют. Попытался найти ориентиры.

Видел признаки того, что где-то недалеко село. Слышались лай собаки и гудение автомобиля. БМВ-250,— определил марку машины Нивег. Он побоялся этих звуков. Может быть, это БМВ уже оказалось русским трофеем. И все же вышел на дорогу.

Машина остановилась возле него лишь на минуту. Потом, буксуя, поехала дальше.

В ней какие-то люди. Объяснились с ним только жестами.

Он улыбнулся им, ему тоже ответили улыбками.

Двинулся к хутору. Поднялся по крутому склону, опустился с обратной стороны и оказался на улочке, вдоль которой стояло несколько хат, крытых соломой. Люди его уже не пугали, и он вошел в сарай. Увидел спящих на соломе людей, места среди них не оказалось, и он забрался на чердак. Здесь была навалена куча

кукурузных початков. Он устроил себе ложе и уснул. Проснулся на рассвете и ушел в степь. Надо побриться. Он научился сдирать щетину без зеркала и воды. Хотя и побрился, но лицо не изменило пепельного цвета.

Он хорошо выспался на кукурузе, и его больше не угнетала сонливость. О русских он стал думать с сочувствием. «Это такие же люди, как и мы. Сделанные из глины и соломы их жилища, конечно, уступают по внешнему виду тем западным домам — кирпичным, с антресолями. Но в них куда легче переносить холод!»

Плетни, почерневшие от времени, не то что каменные, бетонные и железные заборы. Но плетни тоже хранят тепло.

Бороны у русских без единого гвоздя. Даже зубья их дубовые. Борона «зигзаг»— редкость. Грабли полностью деревянные, деревянные лопаты. У них, наверное, мало железа. Мало? А сколько танков и пушек!

Унтер шел весь день.

Ночью при слабом мерцании Млечного Пути заметил след полозьев. Но потом потерял его.

Утреннее солнце разогнало мрак. После блужданий в туманной дымке заметил сани. Лошадь шла медленно. В санях — покрытая платком фигура... Женщина? Она казалась давно знакомым призраком, не вызывавшим никакого страха. Эти сани приближались к нему. Женщина могла быть партизанкой и ехать с оружием. Поэтому Франц предусмотрительно поднял руки, чтобы показать свое миролюбие и безоружность.

Он увидел плоское лицо, темное и потрескавшееся. Некрасивое, суровое лицо крестьянки, не похожее на сухие профили немецких фрау.

За время службы в вермахте — хотя думы об оставленных родителях, о своем доме, где он рос, учился, имел друзей и подруг, ни на день не оставляли его,— Нивегу никогда в голову не приходило пускаться в размышления о целях похода и о том населении, которое его встретит под чужим небом. Он знал, что где-то существуют люди, но имеют ли они свое мнение о вооруженных пришельцах, нагрянувших невесть откуда,— для него было безразлично. Но тяжелые бои, жизнь в зимних окопах в русской степи неотвратимо навели его на эти размышления.

Русские в своих листовках советовали немецким солдатам сдаваться в плен. Почему он, Нивег, пренебрегал этими советами?

Наверное, боялся.

Да, боялся. Сама мысль о плене искоренялась. В полку Нивега от всех взяли расписку, в которой было сказано:

«Я поставлен своим командованием в известность, что в случае моего перехода на сторону русских весь мой род — отец, мать, жена, дети и внуки будут расстреляны». Жены, детей и внуков у него не было. Германию сейчас бомбят англичане и американцы, так что отец и мать, возможно, уже покоятся в могиле.

Он упал на сани, крестьянка хлестнула лошадь. Он стал молиться. И она поняла это.

Она отодвинулась, немного испуганная не то его видом, не то резким запахом помойки, который исходил от унтера. Потом он умолк, уселся съежившись.

— Нечистая сила. Падаль...— поморщилась женщина. Голос был хриплый и далекий.

— Was?[1] — ему приятно услышать свой голос.

— Да, у вас.

Он из ее слов ничего не понял.

Нивег стал думать, что теперь он в плену. И лучше, если б на шинели были пришиты солдатские погоны. Его за самовольную реквизицию домашней птицы у населения еще весной разжаловал в рядовые командующий армией, и он зря тогда не сменил знаков различия. Но теперь раскаиваться поздно. Не расстреляют. Он взят без оружия. Нивег не мерз в санях, но единственное ощущение — голод — оставалось.

Остановились среди построек у мазанки с облупленными стенами. Подошли люди.

— Отведи его, кум,— сказала женщина.

— Где ты его подобрала, кума?

Что за слово «кум». Что оно означает?

Лицо унтера окаменело. Его бросило в жар, заболели суставы. Словно он высунулся из окопа, и его вот-вот изрешетят пулями.

В комнате, куда ввела его крестьянка, сидели одни девчонки — работницы свинофермы. На ферме уже была хрюшка — истощенная, но очень подвижная и шумная. Ее привезли из-за Дона — подарок какого-то колхоза. Девушки читали свежую газету — в ней рассказывалось о партизанке Тане из отряда «Искра». Вот это была героиня! Не знала страха! В этом она походила

[1] Что? (*нем.*).

на свою мать, бабушку и прабабушку. Прабабушка славилась еще и искусством исцелять. Одна из ее рода лечила самого Пугачева, когда тот больной вернулся из «прусского» похода. Газету пришлось отложить — ввели немца.

Выглядел унтер жалким, и в шинели и без нее. Его брюки нависали на короткие тяжелые сапоги подобно мехам гармошки, из-под мундира вылезла и вздулась грязная рубашка, на затылке встал торчком клок волос. Одна из работниц постарше спросила:

— Вода осталась?

— Осталась.

— В баню его! Воды полно.

Старшая объяснила, что при этой антисанитарии разносится тиф. Поэтому все надо дезинфицировать.

Ему дали одеться во что-то больничное.

— А его одежду, чтобы заразы не было, надо пропарить,— распорядилась старшая.

Унтер видел эту суету и понял, что никто ничего плохого ему не причинит.

Изумление его было столь велико, что он, не зная, как выразить свои чувства, заплакал. Крупные слезы катились по ранним морщинкам.

Одежду немца, вернув из парилки, развесили на голландке. Потом, набросав углей в паровой утюг, прогладили ее. От одежды распространилось сухое тепло. Потом ему дали поесть.

Ему показали широкую скамью, где он может выспаться. Он быстро уснул. Время исчезло.

Его разбудили свет и звуки.

С улицы доносились голоса, ясные и полные жизни. В дом вошел мальчик в больших валенках, на которых были прикручены «снегурочки». Щеки его пылали.

— Покажите мне немца!— крикнул паренек.— Его в сельсовет требуют.

Унтер из всей фразы уловил слово «немец».

Он стал собираться, ему помогли. Смертельно напуганный, он пошел туда, куда его вели...

Его провели мимо нескольких дворов. Ввели в дом повыше других, с коньком на дранковой крыше, над которой бился красный флаг. Унтер оказался в большой комнате. В ней стояли табуретки вдоль стен, квадратный стол на трех ножках, на нем возвышалась кипа газет и старых журналов. В стены въелся запах табака. Висела карта района с обозначением севооборо-

тов и землепользования. Взглянув на чертеж, унтер различил Нижне-Чирскую и Тормосин. У Нивега, что называется, не только большой но и средний ум сработали. Тормосин. Совсем далеко. Там немецкие войска, много войск. Там узел... Ты еще будешь пить паценгоферское пиво, Франц! Бочковое!

Унтер подумал, что его сдадут в ГПУ, там глупым не прикинешься, придется выкладывать всю подноготную. Станут допытываться, прижимать: «Ваше имя? Год рождения? Чин? Номер воинской части? Кто командир? Правда ли, что коммунистов и комсомольцев подвергали пыткам? Не пытайтесь запутать! Отвечайте на вопрос! Так вы заявляете, что выполняли только приказы? Какой вы получили последний приказ? Да, понятно. И это все?»

Значит, никогда не вернется он в свою чертежную, никогда не увидит готовальню и копировальную бумагу. Исчезла надежда. Но его в село привезли безоружным — пистолет, гранату, кинжал, бинокль, компас выброшены им давно. Поэтому рассчитывал, что в досье будут смягчающие документы и ГПУ его оставит живым. Там он скажет, что он всего лишь солдат, за неподчинение его давно разжаловали. Сам генерал велел сорвать с него погоны.

Допроса не было, унтера передали однорукому старику — сторожу фермы. Он увел его в хозяйственную комнату при скотном дворе. Разрешил раздеться, сесть на диван. Увидев отставшую подошву на обувке немца, предложил сапожный инструмент. Немец обрадовался, взялся чинить свой сапог, дед наблюдал его работу, свертывая иногда цигарку и поминутно сплевывая.

Старик произнес несколько немецких слов, объясняя, что война «ниск гут», что руку он потерял в германскую. В том бою, в пятнадцатом году, их отделение накрыло шрапнелью. Сустав раздробило, и руку ампутировали.

— Хенде хох? — спросил старик и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Гут, зер гут...[1]

Нивег понимающе кивал, ему хотелось курить, но его мутило от дыма, который валил от самокрутки. Он не попросил табака и заснул в горьком дыму.

В полночь старик пил чай, сдерживая ладонью кашель. Потом читал газету. А пленный дремал на диване. Проснувшись, унтер все же попросил курить. Само-

[1] Руки вверх? Хорошо, очень хорошо (*нем.*).

сад после нескольких затяжек одурманил. Нивег сидел неподвижно, тупо уставясь в стену, сонный, безразличный и думал, что же с ним будет дальше? Отдаленная канонада напоминала, что выход есть. Надо только выбраться из деревни. От этой мысли он окончательно пришел в себя. Снова лег, сделал вид, что засыпает.

Нивег, выспавшийся днем, увидел, что старика сморил сон.

Боязливо оглядываясь, унтер поднялся, сделал шаг, боясь, что сторож проснется. Но тот спал. Немец постоял немного, согнулся и шмыгнул в дверь. В критическую минуту унтера отличало хладнокровие. Случалось, что на батарее возникала паника. Но он оставался спокойным. Спокойным был и сейчас.

Заскочил за плетень, оглянулся в темное пространство, не гонится ли кто за ним? Нет, не гонится. Ветер бросал хлопьями снег, крутил его в воздухе. Скоро Нивег исчез во мраке... Бежал, спотыкался, падал, вставал. Опасался, что останутся следы. Оглядываясь, видел, что через минуту их заметала пурга. Порой он останавливался, оглядывался, прислушивался. Его никто не преследовал.

Нивег сначала даже пропустил, не читая, стрелку с надписью. Но затем понял ошибку. Надо знать, куда идешь. Он шел целый день и встретил несколько стрелок, указывающих на Тормосин, а к ночи, когда мороз стал обжигать, зарылся в попавшийся на пути стожок.

...Он лежал в гнилой соломе, но уже не чесался так неистово, как до бани. Не слышал писка мышей, боязливо выглядывая из своей берлоги. Не видал ничего, кроме кустика и очертаний покосившегося телеграфного столба во мгле. Вспомнил, что уже седьмой день в пути. Сегодня 25 декабря, пятница, рождество, и подумал о ритуале богослужения. Ему чудились голоса — церковный хор. В тот же час он решил съесть оставшийся кусочек сала и хлеба, хотя до того думал сохранить их до понедельника.

Слышалась перестрелка справа и слева. Нивег определил, что бои идут возле дорог, возле станиц и хуторов. Но как попасть к своим? Порой закрадывалась мысль: а надо ли к своим? Сидеть же долго в соломе нет смысла.

Все чаще и чаще выглядывал он из своего убежища через оставленное в соломе отверстие. По снежному

полю ползли белые змеи. Поземки. Что-то вдруг вызвало у него страх и беспокойство.

Он пошевелил головой, еще раз глянул, и глаза его округлились от неожиданности. Вблизи различался немецкий бронетранспортер с летней окраской. Машина двигалась прямо к копне. Не призрак ли это, порожденный переутомлением и голодом? Нет, не призрак. Нивег вздрогнул, зашевелился и стал на четвереньках выбираться из своего убежища. Его тоже заметили. Солдаты в наушниках подходили к нему со всех сторон, направив в его сторону дула автоматов. Блестевшие вороненой сталью автоматы опустились, когда в выползшем странном существе солдаты опознали своего, немца, унтера, испуганного и одичалого.

Его подняли. Фельдфебель, крепко свинченный, подтянутый, сняв перчатки, быстро и ловко обыскал, извлек из кармана онемевшего унтера солдатскую книжку. Брезгливо развернул ее.

— Девятая зенитно-артиллерийская дивизия? Из «котла»?— удивился он.

— Яволь, господин фельдфебель,— прохрипел унтер, неловко отдавая честь. В течение долгого времени он никому не отдавал чести.

Фельдфебель крикнул солдату, сидевшему за рулем:

— Поворачивай! В штаб дивизии!

— Sofort![1]

— Los! Los![2]

Пережив все ужасы многодневных блужданий по степи, по ужасной русской снежной пустыне, он, Нивег, по существу, пришел туда же, откуда бежал. Да, его везли танкисты одиннадцатой панцирной дивизии. Они воевали, отражая удары советских войск. Свои, немцы. Но что же из того?

III

Из донесения штаба 11-й танковой дивизии в штаб Манштейна — в город Новочеркасск:

«... Первый день после рождества, 11-я дивизия, сознавая свою высокую и важную задачу, делая попытку облегчить тяжелую участь солдат, находившихся в

---

[1] Быстро! (*нем.*).
[2] Скорей! Скорей! (*нем.*).

«котле», отбила несколько атак русских. В занятой зоне найден был немецкий унтер-офицер, в живом состоянии, который, при выяснении личности, оказался командиром орудия 9-й зенитно-артиллерийской дивизии, сражающейся в составе группы войск Паулюса.

Унтер-офицер по фамилии Нивег утверждает, что его дивизия разбита, он знает, что командир генерал-майор Пикерт из «котла» улетел в неизвестном направлении.

Унтер-офицер, по-видимому, в начале шел по маршруту: питомник Басаргино — Трубной. Здесь он пересек линию фронта, видимо, в инженерном отношении совершенно необорудованную, и дальше следовал по занятой советскими войсками территории, имея справа приток Карповки, затем Дон. Часть пути он двигался по насыпи железнодорожного полотна, достиг хутора Ляпичево. Переправился через Дон по льду и вступил в Рычаковский, каким-то образом избежав угрожающей ему встречи с советскими полевыми дозорами и постами, обошел их выше Верхне-Чирского. Авангардами 11-й танковой дивизии вермахта унтер-офицер был обнаружен на правом берегу реки Чир в зоне хутора Островского.

По физическому состоянию Нивега можно определить, что он прошел пешком 110—120 километров. По прямой это расстояние значительно меньше, но унтер-офицер, не располагая азимутом, часто петлял по степи, терял ориентиры. Компаса и карты у него не обнаружено.

Унтер-офицер на допросе показал, что из «котла» многие солдаты и офицеры могли бы свободно выбраться при наличии соответствующего приказа. Он встречал на пути мирных жителей, которые принимали его за военнопленного, так как он был без вооружения и запаса продовольствия. Его вели лишь отчаяние, храбрости и чудес находчивости не требовалось.

Унтер-офицер на опросе показал: на этом участке линия узкоколейной дороги оставлена неповрежденной и русские разыскали локомотив и перевозят грузы...»

Командир дивизии приказал отправить унтер-офицера Нивега в штаб группы армий «Дон» Но приказ этот был исполнен не полностью. Доставленный в Тормосин унтер-офицер и сопровождавший его фельдфебель были погребены под развалинами дома в результате прямого попадания 50-килограммовой авиационной бомбы, сброшенной советским самолетом.

Глава десятая

СТЕПЬ В ОГНЕ

I

Сталинградская группировка Гитлера оказалась в «котле». Над его кавказскими войсками нависла угроза окружения — им закрывался выход на запад через Ростов. Поэтому, после потери Сальска, фашисты особенно ожесточились. Они стремились удержать за собой батайские мосты через Дон, чтобы по ним могли пройти отступающие войска вермахта.

Командование вермахта поспешно отводило свои корпуса к Ростову, прикрываясь подвижными моторизованными соединениями. Пехота у немцев была усилена танками и самоходной артиллерией, минометными батареями. Около каждого крупного селения шли кровопролитные бои.

Хотя советские части порой и имели некоторое преимущество в живой силе, противник на том участке фронта значительно превосходил их в танках, самолетах и, что самое главное, его пехота передвигалась на машинах. Наши бойцы шли пешком, пушки везли на конной тяге, боеприпасы к ним — на подводах и во вьюках на верблюдах. Противник имел большую возможность для маневра. И только мастерство советского солдата, его беспредельное мужество и отвага давали нашей армии возможность наступать, рвать вражескую оборону и вынуждать фашистов совершать свой драп-марш.

Там, где было можно, они яростно отбивались.

Контратакуя свежими силами с занимаемых позиций, фашисты иногда прорывались в тылы советских подразделений. В этих случаях они были особенно жестоки, никого в плен не брали, убивали всех, даже раненых бойцов, медсестер и санитаров. Получив отпор, спешно удирали, бросая оружие и награбленное добро.

Как-то на марше Морозов оказался рядом с лейтенантом Андреем Германом.

В предвечерней мгле короткого зимнего дня вокруг запрятались какие-то холодные огни.

— Взбесились, все палят, жгут. Остается только пепел,— заметил Андрей и продолжал:— Ты читал мне свои вести из дому. А сегодня я получил письмо. Поэтическое. Хочешь прочитать?— в серых глазах его светилась счастливая улыбка.

Морозов кивнул головой:

— Если можно, конечно.

Андрей остановился, вынул из планшета толстый конверт и протянул его лейтенанту. Это было письмо от Кати, девушки, с которой он дружил до призыва в армию. Морозов увидел тетрадные листы, исписанные стихами. В предвечерних сумерках читать нелегко, и Морозов едва разбирал строки любви.

Катя сочинила целую поэму, в которой написала, что гордится своим другом.

«...Все разделю. Для друга кровь отдам я.
В одном не упрекай меня, молю:
Скорее сердце станет мое камнем,
Чем с кем-нибудь тебя я разделю...»

— Хорошая, видно, у тебя подруга,— сказал Морозов, возвращая стихи.— Я вот дружил с девчонкой, а она сбежала от родителей с приезжим молодцем. А Катя твоя, видишь, какую клятву дает.

— Она замечательная девушка,— ответил Андрей.— Но вот что интересно. Ей кажется, что все мы герои, хотя на самом деле — просто работаем и все.

Морозов согласился. Верно, современная война не цепь героических атак и наступлений, а тяжелый труд сотен тысяч людей. Выживал в ней в основном тот, кто умел и хотел трудиться.

— Я часто думаю,— продолжал Андрей,— вот о чем. Почему я провел свое подразделение через все бои почти в полном составе, да и сам пока цел и невредим. Все дело в том, что основной костяк взводов у меня из колхозников и рабочих. Этих не надо подгонять, сами знают, когда браться за лопаты и, сколь бы ни была твердой почва, к утру оборудуют окопы полного профиля. Молодые солдаты смотрят на них и делают то же самое. И все в надежных укрытиях. В наступление они тоже идут с умом, учитывают все складки местности, ведут наблюдение за огнем противника и стараются его перехитрить...

— Да, в этом наше спасение,— подтвердил Морозов.

Ночью батальон дошел до какого-то отделения совхоза. Некоторые бойцы смогли обсушиться и согреться у очагов. К утру снова ударил сильный мороз. И когда бойцы пошли дальше, только кое-кто жаловался, что дубеют валенки и шинели.

Надежда была на большие селения, обозначенные на картах в полосе наступления армии.

II

Чтобы дать возможность основным своим силам отойти за Дон, противник в районе Мечетинская — Зерноград создал мощный оборонительный рубеж. Взломать его должны были гвардейские соединения — стрелковая дивизия и танковая бригада. 248-я дивизия получила приказ наступать левее железной дороги Мечетинская — Зерноград через хутор Каменный и выйти на шос-

се Зерноград — Кагальницкая, чтобы отрезать немецким войсками пути к отступлению.

Полк сосредоточился в небольшом хуторе, откуда и начал движение к Каменному. Хутор уже был занят батальонами соседнего стрелкового полка, выбившими оттуда фашистов. Поздно вечером немцы контратаковали их, стараясь вернуть себе хутор, но у них ничего не вышло.

Когда разведрилось утро, на хутор налетела вражеская авиация. Началась бомбежка.

Морозов в то время отогревался в хорошо натопленной хате. Бомбежки его не пугали. Он к ним привык, а перспектива побриться, помыться радовала. Надо было еще появиться в штабе полка — начальник штаба Хоменко прислал записку, в которой поздравлял Морозова с награждением орденом Красной Звезды. Первая и такая желанная награда! Хата пустовала. Хозяева спрятались от бомб в погребе на дворе, а Морозов налил горячей воды в стакан, намылил лицо и только успел провести по щетине несколько раз бритвой, как услышал ружейно-пулеметную стрельбу. Взглянув в окно, он оцепенел — прямо на улицу, спускаясь с пригорка, двигались, поводя стволами пушек, немецкие танки.

Морозов смахнул с лица мыльную пену, накинул шинель и, схватив ремни, выскочил в коридор.

По улицам бежали наши бойцы, ища укрытий.

Танки с крестами на бортах били по селу из пулеметов. Лейтенант перелетел через улицу и со всех ног бросился к ротам батальона.

То там, то здесь группки советских бойцов залегали у заборов, в канавах и рытвинах, на ходу ведя по немцам огонь. По танкам ударили наши пушки, и сразу два из них, брызнув пламенем, задымили...

От хутора почти ничего не осталось. На выжженной черной земле — трупы, обгоревшие фашистские танки, разбитые самоходки...

Жители видели бой. Видели, как гитлеровцы отсекли транспортную роту и стали там убивать наших бойцов — в транспортной роте служили пожилые солдаты и больные. Фашисты расстреливали верблюдов, хохоча: «Рус танк!»

Немцы поспешно отходили. А дивизия вошла ночью в станицу Мечетинскую, уже очищенную от фашистов.

В Мечетинской Морозов, разместив солдат на ночь в отведенных им домах, попросил свою хозяйку, чтобы

она приготовила ему ведро горячей воды. Когда вода наполнила цинковое корыто, лейтенант снял гимнастерку и стал мыться. Женщина долго смотрела на его начавшие белеть ребра, обтянутые кожей, на воду, которая через минуту стала черной, как деготь. Сложив руки на груди, с удивлением сказала:

— Какой же ты, однако, худой! Вчерась в этом корыте мыл голову фельдфебель. Так тот совсем другой — справный, гладкий, вроде кабанчика,— закончила она ласково и сладко.— Вас плохо кормят? Или хвороба донимает?

Это глупое рассуждение вызвало в душе лейтенанта злость, но он промолчал, а про себя подумал: «Если б тебе, продувная тетка, хотя бы в кошмарном сне вырисовалось то, что мы переносим, то не болтала бы. Какая ушлая! С немецким фельдфебелем сравнивает».

Он вытерся насухо своим полотенцем, подошел к окну. По запотевшему стеклу сбегали капли. Они показались ему людскими слезами. Он всегда был жалостлив.

Связной и несколько солдат из охраны разместились спать на полу. Они тяжело вздыхали, бормотали во сне. Где-то за станицей ухали взрывы.

Утром атаковали железнодорожную станцию Злодейская. Но не успели перебраться через речку и подняться на возвышенность, как появились немецкие самолеты. Пехоту они обстреливали из пулеметов, а на обозы сбрасывали бомбы и мины. Пришлось принимать боевой порядок «в цепь» и рассердоточиваться. Под пулеметным огнем с воздуха солдаты продолжали наступать — ползком, перебежками. Переждав обстрел, поднимались и снова шли и шли вперед...

Вражеская авиация растрепала обозы, люди же пострадали мало. Скорость самолета огромная, и летчику человек на земле кажется не более карандаша, сразить его из пулемета почти невозможно. Солдаты хорошо поняли это и шли, не боясь самолетов, которые, по существу зря расходовали свои боеприпасы.

Подразделения держались в стороне от дороги, чтобы затруднить вражескому летчику ориентировку.

Когда стали подходить к лесополосе, отделявшей от наступающих станцию, где уже вела бой гвардейская дивизия, Морозов увидел, как, обгоняя подразделения, по дороге к лесополосе прошла легковая машина. В тот же момент из-за лесополосы вынырнул «юнкерс». С ревом спикировав на машину, дал по ней длинную оче-

редь. Потом, развернувшись, обстрелял и лесополосу; вдобавок в том месте, где в нее входила дорога, свалил несколько бомб. Стало темнеть, и стервятники больше не показывались.

Пройдя лесополосу, Морозов с бойцами дошел до крайних построек станции и получил приказ: остановиться и заночевать. Морозов расположился на ночлег в кирпичном сарае. Спасал его все тот же меховой мешок, сопровождавший его из Калмыкии. Засыпая, он слышал разговор о гибели генерала Губаревича, командира гвардейской дивизии. Его машина была расстреляна с воздуха. Морозов вспомнил лесопосадку и машину; значит, это произошло у него на глазах. Гибель генерала вызвала ярость гвардейцев. Мстя за смерть комдива, они опрокинули фашистов, освободили Злодейскую и погнали врага к Батайску. В преследовании участвовала и 248-я дивизия.

Полку предстояло наступать на Батайск прямо в лоб, через мост, проходящий над железнодорожными путями. В помощь придавались восемнадцать танков, взятых из других соединений. Танки должны соединиться с ними на подходе к Батайску. Но кто же остался в полку? Какие силы? Командир полка выстроил людей и пересчитал. Всего около ста пятидести человек солдат и несколько строевых командиров, не считая штабных работников. В Астрахани в полку насчитывалось около двух тысяч человек.

Морозов молча стоял, вспоминая своих товарищей, погибших в этом тысячекилометровом походе. Вспоминал калмыцкие степи. Осеннюю распутицу. Лютую зимнюю стужу. Ледяные воды Маныча. Он уже давно забыл, что такое тепло. За все время похода в домах спал не более пяти раз, все же остальное время — в открытом окопе или прямо на снегу, где-нибудь в лесополосе или под яром степной балки, завернувшись в плащ-палатку.

И вот снова, после нескольких часов скупого отдыха, многокилометровый марш и на рассвете — бой за Батайск, крупный железнодорожный узел у Ростова-на-Дону.

Все хорошо понимали, что враг не уступит без боя и пяди земли. Будут еще кровопролитные схватки.

Свирепый ветер, жестокий мороз и впереди зарево пожаров — вот все, что осталось в памяти Морозова от этого перехода.

На рассвете подошли к Батайску. Кругом было тихо. Ни выстрела, ни ракеты, ни человеческого голоса. Обещанных танков не встретили. Поэтому, пройдя мост, залегли под тополями. Было ясное морозное утро. Ветер стих, и дым прямыми столбами поднимался вверх из печных труб. Через пустырь смотрели множеством окон маленькие беленькие домики. Где укрепились фашисты?

Неизвестность настораживала.

Морозов выслал вперед разведку. Поднял затем бойцов и повел их цепью по степи, держа оружие наготове. Как только разведчики подошли к крайним домам, загремели выстрелы. Фашисты проснулись. Оказывается, они не только не выставили боевого охранения, но даже не поставили часовых около домов, в которых спали. И, конечно, жестоко за это поплатились. Кое-кто всетаки выскочил из домов. Завязался уличный бой. Проникшие к железнодорожной станции солдаты сообщили: там тоже кипит бой — его ведут гвардейцы. Вся станция забита эшелонами с танками, обмундированием и продовольствием. У немцев там паника.

Продвигаясь к центру города, Морозов с несколькими солдатами начал преследовать небольшую группу немцев, бежавших по центральной улице. Они тащили за собой мотоцикл с коляской, тяжелую машину с пневматическими шинами, которую никак не могли завести. Когда наши открыли стрельбу, немцы бросили мотоцикл и забежали за большое двухэтажное здание.

Морозов предупредил:

— Не выбегать на середину улицы, прижиматься к домам...

После короткой перестрелки можно было продвигаться дальше. К бойцам Морозова присоединился старший лейтенант, командир соседного батальона, и лейтенант-артиллерист, который с неделю назад прислан был в полк, но за неимением матчасти, воевал как рядовой. Вдруг они увидели идущего к ним какого-то солдата с противотанковым ружьем на плече. Спросили:

— Откуда?

Солдат ответил, что воюет самостоятельно. Он оказался даже из другого полка. В уличных боях это иногда случается.

Старший лейтенант показал ему на немецкий танк, который вырвался из-за угла и остановился.

— Смотри, танкист открыл люк, осматривается. Наверное, офицерский танк. Обязательно надо подбить.

Они вдвоем стали выбирать огневую позицию. А Морозов пошел к своим солдатам. Не успел сделать и нескольких шагов, как услышал выстрел из ружья. Танк загорелся. Но откуда-то появились еще два танка с автоматчиками.

Бойцы стали залповым огнем загонять немецкую пехоту за танки, чтобы замедлить их продвижение. Без пехоты танки боялись идти вперед. Укрываясь за домами, Морозов стал медленно отходить к окраине. С минуты на минуту должны были подойти наши танки. Осталась последняя улица, а за ней простиралась ровная заснеженная степь.

Дальше Морозов помнил только, как его подбросило вверх и словно стегнуло кнутом по боку и чем-то ударило в ступню. Когда пришел в себя, понял, что он лежит на спине у белого бугорка, покрытого чем-то вроде мыльной пены, и около него никого нет. Он тихонько повернулся на бок, подобрал с заснеженной земли свой пистолет и с трудом встал на ноги. Вдалеке увидел своих солдат, перебегающих крайнюю улицу, и среди них помкомвзвода Курилку. Морозов закричал, но его не услышали. Морозов попробовал сделать несколько шагов, однако упал. Из-за угла выскочил незнакомый солдат и поволок его по снегу. Солдат был ранен осколком в горло, из его шеи струилась кровь, он хрипел, но тихо ругался — мог еще... Морозов оперся на его плечо, они прошли с десяток метров, упали в ближайший окоп. В окопе были разбросаны коробки с галетами. Лейтенант подобрал галету и стал жевать. Солдат смотрел на него, ломал галету руками, но есть не мог из-за раненого горла.

Вражеский танк с пехотой уже был почти рядом. Морозов слышал лающие голоса, видел напряженные лица фашистов-автоматчиков. Приказал солдату:

— Иди! У тебя здоровые ноги, ты можешь еще уйти.

Солдат с неодобрением посмотрел на него:

— Вы меня не знаете, но я вас знаю. Мы с вами, товарищ лейтенант, земляки из Казахстана. Я жил в Челкаре. Так что не брошу вас. У меня есть две гранаты. Будем драться. А там что будет, то и будет...

И они продолжали сидеть в окопе. Когда до немецких танков осталось метров сто, справа вдруг загремело грозное «ура!».

Ударила артиллерия, показался советский танк с надписью на борту: «Смерть фашистам!» Подошло подкрепление.

Немцы развернули свою машину и стали отходить. Морозов с солдатом-казахстанцем кое-как дотащились до первого попавшегося домика и попросили хозяйку перевязать их. Вид окровавленных людей испугал ее. Она растерянно спросила:

— Вы офицер?

Морозов подтвердил, что он лейтенант.

— О боже! Неужели на войне ранят и командиров?— запричитала она.— У меня сынок-то тоже лейтенант.

Морозов протянул ей индивдуальный пакет, но она не брала его в руки и все причитала. Сын у нее «тоже лейтенант». В прошлом году прислал фотокарточку, и на нем форма, а в петлицах у него тоже два кубика. Руки у нее дрожали, и перевязать раны она не могла. Наконец прибежала дочь хозяйки, девушка лет пятнадцати-шестнадцати. Она ловко стащила с него одежду, осмотрела на спине и на голове раны, проворно перевязала. Так же ловко управилась и с раной солдата. Оказывается, когда-то ее учили на сандружинницу, и она сдавала нормы на значок «Готов к санитарной обороне». В это время в дом зашел, тяжело дыша, еще один раненый боец. Вскоре и он забелел бинтами. Во время возни с ранеными девушка подшучивала над матерью и советовала ей вместо того, чтобы охать и причитать, заняться делом и приготовить гостям что-нибудь поесть.

Ночь они провели в этом доме.

На другой день подошли санитарные машины, и раненых вывезли в медсанбат дивизии. На операцию Морозов попал одним из последних. Когда его положили на стол, он увидел около себя несколько девушек в белых халатах и среди них Надю Деюн. Держа в руках коптилку, она веселым голосом сказала:

— А, лейтенантика принесли,— и погладила его по голове.

Ее подруга Аня Христенко готовила инструменты, а третья, имени которой Морозов не знал, обтерев рану на спине спиртом, стала делать вокруг нее уколы. Лейтенант лежал лицом вниз, поэтому не видел, что она там делала дальше, но больше от страха, чем от боли, вцепился в руку девушки со светильником, которая его

вполголоса подбадривала. Наконец та, которая колдовала над его раной, сказала:

— Сделала разрез, но при таком освещении осколка не нашла. Дальше там врачи разберутся,— и забинтовала той же влажной марлей.

От боли Морозов совсем отупел.

Ночью медико-санитарный батальон отбыл вслед за наступающей дивизией, оставив раненых на попечение местных жителей.

— Теперь нам здесь загорать долго,— заключил лейтенант.— Когда-то приедет сюда эвакогоспиталь!

Морозов с двумя ранёными солдатами попал под присмотр к сестрам-украинкам. Звали их Марина и Галя. У них в доме Морозов и пролежал больше недели.

Ему очень хотелось читать. Но у его сиделок имелось всего одна книга, зачитанный томик «Кобзаря» Тараса Шевченко. Вечерами, когда Марина и Галя освобождались от домашней работы, Морозов, лежа на спине, с увлечением читал вслух на украинском языке певучие стихи украинского поэта и недоумевал, почему его слушательницы время от времени прыскали от смеха. Наконец не выдержал и попросил их объяснить причину такого задорного смеха. Они в свою очередь попросили его не обижаться и объяснили свое поведение так:

— Прямо-таки комедия. Если вас послушать, то не поймешь, о чем писал Шевченко.

Они начали учить его правильному украинскому произношению. Но ничего не получалось.

— Ладно, читайте по-своему,— согласились сиделки, и с того времени, когда они начинали скучать, Морозов предлагал им:

— Давайте, девчата, я вам по-украински почитаю,— и в комнате воцарялось неудержимое веселье.

Однажды прибежала Маринка и с радостью крикнула:

— Наши взяли Ростов-на-Дону, а фашисты в Сталинграде сдались в плен!

Тогда же всех раненых из Батайска перевезли в Ростов. В госпитале Морозова навестил Андрей Герман. Он рассказал, что полковник Журов сейчас является комендантом города. Помощником к нему назначили его, Андрея Германа. Дивизия и наш 899-й стрелковый полк форсировали Дон и вышли на Миус.

Прощаясь, Андрей и Василий обнялись, как братья. Впереди их ждали новые испытания.

Глава одиннадцатая

ЮБЕР СТРАТЕГИЕ...

I

Когда в ночь на двадцать четвертое ноября Паулюс узнал, что советские танково-механизированные клещи сомкнулись в хуторе Советском, он распорядился, чтобы отсеченные части 6-й при отходе не растеряли обозов и солдат арьергарда, чтобы не было потерь от огня собственных войск, которые могли принять отступающих к Волге за своих врагов.

В приемном отсеке блиндажа командующего начальник оперативного отдела армии полковник Эльхлепп топтался недолго. Войдя к Паулюсу и глядя на его землистое и позеленевшее лицо, Эльхлепп поразился перемене в облике генерала. И сама собой завертелась в мозгу полковника мысль: «Мы крепко влипли!»

К утру, после нескольких тщетных попыток восстановить положение, в штабе Паулюса стало понятно, что придется пережить наихудшее. Не успокаивало даже то, что отборные части ускользнули от разгрома, спасли вооружение, артиллерию и танки.

В тесной балке, окруженной высокими меловыми холмами, где находился командный пункт Паулюса, два полковника — Эльхлепп и Адам, осмыслив маневр русских и чувствуя размеры катастрофы, стали вспоминать аналогичные примеры из истории войн. В анналах военной истории что-то похожее, кажется, было в прошлую мировую войну, на русско-германском фронте, под Лодзью. В печально-известной Лодзинской операции генерал Шеффер, пытаясь совершить охват, сам со своей группировкой попал в окружение. Далее последовали полные трагизма события. Шеффер при прорыве и отходе потерял убитыми, ранеными и попавшими в плен почти всю армию: сорок тысяч!

Но масштабы Лодзинского «слоеного пирога», по сравнению с нынешним «пирогом», были куда мельче! Не существовало такой больной проблемы, как горючее для танков и автомашин.

На командном пункте появился изящный генерал Вальтер фон Зейдлиц. Тот самый Зейдлиц, который молодым офицером воевал под Лодзью. Сбив стеком снег с сапог из собачьих шкур и отвечая на приветствия штабных полковников, он состроил скептическую улыбку. Собрав глубокие морщины у глаз, бросил: «У вас здесь запах французского борделя». Эльхлепп заторопился, вызванный Паулюсом, а полковник Адам, сменив сигарету, сказал, что только что здесь был Шмидт, а он любит духи «Шанель», и тут же спросил Зейдлица, что он думает об уроках Лодзи. Генерал Зейдлиц сел на диван, обнимая толстый портфель. После того как на днях его адъютант застрелился, а денщик сбежал к русским, он обходился без них. Карты и другие бумаги держал при себе.

С лица генерала исчезла граничащая с цинизмом ирония. Он произнес:

— Война имеет свой запах. Война пахнет, смердит. И напрасно генерал Шмидт отгораживается от нее духами.

Помолчав, продолжил:

— Что Лодзь? То — детская забава. Знаю по своему опыту. Но в ней есть кое-что поучительное. Наш незабвенный Шеффер совершил тогда смелый и, скажем прямо, мудрый маневр. Я имею в виду маневр в финале операции. Без такого марш-маневра мы будем сидеть в «котле», пока все не перемерзнем. Русские, заняв теперь господствующее положение, не упустят случая. Они постараются полностью истребить окруженных. Это аксиома.

— А если наша армия ощетинится танками и дождется помощи от частей на реке Аксай? К тому же нам помогут с воздуха. Не так ли?

Зейдлиц с грустью посмотрел на своего более молодого розовощекого собеседника:

— Кто может поручиться, что действия гренадеров на Аксае будут удачными? Да и у русских стало слишком много истребителей, чтобы положиться на люфтваффе, на Геринга.

В разговоре Зейдлица со штабными офицерами многократно упоминалось все то же имя — Геринг. И Зейдлиц, не скрывая раздражения, поносил Геринга и всех тех, кто в этой отчаянной ситуации за пределами «котла» становился в позу Бонапарта. Громкие слова приказа о том, что окруженные войска переименовываются в «войска крепости Сталинград» он назвал обманом. И откровеннее других, утверждал он, обманывает Геринг своими фальшивыми утверждениями, что якобы он вдосталь обеспечит «крепость» боеприпасами, напоит ее и накормит. Это ли не плод фантазии? Рассудим здраво. Триста тысяч ртов. Даже если хотя бы по одному килограмму продуктов в сутки — это триста тонн. А еще и патроны нужны, и мины, и снаряды, и медикаменты. Ну, допустим, еще по кило в день на солдата. Шестьсот тонн! Геринг легко может вывалить шестьсот тонн взрывчатки на головы иванов. Но снабжение войск по воздуху — дело другое. Тут надо, чтобы каждый килограмм попал в рот, в патронную сумку. Обман, наглый обман. В «котел» дошли вести, что берлинские стратеги даже стали утверждать, будто запертая в приволжской степи армия заняла самое лучшее место в жизни!

— Меня страшит,— чуть слышно произнес полковник Эльхлепп,— страшит смертность. Уже сейчас от голода и мороза умирает в день до пятьсот человек[1].

— Господин командующий занят?— спросил Зейдлиц.

— Занят. Лично готовит меморандум Манштейну.

II

Строка за строкою ложились на бумагу слова послания Фридриха Паулюса:

«...Для оценки положения моей армии смею доложить следующее.

...Когда 19 ноября началось крупное наступление на правого и левого соседа армии, в течение двух дней оба фланга армии окзались открытыми, в образовавшиеся бреши русские стремительно ввели подвижные силы...»

Потом Паулюс обстоятельно обрисовал положение его армии, оказавшейся в «мешке». Он выражал надежду, что глубокочтимый фельдмаршал фон Манштейн сумеет быстро разорвать кольцо окружения, и спасти окруженных.

В конце письма сделал такую приписку:

«Прошу, учитывая обстоятельства, извинить меня за плохое качество бумаги и неряшливость почерка».

Всегда такой педантичный, такой аккуратный, генерал Паулюс впервые в жизни опустился до использования плохой бумаги, и почерк его неузнаваемо изменился.

Он в тот день не мог принять Зейдлица, отложив встречу на другое время. Для операций нужны идеи, а их нет.

В ходе неудачных боев в «котле» мнения о том, как быть дальше, разделились. Одни считали, что надо строить укрепления и держаться. Другие высказывались за отступление. Паулюсу не хотелось доказывать что-то иное. Он только дал всем понять, что не намерен копировать отчаянные решения Шеффера. Он в течение всего декабря отвергал мысль в необходимости прорываться, не ожидая приказа из Берлина. Отвергал уже потому, что для его армии в одиночку это сделать невозможно.

---

[1] Суточный рацион гитлеровца в сталинградском «мешке» состоял: 150 г хлеба, 65—70 г мяса или консервов. Суп из конины, 20—30 г масла.

Несанкционированное действие не бывает решительным,— оно породит панику и явится всего лишь актом страха. Даже Наполеона погубило отступление к Березине, хотя оно было решением первого человека империи. А что можно сказать о войсках, подчиненных Паулюсу, которые стали бы действовать вопреки воле высшего командования?

«Стоять здесь — наш добровольный крест!»— эту мысль Паулюс варьировал на совещаниях подчиненных ему командиров. На это, мол, надо использовать всю нашу власть. 6-я армия, непобедимая на поле боя, должна проявлять стойкость. Это повергнет в прах замыслы Кремля и тех из окружения фюрера, кому хотелось бы ловить рыбу в мутной воде. Своеволие недостойно немецкого солдата!

В жестоких схватках прошел декабрь с его резким пронзительным холодом. Кольцо сжималось. Русские стремились как можно быстрее отодвинуть фронт дальше на запад и предотвратить возможности деблокирования окруженной группировки. Паулюс распорядился перенести командный пункт сначала на окраину Гумрака, а потом в руины чуть ли не на берегу Волги. По буграм снега перебрались в подвал универмага. Не лучшим оказалось это место — склад для товаров, пахнущий аммиаком и пылью. Генерал Шмидт пальцами, унизанными перстнями, в первый день яростно тыкал в стены.

— Вы что, полковник, ничего поприличнее не нашли?— спрашивал он полковника Эльхлеппа и его писарей.

— Убежище надежно и хороший приток воздуха...

— Замолчите!—оборвал Шмидт.

Насупленный и нахохленный, он потом постоянно изливал свою злость в разговорах с денщиком. Довел его до истерики и вышвырнул в штрафную роту. Последнюю неделю Шмидт сидел в закутке, где некогда находилось рабочее место кладовщика, ему даже приглянулись деревянные полки — они сгодились для шмидтовского походного добра. Но не доберутся ли сюда русские? Нет, не доберутся, если в проломе установить противотанковую пушку. Боеприпасы можно свалить взамен одежды и обуви, которыми русские торговали. Говорят, что товаров лежало много даже тогда, когда сюда проникли немецкие солдаты. И они немало поживились...

Паулюс выбрался во двор универмага. Попал под

артиллерийский обстрел. Ходил по траншеям полчаса — огонь не ослабевал. Он принадлежал к числу сухих, суровых натур. С высоты своего ума он пренебрегал опасностью, видя в ней лишь профессиональную необходимость. Не знал, что такое сострадание.

Но при виде угрюмых, подавленных пехотинцев, сидящих среди развалин и в ямах, для которых не осталось ни одного укромного уголка, нет защиты, нет даже временной безопасности, потому что не осталось ни одной не простреливаемой противником точки,— у него что-то надломилось внутри.

Вот уже превзойдено все мыслимое, сознание и чувства отказывались воспринимать происходящее. Он видел всюду тусклые, усталые, мертвые взгляды, видел людей, которые всем существом ощущали лишь ужас. Им казалось, что приближается конец мира. Вот-вот все рухнет...

Генерал отправился на артиллерийские батареи. И там повсюду серые испитые лица с водянистыми глазами глядели на него с тупым безнадежным отчаянием. Люди у орудий. Их движения связывала какая-то мертвая апатия. В существах под этими ветхими рваными шинелями чувствовалось чисто армейское отчаяние, безразличие к своей судьбе. И в тоже время Паулюс здесь, на позициях, чувствовал какое-то величие приказа о запрещении капитуляции. В разговорах с офицерами он призывал держаться до последнего, принести счастье немецкой земле, рейху, иначе рейх потерпит крушение и все похоронит под своими обломками.

Оказавшись в корпусе Зейдлица, Паулюс посоветовал ему сколотить резерв на случай ликвидации прорывов. Сколоченный резерв сразу же и понадобился. Его бросили в контратаку. Паулюс долго провожал глазами этих обреченных, уходивших на верную смерть.

— Что же можно сделать для этих людей?— спросил он Зейдлица.

Тот не ответил и сам спросил, не следует ли готовиться к капитуляции. Ему уже нечем затыкать дыры в штатно-организационном расписании.

Паулюса передернуло. Он стал говорить Зейдлицу о том, что, возможно, фюрер сам поймет наконец, что дальше упорствовать нельзя. На стороне его, Паулюса, многие. Тот же Манштейн. Кто только не инспектировал войска в «котле»! Вот и Шмидт просится вылететь, чтобы раскрыть глаза другим на истинное положение

окруженных. Можно пригласить Манштейна, пусть все увидит сам. Если Зейдлиц согласен, может лично лететь в ставку и убедить там стратегов...

Зейдлиц брезгливо махнул рукой. Никогда, никогда он не пойдет на поклон к этим типам. А Манштейн — трус. Он сюда ни за что не прилетит.

— Нас превратили в баранов. Что такое, скажем, командир корпуса? Это унтер с генеральским окладом. Ему не разрешают поступать разумно.

Высказавшись, Зейдлиц умолк, отошел к окну. В нем долго кипело пламя благородного негодования. Это пламя коснулось и Паулюса. В самом деле, его армия заслуживала лучшей судьбы.

«Шестую армию пытаются лечить Манштейн, Геринг. Но... больная умирает от лечения»,— хотел сказать Зейдлиц, однако промолчал.

— Почему нам не разрешают оставить позиции?— произнес Паулюс. — Да потому, что это никак не вяжется с целями, преследуя которые, части вермахта оказались на Волге. Думать, что фюрер начнет сокращать фронт,— значит, плохо знать его. Чем закончил Браухич? Он обращался к фюреру с жалобами и мольбами и был убран. Гитлера заботит престиж, а для этого ему нужна Волга.

— Волга?— не удержался Зейдлиц.— Ее уже нет. Мы обманываем себя и водим за нос других. С баснями надо заканчивать.

Зейдлиц минуту смотрел на карту, разложенную на столе.

— Понимаете ли, даже сейчас не поздно. Мы можем поднять солдат, с ними еще будут танки, орудия и сколько-то снарядов. Позже все это пропадет. Нужен ваш приказ как командующего. Или сделайте одолжение — приказы дадут командиры корпусов и дивизий. Те, кто еще в здравом уме.

— Все правильно, но это отказ от естественных целей и принципов?

— Да! Это будет отказ от преступного бездействия. Какие уж в нашем положении принципы? Даже капитуляция не так страшна, господин генерал. Я видел тяжело больного полковника Гроскурта. Его хотели вывезти в Харьков. Но он отказался. Он мне сказал, что предпочитает лечение в лагере военнопленных. И, кажется, он уже в плену. Я встретил его фамилию в русской листовке. Поступок Гельмута Гроскурта одобрить,

конечно, нельзя. Если уж капитулировать, так по-настоящему.

— Капитулируем, и нас ждет русский военно-полевой суд. Как говорится, «именем закона»...

— Мы выше этого!

— Танкисты твоего корпуса расстреливали военнопленных из пулеметов. По твоему приказу. И Советам это известно.

— Известно? Пусть! Известно им и то, что война отбрасывает соображения все морали.

Кофе, сдобренный коньяком, развязал Зейдлицу язык.

Разговор прервал снаряд, ударивший в перекрытие генеральского блиндажа. Посыпались земля и гравий. Говорят, что убитый человек в своих глазах, вплоть до разложения, уносит отпечаток образа того, кто его погубил. Уносит образ виновника смерти. Здесь глаза мертвого ничего не унесут. Только гравий, пыль, снег.

Проводив Паулюса, Зейдлиц обильно накачался спиртным и лег спать. Перед этим он бросил в огонь не только свои чемоданы, архив, но и свои личные вещи. Хотел сжечь и свою высшую воинскую награду «Дубовые листья к рыцарскому кресту», но оставил — будет еще момент. Оставил обмундирование, что на нем. Несколько месяцев тому назад он уже побывал в «котле» в районе Демянска у Старой Руссы. Тогда удалось прорваться. Но налегке. Надо жить налегке!

«Неужели шестой армии сужден Магдебург?»—с этими мыслями вернулся Паулюс на свой командный пункт.

«Нет,— думал он.— Что общего между Сталинградом и Магдебургом?!»

Он вспомнил Париж, Сен Сир, где французский генерал рассказывал ему эпизод из истории франко-прусской войны. Это произошло в 1806 году. Небольшая группа наполеоновских войск, под командованием маршала Нея, после ряда побед подошла к одной из крупнейших крепостей — Магдебургу. В Магдебурге стоял большой гарнизон. Это была первоклассная крепость, прекрасно вооруженная, всего вдосталь — артиллерии, продовольствия и боеприпасов. Во главе крепости стоял генерал Клейст.

У маршала Нея же не было ничего для осады крепости. Он приказал дать залп из имевшихся четырех легких мортир. Залпы испугали Клейста, и он без боя

капитулировал. Защитники Магдебурга просто переоценили силы неприятеля.

Позор Клейста пугал Паулюса. Он опасался, что сдача окруженных войск будет преждевременной. Эту мысль втолковывало и берлинское радио. Голосом генерала от пропаганды Дитмара оно вещало:

«Держитесь, к вам идет поддержка. Мы выведем вас из окружения, спасем всех до одного!»

Слушая эту человеколюбивую радиопередачу, Шмидт беспокойно ерзал на стуле; Адам и Эльхлепп молча пили кофе. Паулюс горбился, двигался медленно, так же медленно, с трудом, говорил. Говорил о подавляющем превосходстве советской военной техники. Ему казалось, что положение облегчится, если командиры корпусов, дивизий перегруппируют части, сократят фронт. Вернутся немного назад. Создадут оборонительный район. Вернут румын в окопы. Научат их воевать. Солдаты смеются над итальянскими фашистами: «У них танки имеют одну скорость вперед и три скорости назад». Штаб группы должен дать о себе знать. Без энергии штаба, без распорядительного центра, каким является теперь уже подвал универмага, куда стащили ковры и мягкую мебель и откуда теперь будут отдаваться приказы, вся армия будет бесформенным скопищем людей. Толпой. Сбродом.

Шмидт согласился: «Да, правильно!»

Штабная машина заработала. Мысль о беспощадной обороне, зафиксированная на картах и в документах и получившая таким образом зримую форму, не замедлила привести в движение полки и дивизии, толкала их на отпор советским войскам, и на многих позициях останавливала их...

Красноармейцы близко. Приказы приходилось выполнять под огнем. Сдвинув людей, немецкие штабы породили хаос. На новом месте надо обживать позиции! А топлива нет, все сожжено. Попавшие в ловушку немцы забывали, куда им приказано идти. Но шли. Лишь бы был какой-то приказ, какое-то движение. Неважно, чья команда — генерала или унтер-офицера.

Воинская команда для немца всегда хороша. Они считают, что уметь подчиняться — значит, быть господином.

Отдавая приказы оборонительному району, Паулюс и Шмидт понимали, что к тому времени его, пожалуй, и не существовало. Точнее — оборона существовала

только на бумаге. Еще вчера ее прорвали советские танки. Тогда что же? Шмидт метался и кричал. Заткнуть брешь! Собрать тыловиков, погнать их на позиции! Произойдет второе рождение обороны. Вдоль Волги тянутся руины домов. Улицы. Может быть, сотня кварталов. И каждый дом — огневая точка... В глубине тоже много улиц. «Крепость Сталинград», как ее именовала берлинская директива, еще покажет себя. Но... крепости нет, есть руины, пепелища; даже ползать можно только меж развалин, по пепелищам.

Конечно, можно еще кое-что предпринять, сидя в Берлине, можно пускаться в рассуждения о чем угодно. А надо иметь дело не с фантазией, а с военными реальностями. Реальность же такова: смерть или плен!

Офицеры штаба увидели вдруг, как крючковатые пальцы Шмидта сгребли бумаги. Он не очень оптимистичен, генерал Шмидт. Он пришел к мысли, что незачем сохранять на бумаге то, о чем говорилось в подвале универмага. Жертвуя бумагами, он хочет остаться чистым. Бумаги полетели в костер. Но огонь потух, он не может осилить плотную бумагу, виднелось только тление. Директивы и ведомости, послужные списки, листы оперативных карт горели совсем плохо.

Паулюс сделал Шмидту замечание: утрата бумаг повлечет за собой идиотизм, распад. Это уже видно по лицам, измазанным сажей.

Полковник Эльхлепп набил консервами и патронами рюкзак, перекинул через плечо автомат. Бросил на ходу:

— Прощайте, я иду в окопы.

Слова полковника вызвали у кого-то из обитателей подвала истерику. И у начальника штаба армии. Он сделал характерное движение плечами, раскрыл рот, хватая воздух.

— Проваливай! Сверхчувствительным здесь места нет. Смертника разыгрываешь? Мы не смертники, нет!— закричал генерал с глазами камбалы, Артур Шмидт.— У нас есть еще солдаты. Есть провиант и фураж. Пусть дивизии обороняются. До последнего. Это преступно,— оставить то, что взято такой дорогой ценой. А ты, Эльхлепп, вернись!

Но тот, кому адресовались слова, исчез в снежной мгле.

Воцарилась тишина. Глядя на костер, полковник Адам думал о предках, живших миллион лет назад.

Они взяли два куска дерева. Изобрели трут и огниво. Сжигали лес, расчищали землю. Огонь давал жизнь. Теперь огонь несет людям смерть. Наступит весна. Оттает земля. Весна ослепительна. Но для 6-й армии весны не будет. 6-я армия не увидит сверкания майского солнца, весеннего тепла. Не будет солнечного мая, это видно по поведению Шмидта.

По сходству характеров рядом со Шмидтом можно поставить туповатого с виду генерала Штреккера.

От Паулюса скрыли, что командир корпуса Штреккер расстрелял сотню солдат, узнав, что они готовы сложить оружие. Он подумывал и об аресте начальника штаба Гельмута Гроскурта[1] — тот имел неосторожность заметить: «Мы будем спасены, если кто-то свернет шею Адольфу».

Любимое развлечение Штреккера — читать на досуге приговоры военно-полевого суда. Он когда-то славился как любитель собак. Но даже собак надо кормить, а здесь голодны люди, солдаты. И все-таки Штреккер, встречая Паулюса, льстил с присущим ему бесстыдством. Восхвалял фатерланд, Паулюс давно убедился, что подлецы всегда любят выставлять себя верноподданными.

Паулюсу хотелось подняться с дивана. Сведенные судорогой ноги не поддавались. Нужен массаж. Вызвал Ринольди, главного лекаря армии. Тот тронул рукой лоб, мокрый от пота. Назначил массаж, растирания. Но все напрасно. С тупой безнадежностью ждал генерал, что принесет следующий день. Приходили генералы, докладывали о потерях, об ужасах рукопашных боев. И ни одного слова, которое могло бы успокоить командующего! Боялись сказать ложь!

Почему-то те, кого он знает, стали увлекаться сочинением трактатов. Узнал, что исследования ведет Ринольди, эта очкастая обезьяна. Давно занимается диссертацией о землетрясениях, влияющих на психику человека. Массированный артиллерийский огонь и бомбардировки дают ему богатый материал. У солдат появился «синдром землетрясения»— потеря памяти.

Вспомнился разговор с парижским гауляйтером Штюльпнагелем. Вспомнились тезисы его трактата

---

[1] Гельмут Гроскурт, являясь участником антигитлеровского заговора, посылал в Берлин своего сообщника, офицера связи майора Вальдерзее, с просьбой ускорить ликвидацию фюрера. Сам Гроскурт умер от тифа.

«Какое значение будет иметь для нас временное поражение?» Паулюс тогда спросил гитлеровского наместника:

«Вы говорите о поражении, которое нас ожидает. В чем причина?»

Ответ был таким:

«Это только кретины ищут причины поражений. Искать причины поражения — это то же самое, что искать причины раковых болезней. Совершенно бесполезно!»

«А что искать?»

«Можно и необходимо искать наилучший вариант развязывания новой войны... Когда наступает мирное время, люди расслабляются, мельчают, они трусливо прячутся, боясь войны. Вот здесь и нужна наша работа, обман, науськивание. Нужны для того, чтобы сделать идею войны привлекательной. Этим искусством надо овладевать...»

Новая война! А как же быть со старой?

Еще в те времена, когда на берегу моря, в Штральзунде и в Грейфсвальде, формировалась 6-я армия. Паулюс и его сослуживцы размышляли о роли подчиненных им войск на континенте. С полной ясностью видели, что армии предопределена выдающаяся, хотя и нелегкая судьба. Когда войска идут вперед, их не всегда ожидает победа. Но курс менять нельзя. Маневрировать могут только политиканы.

Армия безупречно выполняла свой долг. Казалось бы, она могла взять для своих знамен со щита француза Баярда девиз: «Без страха и упрека». Храбрейший из храбрых, рыцарь Баярд Пьер де Терайль сложил голову в бою в 1524 году. Паулюс, побывав в Гренобле, интересовался Стендалем, как близким к Наполеону офицером[1], посетил когда-то церковь святого Андрея, где погребен рыцарь Баярд, и где поставлен ему мраморный бюст. Чем хуже рыцаря любой солдат шестой армии? Солдаты Паулюса воевали, шли в огонь и в воду. А нужны ли были жертвы?

Паулюс засомневался. Прав ли он? А кто убивал и вешал мирных советских жителей? Палачей и убийц Баярд презирал.

Вправе ли он, немецкий генерал, закрывать глаза на действительность? Вправе ли убаюкивать совесть

---

[1] Гренобль во Франции считается «городом Стенделя».

пустыми отговорками — что на войне, как на войне, где можно, дескать, отбросить все нравственные нормы? Кто простит Германии вторжение, концлагеря, виселицы? Кто простит Кейтеля за приказ об истреблении комиссаров? Приказ этот выполнялся и в 6-й армии. А Хорти, Муссолини и другие головорезы? Все преступления прикрываются немецким флагом! Сателлиты, объединенные под эгидой Германии, сейчас дрожат. Ведь весь этот союз превратился в некое образование, ставшее загоном для скота, где хозяйничают немцы. Они скоро предадут. Удивляться нечему. Стадо не будет тихо-мирно есть из кормушки, куда что-то подкладывают скотники! Предстоящее возмездие привело в ужас вояк Антонеску и Муссолини, и они бросили оружие и побежали!

Паулюс набросил на себя свою черную шубу. Встал. Болела спина. Не от холода. В начале осени шли дожди со снегом, бушевали холодные бури и тоже было холодно. Тогда и позже Паулюс постоянно находился на передовых командных пунктах, но спина не болела. Болит спина от этого...

Он взглянул на запись текста советского предложения о капитуляции. Они пишут. Пишут эмоционально, что 6-я армия пришла туда, откуда возврата нет. Ну и что же? Паулюсу, по крайней мере, хотелось, чтобы осталось то, что остается после крушений и неудач — сознание, что он действительно сделал все, что мог. Но разве это утешение? Он перестарался, работая, и теперь переживает то проклятие, которое тяготеет над побежденным.

Гибель армии... Этого история никогда не прощает и не простит. А где она, история Германии, была раньше? Или у нее, истории, не было памяти, глаз и ушей, чтобы отнестись спокойно к тому, что сотни тысяч одураченных немецких солдат брошены в мясорубку?

Кто бросил?

Наверное, при расследовании история вспомнит и его, Паулюса? Он разрабатывал план «Барбаросса», план «Восточного похода». И получилось, что этот «план» стал «злокачественной опухолью» для нацистской Германии. Прав Штюльпнагель.

Но мог ли он поступить иначе? Он ревностно служил рейху, выполнял приказ. Поймут ли это? Поймут ли, что он был всегда только солдатом?

Сменятся поколения, и потомки, возможно, будут считать его солдатом.

А вот русские, те что идут на штурм? Будут ли они сортировать генералов, кого отнести к палачам, кого к солдатам? Сомнительно. Их всех будут считать подручными Гитлера. Паулюс был в этом уверен, и он не мог мыслить иначе.

Паулюс вздрогнул, вспомнив виселицы, воздвигнутые немецкой комендатурой в Харькове.

Он, Гитлер, открыл какую-то новую эпоху. Но не для армии. Это первый понял генерал фон Сект, назвавший «господина с усиками» уголовником. По воле этих бонз армия стала выполнять карательные функции. Разве, взяв остатки армии в плен, русские не вспомнят о расправах комендатур над цивильным населением? Будут они по-христиански или хотя бы мало-мальски по-человечески обращаться с теми, кто вешал, убивал и грабил? Кто поверит в такую идиллию?! Он, Паулюс, не верил.

Не остается другого выхода, кроме как держаться. Построить новые и новые цепи оборонительных сооружений в городе, в степи и населенных пунктах. Не может быть, чтобы русские не выдохлись. Они, русские, ведь тоже... люди. И ничем не хуже немцев. Немцы здесь, в «котле»— несчастный, жалкий сброд.

Войска русских идут на штурм. Гусеницы, колеса пушек рушат последние окопы.

В стеклах стереотрубы видно, как мелькают люди и машины, перевертываясь в огне, смешиваются с дымом.

Вот и финал.

Все слышат треск пулеметов, разрывы бомб, от которых дрожат стены подвала. Советская артиллерия с регулярностью часового механизма ведет обстрел «котла».

От близких пушечных залпов мысли посветлели.

Паулюс пытался думать, что совесть у него чиста. Слава богу, армия развалилась не по его воле. Значит, он просто солдат, и в памяти народа он останется тем же солдатом. Каждый должен гордиться тем, что находился в этот час в этом аду. В ритме адского бытия бушевал определенный настрой; взрывы следовали с математической точностью, и все это нельзя назвать какофонией. Безразлично, кто действует у панорам и буссолей. Работали русские и немецкие солдаты. Чтобы добиться такой четкости, нужна была большая подготовка, мане-

вры, учения. Русские генералы управляли войсками со знанием дела, их солдаты, пушки и танки не хуже немецких — они уже вырисовываются на фоне пожарищ, руин, вдавливают в грунт тела павших. Что теперь могуть сделать обреченные солдаты вермахта? Они стали всего лишь понятием, тенями. Уже очистились они от всего земного. Их вины перед фатерландом нет.

III

Берлин. Министерство пропаганды. Бои в эфире, схватки на газетных листах. Каждое слово—бризантный снаряд, оно должно достигать цели.

Итак, на случай нежелательного исхода, готова версия.

«Штурм Сталинграда преследовал единственную цель — прервать транспортную связь по Волге. И поскольку река замерзла, то необходимости в этом нет...»

Хорошо. Гут, гут.

Еще одна идея.

«Если немецкой армии не удастся сдержать напор русских, то большевики не останутся в Европе и перешагнут Ла-Манш...»

Отлично! Генерал Дитрих, полковник Золден, так надо действовать. Понравится Черчиллю, он в своей молодости не раз писал, что из Германии надо сделать плотину против «красного варварства». Звал к «крестовому походу» против большевиков.

«Никакая сила не может сломить сопротивление германских войск, и над самым высоким зданием Сталинграда продолжает развиваться знамя с фашистской свастикой».

Это слова Геббельса. Он сочинил сводку между двумя чашками кофе. Но, чтобы отправлять ее в студию, надо показать Ему... Неслышными шагами направился, прихрамывая, к кабинету Гитлера. Фюрер стоял возле стены в военной форме, с солдатским крестом на груди. Холодная улыбка бродила по его лицу.

Он ждал...

Ждал донесения о самоубийстве нового фельдмаршала. Есть еще возможности вывезти труп Паулюса на самолете. Перед гробом, на котором будут лежать фуражка, шинель, сабля, продефилируют войска. Он будет похоронен рядом с Гинденбургом, его прах будут везти на пушечном лафете. Как представителя высшей расы.

Залпы артиллерийских орудий оповестят об окончании похорон.

Об этом ожидании Паулюс не только догадывался — знал твердо.

В немецкой армии специальные офицеры отвечали за планирование и устройство военных могильников. Фельдмаршалу Паулюсу, по сценарию, скомпонованному в рейхсканцелярии, предстояло стать предметом заботы похоронной команды. Этим он бросил бы последний мазок на свой портрет героя. В духе древних баллад. Тогда полководец, чувствуя приближение поражения, бросился на меч!

Гибель полководца. Обычное явление. Смерть является частицей солдатского существования. Почему же делать исключение генерал-фельдмаршалу, который, как и все, носил солдатскую книжку? Паулюс это осознавал и воспринимал как должное.

В Берлине надеялись на самоубийство, подготовили черный креп. И вдруг потенциальную жертву осенило странное сомнение. Вороненый «вальтер» к виску? Зачем? Какой в этом смысл? Во имя чего? Может быть, это сомнение, эти вопросы порождены помешательством? Там, в гауптштадте, этих сомнений не предвидели и уже явственно представляли, как солдаты похоронной команды завертывают в брезент задубевший труп фельдмаршала, укладывают его осторожно в бронеавтомобиль и увозят на аэродром к самолету. Потом совершается печальная церемония, полагающаяся по уставу. Фельдмаршалу вдруг показалось это подлостью, предательством, если не хуже. В Берлине совершался бы торжественный погребальный обряд, а здесь, на поле боя, непохороненными останутся тысячи и тысячи.

Выстрелы раздавались рядом.

Паулюс оставался сидеть на стуле.

С набухшими подглазными мешками, он сосредоточенно рассматривал свой чемодан. Там остатки его генеральских вещей, погоны, которые носил раньше. Старый чемодан, который сопровождал генерала по полям битв.

Теперь на Паулюса давит воздух поражения. Этот воздух развязал его руки. И нет смысла уходить из жизни. Нет смысла лишаться счастья видеть солнце, видеть звезды. Видеть звезды — большое счастье...

Значит, так...

Паулюс думал о себе во втором лице: «Ты пришел к берегу далекой реки, русской реки Волги, которую обоз-

начила твоя рука еще перед этой войной на военных картах. В то время у тебя была упругая походка и ты, только-только поднимаясь по генеральской лестнице, встал на вторую ее ступеньку.

Минуло всего два года. Все исчезло. Осталось совсем немного сил, нервов. Да еще сердце, противящееся старости. Да, собственно, не осталось у тебя ничего стоящего, кроме последнего чина генерал-фельдмаршала,— дара, упавшего из берлинского безумия, который обычно бывает в цирке».

Паулюс запретил в армии самоубийства. Его за это осуждают. Почему? Если бы смерть что-нибудь изменила, на смерть следовало бы идти. Но смерть ничего не изменит. Так зачем же бессмысленные, совсем не нужные жертвы? Закончить жизненное поприще можно и без пули...

Трижды над степью взошел и трижды закатился желтый шар зимнего солнца.

Последний январский день. Конец всем иллюзиям.

Сухой и холодный день, рожденный для краха всех планов вермахта, плана «Барбароссы». Солнце освещало кладбище немецкой техники, развалины волжской цитадели. Лишь бесчисленные тела убитых покрылись снегом,— святое покрывало нанес степной ветер. Закрыл трупы — отходы разыгравшейся трагедии. Произошло то, о чем писал в своем трактате... Штюльпнагель, генерал с лицом вульгарного бюргера. Поражение. Но уцелеет ли сам сочинитель?[1]

Во дворе универмага умолкли стальные жерла, изрыгавшие огонь. Паулюс улегся на кровать и впал в полузабытье, ему слышны были за перегородкой разговоры Шмидта со штабными офицерами.

Шмидт-торгаш продолжал обсуждать ситуацию. Он кричал, что большевикам не надо верить. Только начнутся переговоры о капитуляции, они дернут удочку. И заморят голодом. Капитан Дормейер! Идите и привезите контейнер, там продукты. Провиант нам понадобится.

Узнав, что домовитый Дормейер уже привез в подвал достаточно консервов и галет, Шмидт задумался. Капитуляция? А что дальше? Русские, по-видимому, потребуют, чтобы генералы и офицеры сняли погоны и орде-

[1] Штюльпнагеля пощадила партизанская пуля; и не бомба стала причиной его гибели. Он был повешен по приказу Гитлера за причастность к генеральскому путчу 20 июля 1944 года. На допросах выдал Э. Роммеля.

на. Придется протестовать, требовать, чтобы соблюдалась Женевская конвенция! Он не пойдет на Голгофу без знаков отличия!

Шмидт, обращаясь к полковнику Адаму, первому адъютанту армии, спросил, закрепят ли русские письменно то, что обещали, посылая парламентера.

— Не знаю. Мы же прогнали парламентеров,— ответил Адам.— Стреляли по ним.

Шея у Шмидта побагровела. Негодяй! Еще болтнет об этом в плену.

— Мы должны проявлять твердость,— петушился Шмидт.— Должны поставить им условия. Обмен оружия и боевых припасов на право иметь крышу и питание, ждать конца войны в привилегированном лагере. Напомнить о Женевской конвенции. О чем мы еще можем договориться? О медикаментах. О теплой одежде. При этом не попадать в полную зависимость. Раскрывать подоплеку, обман. Искренность и честность, я думаю, присущи только немцу. А эти — азиаты! Если что узнаешь, Адам, шепнешь мне на ухо. Чтоб не слыхали другие.

Адам молчал.

До слуха Паулюса доносились незнакомые голоса. Кто-то предлагал просить русских, чтобы позаботились о немецких солдатах. В ответ послышался нервный смех, но смех сразу же оборвало суровое:

— «Что же тогда останется от германца, подданного самого сильного государства в мире?» Странные слова. Они предназначены для замаскированных сыщиков. Для агентов Гиммлера.

Адам советовал подготовиться к расставанию со Сталинградом. Он немцев угнетает, им нужен другой климат. А беседу можно продолжить и в лагере военнопленных. Для начала не мешало бы подучиться должным образом именовать советских полковников и майоров. И даже лейтенантов. Теперь немцы будут получать из их рук все — от пуговицы до кирки и лопаты.

Его перебил Шмидт:

— Вы разве не знаете, что нельзя ничего принимать от советских войск?

Гудели развалины универмага. На стенах проступали трещины. Могила. Склеп. Едкий дым, въедаясь в ноздри, перебивал запах аммиака. Шмидт облил себя французскими духами, наполнив помещение неприятным пахучим теплом. Бросил на пол и стал топтать са-

погами парижский туалетный прибор из слоновой кости. Все равно иваны отберут. Выругался, увидев мечущегося румына-генерала. Тот плакал, слезы сбегали по его грязным небритым щекам. Он вытирал их черной бараньей шапкой.

— Знает ли об этом маршал Антонеску? Кто в Бухаресте пошлет нам силы на выручку?— хрипел он на исковерканном немецком языке.

Красный, как рак, Шмидт со злобой набросился и на него, назвав подлецом за то, что у румын никогда не было веры в победу вермахта. Трусы и негодяи, за счет советских земель мечтают создать какую-то Транснистрию, а проливать кровь не хотят.

Паулюс вышел из своего помещения, прервал Шмидта:

— Перестаньте!— сказал он устало, опустившись на жесткий стул.

И спокойно заговорил с бухарестским полководцем на его родном языке. Еще в молодости этому языку учила Паулюса его жена-румынка.

— Пока в кресле Антонеску, надежда на помощь остается,— заверил он румына, сам не веря своим заверениям.

Шмидт сбрасывает домашнюю куртку, в которой он любил работать, облачается в форму. Молчит. И даже жалеет о том, что оскорблял румына. Кто его предки? Даки? Римляне? Или из другого племени, менее почитаемого?

Шмидт вынул из портсигара сигарету, но никто не подал ему огня.

Паулюс тоже пришел в себя. У него усталый вид. Глаза воспалены. Ему почудились звук мотора и скрип снега под обувью. Пошел за перегородку, лег в постель.

По ступенькам подвала кто-то стукнул сапогами, рядом кто-то крикнул, кто-то застонал. По ступенькам спускались перетянутые ремнями, в полушубках, вооруженные люди. Советские офицеры и солдаты.

Когда Паулюс увидел светло-серые папахи, белые овчинные полушубки, амуницию, советское оружие, когда услышал русскую речь, он почувствовал себя как бы бестелым. Внутри все закостенело. Теперь это был уже другой человек, вымерзло, испарилось в сизом морозном воздухе его армейское положение и совершился уход из вермахта.

Он как бы выпадал из рутинной истории вермахта.

Разорвалась биография, разорвалась разом катастрофически. Он осознавал, что от неизбежности, неотвратимости судьбы, от приближения всего этого день ото дня усиливалось его физическое и нервное переутомление, наваливалась неприязнь ко всему окружающему. Исподволь подкрался физический надлом, породивший безразличие и апатию. Различая предметы и людей, находясь среди них, он чувствовал свое полное одиночество, отрешенность от мира.

Так чувствует себя тот, кто потерял все, что было смыслом бытия, целью. Так чувствуют себя люди на кладбище, потерявшие последнюю опору.

Плененный фельдмаршал снял ремень, освободился от легкой тяжести пистолета, последний раз взглянул на стены опостылевшего подвала. В бетонном убежище, засыпанном штукатуркой и обломками, оставались груды полусожженных бумаг, тряпье, каски, оружие. Какие-то ящики. Из этой преисподней со скользкими ступенями фельдмаршал поднимался вверх, к зимнему свету. Скорей бы глотнуть свежего воздуха!

Перед Паулюсом развернулась придавившая все панорама разрушений. Когда-то он видел развалины городов в Польше, во Франции. Но разве можно сравнить с теми руинами то, что было сейчас перед его взором! Мертвый город. Вздыбленное пространство, казалось, находится по ту сторону реальности. Развалины выглядели тем более зловеще, что всюду лежали убитые и замерзшие. Крестов нигде не было. Бескрайняя покойницкая, где саваном служил снег. Так они и истлеют. Без могил, без благословения, без прощального слова, без креста.

Сколько раз подписывал он донесения и сводки, в которых назывались многозначные цифры — число убитых, растерзанных авиационными бомбами и артиллерией. Эти цифры для генерала означали лишь определенную потерю боеспособности частей — полков и дивизий.

Теперь при виде трупов и пленных у него захватило дыхание. Перед ним текли толпы призраков — то, что некогда было его боевой силой. Ему трудно признать их своими. Чужими для него стали даже самые ближайшие соратники. И прежде всего тот, что мельтешит поблизости — Артур Шмидт, бывший генерал с рыбьими глазами. На Шмидте распахнута шинель, под ней натянут мундир со слегка выцветшим ворсом, тщательно вычи-

щенный. Форма с регалиями, не имеющая ничего общего с его теперешним положением. Он, видно, еще не вполне осознает, что та жизнь, которую он вел до этого, рассеялась, как пороховой дым.

Нет, фельдмаршалу, пожалуй, ближе и понятнее толпа призраков, нежели те, что с ним рядом. Его связывает с этими призраками-людьми, в похожих на речную тину лохмотьях, язык и привитые им в вермахте какие-то привычки. Внезапно обнищавший фельдмаршал в поношенном генеральском мундире тоже превратился в призрак. Теперь для него все вокруг ненужное...

В степи разыгрывался буран. В закоулках ветер ворошил пепел, смешивал его со снежной пылью, с мусором.

IV

В рейхсканцелярии, узнав о кончине 6-й армии, никто из бонз не упал на колени, не возблагодарил бога за то, что германские генералы с такой доблестью и рвением бросали в бои солдат, гнали их в могилу, защищая порожденный фюрером новый порядок.

Но даже бюргеры третьего рейха с ужасом слушали сводку немецкого верховного командования, транслируемую по радио. Она была преисполнена бодрости:

«Битва за Сталинград окончена,— деловито бубнил диктор.— 6-я армия под образцовым руководством генерал-фельдмаршала Паулюса была подавлена превосходством врага и силою обстоятельств. Ее судьбу разделили дивизии противовоздушной обороны, германской авиации, две румынских дивизии, итальянские части и один хорватский полк. Еще не настало время для оценки хода боевых действий, которые привели к таким событиям. 6-я армия продолжала держаться в условиях полного окружения. Авиация, испытывая огромное напряжение и тяжелые потери, оказалась не в состоянии обеспечить достаточное снабжение по воздуху. Возможность снятия осады постепенно совершенно отпала».

Очевидцы по-разному передают состояние фюрера в тот час, когда он услышал о капитуляции остатков паулюсовских войск и пленении самого фельдмаршала. Одни утверждают, что при этой вести голова фюрера содрогнулась, брови сошлись на переносице и рот искривился. Другие говорят, что вначале он был деловито спокоен, как гробовщик. Только воскликнул: «Сукин сын! Он что! Сдрейфил?» Но шоковое состояние продолжалось недолго.

Какое-то время спустя в нем закипела жажда мщения. Владыка нацистского рейха распорядился вызвать адмирала Канариса — шефа разведки, начальника всемогущего абвера. Адмирал услышал глухой прерывающийся голос Гитлера. Слова звучали словно горячечный бред:

— Как можно быстрее... Паулюса. Живого или мертвого. Доставить сюда. Это же отпетый мерзавец! Ничтожный трус!

— Но он уже давно у русских!

— Ничего не значит. Преступник Паулюс и его генералы заслуживают смерти! Вы слышите: живого или мертвого! Не жалейте ничего. Ни жизней, ни денег. У нас всего хватает. Живого или мертвого Паулюса ко мне. Поставить на ноги всю агентуру. Если надо — бросить десант. Еще не поздно! Вы это умеете. Не вас учить.

— Да, мой фюрер! — произнес Канарис, глядя в глаза шефу. Фюрер показался ему ростом ниже, чем раньше, осевшим к земле.

— Вы это умеете. Возьмите десять, сто, двести самолетов. Ничего не жалейте. Бросьте туда самых сильных, здоровых псов. Тысячу-другую перебьют, но пусть останется один и привезет мне Паулюса, это будет оправданно. Отвечаете за все вы лично! Говорю вам — еще не поздно!

— Да, мой фюрер!

«Тоже Иуда,— подумал о Канарисе фюрер.— Тоже предаст». Непривлекательный маленький человечек с желтоватым цветом лица и курчавыми черными волосами исчез.

В Берлине был объявлен трехдневный траур. Звучали мощные мелодии из опер Рихарда Вагнера, сотрясая февральскую сырость. Под аккорды «Гибели богов» Берлин прощался с погибшей на фронте некогда могущественной 6-й армией...

Фюрер болезненно, с симптомами припадка воспринял пленение фельдмаршала не только и не столько из престижных побуждений. Дело в том, что Паулюса он считал своим ближайшим сотрудником. Паулюс слишком много знал из того, как готовилось нападение на Советскую страну. Мозг фельдмаршала хранил это. Паулюс был главным автором стратегических директив и планов. Такую голову отдавать большевикам нельзя. Но адмирал Канарис мог бросить своих верных «псов»

на захват военнопленного Паулюса только в том случае, если б он имел достоверную информацию о его местопребывании. Информации такой не было.

Лихорадочно заметалась агентура, самые важные пружины немецкой разведки пришли в действие. И, кажется, кое-кому из агентов Канариса из самых изощренных специалистов, сотрудников разведшкол удалось перемахнуть через линию фронта, проникнуть во многие заповедные пункты сосредоточения немецких пленных.

Но немецкие агенты один за другим попадали в ловушки, расставляемые «смершем»[1], их усилия тихо, без шума и треска проваливались. Имя Паулюса они нигде так и не нашли, в немецких шпионских центрах ничего о его судьбе тогда не узнали.

А находился фельдмаршал Паулюс в первые дни после пленения совсем близко от линии фронта, в деревушке Зворыгино. Совсем рядом.

В Берлине делать ему было нечего. Прошлое оборвалось. Паулюса теперь одолевали другие заботы. В Бекетовке, а потом в Красногорске перед Паулюсом протянулся длинный ряд воспоминаний тех времен, когда он вместе с Браухачем и Гальдером готовил генеральный план восточной кампании, как старался исполнить волю верховного командования и все в то время даваемые ему поручения.

Лето и осень 1940 года. Время бумаг — расчетов и меморандумов. Цвет немецкого генералитета, самые выдающиеся умы вермахта взялись за составление плана уничтожения огромного государства на Востоке. Этот план именовался на официальном языке сначала «Ост», затем «Отто» и, наконец,— «Барбаросса». Разработкой последнего варианта руководил он, Паулюс.

...Однажды Паулюса вызвали в рейхсканцелярию. Кроме него туда же прибыли еще трое — фон Браухич, Кейтель и Гальдер. Встретив их стоя на коврах кабинета, фюрер поместился затем в конце своего стола, близ которого красовался огромный глобус. Заметно сгорбившийся, Гитлер несколько раз пытался скрестить руки на груди. Но они никак не держались, расплетались, и тогда он клал их на стол. Паулюс чувствовал себя спокойно. Знал, как первый обер-квартирмейстер[2], что он

---

[1] Советская контрразведка периода Великой Отечественной войны.

[2] Заместитель начальника генерального штаба.

сможет ответить на любой вопрос, находящийся в его компетенции. Так тщательно было все взвешено.

Произнеся ничего не значащие фразы, фюрер пристально глянул на каждого, точно угадывая в них что-то значительное. Ну и как же! Здесь же собрались признанные германские стратеги. Мыслители вермахта в одном ряду с Мольтке и Шлиффеном!

Он стал говорить в дружеском доверительном тоне. Начал издалека:

— Один наш генерал-майор, я имею в виду известного вам Эриха Маркса из восемнадцатой армии, старательно поработал, готовя тот самый план, который всем нам необходим. План меня разочаровал своими серьезными дефектами. Много прожектерства. Бесформенность замысла. Распыление сил. Что я ему сказал? Загоните большевиков между молотом и наковальней. Наковальня — это танки, молот — люфтваффе. Что делают танки и пехота — мы это видели во Франции и Польше. Возможности люфтваффе раскрыл Дюнкерк. Ничего этого не понял Эрих...

«Еще бы»,— подумал Паулюс. Он во Франции не раз встречался и разговаривал с тупоголовым стратегом из 18-й армии и удивился, что кто-то надоумил фюрера привлечь эту крысу к столь важному делу.

Гитлер вздохнул и продолжал свое сообщение, из которого явствовало, что другой генерал, Зоденштерн, с его, гитлеровского благословения, тоже трудился над планом кампании. Его план, по словам Гитлера, был бы хорош, если б не предоставлял большевистским силам слишком большую свободу действий. Сопоставляя эти проекты, фюрер вдруг понял их подспудные погрешности и пороки, вспомнив свою родную мать, потешавшуюся над некоей Гретхен, портнихой из местной общины. У всех ее платьев было что-то общее. Они были похожи одно на другое, хотя и различались размером и цветом. Для Гретхен это было простительно. Но нельзя, чтобы печать убогости отмечала стратегические планы исторических операций. Побед по таким планам не бывает.

Присутствующие так и не узнали, сменила ли фасоны фрау Гретхен — фюрера отвлекла муха.

Отогнав ее, Гитлер стал говорить о том, что после окончания первой мировой войны по Версальскому миру Германии было определено место в Европе. Это ничтожное место совсем не соответствовало ее столь великому историческому прошлому. С разгромом Польши и

Франции, справедливость частично восстановлена. На очереди Англия. С китайцами нет смысла предпринимать что-либо. Чан Кайши и другие лидеры «Поднебесной»—прохвосты. Надо идти на Восток. Крестовый поход против большевистской России. Этот грандиозный политический план нужно дополнить стратегическим планом. Планом «крестового похода» против большевизма.

Ознакомив генералов с документами, фюрер смотрел в упор в их беспристрастные лица.

— Итак, считаю, что эта проблема вам известна,— сказал он, повернувшись к Паулюсу.

— Готов служить, мой фюрер!

Гитлер был доволен. Стал говорить не слишком резко. Продолжил беседу в форме предложения. Он предложил генералу Паулюсу обобщить имеющиеся разработки. Сделать один план. Фюрер, не замечая Браухича, Гальдера и Паулюса, разговаривал сам с собою, называя кого-то старой, отупевшей клячей, грозя упрятать другого за решетку. А кое-кому и отрубить голову.

— Только работать!— подчеркнул он.

Последнее Паулюсу было совершенно ясно. Ясно с тех пор, как он впервые одел военную форму. Но сейчас он физически почувствовал, как высоко ставят его профессионально.

Фюрер наконец сообщил, что возлагает на Паулюса основные обязанности по разработке военно-стратегического плана будущей восточной кампании. Документ должен дать недвусмысленный ответ на два вопроса: «Сколько потребуется времени, чтобы выйти к Москве?» и «Сколько времени приблизительно займет разгром Советов?» Он попросил вспомнить, что сказано в трудах Мольтке.

Паулюс доложил, что он сторонник того, чтобы использовать некоторые идеи Мольтке-старшего. Например, относительно столиц государств. Ставя ближайшим объектом плана — нанесение удара по живой силе врага, Мольтке видит конечную цель в захвате жизненного, умственного, культурного центра, то есть выбирает объектом действий такой географический пункт, который стратегия допускает.

Это означало бить в самую чувствительную точку страны. Этот пункт невольно должен был притянуть для своего спасения и живую силу, с которой немецкая армия справится без труда, так как наилучше организованные силы неприятеля уже ранее этого должны быть смя-

ты и отброшены. Мольтке основывал свой успех на более быстрой мобилизации, на превосходстве в силах, на уверенности застать противника врасплох в минуты его приготовления к войне, на вероятности встретить у противника крайнюю нерешительность в предположении и планах действий, а следовательно, по возможности сразу же нанести ряд сильных ударов. Идеи Мольтке применены. Надо вспомнить Париж.

В расчетах своих Мольтке принимает в соображение и невыгодные для себя условия, учитывает возможные случайности и способы противодействия. Он учитывает также необходимые средства для осады вражеской столицы. Гитлер кивнул.

— Господа, Мольтке, как и Шлиффен, по справедливости может быть признан великим стратегом подготовки войны,— заметил фюрер.

Теперь надо было слушать только фюрера нации.

— Первое. Высокая техника современной войны побивает время и пространство. Быстрота становится лозунгом дня. Операции, раньше требовавшие многих месяцев, теперь выполняются в несколько дней. Сколько километров дорог приходится у них на квадратный километр? Да, мало. Но это неважно. Расстояния, которые раньше считались непреодолимыми, теперь покрываются в несколько часов. Огромные перемены. Их надо использовать. Смелее использовать германскую мощь.

Второе. Арифметика превосходства служит нам. Территория, естественные ресурсы. Промышленные возможности — вся Европа работает на нас. Это важно, но это не все. Хорошо мобилизованные ресурсы. Это у нас есть. Россия... Не должны пугать нас грандиозные цифры ее населения, индустриального развития, естественных богатств-ископаемых. Их они не успеют мобилизовать.

Третье. Инициатива. Она у нас.

Четвертое. Время. Расширить сырьевую базу, вовлекать весь потенциал Италии, Балкан, может быть, Испании и Португалии. Кто кого обгонит? Конечно, мы. Кратко доложите оперативные вопросы.

— Мой, фюрер,— начал было Браухич,— поражение войск кайзера....

Но Гитлер перебил его:

— Германская армия в войне 1914—1918 годов не потерпела ни одного поражения. Капитуляция Германии объясняется только событиями в тылу! Государственная измена. Но для предотвращения этого у нас сейчас есть

гестапо и формируются части СС. Части быстрого развертывания. Что вы об этом скажете?

Вопрос был задан не только Паулюсу. Но Паулюс чувствовал, что ответа на вопрос фюрера он не находит. При всей своей необыкновенной способности к хладнокровию, или, вернее — холодно-расчетливой работе в кабинете, Паулюс в присутствии других иногда терял спокойствие духа и сам портил то, что великолепно обдумывал наедине. Разумеется, у Мольтке насчет эсэсовских формирований ничего не было сказано.

На свой вопрос дал назидательный ответ сам фюрер.

Части СС были любимым детищем Гитлера[1]. Он сказал, что в оперативных планах должно предусматриваться их широкое использование для разведывательной службы, охраны тыла и организации военной администрации в ходе оккупации. Но не только это.

— Части СС,— заключил Гитлер,— будут решать самостоятельные задачи и выполнять совместные действия с другими соединениями. Их мы по численности доведем до миллиона и используем в качестве высокомобильного резерва командования группы армий или армейского корпуса. Они должны действовать в полном составе для быстрого нанесения глубоких ударов, ведения высокоманевренных действий на большом пространстве, сковывать русские силы в обширном районе. Они будут также действовать полками и побатальонно для последующего нанесения и наращивания ударов по русским, непрерывно воздействуя на их объекты...

Гитлер остановился, мокрая челка прилипла ко лбу. Ему подали минеральной воды.

— Относительно Москвы и Ленинграда,— изрек фюрер.— Их сравнять с землей, чтобы полностью избавиться от населения и не кормить его в течение зимы. Средствами авиации и инженерных сил. Танки в такой операции не нужны. Кто может оспаривать право немцев уничтожать людей низшей породы? Естественный инстинкт приказывает всякому живому существу не

---

[1] Дивизии СС «Адольф Гитлер», «Великая Германия», «Мертвая голова», «Викинг» и другие состояли из бандитов и убийц, они повинны в массовом уничтожении людей в лагерях смерти, в карательных акциях и т. д. Кое-кто на Западе хотел бы обелить преступников. В дни, когда народы мира отмечали 40-летие разгрома фашистской Германии, президент США Р. Рейган посетил кладбище в Битбурге (ФРГ), где похоронены солдаты СС, и почтил их память.

только побить своего врага, но и уничтожить его. Это сказал профессор Дарре. Но лучше не скажешь.

Фюрер взглянул на генералов:

— Я возлагаю на вас задачу — разгромить большевиков, как разгромил Ганнибал римлян под Каннами.

Аудиенция закончилась. Генералы вышли во двор рейхсканцелярии.

Было 8 сентября 1940 года.

С того дня Паулюс, избавившись от всех прочих обязанностей, работал только над планом.

V

Паулюс еще раз подумал о том, что убитый человек уносит в глазах образ того, кто его убил. Когда умрет он, генерал-фельдмаршал, он унесет в своих глазах... Цоссен!

Цоссен недалеко от Берлина. Полчаса езды на «оппеле». Попасть в него легко, надо лишь пересечь кольцевую автостраду. В Цоссене жили богатые семьи. Виллы и дома в Цоссене выглядят как крепости,— настоящие, с башенками и эркерами, с черными металлическими оградами. И ограды, и строения утопают в зелени и цветниках. В восемнадцатом, во время развала империи, здесь собирались силы для ударов по берлинским бунтовщикам. Здесь бывали и не раз, столпы тогдашнего режима — Эберт, Носке, инспектируя добровольческие отряды Freikorps, навербованные для расправ с жителями городских окраин... После Берлина, затемненного, молчаливого, Цоссен выглядел раем, где господствовали уют и тишина...

Совсем рядом, в сосновом лесочке, расположился лагерь «Цепеллин» с подземными железобетонными казематами за бетонными стенами. Там тоже царили уют и тишина. Почти такие же, как и здесь, в Красногорске. Только тут уют и тишина... лагерные.

Паулюс попросил красногорского коменданта дать ему возможность работать в библиотеке, чтобы изложить свои размышления.

Пленного фельдмаршала снабдили толстой тетрадью большого формата в черном переплете. Тетрадь ему понравилась. Он развернул ее и в левом углу написал от руки:

«Паулюс.

Генерал-фельдмаршал бывших германских вооруженных сил.

Размышления о событиях с 8 сентября 1940 года по 20 января 1942 года».

На первом листе фельдмаршал начал свои воспоминания словами:

«При постановке вопроса о том, как планировались операции на Востоке, надо рассмотреть итоги военной игры, которая проводилась под моим руководством в в декабре 1940 года, 2-го числа в Цоссене...»

Фельдмаршал отложил перо, задумался. Может быть, надо начинать не с описания штабной игры, а с событий, ей предшествовавших? Да, пожалуй, лучше начать с самого плана, с показа сконструированных им стратегических идей, того, что позже проигрывалось...

Итак, получив ясное и определенное задание, Паулюс занял в Цоссене кабинет, куда приказы поступали только от Браухича, Гальдера и иногда — от самого фюрера. Свою работу с группой планирования, состоящей из начальников штабов групп армий, начал с того, что детально ознакомился с плодами творчества своих предшественников — Эриха Маркса и Зоденштерна. Убедился, что их планы и в самом деле напоминали два платья, сработанные одной и той же портнихой, только одно из них оказалось несколько суженным книзу, другое — расклешено. Но оба не доходили до колен, еле-еле прикрывая формы повыше. Но, как известно, кроить и шить платье надо с умом. Оно не должно быть слишком коротким или слишком длинным, чтобы служить своему назначению.

Этим подсознательно фактически и руководствовался Паулюс. Для самого Паулюса и для каждого стратега из группы планирования наступило время надежд, веры в свою звезду. В разговорах зазвучали громкие названия европейских городов, поверженных и раздавленных. Варшава, Копенгаген, Осло, Роттердам, Амстердам, Брюссель, Дюнкерк, Париж, Белград, Афины...

Установки фюрера облекались в форму проектов директив, приказов, распоряжений, диаграмм и подобных им документов. Подменялись условными знаками прозвучавшие из уст фюрера изречения. Паулюс навсегда запомнил содержание этих бумаг, многочисленных статистических данных, содержание таблиц и карт. Сказанное может быть забыто. Документы, а особенно карты,— нет. Они отпечатываются в мозгу, говорят сами за себя. Они

становятся частью серого мозгового вещества в черепной коробке планировщика.

Вот почему в Красногорске Паулюс почти по одной только памяти мог все восстановить и изложить вновь на бумаге. Проект Паулюса предлагал идти традиционным путем. Нанести основные удары на трех направлениях — Ленинград, Москва, Киев. Если для овладения Францией потребовалось полтора месяца, то для захвата Советской России нужны два-три месяца.

Оперативно-стратегическая схема «блицкрига» представлялась им в виде быстрого прорыва советской обороны механизированными и танковыми войсками при поддержке тактической и армейской авиации; парирования контратак и контрударов броневых сил большевиков «юнкерсами»; стремительных и глубоких рейдов воздушно-штурмовых соединений и частей с целью нанесения разящих ударов; деморализации красноармейских частей и разгрома их в кратчайшие сроки. Было принято во внимание, что благодаря направлению железнодорожных линий для сосредоточения сил, советские войска окажутся разбросанными на обширных пространствах.

План строился на расчете отсутствия у русских организованных резервов, стратегического интеллекта, на недостатке серьезного военного образования у офицерского состава, особенно на высших командных должностях, на большом недокомплекте материальной части — словом, на полном отсутствии должной подготовки к войне и обеспеченности. Исходили из того, что все наличные советские силы к моменту дня «Д» находятся на границе.

План кампании составляли в несколько этапов. В результате получилась документация, обросшая многими таблицами, расчетами, выкладками, обоснованиями, дополнениями и пояснениями. Она сама, документация, стала чем-то таинственным и очень важным. В бумаге появилось что-то мифическое...

Еще встреча с Гитлером.

Кабинет фюрера.

Гитлер поднял голову. Паулюс увидел немигающие уставленные на него глаза. Выделялось длинное лицо, покрытое пятнами. Ко лбу, так же, как и во время первой аудиенции, прилипли пряди черных волос. Он выдвинул ящик письменного стола.

— Вы не отказываетесь от этих бумаг?

Взглянув на свой план, Паулюс ответил:

— Нет, мой фюрер. На мне лежит ответственность.

Паулюс чувствовал себя вполне уверенно. «Ум отважный и здравый». Такое заключение о нем сделал Гитлер.

Паулюс услышал его голос:

— Я поручил вам это задание, считая, что вы обладаете необходимыми качествами: способностью разумно все осмыслить и проявить долю предвидения. Я напомню вам основное. Конечной целью операции является выход на рубеж Архангельск — Волга... Выход к Волге будет означать разгром противника, конечный результат. Победа определяется Волгой. Ею мы отгородимся от азиатской России, которой займется Япония. Волга — это конец войны. Чисто военное решение — Москва. Экономическое решение — Волга. Мольтке учил, что ошибка, допущенная при первоначальной расстановке сил, едва ли может быть исправлена в ходе войны. Чтобы избежать ошибок, надо проверить проект на оперативно-стратегических играх, на картах.

Генералы вернулись в Цоссен. Игры необходимо провести в Германии — в Цоссене и во Франции — в Сен-Жермене.

Браухич считал, что основным содержанием учений на картах должна быть отработка вопросов организации безостановочных глубоких операций и широкого пространственного размаха, но необходимо помнить и об оборонительных действиях. Но никому не хотелось думать об обороне. О ней никто не говорил. Имелись лишь цифровые выкладки. Все, что вошло в документы,— основательно, надежно.

— Помните Мольтке? Он работал над планами так, что когда началась война, с полным правом сказал: «Я могу, наконец, отдохнуть».

Перед учениями все было разработано в деталях. Войска мобилизованы и ждут лишь приказа. Система ведения войны, примененная Мольтке, основана прежде всего на подготовке войны до такой степени, чтобы войска перед ударом напоминали туго сжатую пружину, сила которой, как рок, неотвратима.

Цели наступления: «Первая цель — Украина, включая Донбасс, Ленинград. Главное направление — Москва. Конечная цель — Волга, Архангельск... Следует ожидать, что русские, даже если они захотят использовать свои обширные пространства и первоначально отступят,

позднее вынуждены будут остановиться для борьбы за эти районы».

«Голубые» готовы броситься на врага — на «красных», обладая полным знанием того, что и как нужно делать. Первый опыт — война с Польшей и разгром Франции — Паулюсу был нужен для того, чтобы увидеть на деле вермахт, изучить его плюсы и минусы. У крупномасштабных карт Восточной Европы, сплошь покрытых условными обозначениями, склонились командующие армиями и корпусами, убывающие на новый театр военных действий. Когда Франция была раздавлена, генштаб извлекал выгоду из ожидавшихся медлительности и малоподвижности «красных», молодости и неопытности их генералов и поставил залогом успеха блиц — быстрое наступление с целью захватить противника врасплох.

На первой штабной игре на картах воспроизводился план наступления на Польшу, форсирование Вислы. Пункты рассредоточения там находились в лесистой местности. Польские земли покрыты лесом. Эта комбинация вызвала у некоторых участников «игры» сомнение. Везде ли леса на границах России?

Лес... В нем надо видеть залог внезапности и безопасности, так как сама функция советских пограничных войск обеспечивала вермахту своевременное соредоточение сил перед прыжком.

Начинать надо с ликвидации пограничной стражи. Сколько всего советских застав?

— Семьсот девяносто шесть,— ответил начальник разведки сухопутных сил Типпельскирх.

— На их уничтожение — тридцать минут!

— Не мало ли? У них есть Брестская крепость. Перемышль...

— Вы хотите добавить вам еще одну-две минуты? Возражений нет[1].

Пока генералы ломали голову, как решить пограничную и лесную проблему, поступили данные о новой обстановке.

«Голубые» вторгаются на Украину и Белоруссию, их мощные танковые клинья входят между собою в связь. «Красные» все еще сосредоточиваются у Винницы и

[1] Участок от Карпат до устья Дуная пограничники плечом к плечу с передовыми частями Красной Армии обороняли одиннадцать суток. Подвиг гарнизона Брестской крепости широко известен. Крепость держалась более месяца.

Минска. Захваченные врасплох, они теряют управление, не могут принять всех необходимых мер противодействия и совершают много ошибок во время самого хода кампании.

Что из этого вытекает?

Громить Россию следует в ходе быстротечной кампании... На стороне «голубых» быстрота! У них — никаких задержек, они обходятся без железных дорог! Достигают всего, используя мотор! Безостановочное проведение операции зависит от снабжения, базирующегося на моторе. Почему необходима безостановочная операция? Нужно стремиться теснить русскую армию, не позволив ей задержаться на рубеже Днепр — Двина; 500 км — до целей в северной части России, еще 500 километров — до других целей; в итоге 1000 километров.

— Горючее. Суточная потребность в горючем вермахта и люфтваффе?

— Двадцать четыре состава горючего ежедневно.

— А у нас в наличии?

— Шестнадцать составов...

— Надо подумать, как выйти из положения.

— Думайте.

Разработчики плана и те, кто его репетировал, проявляли проницательность и широту взглядов. Они все взвешивали, все предусматривали. Так и должно быть у немецких стратегов!

Паулюс поставил задачу: что надо сделать, чтобы не допустить организованного отхода «красных» от границ. Один из стратегов нащупал слабое место русских и ударил танковыми клиньями, всеми силами продвигал эти клинья как можно дальше в глубину. На Украине: Броды — Ровно — Житомир. Брешь пробита, соотношение сил быстро изменилось в пользу «голубых», и они получили полную свободу действий.

«Общий отход противника!»— это безусловно. Основной клин — двумя танковыми группами на Минск, и танковый таран двух группировок до тысячи танков — на Смоленск. Здесь надо повторить прыжок сорокового года к Марне. Потеря времени! Это самое опасное.

— Противник, видимо, тоже будет бороться за выигрыш времени.

— В столь печальной для него ситуации? Сомнительно!

Это была бумажная война, разыгрываемая на картах, схемах, диаграммах. Разыгрывался сценарий возмож-

ных операций отборных германских сил на полях и в лесах восточноевропейского региона. В этой «бумажной войне» участвовали не натуральные войсковые подразделения, а только командный состав, его высшие звенья. Здесь участвовали и те, кто знал настоящую войну, войну на просторах России. Они вспоминали иногда даже имя русского генерала Самсонова, потерпевшего поражение в Восточной Пруссии в 1941 году.

Для того времени это были не очень давние события. Могли бы они вспомнить и прорыв генерала Брусилова. Но не вспоминали. Почему-то казалось, что Красная Армия не имеет ничего общего с тем, что имело место в первую мировую войну. Все-таки должно рассыпаться! Другая техника. Другое поколение солдат. Другие идеи. Да и фюрер, разве он сродни кайзеру! Начал с ефрейтора, а поднялся до ганнибаловых высот.

Да, конечно, в Цоссене и Сен-Жермене бушевала «бумажная война» на географических картах от Балтики до Черного моря. Но отнюдь не бумажные армады «юнкерсов», «хейнкелей» и «мессершмиттов» были готовы к немедленному вылету. Не бумажные кораблики бороздили моря. Не картонные танки гремели моторами на полигонах...

Более ста семидесяти гитлеровских дивизий подготовились по первому сигналу двинуться в путь. «Дранг нах Остен!»

Встал вопрос:

— Сколько дивизий у русских?

Во время учения немцы считали, что их двести девять. Сто семь стрелковых дивизий — первая волна, семьдесят семь — вторая волна, двадцать пять — третья волна.

ОКХ считало критерием успеха всего похода — направление главного удара на Москву, так как здесь будут разбиты развернутые на этом направлении основные силы Советского государства.

Гитлер требовал, чтобы центральная группа армий после уничтожения советских войск в Белоруссии сначала повернула бы часть своих сильных подвижных группировок на север, имея в виду, что во взаимодействии с северной группировкой она должна уничтожить войска противника, сражающегося в Прибалтике, и далее, после овладения Ленинградом и Кронштадтом, наступала бы на Москву.

Дискуссию вызывали юг России и Кавказ.

Область южнее устья Дона и Волги имеет особое значение как для обороняющихся, так и для наступающих. Она поставляет восемьдесят девять процентов всей нефти и шестьдесят процентов всей марганцевой руды Советского Союза.

Вот где собака зарыта!

В трудах Мольтке о нефти и марганцевой руде ничего не говорилось.

Зато Крупп, Шахт и другие видели эти районы во сне. Тут было о чем порассуждать.

Вывод из учений:

«Мы владеем достаточными силами, обеспечивающими нам быструю победу».

Был разработан итоговый документ. В нем отмечался определенный недостаток сил, особенно резервов. Тем не менее на всех дальнейших этапах подготовки игнорировалось это обстоятельство. Слабость резервов предполагалось компенсировать внезапностью вторжения. «Восточный поход» предстояло выиграть единственным эшелоном войск.

12 декабря 1940 года был утвержден план «Барбаросса». Под этой директивой № 21 стояли слова: «Подписал А. Гитлер».

Груз забот свалился с плеч генерала Паулюса. Наступил январь сорок первого.

«Было бы слишком,— думал Паулюс в ту январскую ночь, когда в германской столице только что отзвучали праздничные колокола,— признавать всю работу ОКВ весьма и весьма безупречной. Но мне кажется, что обращение войны в документ, в котором все так глубоко предусмотрено,— это уже нечто, приближающееся к гениальности».

Уже в своей домашней библиотеке, чтобы трезво собраться с мыслями. Паулюс взялся — в который раз!— за мемуары Наполеона.

Ему хотелось, чтобы его мысли были подтверждены императором. Но в наполеоновских сочинениях ничего подходящего не находилось. На одной из страниц попалась на глаза фраза: «Военачальник не должен делать себе картину». Она содержала совет — не подчиняться воображению. Нет, какая уж там картина! При всех обстоятельствах уже западнее Днепра будет одержана полная победа над Красной Армией.

В другом месте Паулюс прочел: «Военное искусство входит в область психологии».

Император явно преувеличил, но доля истины в его идее есть. Психологию участников операции учитывают Геббельс и Кейтель. Геббельс считал, что Красная Армия сможет проявить некоторое упорство в боях потому, что она имеет комиссаров. Но это уже забота других ведомств. Например, эсэсовцев. У их фюрера есть проект об истреблении комиссаров. Так что с красноармейской психологией все обойдется простым и эффективным способом.

VI

Старинный русский город Суздаль.

Спасо-Ефимиевский мужской монастырь[1]. Трапезная.

За окном был виден высокий забор с постовой башней. Интересный пейзаж. Вот чем закончился для фельдмаршала «План Барбаросса». Паулюс не знал, как выглядел сам Барбаросса. В панцире ли он ходил в бой? Какие у него были меч и щит? В плену этот самый Барбаросса для фельдмаршала утратил всю свою красоту. Фельдмаршала больше интересовали события дня. Их лучше знал полковник Адам, посещавший антифашистские лекции.

Вильгельм Адам с интересом услышал о реакции западных информационных агентств о житье-бытье фельдмаршала Паулюса. Они распространяли измышления о том, что якобы бывший немецкий фельдмаршал полностью перешел на службу к большевикам и делится своими обширными познаниями с офицерами Красной Армии.

— Сами понимаете. Они вещают это со слов Геббельса,— заключил Адам.— Не так-то все это просто.

— Что же еще можно ждать от тех, кому платят за вранье!— печально усмехнулся Паулюс.— И все же, чего они хотят?

— На ваш вопрос ответить не могу. Чтобы все это понять, надо долго-долго изучать курс политических наук. Кроме теории, надо знать социальную практику. Надо изменить мышление. Размышлять так, как раз-

[1] Спасо-Ефимиевский монастырь в годы войны был местом содержания немецких военнопленных. А до революции патриарший престол содержал там, кроме монахов, административно заключенных за преступления против веры и церкви.

мышляют Тельман, Пик, Ульбрихт. А сейчас скажу, что передает Советское Информбюро. Немецкие войска отходят, пятятся назад, жестоко сопротивляясь на всех фронтах. В конце концов произойдет то, о чем говорится в листовках, адресованных немецким солдатам: «Гитлер — капут».

— Германия погибнет?

— Нет! Она будет жить! Враг Германии — фашизм. С фашизмом будет покончено. Думаю, что мы не усидим в этом монастыре-санатории, а включимся в борьбу за Новую-Германию.

— Очевидно, так и будет. А они еще говорят, что красных командиров надо учить. Мы должны еще учиться и учиться[1].

VII

Наступление продолжалось. Морозов, выписавшись из госпиталя, догнал свою часть уже на реке Миусе, у подножия высоты «Черный ворон». Александр Хоменко все также возглавлял штаб полка, только в звании майора и с орденом Александра Невского, а Морозова, старшего лейтенанта, назначили ему заместителем. Както во время рекогносцировки Морозов случайно подобрал на поле советскую листовку, предназначенную для немецких солдат и офицеров. В ней толково и ясно разъяснялись суть и исход Сталинградского сражения. На первой ее странице был изображен черный круг с белой цифрой «330 000», перечеркнутый крестом из жирных красных линий.

Морозов прочел:

«Lesen und Kameraden weltergeben!
Was ist vor Stalingrad geschehen?
Deutsche Offiziere und Soldaten!

---

[1] На Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками Ф. Паулюс выступал в качестве свидетеля, и здесь он оказался последовательным. В ответ на провокационный вопрос адвоката одного из фашистских преступников: «Правда ли, что он, Паулюс, в дни, когда его отечество находилось в состоянии войны с Советской Россией, читал лекции о стратегии в высшей военной академии противника?», фельдмаршал ответил: «Советская стратегия настолько выше нашей, что я вряд ли мог понадобиться русским хотя бы для того, чтобы преподавать в школе унтер-офицеров. Лучшее тому доказательство — исход битвы на Волге, в результате которой я оказался в плену, а также и то, что все эти господа сидят сейчас вот здесь на скамье подсудимых».

Am 2 Februar d. s. hat die Rote Armee die Vernichtung der bereits am 23 November 1942 bei Stalingrad eingekesselten 330 000 Mann...»[1]

Далее рассказывалось о том, что к 8 января 1943 года положение окруженных немецких войск стало безнадежным, и советское командование предъявило верховному главнокомандующему немецких войск генерал-фельдмаршалу Паулюсу ультиматум: во избежание дальнейшего напрасного кровопролития сдать оружие и тем самым сохранить жизнь десяткам тысяч немецких солдат. Командование советских войск гарантировало военнопленным полную безопасность, медицинскую помощь раненым и больным, а по окончании войны возвращение в Германию или любую другую страну по желанию пленного.

«Но,— говорилось в листовке,— генерал-фельдмаршал Паулюс отклонил это предложение советского командования.

Тогда войска Красной Армии 10 января перешли в решительное наступление. В результате этого со 2 февраля окруженных 6-й армии и 4-й танковой армии немцев больше не существует.

Окончательно были уничтожены: 11-й армейский корпус, 8-й армейский корпус, 14-й танковый корпус, 48-й танковый корпус, всего ликвидированы 22 дивизии, в том числе —44-я, 76-я, 94-я, 100-я (легкая), 113-я, 276-я, 295-я, 297-я, 305-я, 371-я, 384-я, 309-я пехотные дивизии, 8-я итальянская и 3-я румынская армии, входившие в группировку.

Из 330 000 окруженных под Сталинградом немецких солдат и офицеров более чем 240 000 погибло.

Огромное количество оружия и военного снаряжения стало трофеями, среди них только 750 самолетов, 1 550 танков и 6 700 орудий.

Солдаты, подумайте над тем, кому Гитлер и его клика посвятили смерть 24 000 ваших товарищей под Сталинградом.

Но 91 000 солдат и офицеров спаслись, сдаваясь в плен. Среди них 24 генерала, 100 полковников и более чем 2 500 офицеров других рангов».

---

[1] «Прочти и передай товарищу. Что произошло под Сталинградом? Немецкие солдаты и офицеры! 2 февраля сего года Красная Армия завершила начатое еще 23 ноября 1942 года окружение под Сталинградом сильной группировки немецких войск численностью 330 000 человек...» (*нем.*).

В листовке перечислялись имена генералов, захваченных в плен. Вслед за генерал-фельдмаршалом Паулюсом были названы: генерал-лейтенант Шмидт — начальник штаба группы войск, генерал-полковник Штреккер, генерал-полковник Вальтер Гейц, генерал-лейтенант Шлеммер, генерал-лейтенант Зейдлиц[1], генерал-лейтенант Пфеффер—командиры армейских и танковых корпусов. Названы были и командиры пехотных дивизий, а также бригадный генерал Димитриу и генерал Братеску — их послал в поход на Восток бухарестский грошовый маршал Антонеску.

Далее в листовке говорилось:

«Солдаты!

Наступление советских войск успешно продолжается. Северный Кавказ освобожден от немецких и румынских войск. Советские войска заняли все восточное побережье Азовского моря, взяты города Ростов-на-Дону, Шахты, Новочеркасск. Красная Армия вступила на земли Украины и заняла особенно важные города и промышленные центры Донецкого бассейна: Красный Лиман, Лисичанск, Краматорск, Изюм, Барвенково, Лозовая, Красноармейская, Ворошиловск и Ворошиловград. Советскими войсками освобождены областные центры Харьков и Курск, которые были заняты немцами с 1941 года. Красная Армия прорвала блокаду Ленинграда.

Немецкие солдаты и офицеры, которые сдались в плен под Сталинградом, пришли к убеждению, что война Гитлером проиграна. Сложив оружие, они нашли выход. У вас еще больше оснований сделать то же самое.

Оставьте Гитлера и его клику! Гитлер — это не Германия. Гитлеры приходят и уходят, а Германия остается.

Переходите к русским в плен, и вы останетесь в живых. Ради ваших семей, ради вашей немецкой отчизны!»

---

[1] Фон Зейдлиц-Курцбах наиболее колоритная фигура из плененных генералов. Принял активное участие в создании Национального комитета «Свободная Германия», выступил против Гитлера. В это время, при расследовании злодеяний фашистских войск на советской территории, возникло досье на Зейдлица — ему грозил расстрел. Но по ходатайству руководства комитета «Свободная Германия» советскими властями он был помилован. После войны Зейдлиц уехал в Западную Германию, написал мемуары: «Дважды приговоренный к смертной казни»— низкопробное сочинение, преисполненное самолюбованием и бахвальством.

Прочел, перевернул листок. Там слова, набранные крупным шрифтом: «24 немецких генерала в русском плену». В центре — в овальном оформлении — портрет взятого в плен генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса. Фоном ему служат двадцать три маленьких портретика — это генералы из его группировки войск.

Они бессмысленно сопротивлялись до самого февраля. Никак не хотели принять почетную капитуляцию, которую им не раз предлагали. Или хотя бы дали приказ: «Спасайся, кто может!» Такого приказа не было, и даже те, немногие, которые хотели вырваться из окружения, не сдавались в плен, а надеялись соединиться со своими.

Но бушевал огонь войны, в нем все сгорало...

Но не все.

Земля и жизнь на ней — вечны. Испепелить их невозможно.

После пожаров и долгой, очень долгой зимы, пришла весна. Растаял окровавленный снег. И опять заблестели ручьи. И разноцветные камешки, как всегда, стали тепло просвечиваться сквозь прозрачные слои воды.

Окопы обвалились.

Проросли семена на возделанной пашне.

ОТКРОВЕННО ГОВОРЯ

(Вместо послесловия)

1

Обычно, после того, как читатель познакомится с новой книгой, ему интересно получить некоторые сведения об авторе. Зная об этом, я хочу вкратце рассказать о себе.

С самого начала, очевидно, следует коснуться главного. Я непосредственно причастен почти ко всем событиям, о которых повествуется на страницах моей книги. Как выпускник военного училища, отправился на фронт и дрался под Серафимовичем, вместе со своими однополчанами оборонял Сиротинский плацдарм, неоднократно упоминавшийся в сводках нашего Верховного командования, где фашистская сила была в августе сорок второго года остановлена, а в ноябре опрокинута. Затем, на месяц выбыв из строя по ранению, попал в воинскую часть, которая гнала немецко-фашистские войска по степям Калмыкии до Ростова-на-Дону.

О том, как разрабатывались операции различных масштабов, как рождались стратегические и оперативные замыслы и планы в Ставке, в фронтовых и армейских инстанциях, знаю из опубликованных документов и материалов, а также по рассказам тех воинов-сталинградцев, которые стали героями моего повествования,

Тогда, в сорок втором, вассалы Гитлера направили на советско-германский фронт 65 дивизий. А мы воевали одни, без активной поддержки союзников,— сытые и сильные, они, прикрываясь красивыми фразами, отсиживались за морями и океанами. Тон там нередко задавали торговцы оружием, обитавшие в верхах сеятели смуты, путаники, развязные элементы и лжецы. Суть их «политики» сводилась к формуле: «Положить Германию в гроб, а Советы — в госпиталь».

Что же касается конкретно США, то ее заправилы и тогда жаждали установления своего военно-полицейского контроля над миром.

Пришло время, для США и Англии стало очевидным, что если они станут без конца тянуть с открытием второго фронта, то Советская Армия сама может

сломать хребет фашистскому зверю, а это обернется для них проигрышем. И они зашевелились.

В формировании общественного мнения играли немалую роль западные корреспонденты, аккредитованные в СССР. Среди них был с самого начала войны американский журналист Уолтер Керр (род. в 1911 году). Репортажи и обзоры У. Керра публиковались во влиятельной газете «Нью-Йорк геральд трибюн». Советские люди уважали этого американца за дотошность, честную и дружественную информацию. Она многое меняла во взглядах и настроениях общественности США. Его сообщения отмечены были порой романтическим взлетом, он удачно раскрывал моменты, связанные с характером войны. Уолтер Керр даже иногда цитировал лирические стихи Константина Симонова.

Во время битвы на Волге многим аккредитованным в нашей стране заморским репортерам по их просьбе разрешено было посмотреть все на месте. Я помню одну такую группу журналистов из двадцати человек, тепло одетых, закутанных в шарфы. Они с блокнотами в руках осматривали окопы, блиндажи, трофейное оружие, беседовали с вояками бывшей 6-й армии.

— Фюрер — великий человек и, если у вас есть на этот счет сомнения, их придется отбросить,— прорычал тип в натянутой на уши суконной пилотке.

Английский журналист — Александр Верт, подышав на закоченевшие пальцы, внес эту фразу генерал-лейтенанта фон Арнима в свою записную книжку.

Позже Александр Верт, смеясь над чванливым битым генералом, с восхищением писал о необыкновенном личном мужестве советских бойцов. «Мы поднялись,— писал он,— на страшные склоны Мамаева кургана... Сколько тысяч снарядов рвало эту землю, на которой каких-нибудь полгода назад зрели арбузы? Но советский солдат устоял...»

Поднимался на Мамаев курган и мистер Керр. Он тоже мог кое-что увидеть и запомнить.

Благодаря усилиям и таланту таких людей, как Александр Верт и Уолтер Керр, возник в сорок пятом «Дух Эльбы». При сообщениях об успехах союзников у наших воинов оживлялись лица, загорались глаза.

В то время живо обсуждалось обращение генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса к немецкому народу и военнопленным немецким офицерам и солдатам, на-

ходившимся в СССР. 14 августа 1944 года Паулюс заявил, что Германия должна устранить Гитлера и установить новое государственное руководство.

Правда, чтобы не согрешить против истины, я должен сказать, что у Керра, рядом с точными наблюдениями, верными оценками, встречались и нелепости. Иначе и не могло быть. Мы не питали иллюзий: знали о сходстве, знали и о разнице наших представлений о войне и ее целях. Старались не замечать керровских заскоков.

Повторяю: «Дух Эльбы» был во многом заложен такой американской прогрессивной литературой, как книга Уолтера Керра «Русская армия», опубликованная в Нью-Йорке в 1944 году. Он ее издал сразу же после возвращения из СССР. В ней преобладала конкретная и честная правда.

Потом пришла добытая большими жертвами Победа.

Потом прозвучала печальная и зловещая речь У. Черчилля в Фултоне, ставшая манифестом холодной войны. Были и горячие войны, развязанные американским империализмом,— в Корее, во Вьетнаме, в Гренаде, на Ближнем Востоке...

Как-то недавно, оказавшись в Германской Демократической Республике, я со своими немецкими друзьями посетил Эйленбург и Торгау. Нас провели к памятнику, воздвигнутому в этих местах в честь встречи советских и американских войск на Эльбе. В этой точке закончилась работа по освобождению европейской земли от коричневой заразы. У постамента лежали букеты гвоздик, и мы были взволнованы.

Мамаев курган на Волге — и этот пункт! Путь между этими точками потребовал много страданий и крови.

Обреченность солдат вермахта, рвавшихся одержимо к великой русской реке Волге, их духовную опустошенность и моральную надломленность с болезненной остротой отражают страницы романа «Сталинград», принадлежащего перу западногерманского писателя Теодора Пливира[1]. Ограниченность мировоззрения этого художника не позволила ему осудить грабительские цели войны, развязанной нацистской Германией, но он, как

---

[1] Theodor Plievier. Stalingrad. Aufbau — Verlag. Berlin und Weimar. 1984.

анархо-радикалист, проклял саму войну, где в её пламени бесплодно сгорели миллионы молодых жизней.

В годы войны автора «Сталинграда», Пливира, самого гнули в дугу огонь и холод. «Он был знатоком материи романа»,— замечает Герман Кант. Пливер показал войну как вершину людского бедствия, и сказал свое слово о способности человека выжить в кипящей лаве, если он хочет спастись. Рукопись романа чуть ли не тридцать лет лежала под спудом. Но время потребовало ее обнародования, потребовало напомнить человечеству о трагедии Сталинграда, и, разумеется, тем самым призвать к благоразумию тех, кто со слезами умиления на глазах наблюдал процедуру паломничества вашингтонского правителя в Битбург на военное кладбище, чтобы почтить память эсэсовских палачей.

Человеку, если он честен, ничто не мешает видеть истину.

К сожалению, я не знаю, чем жил первые послевоенные годы Уолтер Керр. Долго ли он оставался прежним, или в чем-то менялся? За четыре десятилетия, в плане общей эволюции человеческой личности, все могло произойти. И, несомненно, произошло.

Рост оголтелого милитаризма в Северной Америке, шантаж, политические спекуляции — этот процесс, эта атмосфера отравляли Уолтера Керра. А тут еще «самгинская» позиция. Та позиция, которая была определена великим Горьким, как гипертрофированное самомнение,— нередкое явление в среде буржуазной интеллигенции. Бывший прогрессивный публицист и историк, в угоду военному бизнесу, сделал попытку задним числом переписать историю, создать свою модель второй мировой войны, свою фальсифицированную версию хода Сталинградской битвы. Под его пером белое почернело, а черное побелело.

Вслед за битыми фашистскими генералами Уолтер Керр стал сетовать по поводу распыления сил вермахта в летней кампании 1942 года, нарушения принципа их массирования, намекать на многократное превосходство советских войск в численности и вооружении.

Выдуман был ложный тезис о «таинственных резервах», якобы имевшихся в Советском Союзе и определивших исход сражения на Дону и Волге. Из этой предпосылки и выводы: русские, мол, «коварны», русские «неискренни», союзники напрасно им верили и помогали.

Свои идейки изложил, сделал их гвоздем Уолтер Керр в своей книге «Секрет Сталинграда», выпущенной в 1978 году в США. Ее потом перевели на немецкий язык и издали в ФРГ с подзаголовком «Закулисная сторона одной решающей битвы». Эту книгу нам, ветеранам войны, хорошо знающим истину, просто неловко брать в руки. Да и каждому уважающему себя читателю.

Керр пишет, что благодаря своей исключительной проницательности ему удалось ныне раскрыть «секреты» советских побед. Под Сталинград якобы была брошена 1,5-миллионная армия советского резерва. А что было на самом деле? Как свидетельствуют широко известные данные, соотношение сторон в личном составе к началу контрнаступления выглядело следующим образом: в полосе Юго-Западного фронта—1:1,1 в пользу противника, в полосе Донского фронта —1,5:1, в полосе Сталинградского фронта —1,1:1 в нашу пользу.

Дело, как видно, не в мифическом численном превосходстве, а в том, что источником мощи наших войск было их неукротимое патриотическое стремление очистить свою землю от фашистских захватчиков, народный характер освободительных боев. Это достойно оценивали в тот период главы и видные деятели государств антигитлеровской коалиции.

Президент США Ф. Рузвельт отмечал: «В течение многих месяцев, несмотря на громадные потери материалов, транспортных средств и территории, Красная Армия не давала возможности самому могущественному врагу достичь победы. Она остановила его под Ленинградом, под Москвой, под Воронежем, на Кавказе, и, наконец, в бессмертном Сталинградском сражении Красная Армия не только нанесла поражение противнику, но и перешла в великое наступление... Красная Армия и русский народ наверняка заставили вооруженные силы Гитлера идти по пути к окончательному поражению и завоевали на долгие времена восхищение народа Соединенных Штатов».

Эти слова американского президента приводятся в книге Эдварда Стеттиниуса «Рузвельт и русские». Стеттиниус, представитель большого бизнеса США, занимал различные государственные должности, а в 1944—1945 гг. был государственным секретарем США. Так оценивали действия Советского Союза в ту пору в Вашингтоне. Из сказанного следует, что факты — против фальсификаторов.

На Западе, в пропагандистском оркестре, достаточно антисоветчиков, ренегатов, отступников. Услуги сего дурно пахнущего ансамбля щедро оплачиваются в долларах, фунтах и марках. Фронт лжецов и клеветников протянулся от фараона из Белого дома до литературного власовца Солженицына.

Нет, не место среди таких, когда-то дышавшему гарью великих освободительных битв, ветерану мировой прогрессивной прессы Уолтеру Керру!

Мы продолжаем верить, что У. Керр, безусловно, был искренним, создавая принесшую ему известность книгу «Русская армия».

Мы храним ее, как дорогое и многозначительное свидетельство скрепленного кровью в совместной антифашистской борьбе американо-советского сотрудничества. «Таинственные резервы?» Вы же, уважаемый мистер Керр, прекрасно знали и знаете их! Вы когда-то о них прямо писали: «Главный резерв — высокий моральный дух советских людей».

Давайте раскроем книгу молодого Керра «Русская армия». Вот что там написано: «Русский солдат знал, что на его Родину посягнул вероломный захватчик, враг, нарушивший советско-германский договор о ненападении. Этот враг устремился через границу на рассвете 22 июня 1941 года, чтобы опустошать дома и деревни, убивать мужчин, женщин и детей. У русского солдата было два пути: либо стать рабом, либо оказать сопротивление. Он выбрал второй».

«Он выбрал второй»,— это слова Керра. Мы можем добавить от себя: «И разгромил немецко-фашистские полчища».

Да, гитлеровский «рейх», развязывая агрессивную войну, допустил просчет, переоценил свои силы и возможности и, напротив, недооценил силы и возможности Советской страны.

У. Черчилль и Ф. Рузвельт получали о советской стране все необходимые им данные для их стран. Союзники по антигитлеровской коалиции в этом отношении к нам претензий не имели. В какой мере считали нужным помогать — помогали. Что-то дарили. Дареному коню в зубы не смотрят. Так зачем же наводить, как говорится, тень на ясный день?!

Разоблачать фальсификаторов, показывать всесторонне ход событий, вскрывать истоки победы, преимуществ советской военной организации — дело историков.

Я же, как литератор, относящийся к тому поколению людей, которое знает войну не понаслышке, а наяву, отдавший ей годы жизни, посчитал необходимым поведать об этом же в доступной мне форме беллетризованного свидетельства.

Я обязан был сделать это. Видел в этом долг старших перед молодым поколением. По-моему, хорошо написал об этом в своем стихотворении, посвященном маршалу Александру Михайловичу Василевскому, неустрашимый командир взвода артиллерийской батареи Николай Борисов[1], мой друг, участник боев на Дону и Волге:

Мы к черте роковой
подходили в сражениях
близко,
Не жалея себя,
хоронили друзей и родных:
На дорогах войны,
возвышается строй
обелисков.
Мы остались в живых,
чтобы дышать и трудиться
за них.
Много лет миновало
со светлого мая Победы,
Но и в мирные дни
боевая нужна высота.
Край передний пролег
через сердце
немеркнущим следом,
И у нас, ветеранов,
бессонная совесть чиста.
Сколько в памяти нашей
картин незабвенных осталось!
Не забыть эшелонов в ночи
И солдатскую нашу семью.
Тяжесть лет отшумевших,
Окопную нашу усталость.
Комсомольскую юность
И раннюю зрелость в бою...
Мы не отдали дань
пенсионным уютным
квартирам:
Не к покою — к трудам
и тревогам зовет седина.

---

[1] Ныне Борисов Н. А.— заслуженный учитель РСФСР, директор ордена Трудового Красного Знамени 201-й московской средней школы имени Героев Советского Союза Зои и Александра Космодемьянских.

Коль народ наш гордится
в боях завоеванным миром,
То в его торжестве
Нашей крови частица видна.

II

Как журналисту, мне посчастливилось взять у маршала А. М. Василевского интервью в 1977 году. По поручению редакции казахстанского журнала «Простор» я передал маршалу вопросы, которые он счел заслуживающими внимания и подробно ответил на них. Отвечая на вопросы, маршал вспоминал Казахстан, о чем помнят читатели журнала[1].

Рассказывая о ходе войны, о стойкости, мужестве нашего народа на фронте и в тылу, о вкладе в великое дело победы трудящихся восточных районов страны, в своем интервью маршал отмечал:

«Промышленность Урала, Сибири, Алтая, Дальнего Востока, Казахстана служила надежной кузницей всех видов современного оружия. Армию требовалось одеть, обуть, вооружить, накормить — все это армия наша имела. Советские люди, самоотверженно работая в тылу, проявляли величайшую заботу о защитниках Родины, порой отказывая себе в самом необходимом. Ко времени Сталинградского сражения страна переживала значительные экономические трудности в связи с потерей восточной части Донбасса, угрозой работе нефтепромыслов на Северном Кавказе, потерей сельскохозяйственных районов юга страны, а также выводом из строя сталинградского промышленного центра. Не случайно летом 1942 года было сформулировано требование: «Ни шагу назад!»

В восточных районах создавались новые формирования, необходимые для фронта. Великий подвиг героев-панфиловцев под Москвой нашел отклик в сердцах воинов-сталинградцев. На дальних подступах к Сталинграду было немало образцов большого героизма солдат и офицеров, выполнявших приказ «Ни шагу назад!»

Маршалу был задан вопрос:

«Какой период войны был для вас самым напряженным?»

Он ответил:

---

[1] «Простор», № 5 за 1979 год.

«Война требовала от всех ее участников максимума отдачи физических и моральных сил. Так что моя личная судьба в этом отношении не является исключением. Но скажу, что дни и ночи, когда происходили Московская и Сталинградская битвы, были для меня, пожалуй, наиболее трудными. Эти трудности осложнялись той огромной ответственностью, которая возлагалась на тех, кто руководил операциями. Я был в числе этих лиц».

Я спросил:

«Вы являетесь автором замечательной книги «Дело всей жизни». Что вы хотели бы сказать о книге вообще, ее месте в формировании лучших черт характера советского воина?

Александр Михайлович ответил:

«Коротко могу сказать следующее. Поколение тех, кто сражался на фронтах против гитлеровского фашизма, было воспитано на таких выдающихся творениях, как «Чапаев» Дмитрия Фурманова, «Разгром» Александра Фадеева, «Железный поток» Александра Серафимовича; на произведениях Михаила Шолохова, Алексея Толстого, Николая Островского и других. Показав войну и революцию, эти художники раскрывали характер советского бойца. Картины справедливой революционной войны совмещались с образами бесстрашия, героизма. Реалистические литературные образы героев являлись прекрасным примером для подражания. В годы войны появилось много книг, в которых освещались идеи правоты самой беспощадной борьбы против врага, пытавшегося поработить наших людей. Имеются в виду книги Константина Симонова, Бориса Полевого, Александра Кривицкого, Александра Корнейчука, Ильи Эренбурга, Ванды Василевской. Лучшие книги советских писателей, их повести, рассказы, стихи, песни, советская печать состояли на повседневном вооружении у наших командиров и политработников. Воины коммунисты, комсомольцы в своих частях и подразделениях заботились о том, чтобы в час отдыха было что прочесть, горячим правдивым словом поднимали своих товарищей на выполнение приказов командования, на подвиг беспримерный.

Меня интересовало мнение маршала по такому вопросу:

«Что вы можете сказать о советском солдате, о значении военно-патриотического воспитания подрастающего поколения на революционных и боевых традициях?

Каков ваш наказ советской молодежи и молодым воинам, стоящим на страже мирного созидательного труда строителей коммунизма?

Ответ был таким:

«...Я часто думаю о нашем солдате. По характеру своей военной деятельности мне не приходилось бывать вместе с солдатами в окопах, есть из одного котелка... Но, разрабатывая планы генеральных наступлений, находясь у истоков стратегических замыслов, я мысленно всегда взвешивал возможности солдат, думал о них...

О нынешней молодежи скажу вот что. Советский народ, воспитанный партией в духе ленинских заветов, в духе любви к родному Отечеству, успешно осуществляет грандиозные планы коммунистического строительства. Символами нашей эпохи стали освоение космоса, такие великие стройки, как Байкало-Амурская магистраль, расцвет ранее пустовавших целинных земель и многое другое.

Нам, людям старшего поколения, особенно радостно видеть славные дела советской молодежи. Наша молодежь достойно продолжает дело Великого Октября, ее вдохновляют образы защитников советской земли в годы войны с гитлеровским фашизмом и японским милитаризмом.

Нас радует сегодняшнее поколение советских воинов, их девиз «Осваивать современную технику, быть готовым защищать завоевания Октября». И когда это требуется, наш солдат честно и самоотверженно выполняет свой воинский долг. Нет необходимости приводить примеры, их множество. Для нынешних солдат и офицеров характерны дисциплинированность, хорошая теоретическая подготовка, любознательность, упорство. Они находят время для учебы, отдыха, реализации новаторских замыслов.

Такой запас физической и духовной прочности порожден нашим социалистическим образом жизни».

Весной 1977 года у нас еще была переписка с маршалом. Его интересовало многое. Но главное, что волновало его — мир на земле.

Здоровье маршала, подорванное лишениями, пережитыми на фронтах, ухудшилось.

Маршал писал:

«Уважаемый Василий Ефимович!

Простите, что из-за моей болезни врачи лишили меня встречи с Вами... За последние дни, после очередного

воспаления легких, я хотя и в спальне, но уже за столом, смог не только закончить, но и сдать издателям свою небольшую книжку «О советском патриотизме».

Благодарю Вас за Ваше внимание ко мне...

С сердечным приветом

А. Василевский.

6 марта 1977 г.»

Александр Михайлович любил жизнь во всех ее проявлениях. О войне говорил, как о страшном бедствии, тяжелом испытании, как о противоестественном состоянии общества. Неспокойная планета, происки и авантюры поджигателей войны волновали его. Старый больной полководец старался отвлечься, забыться в чтении книг, книг о высоких идеалах, о природе. Трогательно звучат строки его письма, присланного мне после того, как я подарил его внучке альбом «Животные Казахстана», выпущенный республиканским издательством «Наука».

«Я, Екатерина Васильевна (супруга маршала — *В. С.)* и Анюта,— писал Александр Михайлович,— вся наша семья тронуты Вашим вниманием к нам. Крайне сожалею, что болезнь не позволила ранее отблагодарить Вас за это. Особую свою благодарность шлет Вам любимая наша внучка Анюта за Ваш чудесный подарок. Она безумно любит природу. Брем из девушкиной библиотеки — большой ее друг. Тем особенно ценен для нее Ваш подарок.

Я и Екатерина Васильевна благодарим Вас за все остальное.

С сердечным приветом

А. Василевский.

15 мая 1977 года.»[1].

В «Политиздате» мне рассказывали, что неудовлетворенный первоначальным вариантом рукописи, А. М. Василевский принялся за ее коренную переработку. Дополнял разделы, наметил новые главы. Закончить задуманного он не успел.

5 декабря 1977 года А. М. Василевский скончался. В некрологе, опубликованном в «Правде», о нем говорилось: «...С его именем связана разработка и осуществле-

---

[1] Архив автора.

ние стратегических операций, ставших поворотными этапами Великой Отечественной войны,— Сталинградской и Курской битв, освобождение Белоруссии, Украины и Прибалтики. Как представитель Ставки Верховного Главнокомандования, он умело координировал боевые действия различных фронтов. В 1945 году под его непосредственным командованием войска третьего Белорусского фронта завершили разгром восточно-прусской группировки противника и штурмом овладели городом-крепостью Кенигсберг.

После победы над фашистской Германией маршал Василевский назначается главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке...

В послевоенные годы А. М. Василевский, занимая ряд высоких должностей, будучи военным министром, внес большой вклад в строительство Вооруженных Сил и укрепление оборонного могущества Советского государства, в использование бесценного опыта Великой Отечественной войны, обучения и воспитания советских воинов.

...А. М. Василевский вел большую творческую работу, много сил отдавал военно-патриотическому воспитанию советских людей...».

Александр Михайлович говорил нам, что у советского народа — великая военная история, которой мы гордимся. Эта история справедливых и победоносных войн в защите родной земли. Новые поколения советских людей должны знать, осваивать эти бесценные уроки истории. Они принадлежат настоящему и будущему.

Помня совет маршала участникам войны, прежде всего фронтовикам-сталинградцам,— делать все для патриотического воспитания советской молодежи, я написал эту книгу...

Волгоград — Москва — Алма-Ата.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Василий Ефимович Скоробогатов

СЕКРЕТ СТАЛИНГРАДА

Редакторы
А. Загородний, Е. Мосина
Художники
М. Искаков, Л. Тетенко
Художественный редактор
К. Зульпикаров
Технический редактор
В. Юрьева
Корректор
Д. Аханькова

ИБ № 3366

Сдано в набор 01.11.85. Подписано к печати 04.04.86. УГ 18121. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1 и № 3. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 17,6. Усл. кр.-отт. 17,8. Уч.-изд. л. 18,6. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3416. Цена 1 р. 60 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Жазушы» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «КIТАП» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41.

Скоробогатов Василий.

С 44 Секрет Сталинграда: Полит. роман. 2-ое изд., доп.— Алма-Ата: Жазушы, 1986.—336 с., ил., портр.

Действие романа Василия Скоробогатова относится к 1942 году (Сталинградская битва). Сюжет книги строится вокруг плана генерального штаба сухопутных сил гитлеровской Германии закончить Восточную кампанию у излучин Дона, на средней и нижней Волге.

Роман «Секрет Сталинграда» — военно-патриотическое произведение, в котором раскрываются высокие морально-политические качества советского воина, его стойкость и храбрость, превосходство советской военной доктрины перед порочной захватнической «доктриной» гитлеровского командования.

С $\frac{4702010200-073}{402(05)-86}$ 156—86 84Р7—44—63.3(2)722.72

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Просим отзывы об этой книге — её содержании и оформлении—присылать по адресу: 480124, г. Алма-Ата, проспект Абая, 143, издательство «Жазушы»

Все замечания о полиграфическом исполнении книги присылайте по адресу: 480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41.

1р.60к.

В. СКОРОБОГАТОВ • СЕКРЕТ СТАЛИНГРАДА